

В джунглях Африки. Генрик Сенкевич

I

– Знаешь, Нель, – сказал Стась Тарковский своей подруге, юной англичанке, – вчера приходили за тобой [1] и арестовали жену смотрителя Смаина и троих ее детей, – знаешь, ту Фатьму, которая приходила уже несколько раз в контору к нашим папам.

Маленькая, похожая на картинку Нель подняла свои зеленоватые глаза на Стася и спросила не то с удивлением, не то со страхом:

– И взяли в тюрьму?

– Нет, велели только, чтоб она не уезжала в Судан; приехал чиновник и будет стеречь ее, чтоб она ни на шаг не трогалась из Порт-Саида.

– А почему?

Стась, которому было уже четырнадцать лет и который очень любил свою восьмилетнюю подругу, но считал ее еще совсем ребенком, ответил с важным видом:

– Когда ты вырастешь большая, как я, тогда ты будешь знать все, что делается не только вдоль канала, от Порт-Саида до Суэца, но и во всем Египте. Ты разве ничего не слышала о Махди? [2]

– Слышала, что он некрасивый и нехороший.

Мальчик снисходительно улыбнулся.

– Красив он или некрасив – я не знаю. Суданцы говорят, что он красавец. Но сказать только «нехороший» о человеке, который истребил уже столько людей, может только восьмилетняя девочка в таком вот коротеньком платьице – до колен!

– Папа так сказал, а папа хорошо знает.

– Он тебе так сказал, потому что иначе ты бы не поняла. Мне бы он так не сказал. Махди хуже, чем целое стадо крокодилов. Понимаешь? Хорошо сказано: «нехороший». Так говорят малышам, которые еще мало понимают.

Но, увидев огорченное лицо девочки, Стась замолчал, а потом сказал:

– Нель! Ты ведь знаешь, что я не хотел тебя обидеть. Придет время, и тебе тоже будет четырнадцать лет, как мне. Наверное.

– Да! – ответила Нель с встревоженным личиком. – А если до тех пор Махди нападет на Порт-Саид и скушает меня?

– Махди не людоед и не ест людей, а только убивает. И на Порт-Саид он не нападет. А если б и напал и захотел тебя убить, то ему прежде всего пришлось бы иметь дело со мною!

Это заявление и не предвещавший ничего доброго для Махди свист, который издал Стась, значительно успокоили Нель насчет ее безопасности.

– Знаю, – сказала она. – Ты не дашь меня в обиду. Но почему все-таки не пускают Фатьму из Порт-Саида?

– Потому что Фатьма – двоюродная сестра Махди. Ее муж, Смаин, сказал египетскому правительству в Каире, что поедет в Судан, где находится Махди, и выговорит свободу всем европейцам, которые попали в его руки.

– Значит, Смаин добрый!

– Постой! Твой и мой папа хорошо знали Смаина и совсем ему не верили; они предостерегали и Нубара-пашу, чтоб он ему тоже не доверял. Но правительство согласилось послать Смаина, и Смаин вот уже полгода как находится у Махди. А пленники не только не вернулись из Хартума, но пришло известие, что махдисты обходятся с ними ужасно жестоко, а Смаин взял у правительства деньги и изменил. Он совсем перешел на сторону Махди и назначен эмиром. Говорят, что в той страшной битве, в которой погиб генерал Гайкс, Смаин командовал артиллерией Махди и будто он научил махдистов обращаться с пушками, чего они прежде, как дикари, совсем не умели. Но Смаину хочется теперь, чтоб его жена и дети выбрались из Египта. Так вот, когда Фатьма, – а она, наверно, знала раньше, что сделает Смаин, – хотела потихоньку уехать из Порт-Саида, правительство и арестовало ее вместе с детьми.

– А какая им польза от Фатьмы и ее детей?

– Правительство скажет: «Отдай нам пленников, а мы отдадим тебе Фатьму...»

Беседа на время прекратилась, так как внимание Стася привлекли к себе птицы, летевшие со стороны Эхтум-ом-Фарага к озеру Мензале. Они летели довольно низко, и в прозрачном воздухе можно было ясно различить несколько пеликанов с загнутыми на спину шеями, медленно шевеливших своими огромными крыльями. Стась, подражая их полету, задрал голову и побежал по насыпи, размахивая руками.

– А вот летят фламинго! – закричала вдруг Нель.

Стась сразу остановился, так как за пеликанами, только немного выше, видны были в воздухе как бы два больших розово-пурпурных цветка.

– Фламинго! Фламинго!

– Это они возвращаются к вечеру в свои гнезда на островках, – сказал мальчик. – Погоди, пойдем дальше; может быть, мы увидим их больше.

Сказав это, он взял девочку за руку, и они пошли вдоль канала по направлению к первой пристани за Порт-Саидом, а за ними последовала негритянка Дина, бывшая когда-то кормилицей маленькой Нель. Они пошли по дамбе, отделявшей воды озера от канала, по которому плыл в это время, управляемый лоцманом, большой английский пароход.

Близился вечер. Солнце стояло еще довольно высоко, но спускалось уже в сторону озера. Солоноватые воды последнего начинали сверкать золотом и трепетать радужными красками павлиньих перьев. Вдоль аравийского берега тянулась куда ни кинешь глазом серая песчаная пустыня – глухая, зловещая, мертвая. Между стеклянным, точно вымершим небом и безбрежным морем песчаных валов не было ни следа живого существа. В то время как на канале кипела жизнь, сновали лодки,

раздавались свистки пароходов, а над Мензале реяли на солнце стаи чаек и диких уток, – там, на аравийском берегу, была точно страна смерти. Лишь по мере того как солнце, спускаясь, становилось все багровее, пески начинали приобретать лиловую окраску, похожую на цвет вереска осенью.

По дороге к пристани дети увидели еще несколько фламинго. Наконец Дина заявила, что Нель пора уже возвращаться домой. В Египте после дня, даже зимой нередко очень знойного, наступает очень холодная ночь; а так как здоровье Нель требовало большой осторожности, то отец ее, мистер Роулайсон, не позволял девочке оставаться после заката солнца вблизи воды. Поэтому дети повернули к городу, на окраине которого, неподалеку от канала, находилась вилла мистера Роулайсона, – и в тот самый момент, когда солнце окунулось в море, они были уже под крышей дома. Вскоре явился туда также приглашенный к обеду пан Тарковский, отец Стася, – и все общество, вместе с француженкой, учительницей Нель, мадам Оливье, село за стол.

Мистер Роулайсон, один из директоров компании Суэцкого канала, и Владислав Тарковский, старший инженер той же компании, жили уже много лет в самой тесной дружбе. Оба были вдовцами; госпожа Тарковская, француженка родом, умерла в момент рождения Стася, то есть с лишком тринадцать лет тому назад, а мать Нель умерла от чахотки в Гелуане, когда девочке было три года. Оба вдовца жили в Порт-Саиде рядом в двух соседних домах и, по характеру своих занятий, встречались ежедневно. Общее горе сблизило их еще больше и упрочило еще до того начавшуюся дружбу. Мистер Роулайсон полюбил Стася как собственного сына, а пан Тарковский пошел бы в огонь и в воду за маленькую Нель. По окончании дневных занятий самым приятным отдыхом для них был разговор о детях, об их воспитании и будущем. Во время этих разговоров мистер Роулайсон расхваливал большей частью способности, энергию и ловкость Стася, а пан Тарковский восхищался добротой и ангельским личиком Нель. И то и другое было справедливо. Стась был немного слишком самоуверен и хвастлив, но учился превосходно, и учителя в английской школе в Порт-Саиде, которую он посещал, признавали за ним действительно недюжинные дарования. Смелость и находчивость он унаследовал от отца, так как пан Тарковский обладал этими качествами в высокой мере, и в значительной степени именно им был обязан своим настоящим высоким положением. В 1863 году он сражался без отдыха в течение одиннадцати месяцев. Раненный и взятый затем в плен, он был приговорен к ссылке в Сибирь, но бежал из глубины России и пробрался за границу. Еще до участия в мятеже он имел уже инженерский диплом, но тем не менее посвятил еще год изучению за границей гидравлических сооружений, после чего вскоре получил место при канале и в течение нескольких лет, – когда познакомились с его знанием дела, энергией и трудолюбием, – занял высокое положение старшего инженера.

Стась родился, вырос и воспитывался до четырнадцатилетнего возраста в Порт-Саиде, над каналом, благодаря чему инженеры, сослуживцы отца, называли его «сыном пустыни». Впоследствии, когда он был уже в школе, он сопровождал иногда отца или мистера Роулайсона на каникулах и во время праздников в экскурсиях, которые им приходилось совершать по долгу службы от Порт-Саида до самого Суэца для осмотра работ по устройству дамбы и по углублению дна канала. Он знал всех инженеров и таможенных чиновников, рабочих, арабов и негров. Он вертелся и залезал всюду, появлялся непрощеный везде, уходил надолго куда-нибудь вдоль насыпи, катался на лодке по Мензале и забирался иногда довольно далеко. Иногда он переправлялся на аравийский берег, и когда ему попадалась чья-нибудь лошадь, – а если не лошадь, то верблюд или даже осел, – он садился верхом и изображал странствующего пророка в пустыне, – словом, как выражался пан Тарковский,

«рыскал» повсюду и каждую свободную от ученья минуту проводил над водой.

Отец не препятствовал этому, зная, что гребля на лодке, катанье верхом и постоянное пребывание на свежем воздухе укрепляют здоровье мальчика и развивают в нем смелость и предприимчивость. Стась действительно был выше и сильнее, чем бывают мальчики в его возрасте, и достаточно было заглянуть ему в глаза, чтоб догадаться, что в случае какой-нибудь опасности он скорее согрешит излишней смелостью, чем трусостью. На четырнадцатом году он был одним из лучших пловцов в Порт-Саиде, что означало очень много, потому что арабы и негры плавают как рыбы. Стреляя из ружья малого калибра и только пулями в диких уток и египетских гусей, он выработал себе меткий глаз и руку. Его мечтой было поохотиться когда-нибудь на крупных зверей в Центральной Африке; пока же он с жадностью слушал рассказы работающих при канале суданцев, которые встречались на своей родине с огромными хищниками и толстокожими. Эти беседы имели еще и то полезное следствие, что он учился в то же время понимать и говорить на языках чернокожих. Недостаточно было прорыть Суэцкий канал, – надо еще защищать его от песков пустыни, которые засыпали бы его в течение одного года. Великое творение инженера Лессепса требует постоянного труда и внимания, и поныне еще над углублением его русла работают, под присмотром опытных инженеров, огромные машины и тысячи рабочих. При прорытии канала их работало двадцать пять тысяч. Теперь, когда он уже окончен, и при более усовершенствованных машинах, их нужно значительно меньше, но все же и сейчас их там тоже немало. Преобладают между ними местные туземцы, попадаются, однако, и нубийцы, и суданцы, и сомалийцы, и негры из разных племен, живущих вдоль Белого и Голубого Нила, то есть в местностях, которые до восстания Махди были заняты египетским правительством. Стась жил со всеми запанибрата и, обладая, как большинство поляков, необычайными способностями к языкам, выучился, сам не зная как и когда, многим наречиям. Родившись в Египте, он говорил по-арабски, как араб; от занзибарцев, которых много служило кочегарами при машинах, он перенял очень распространенный во всей Центральной Африке язык кисвахили; он умел сговориться даже с неграми из племен динка и шиллюк, живущих по берегу Нила ниже Фашоды. Кроме того, он бегло говорил по-английски, по-французски и по-польски, так как отец его, горячий патриот, много заботился, чтоб его сын знал родной язык.

Стась учил ему, не без успеха, и маленькую Нель, но только никак не мог добиться, чтобы она выговаривала его имя «Стась», а не «Стэсь». Иногда у них доходило из-за этого до маленьких размолвок, которые длились, однако, лишь до тех пор, пока в глазах девочки не начинали блестеть слезы. Тогда «Стэсь» просил у нее прощения и сердился на самого себя.

Была у него, однако, нехорошая привычка – пренебрежительно говорить о ее восьми годах и противопоставлять им свой солидный возраст и опыт. Он утверждал, что мальчик, когда ему исполнилось тринадцать лет, – если еще не совсем взрослый, то, во всяком случае, уже не ребенок и способен на всякие геройские подвиги. И ему ужасно хотелось, чтоб когда-нибудь представилась возможность проявить это геройство, особенно защищая Нель. Оба придумывали всевозможные опасности, и Стась должен был отвечать на ее вопросы, что бы он, например, сделал, если бы к ней в комнату залез через окно крокодил в десять метров длины или скорпион, большущий, как собака.

Ни тому ни другому не приходило в голову, что вскоре грозная действительность превзойдет все их самые фантастические предположения.

Дома за обедом их ждала приятная новость. Пан Тарковский и мистер Роулайсон были приглашены несколько недель тому назад египетским правительством в качестве инженеров-экспертов для осмотра и оценки работ, которые велись вдоль целой сети каналов в провинции Эль-Файум, в окрестностях города Мединет, близ озера Кароуна и вдоль берегов Юссефа и Нила. Им предстояло провести там около месяца, на что они получили отпуск от своей компании. Оба, не желая расставаться с детьми, решили, что Стась и Нель тоже поедут в Мединет. Услышав эту новость, дети пришли в неописуемый восторг. До сих пор они знали города, расположенные вдоль канала: Измаилию и Суэц, а за каналом – Александрию и Каир, в окрестностях которого они осматривали огромные пирамиды и Сфинкса. Но это были непродолжительные экскурсии. Поездка же в Мединет-эль-Файюм требовала целого дня езды по железной дороге, вдоль Нила на юг, а потом, от Эль-Васта, на запад, к Ливийской пустыне. Стась знал Мединет по рассказам младших инженеров и путешественников, которые ездили туда охотиться на всякого рода водную птицу и на шакалов и гиен пустыни. Он знал, что это большой, отдельный оазис, расположенный по левому берегу Нила, не зависящий от его разливов и имеющий собственную водную систему, образуемую озером Кароуном, речкой Баар-Юссеф и целой сетью мелких канальцев. Те, кто видел этот оазис, говорили, что хотя эта область относится к Египту, но, отделенная от последнего пустыней, она составляет самостоятельное целое. Только река Юссеф связывает как бы голубой тонкой нитью эту местность с долиной Нила. Большое обилие вод, плодородность почвы и великолепная растительность превращают ее как бы в земной рай, а раскинутые на большое пространство развалины города Крокодилополиса привлекают туда сотни любопытных путешественников. Стасю, однако, улыбались главным образом берега озера Кароуна с огромным множеством всякой птицы и с охотой на шакалов среди пустынных холмов Гвэбель-эль-Седмента.

Но каникулы у него начинались лишь через несколько дней. А так как осмотр работ на канале был делом очень спешным и обоим инженерам нельзя было терять времени, то они условились, что сами поедут немедленно, а дети вместе с мадам Оливье – через неделю. И Нель и Стасю очень хотелось ехать сейчас, но Стась не решался просить об этом. Они начали расспрашивать о разных подробностях, касавшихся этого путешествия, и с новым порывом восторга встретили известие, что будут жить не в удобных, содержимых греками гостиницах, а в палатках, которые доставит «Бюро путешествий» Кука. Так обыкновенно устраиваются путешественники, которые, уезжая из Каира в Мединет, рассчитывают пробыть там довольно долго, – Кук доставляет им палатки, прислугу, поваров, запасы провианта, лошадей, ослов, верблюдов и проводников, так что путешественникам не приходится ни о чем заботиться. Правда, такого рода путешествия обходятся довольно дорого, но пану Тарковскому и мистеру Роулайсону не приходилось с этим считаться, так как все расходы несло египетское правительство, пригласившее их в качестве экспертов. Нель, которой больше всего на свете нравилось ездить на верблюде, получила обещание от отца, что ей будет предоставлен отдельный горбатый бегун, на котором она, вместе с мадам Оливье или с Диной, а иногда и со Стасем, будет принимать участие в общих экскурсиях в ближайшие окрестности пустыни и к озеру Кароуну. Стасю пан Тарковский пообещал, что позволит ему как-нибудь ночью пойти на шакалов и если он принесет из училища хорошие отметки, то получит настоящий английский штуцер и все охотничьи принадлежности. Так как Стась был уверен в своих отметках, то сразу стал считать себя обладателем штуцера и строил планы о том, как он совершит с ним множество замечательных и великих подвигов.

За такими планами и беседами счастливые дети провели весь обед. Всего меньше радости по поводу предстоящей поездки проявляла мадам Оливье, которой не особенно хотелось трогаться из комфортабельной виллы в Порт-Саиде и которую ужасала мысль прожить несколько недель в палатке, и особенно – предполагаемые

экскурсии на верблюдах. Ей уже приходилось несколько раз кататься на них, как делают из любопытства обыкновенно европейцы, живущие в Египте, но каждый раз эти попытки кончались неблагоприятно. Один раз верблюд поднялся слишком рано, когда она не успела еще хорошо усестыся в седле, и она скатилась через его спину на землю. В другой раз дромадер, которого не считали особенно резвым бегуном, растряс ее так, что она два дня не могла прийти в себя. Словом, в то время как Нель после двух-трех прогулок, которые разрешил ей мистер Роулайсон, уверяла, что на свете нет ничего восхитительнее этого, у мадам Оливье остались лишь самые неприятные воспоминания.

Она говорила, что это хорошо для арабов или для такой крошки, как Нель, которую может трясти не больше, чем муху, если бы та села на горб верблуду, но не для пожилых, солидных и не слишком легких особ, к тому же имеющих некоторую склонность страдать при качке противной морской болезнью.

А относительно Мединет-эль-Файюма у нее были еще и другие опасения. Дело в том, что в Порт-Саиде, как и в Александрии, Каире и во всем Египте, не говорили ни о чем другом, как о восстании Махди и жестокостях дервишей. Мадам Оливье, не зная хорошо, где находится Мединет, была встревожена, не слишком ли это близко от махдистов, и в конце концов принялась расспрашивать об этом мистера Роулайсона. Но тот только улыбнулся и сказал:

– Махди занят сейчас осадой Хартума, где защищается генерал Гордон. Вы знаете, как далеко от Мединета до Хартума?

– Не имею об этом ни малейшего представления.

– Приблизительно столько, сколько отсюда до Сицилии, – объяснил пан Тарковский.

– Конечно, – подтвердил Стась, – Хартум находится там, где Белый Нил сходится с Голубым и образует с ним одну реку. От нас до него нужно проехать через весь Египет и всю Нубию.

Он хотел еще добавить, что если бы даже Мединет был ближе к охваченным восстанием областям, то ведь он будет там со своим штуцером, но, вспомнив, что за подобное хвастовство он не раз уже получал от отца головомойку, замолчал.

Пан Тарковский и мистер Роулайсон заговорили о Махди и о восстании. Это было очень важное событие, волновавшее весь Египет. Известия из-под Хартума были неутешительны. Войска Махди уже полтора месяца держали город в осаде. Египетское и английское правительства действовали не очень энергично. Новые силы были отправлены только недавно, и все опасались, что, несмотря на славу, храбрость и военный талант Гордона, этот важный город попадет в руки махдистов. Того же мнения был и пан Тарковский, который подозревал, что Англия втайне хочет, чтоб Махди отнял Судан у Египта, для того, чтоб потом отнять его у Махди и сделать эту огромную страну английским владением. Этих подозрений, однако, он не высказывал мистеру Роулайсону.

К концу обеда Стась стал расспрашивать, почему египетское правительство завладело всеми областями, лежащими к югу от Нубии: Кордофаном, Дарфуром и Суданом, вплоть до Альберт-Нианца, – и лишило туземных жителей свободы. Мистер Роулайсон счел своим долгом объяснить ему, что все, что делало египетское правительство, оно делало по указанию Англии, которая распространила над Египтом свой протекторат и в действительности управляла им, как ей было угодно.

– Эти земли большей частью были заселены независимыми племенами негро-арабов, то есть людьми, в которых текла кровь этих обеих рас, – рассказывал он. – Племена эти жили в постоянной вражде. Нападали друг на друга, захватывали лошадей, верблюдов, рогатый скот и, главным образом, невольников. Англия, официально запретившая в пределах своих владений открытую торговлю невольниками, согласилась, чтоб египетское правительство вмешалось в эти отношения между туземцами и заняло Кордофан, Дарфур и Судан. Конечно, это не понравилось туземцам. Нашелся среди них какой-то Мохаммед-Ахмед, которого теперь называют Махди. Он провозгласил газават, то есть священную войну против «неверных», под тем предлогом, что в Египте падает истинная вера Магомета. Все, как один человек, взялись за оружие. И вот разгорелась эта ужасная война, которая, – пока, по крайней мере, – идет очень неудачно для египтян. Махди во всех сражениях разбил войска правительства и занял Кордофан, Дарфур и Судан. Его войска держат теперь в осаде Хартум и углубляются на север, до самых границ Нубии.

– А могут они дойти до самого Египта? – спросил Стась.

– Нет, – ответил мистер Роулайсон. – Махди, правда, объявляет, что завоеует весь мир. Но ведь он – дикарь и ничего толком не понимает. Египта он никогда не займет, потому что этого не допустит Англия.

– А если египетские войска будут совсем разбиты?

– Тогда выступят английские войска.

– А почему Англия позволила Махди занять столько стран?

– Откуда ты знаешь, что она позволила? – ответил мистер Роулайсон. – Англия никогда не торопится, она умеет выжидать.

Дальнейший разговор прервал слуга негр, который сообщил, что пришла Фатъма, жена Смаина, и умоляет принять ее.

Женщины на Востоке занимаются почти исключительно домашними делами и редко даже выходят из гаремов. Только более бедные ходят на базар или работают на полях, как это делают жены феллахов и египетских крестьян, закрывая, однако, при этом лицо покрывалом. Хотя в Судане, откуда была родом Фатъма, этот обычай не соблюдался, и хотя она и раньше приходила в контору мистера Роулайсона, однако приход ее, особенно в такой поздний час в частный дом, вызвал некоторое удивление.

– Узнаем что-нибудь новое о Смаине, – сказал пан Тарковский.

– Да, – ответил мистер Роулайсон, делая знак слуге ввести Фатъму.

Минуту спустя вошла высокая, молодая суданка с совершенно незакрытым, очень темного цвета лицом и чудными, хотя и дикими, недружелюбными глазами. Войдя, она тотчас же упала лицом на землю, а когда мистер Роулайсон велел ей встать, она поднялась, но осталась на коленях.

– Сиди, – сказала она, – пусть Аллах благословит тебя, твое потомство, твой дом и твои сады!

– Что тебе нужно? – спросил инженер.

– Милосердия, спасения и помощи в несчастье, о господин! Меня арестовали здесь, в Порт-Саиде, и гибель висит надо мною и над моими детьми.

– Ты говоришь, что ты арестована. А ведь вот же ты пришла сюда, да еще ночью.

– Меня проводили сюда заптии, которые днем и ночью стерегут мой дом. Я знаю, у них есть приказ в скором времени убить нас.

– Говори как умная женщина, – ответил, пожимая плечами, мистер Роулайсон. – Ты не в Судане, а в Египте. Здесь никого не убивают без суда. Можешь быть уверена, что волос не упадет с головы ни у тебя, ни у твоих детей.

Но Фатьма стала умолять его, чтобы он заступился за нее еще раз перед правительством и выхлопотал разрешение уехать к Смаину.

– Такие великие англичане, как вы, сиди, – говорила она, – все могут. Правители в Каире думают, что Смаин изменил, а это неправда! Вчера у меня были арабские купцы; они приехали из Сонакина, а перед тем покупали каучук и слоновую кость в Судане; они сообщили мне, что Смаин лежит больной в Эль-Фашере и зовет меня с детьми к себе, чтоб благословить их...

– Все это твои выдумки, Фатьма, – перебил ее мистер Роулайсон.

Но она начала клясться именем Аллаха, что говорит правду, а потом заявила, что если Смаин выздоровеет, то непременно выкупит всех пленников-христиан; а если он умрет, то она, как родственница предводителя дервишей, легко найдет к нему доступ и добьется от него всего, что захочет. Пусть ей только позволят уехать, потому что сердце изнывает у нее в груди от тоски по мужу. Чем она, несчастная женщина, провинилась перед правительством и хедивом? Разве она виновата в том и разве может отвечать за то, что имеет несчастье быть родственницей Мохаммеда-Ахмеда.

Фатьма не решалась перед англичанами называть своего родственника именем Махди, так как это значит: «искупитель мира», и она знала, что египетское правительство считает его мятежником и обманщиком. Но, продолжая бить земные поклоны и призывая небо в свидетели своей невиновности и своего несчастья, она начала плакать и жалобно причитать, как делают на Востоке женщины, потеряв своего мужа или сына. Затем она опять упала лицом на землю, или, вернее, на ковер, которым был покрыт пол, и молча ждала.

Нель, у которой к концу обеда немного слипались глазки, совсем очнулась; у нее было доброе сердце, – она взяла отца за руку и, целуя, стала просить за Фатьму.

– Вы ей поможете, папочка! Правда, поможете?

А Фатьма, понимая, по-видимому, по-английски, проговорила, прерывая рыдания и не поднимая лица с ковра:

– Пусть Аллах благословит тебя, райский цветочек, радость Омана, звездочка чистая!

Хотя Стась, по примеру старших, был враждебно настроен против махдистов, однако и он был тронут просьбой и страданиями Фатьмы. К тому же Нель заступалась за нее, а он ведь всегда хотел того, чего хотела Нель. Немного помолчав, он проговорил точно про себя, но так, чтоб его все слышали:

– Я бы на месте правительства не держал Фатьму и позволил бы ей уехать.

– Но так как ты не правительство, – заметил ему пан Тарковский, – то ты лучше сделаешь, если не будешь вмешиваться, куда тебе не следует.

Мистер Роулайсон тоже обладал мягким сердцем и сочувствовал положению Фатьмы, но его поразили в ее словах некоторые вещи, которые показались ему простой ложью. Состоя почти в ежедневных сношениях с таможей в Измаилии, он хорошо знал, что никаких новых транспортов каучука или слоновой кости не проходило за последнее время через канал. Торговля этими товарами почти совершенно прекратилась. Арабские купцы не могли возвращаться из находящегося в Судане города Эль-Фашера, так как махдисты сначала вообще не допускали к себе купцов, а тех, которых могли захватить, они грабили и держали в плену. Точно так же почти не подлежало сомнению, что рассказ о болезни Смаина – тоже выдумка.

Но так как глазки Нель умоляюще смотрели на отца, то последний, не желая огорчать девочку, сказал, немного подумав, Фатьме:

– Я писал уже правительству по твоей просьбе, Фатьма, но пока без всякого результата. А теперь послушай. Завтра вот с этим мехендисом[3], которого ты видишь, мы уезжаем в Мединет-эль-Файюм. По дороге мы остановимся на один день в Каире. Хедив хочет поговорить с нами о каналах, которые строятся у Баар-Юссефа, и дать нам некоторые поручения относительно них. Когда я буду говорить с ним, я постараюсь изложить ему твое дело и испросить для тебя его милость, но больше я ничего для тебя не могу сделать и не обещаю.

Фатьма встала и, протянув обе руки в знак благодарности, воскликнула:

– О, тогда я спасена!

– Не говори, Фатьма, о спасении, – ответил мистер Роулайсон. – Я ведь сказал уже тебе, что смерть не угрожает ни тебе, ни твоим детям. А позволит ли хедив тебе уехать, этого я не могу сказать тебе наверное, потому что Смаин не болен, а просто он – изменник: взял у правительства деньги и совсем не думает выкупать пленников у Мохаммеда-Ахмеда.

– Смаин ни в чем не повинен, сиди. Он лежит в Эль-Фашере, – повторила Фатьма, – а если б он даже действительно изменил правительству, то я клянусь пред тобою, моим благодетелем, что если мне позволят уехать, я до тех пор буду молить Мохаммеда-Ахмеда, пока не вымолю у него ваших пленников.

– Ну хорошо. Я еще раз обещаю тебе, что поговорю о тебе с хедивом.

Фатьма стала отбивать поклон за поклоном.

– Спасибо тебе, сиди! Ты не только велик, но и справедлив. А теперь я молю тебя, – позволь нам, мы будем служить тебе, как рабы.

– В Египте никто не может быть рабом, – ответил с улыбкой мистер Роулайсон. –

Прислуги у меня довольно, а твоими услугами я не могу воспользоваться еще и потому, что, как я тебе сказал, мы все уезжаем в Мединет и, может быть, пробудем там до самого Рамазана[4].

– Знаю, господин: мне сказал об этом смотритель Хадиги. Узнав от него, я и пришла, не только чтоб молить тебя о помощи, но еще чтоб сказать тебе, что двое из моего племени, дангалов, – Идрис и Гебр, – служат погонщиками верблюдов в Мединете. Они явятся к тебе с поклоном, как только ты приедешь туда, и предоставят в твое распоряжение себя и своих верблюдов.

– Хорошо, хорошо, – ответил директор, – но это дело Бюро Кука, а не мое.

Фатьма, поцеловав руки обоим инженерам и их детям, ушла, благословляя по дороге всех, особенно Нель. Мистер Роулайсон и пан Тарковский минуту молчали. Первым заговорил мистер Роулайсон:

– Бедная женщина! А все-таки она врет... Даже когда она благодарит, чувствуешь в ее словах какую-то фальшь.

– Да, это верно, – ответил пан Тарковский. – Но надо сказать правду: изменил ли Смаин или нет, правительство не имеет права удерживать ее в Египте. Она ведь не может отвечать за своего мужа.

– Правительство не позволяет теперь никому из суданцев уезжать без особого разрешения в Суаки и в Нубию. Это запрещение относится не к одной только Фатьме. Их очень много здесь, в Египте. Они приходят сюда на заработки. А между ними есть немало принадлежащих к племени дангалов, из которого происходит Махди. Вот, например, кроме Фатьмы, Хадиги, наш смотритель, да вот эти два погонщика верблюдов в Мединете, – все они из этого же племени. Между здешними арабами тоже найдется немало сторонников Махди, которые охотно ушли бы к нему, – сколько их уже убежало через пустыню: обыкновенной дорогой, морем, через Суаким они не едут. Правительство узнало, что Фатьма тоже хочет улизнуть таким же образом, но за ней велели смотреть. Только за нее и за ее детей, как за родственников самого Махди, можно будет получить обратно пленников.

– А что, разве в самом деле народ в Египте сочувствует Махди?

– У Махди есть приверженцы даже в армии. Потому-то, пожалуй, войска так плохо сражаются.

– Как, однако, суданцы могут бежать через пустыню? Ведь это – несколько тысяч миль.

– Ведь привозили же этим путем невольников в Египет.

– Мне думается, что дети Фатьмы не выдержали бы такого путешествия.

– Потому-то она и хочет сократить его и ехать морем до Суакима.

– Да, во всяком случае, жалко ее... Бедная женщина...

На этом разговор кончился.

А двенадцать часов спустя «бедная женщина», тщательно запершись в своем доме с

сыном смотрителя Хадиги, шептала ему, сдвинув брови и хмуро глядя своими чудными глазами:

– Послушай, Хамис, сын Хадиги. Вот тебе деньги. Ты поедешь еще сегодня в Мединет и передашь Идрису это письмо. Его написал по моей просьбе благочестивый дервиш Беллали... Дети этих мехендисов – добрые дети; но если мне не позволят уехать, тогда – ничего не поделаешь, – другого выхода нет. Ты, я знаю, не выдашь меня... Помни: и ты, и твой отец, оба происходите из племени дангалов, в котором родился великий Махди.

III

Оба инженера уехали на следующий день ночью в Каир, где должны были посетить английского наместника и быть на аудиенции у вице-короля. Стась рассчитал, что это должно было отнять у них два дня. Расчет его оказался верным, так как на третий день вечером он получил от отца, уже из Мединета, следующую телеграмму:

«Палатки приготовлены. Выезжайте, как только начнутся твои каникулы. Фатьме дай знать через Хадиги, что мы ничего не могли для нее сделать...»

Такую же телеграмму получила и мадам Оливье. Она тотчас же принялась с помощью негритянки Дины готовиться к отъезду.

Один вид этих приготовлений радовал детские души. Но вдруг случилось происшествие, которое перепутало все планы и чуть совсем не задержало отъезда.

Накануне отъезда мадам Оливье укусил скорпион в то время, как она задремала немного после обеда в саду. Эти ядовитые насекомые в Египте бывают не особенно опасны, но в данном случае укус мог стать угрожающим, так как мадам Оливье болела когда-то рожей, и возникло опасение, чтоб болезнь не повторилась. Вызванный врач заявил, что не может быть речи об отъезде при таких условиях, и велел больной лечь в постель. Детям предстояло остаться дома. Стась отправил сначала телеграмму, а потом письмо с вопросом, что им делать. Ответ пришел через два дня. Мистер Роулайсон списался сначала с доктором и, узнав, что возможность повторения рожи не позволяет мадам Оливье уехать из Порт-Саида, обеспечил прежде всего заботливый присмотр за ней, после чего послал детям разрешение отправиться в путь вместе с Диной.

Но так как Дина, несмотря на всю свою привязанность к Нель, не сумела бы справиться на вокзалах и в гостиницах, то проводником и кассиром в дороге должен был быть Стась. Легко себе представить, сколько гордости доставила ему эта роль и с каким рыцарским воодушевлением он уверял маленькую Нель, что волос не упадет у нее с головы, точно в самом деле дорога от Каира до Мединета представляла какие-нибудь трудности и опасности.

Все приготовления были закончены уже раньше, так что дети отправились в тот же день каналом до Измаилии, а оттуда – по железной дороге до Каира. Там они должны были переночевать, а на следующий день с утра продолжать путь в Мединет. Покидая Измаилию, они видели озеро Тимсах, которое Стась знал раньше, так как пан Тарковский, страстно любивший охотиться в свободное от занятий время, брал его иногда с собой на охоту за водяной птицей. Затем дорога шла вдоль Вади-Тумилата, по берегу канала пресной воды, идущего от Нила до Измаилии и Суэца. Этот канал был прорыт еще до Суэцкого, так как без него рабочие, трудившиеся над великим

сооружением Лессепа, были совсем лишены годной для питья воды. Но прорытие его имело еще одно благоприятное следствие. Страна, которая до того была бесплодной пустыней, вдруг вся зацвела, когда через нее протекла могучая и живительная струя пресной воды. Дети могли видеть по левую сторону из окон вагона широкую полосу зелени, состоявшую из лугов, на которых паслись лошади, верблюды и овцы, и из возделанных полей, на которых кукуруза сменялась просом, альфальфой и другими видами кормовых трав. Вдоль берега канала виднелись всякого рода колодцы то в форме огромных колес, снабженных ведрами, то в форме обыкновенных журавлей, зачерпывающих воду, которую феллахи трудолюбиво направляли по канавкам на свои поля или развозили в бочках на тележках, запряженных буйволами. Над бархатистой зеленью хлебов летали голуби, а порой вспархивали целые стаи перепелок. По берегу канала важно прогуливались аисты и журавли. Вдали, над глиняными хижинами феллахов, высились, точно зеленые султаны, густые кроны финиковых пальм.

Зато на север от линии железной дороги тянулась мертвая пустыня, не похожая, однако, на ту, которая лежала по другую сторону Суэцкого канала. Та была похожа на ровное морское дно, с которого убежала вода, оставив лишь волнистую поверхность песков; здесь же песок был желтее, точно насыпан большими курганами и покрыт на откосах пучками свежей растительности. Между этими курганами, которые кое-где переходили в довольно высокие холмы, лежали просторные долины, где по временам виднелись длинные караваны.

Из окон вагона дети могли видеть навьюченных верблюдов, которые шли длинной вереницей, один за другим, по песчаным равнинам. Впереди каждого верблюда шел араб в черном плаще и с белой чалмой на голове. К сожалению, дети не могли все время смотреть на караваны, так как у окон с этой стороны вагона сидели два английских офицера и заслоняли им вид. Это очень огорчало Нель, и она сказала об этом Стасю. Тот немедленно обратился с очень серьезной миной к офицерам и, приложив палец к шляпе, попросил:

– Не могут ли джентльмены уступить место этой маленькой мисс, которой хочется видеть верблюдов?

Оба офицера приняли просьбу с такой же серьезностью, и один из них не только уступил место любознательной мисс, но даже поднял ее и поставил на скамейку у самого окна.

А Стась начал рассказывать ей:

– Смотри, вот это – страна Гошен, в которой царили когда-то фараоны. Очень давно тут уже был канал с пресной водой, а этот, что теперь, только переделан из старого. Тот канал совсем засыпало песком, и вся страна сделалась пустыней. А теперь эта земля опять становится плодоносной.

– Откуда вы все это знаете, джентльмен? – спросил один из офицеров.

– В моем возрасте такие вещи полагается знать, – ответил Стась. – А кроме того, недавно наш учитель рассказывал нам о Вади-Тумилате.

Хотя Стась говорил очень бегло по-английски, однако несколько особый акцент его обратил внимание другого офицера, который спросил:

– Вы, маленький джентльмен, не англичанин?

– Маленькая – это мисс Нель, о которой отец ее поручил мне заботиться в дороге; она – англичанка, сам же я – не англичанин, а поляк; мой отец служит при канале.

Офицер улыбнулся, услышав ответ самолюбивого мальчика.

Дальнейший разговор пошел легко, так как, по-видимому, забавлял обоих офицеров. Оказалось, что оба они едут тоже из Порт-Саида в Каир, чтоб увидеться с английским посланником и получить последние инструкции относительно далекого путешествия, которое ожидало их в непродолжительном времени. Младший из них был военным врачом, а тот, который вел разговор со Стасем, капитан Глен, должен был по распоряжению своего правительства ехать из Каира через Суэц в Момбасу и принять управление над целой областью, прилегающей к этому порту и простирающейся до области Самбуру и озера Рудольфа. Стась, который с увлечением читал путешествия по Африке, знал, что Момбаса находится на несколько градусов южнее тропиков и что соседние страны, хотя и причисляемые к сфере английского влияния, в действительности еще мало исследованы, совершенно дики, изобилуют слонами, жирафами, носорогами, буйволами и разными видами антилоп, которые попадались как военным и миссионерским, так и торговым экспедициям. Он от души завидовал капитану Глену и пообещал ему, что непременно посетит его в Момбасе и поохотится с ним на львов и буйволов.

– Хорошо, только приезжайте, пожалуйста, вместе с этой маленькой мисс, – ответил капитан Глен, смеясь и указывая на Нель, которая как раз в это время отошла от окна и села возле него.

– У мисс Роулайсон есть отец, – ответил Стась. – Я являюсь ее опекуном только в дороге.

При этих словах второй офицер живо к ним обернулся и спросил:

– Роулайсон? Это не один ли из директоров канала, у которого брат живет в Бомбее?

– В Бомбее у меня дядя, – ответила Нель, поднимая кверху пальчик.

– А! Значит, это твой дядя, милая, женат на моей сестре. Меня зовут Клэри. Мы, значит, родственники. Я очень рад, что встретил тебя и познакомился с тобой, мой милый птенчик.

И доктор был в самом деле рад. Он рассказал, что сейчас после приезда в Порт-Саид он расспрашивал о мистере Роулайсоне, но в конторе ему сообщили, что последний уехал на праздники. Он выразил также сожаление, что пароход, на котором они с Гленом должны ехать в Момбасу, уходит из Суэца через несколько дней, так что ему не удастся съездить в Мединет.

Он просил только Нель передать привет отцу и обещал написать ей из Момбасы. Оба офицера вели разговор преимущественно с Нель, так что Стась оставался в стороне. Зато на всех станциях появлялись целыми дюжинами мандарины, свежие финики и превосходный шербет. Кроме Стася и Нель, уплетала их и Дина, которая, при всех своих достоинствах, была большой лакомкой.

Дорогу до Каира, таким образом, дети проехали незаметно. На прощанье офицеры поцеловали ручки и головку Нель и пожали руку Стасю, причем капитан Глен, которому смелый мальчуган очень понравился, сказал полусерьезно:

– Послушай, милый! Кто знает, где, когда и при каких обстоятельствах мы можем еще встретиться в жизни. Помни, однако, что ты всегда можешь рассчитывать на мою дружбу и помощь.

– И вы на мою тоже, – ответил Стась с полным достоинства поклоном.

IV

И пан Тарковский и мистер Роулайсон, который любил больше жизни свою маленькую Нель, очень обрадовались приезду детей. Юная парочка тоже с радостью встретила родителей, но тотчас же принялась осматривать палатки, которые были уже совершенно убраны внутри и готовы к приему дорогих гостей. Палатки оказались великолепные: двойные, подбитые одни голубой, другие красной фланелью, устланные внизу войлоком и просторные, как большие комнаты. Бюро путешествий, дорожа мнением высокопоставленных чиновников управления каналами, приложило все усилия, чтоб им было хорошо и удобно. Мистер Роулайсон опасался сначала, чтоб продолжительное пребывание в палатке не повредило здоровью Нель, и если согласился на это, то только потому, что в случае непогоды всегда можно перебраться в гостиницу. Но теперь, внимательно осмотрев все на месте, он решил, что дни и ночи, проведенные на свежем воздухе, будут гораздо полезнее для его девочки, чем жизнь в затхлых комнатах местных гостиниц. К счастью, и погода была превосходная. В Мединете, или Эль-Медине, окруженном цепью песчаных холмов Ливийской пустыни, климат значительно лучше, чем в Каире; недаром это место называют «страною роз». Благодаря защищенному положению и обилию влаги в воздухе ночи там не так холодны, как в других частях Египта, даже расположенных значительно южнее. Зима там необыкновенно приятна, а с ноября начинается пышный расцвет растительности.

Финиковые пальмы, оливковые деревья, которых вообще мало в Египте, фиговые деревья, апельсины, мандарины, исполинские ричинусы, огромные гранаты и множество других южных растений покрывают сплошным лесом этот чудный оазис. Сады точно залиты огромной волной акаций, сирени и роз, так что ночью каждое дуновение приносит их упоительный аромат. Там дышится полной грудью и «не хочется умирать», как говорят местные жители.

Дети бегали повсюду с первой минуты приезда, чтоб до обеда осмотреть все палатки, ослов и верблюдов, нанятых на месте Куком. Оказалось, однако, что животные были далеко на пастбище и увидеть их можно было только завтра. Зато вблизи палатки мистера Роулайсона Нель и Стась с радостью увидели Хамиса, сына Хадиги, своего хорошего знакомого из Порт-Саида.

Он не был из числа прислуги Кука, и мистер Роулайсон был даже удивлен, встретив его в Эль-Медине; но так как еще прежде он пользовался им для переноски инструментов, то и теперь принял его как мальчика для разных поручений.

Вечерний обед оказался превосходным, так как старый копт, уже много лет исполнявший обязанности повара у Кука, захотел щегольнуть своим искусством. Дети рассказали о знакомстве, завязанном ими в пути с двумя офицерами, и эта встреча чрезвычайно заинтересовала мистера Роулайсона, брат которого, Ричард, женатый на сестре доктора Клэри, действительно жил уже много лет в Индии. Не имея сам детей, дядя очень любил свою маленькую племянницу, которую знал почти исключительно по фотографии, и постоянно расспрашивал о ней во всех письмах. Обоим отцам показалось довольно забавным приглашение в Момбасу, полученное Стасем от капитана Глена. Но мальчик относился к нему очень серьезно и был

убежден, что непременно навестит когда-нибудь своего нового приятеля по ту сторону экватора.

Пану Тарковскому пришлось объяснить ему, что английские чиновники никогда не остаются подолгу на службе в одной и той же местности вследствие убийственного климата Африки и что, пока Стась вырастет, капитан будет уже где-нибудь на десятой должности или его совсем не будет на свете.

После обеда все общество вышло на площадку перед палатками, где прислуга расставила складные полотняные кресла, а для старших приготовила сифоны с содовой водой и брэнди. Была уже ночь, но необыкновенно теплая, а так как луна была полная, то кругом было светло как днем. Стены городских строений отливали зеленоватым сиянием, звезды искрились на небе, а в воздухе распространялся запах роз, акаций и гелиотропов. Город уже спал. В ночной тишине порой слышались только громкие голоса журавлей, цапель и фламинго, летевших с берегов Нила в сторону озера Кароуна. Но вдруг послышался глубокий, хриплый собачий лай, который очень удивил Стася и Нель, так как, казалось, он раздавался из палатки, которую они еще не осмотрели и где были сложены седла, инструменты и разные дорожные принадлежности.

– Какая огромная, должно быть, собака. Пойдем посмотрим, – сказал Стась.

Пан Тарковский рассмеялся, а мистер Роулайсон стряхнул пепел с сигары и сказал, тоже смеясь:

– Ну, ничего не вышло, хоть и заперли.

Потом он обратился к детям:

– Вот что, мои милые. Эту собаку мистер Тарковский хотел преподнести Нель в виде сюрприза. Но сюрприз залаял и, делать нечего, приходится уже сегодня сказать вам о нем.

Услышав это, Нель в одну минуту вскарабкалась на колени пана Тарковского и обняла его за шею, а оттуда перебралась к отцу.

– Папочка, как я рада! Как я рада!

Поцелуям и объятиям не было пределов. В конце концов Нель, очутившись опять на собственных ногах, стала заглядывать в глаза пану Тарковскому.

– Мистер Тарковский...

– Что, Нель?

– Но если я уже знаю, что она там, так ведь мне можно ее сегодня посмотреть?

– Я так и знал, – воскликнул с притворным возмущением мистер Роулайсон, – что этой маленькой мухе не довольно будет узнать только приятную новость.

А пан Тарковский подозвал сына Хадиги и сказал ему:

– Хамис, приведи собаку.

Суданец исчез за палаткой-кухней и через минуту явился обратно, ведя за ошейник огромное животное. Нель даже вскрикнула от испуга.

– Ой! – закричала она, хватая за руку отца.

Но Стась пришел в восхищение:

– Да ведь это настоящий лев, а не собака.

– Ее и зовут Саба[5], – ответил пан Тарковский. – Эта порода – самая крупная в мире. Вот этому псу всего два года, а смотри, какой он большой. Не бойся, Нель: он ласков, как ягненок. Ну, смелее. Отпусти его, Хамис.

Хамис отпустил ошейник, за который придерживал огромного дога. Последний, почувствовав себя на свободе, стал вилять хвостом, ластиться к пану Тарковскому, с которым успел уже перед тем хорошо познакомиться, и лаять от радости.

Дети с изумлением смотрели при лунном свете на его огромную, круглую голову с отвислой губой, на толстые лапы, на огромную фигуру, действительно напоминавшую льва серо-желтой мастью всего тела. Ничего подобного они никогда до сих пор не видели.

– С такой собакой можно безопасно пройти через всю Африку! – воскликнул Стась.

– А ну-ка, спроси у него, сумел ли бы он донести в зубах носорога, – пошутил пан Тарковский.

Саба, конечно, не мог бы ответить на этот вопрос, но он так умильно вилял хвостом и ластился к людям, что Нель сразу перестала его бояться и стала гладить его по голове.

– Саба! Милый, хороший Саба!

Мистер Роулайсон наклонился над ним, приблизил его голову к личику девочки и сказал:

– Видишь, Саба, эту барышню? Всмотрись хорошенько. Это – твоя госпожа! Ты должен ее слушаться и охранять ее, – понимаешь?

– Гав! – басом ответил Саба, точно действительно понял, что ему говорят.

И понял даже лучше, чем можно было ожидать, так как, пользуясь тем, что голова его находилась почти на высоте личика девочки, он лизнул в знак преданности своим широким языком ее носик и щечки.

Это вызвало всеобщий взрыв смеха. Нель пришлось пойти в палатку, чтоб умыться. Вернувшись немного спустя, она увидела Саба, стоящего на задних лапах, а передними опирающегося на плечи Стася, который сгибался под тяжестью. Огромный пес был выше его на целую голову.

Пора было уже идти спать, но крошка испросила разрешения поиграть еще полчаса, чтоб поближе познакомиться с новым другом. Знакомство пошло так легко, что вскоре пан Тарковский посадил ее по-дамски на спину Саба и, поддерживая, чтоб она не упала, велел Стасю вести собаку за ошейник. Нель проехала так небольшое

расстояние, после чего и Стась попробовал было сесть верхом на необычайного скакуна, но тот сел тогда на задние лапы, так что Стась неожиданно очутился на песке у хвоста.

Дети собирались уже пойти спать, когда вдали, на освещенной луной базарной площади, показались две белые фигуры, направлявшиеся к палаткам.

Смирный перед тем, Саба начал глухо и грозно ворчать, так что Хамис по приказу мистера Роулайсона должен был опять схватить его за ошейник. Два человека, одетые в белые бурнусы, подошли поближе к палаткам.

– Кто там? – спросил пан Тарковский.

– Погонщики верблюдов, – ответил один из пришедших.

– А! Это Идрис и Гебр? Что вам нужно?

– Мы пришли спросить, не будем ли мы нужны завтра?

– Нет, завтра и послезавтра мы не собираемся никуда выезжать. Приходите через два дня.

– Спасибо, эфенди.

– А хорошие у вас верблюды? – спросил мистер Роулайсон.

– Бисмиллах! – ответил Идрис. – Настоящие хегины[6], с жирными горбами и смирные, как хаги[7]. А то бы Кук нас не нанял.

– Не очень трясут?

– Можно положить горсть фасоли каждому из них на спину, и ни одно зерно не упадет на самом большом ходу, господин.

– Ну, уж если пересаливать, так по-арабски, – смеясь сказал пан Тарковский.

– Или по-судански, – добавил мистер Роулайсон.

Идрис и Гебр между тем продолжали стоять, как две белые колонны, внимательно всматриваясь в Стася и Нель. Луна освещала темные лица погонщиков, которые при ее свете казались отлитыми из бронзы. Белки их глаз сверкали зеленоватым блеском из-под тюрбанов.

– Спокойной ночи вам, – сказал мистер Роулайсон.

– Пусть Аллах хранит вас, эфенди, ночью и днем, – ответили они, поклонились и ушли.

Их провожало глухое, похожее на далекий гром ворчание Саба, которому суданцы, по-видимому, не понравились.

Через три дня начались общие экскурсии, иногда по узкоколейным подъездным путям, которых много настроили в Мединет-эль-Файюме англичане, иногда на ослах, а иногда и на верблюдах. Оказалось, что в похвалах, которые рассыпал по адресу

этих животных Идрис, было, конечно, много преувеличения, потому что не только фасоль, но даже и человек нелегко мог удержаться в седле. Но была также и правда: верблюды действительно принадлежали к породе «хегинов», то есть верховых, а так как их хорошо кормили дуррой (местной или сирийской кукурузой), то горбы у них были жирные, и бежали они так резво, что приходилось их сдерживать. Суданцы Идрис и Гебр, несмотря на дикий блеск их глаз, снискали общее доверие и симпатию благодаря своей услужливости и предупредительной заботливости о Нель. У Гебра на лице было всегда страшное и как будто зверское выражение; но Идрис, быстро сообразив, что это маленькое существо является любимицей всего общества, при каждом случае заявлял, что она ему дороже, чем «своя душа». Мистер Роулайсон, правда, догадывался, что через Нель Идрис метит в его карман, но, будучи уверен в то же время, что нет на свете человека, который не полюбил бы его малютку, он был ему очень признателен и не жалел «бакшиша».

В течение пяти дней общество посетило неподалеку от города развалины древнего Крокодилополиса, где египтяне поклонялись некогда богу Собеку, у которого было человеческое тело, а голова крокодила. Следующая экскурсия была к пирамиде Ханара и к развалинам Лабиринта, а самая продолжительная – на верблюдах – к озеру Кароуну. Северный берег его представляет голую пустыню, среди которой, кроме развалин древних египетских городов, нет никаких следов жизни. Зато к югу тянется плодородная, прекрасная страна, и сами берега, поросшие вереском и тростником, кишат пеликанами, фламинго, цаплями, дикими гусями и утками. Вот уж где Стась нашел случай щегольнуть меткостью своих выстрелов и из простого ружья, и из шикарного штуцера; он попадал так ловко, что после каждого выстрела раздавалось изумленное чмокание Идриса и гребцов-арабов, а падавшую в воду птицу встречали крики: «Бисмиллах!» и «Машаллах!»

Арабы уверяли, что на противоположном, пустынном берегу водится множество гиен и шакалов и что, если подбросить среди песков дохлую овцу, можно почти наверняка пристрелить какого-нибудь зверя. Поверив им, пан Тарковский и Стась провели две ночи в пустыне, у развалин Димэ.

Но первую овцу украли тотчас по уходе охотников бедуины, а вторая приманила только хромоногую шакала, которого уложил Стась. Дальнейшую охоту пришлось отложить, так как обоим инженерам понадобилось уехать на осмотр гидротехнических работ, которые велись при Баар-Юссефе, близ Эль-Лухума, на юго-восток от Мединета.

Мистер Роулайсон ожидал только приезда мадам Оливье. К несчастью, вместо нее пришло письмо от врача, что прежняя рожа на лице возобновилась после укуса и что больная довольно долго не сможет уехать из Порт-Саида. Положение стало действительно трудным. Брать с собой детей, старуху Дину, палатки и всю прислугу было невозможно хотя бы по той причине, что инженерам нужно было быть сегодня тут, завтра там, а могло случиться, что они получат предписание добраться до большого канала Ибрагима. Ввиду этого, после короткого совещания, мистер Роулайсон решил оставить Нель под присмотром старухи Дины и Стася и на попечении агента итальянского консульства и местного «мудира» (губернатора), с которым он имел случай познакомиться. Он обещал Нель, которой жалко было расставаться с отцом, что из всех ближних местностей они оба с паном Тарковским будут заезжать в Мединет или, если встретится что-нибудь достопримечательное, будут вызывать детей к себе.

– С нами едет Хамис. Когда нужно будет, мы его за вами и пришлем. Дина пусть не оставляет Нель; но так как Нель делает с ней все, что захочет, то ты, Стась,

смотри за обеими.

– Можете быть спокойны, – ответил Стась, – я буду оберегать Нель как родную сестру. У нее есть Саба, а у меня – штуцер. Пусть только кто-нибудь попробует ей что сделать...

– Не в этом дело, – сказал мистер Роулайсон. – Ни в Саба, ни в штуцере, наверно, не окажется необходимости. Будь только добр и смотри, чтоб она не уставала и, особенно, чтоб не простудилась. Я просил консула, чтоб он вызвал доктора из Каира, если она захворает. Хамиса мы будем присылать сюда за сведениями возможно чаще. Мудир тоже будет вас навещать. Притом я думаю, что нам не придется уезжать надолго.

Пан Тарковский тоже дал Стасю перед отъездом ряд наставлений. Он объяснил ему, что Нель не нуждается в его защите, так как в Мединете, как и во всей провинции Эль-Файюм, нет ни диких людей, ни диких животных. Думать о чем-нибудь подобном смешно и не подобает мальчику, которому пошел уже четырнадцатый год. Пусть он только смотрит, чтоб у Нель было все, что нужно, и вовремя, и пусть не предпринимает сам, а тем более с Нель, никаких экскурсий, особенно на верблюдах, езда на которых как-никак всегда бывает утомительна.

Но Нель, слыша это, состроила такую печальную гримаску, что пану Тарковскому пришлось ее успокоить.

– Не печалься, – сказал он, глядя ее по головке. – Вы будете ездить на верблюдах, но только вместе с нами или к нам, если мы придем за вами Хамиса.

– А самим нам нельзя ехать, даже вот столько-столечко? – спросила девочка, показывая на пальчике, какими маленькими прогулками она бы удовольствовалась.

Оба отца в конце концов согласились, чтоб дети ездили гулять, но только на ослах, а не на верблюдах, и не к развалинам, где легко попасть в какую-нибудь яму, а по дорогам за город, среди полей и садов. И всегда с ними должен быть переводчик и еще кто-нибудь из прислуги Кука.

Рассказав детям, как им вести себя, оба инженера уехали, но в первый раз недалеко – в Ханарет-эль-Макту, где провели десять часов и вернулись к ночи в Мединет. Это повторялось в течение нескольких дней сряду, пока они не осмотрели все ближайшие работы. Потом, когда им пришлось уезжать подальше, но все-таки не очень еще далеко, приезжал ночью Хамис и рано утром брал Стася и Нель в те города и местечки, где родители хотели показать им что-нибудь интересное. Дети проводили большую часть дня со своими отцами, а к закату солнца возвращались в Мединет, в палатки. Бывали, однако, дни, когда Хамис не приезжал, и тогда Нель, несмотря на общество Стася и Саба, в котором открывала все новые достоинства, с тоскою ждала посланца.

Наконец оба инженера вернулись в Мединет.

Но два дня спустя они опять уехали, объявив, что на этот раз надолго и что им, наверно, придется добраться вплоть до Бени-Суэфа, а оттуда до Эль-Фахена, где начинается канал того же названия, который тянется далеко на юг вдоль Нила.

Дети были очень удивлены поэтому, когда на третий день, часов в одиннадцать утра, Хамис появился в Мединете. Первым встретил его Стась, который пошел на

пастбище посмотреть на верблюдов. Хамис разговаривал с Идрисом и только сказал Стасю, что приехал за ним и за Нель и что скоро придет к ним в палатку и скажет, куда им нужно будет уехать с ним по поручению родителей. Мальчик тотчас же побежал с радостным известием к Нель, которая играла в это время перед палаткой с Саба.

– Знаешь, Хамис здесь! – крикнул он ей еще издали.

Нель стала подпрыгивать на обеих ножках, как прыгают дети через скакалку.

– Поедем! Поедем!

– Да-да, поедем – и далеко!

– А куда? – спросила Нель, откидывая ручонками со лба волосы, которые спускались ей на глаза.

– Не знаю. Хамис сказал, что сейчас придет сюда и скажет.

– А откуда ты знаешь, что далеко?

– А я слышал, как Идрис говорил, что он и Гебр сейчас отправятся с верблюдами. Это значит, что мы поедем по железной дороге, а верблюды будут ждать нас там, где наши папы. А оттуда мы, вероятно, поедем дальше.

Волосы опять спустились на глаза Нель, а ножки ее снова стали отскакивать от земли, точно резиновые.

Через четверть часа пришел Хамис и поклонился детям.

– Ханаге[8], – обратился он к Стасю, – через три часа мы едем с первым поездом.

– Куда?

– В Эль-Гарак-эль-Султани, а оттуда вместе с обоими старшими господами на верблюдах в Вади-Райан.

Сердце у Стася забилось от радости, но в то же время слова Хамиса его удивили. Он знал, что Вади-Райан – большая цепь песчаных холмов, возвышающихся посреди Ливийской пустыни на юг и юго-запад от Мединета, между тем как пан Тарковский и мистер Роулайсон, уезжая, говорили, что едут как раз в противоположную сторону, по направлению к Нилу.

– Как же это так? – спросил Стась. – Разве папа и мистер Роулайсон находятся не в Бени-Суэфе, а в Эль-Гараке?

– Пришлось поехать в другое место, – ответил Хамис.

– Но ведь писать они велели в Эль-Фахен.

– Вот в этом письме старший эфенди пишет, почему они теперь в Эль-Гараке.

Он стал искать письмо и вдруг вскрикнул:

– Ой! Наби![9] Я оставил письмо в мешке, там, у погонщиков. Сейчас сбегаю, пока Идрис и Гебр не уехали.

И он побежал к погонщикам, а дети с Диной стали готовиться в путь. Так как поездка предполагалась продолжительная, то Дина уложила несколько платьев, немного белья и теплые вещи для Нель. Стась тоже подумал о себе, а главное, не забыл штуцера и патронов, рассчитывая встретить среди песков Вади-Райана шакалов и гиен.

Хамис вернулся лишь через час, весь вспотев и запыхавшись, так что долго не мог перевести дух.

– Погонщики уже уехали, – сказал он. – Я гнался за ними, но напрасно. Но это ничего – и письмо и самих эфенди мы найдем в Эль-Гараке. Дина тоже поедет с нами?

– А что?

– Может быть, лучше, чтобы она не ехала? Господа ничего про нее не говорили.

– Но они говорили, когда уезжали, чтобы Дина всегда была с барышней. Она и теперь поедет.

Хамис поклонился, приложил руку к сердцу и сказал:

– Тогда едем скорей, а то катр[10] уйдет.

Вещи были готовы, и компания вовремя поспела на станцию. Расстояние от Мединета до Гарак не больше тридцати километров, но поезд узкоколейной дороги, соединяющей эти местности, идет медленно и останавливается очень часто. Если бы Стась был один, он, наверно, предпочел бы ехать на верблюде, чем по железной дороге, так как рассчитал, что Идрис и Гебр, отправившись за два часа до поезда, придут в Эль-Гарак раньше их. Но для Нель этот путь был слишком велик, и маленький опекун, который принял близко к сердцу наставления обоих отцов, не хотел, чтоб девочка утомилась. Впрочем, время для обоих прошло быстро, и они не успели оглянуться, как были уже в Гараке.

Маленькая станция, с которой англичане предпринимают обыкновенно экскурсии в Вади-Райан, была совершенно пуста. Они застали там лишь несколько женщин с покрывалами на лице и с корзинами мандаринов, двух незнакомых бедуинов – погонщиков верблюдов, да еще Идриса и Гебра с семью мехари[11], из которых один был сильно навьючен. Но ни пана Тарковского, ни мистера Роулайсона нигде не было видно. Идрис объяснил детям их отсутствие:

– Господа поехали в пустыню, чтобы расставить палатки, которые они привезли из Этсаха, и велели вам ехать за ними.

– Как же мы найдем их в горах? – спросил Стась.

– Они прислали проводников, которые покажут нам дорогу.

С этими словами он указал на бедуинов. Старший из них поклонился, протер пальцами свой единственный глаз и сказал:

– Наши верблюды не так жирны, но не менее быстры, чем ваши. Через час мы будем на месте.

Стась был рад, что они проведут ночь в пустыне, но Нель была огорчена, так как была уверена, что застанет отца в Гараке.

Начальник станции, заспанный египтянин в красной феске и в темных очках, подошел и от нечего делать стал смотреть на европейских детей.

– Это дети тех инглези[12], которые поехали утром с ружьями в пустыню, – сказал Идрис, усаживая Нель в седло.

Стась отдал штуцер Хамису и сел рядом с ней, так как седло было довольно просторно и имело вид паланкина, только без навеса. Дина уселась позади Хамиса, другие разместились на остальных верблюдах, и поезд тронулся.

Если бы начальник станции смотрел дальше им вслед, он был бы, пожалуй, удивлен, что англичане, о которых упоминал Идрис, поехали прямо к развалинам на юг, между тем как караван направился сразу к Талей, – в противоположную сторону. Но начальник пошел домой еще раньше, чем они тронулись, так как в тот день ни один поезд не приходил больше в Гарак.

Был шестой час пополудни. Погода была превосходная. Солнце перешло уже на ту сторону Нила и спустилось над пустыней, утопая в золотисто-пурпурном зареве, пылавшем на западной стороне неба. Воздух был так насыщен розовым светом, что глаза щурились от его избытка. Поля приняли лиловый оттенок, а отдельные холмы, резко выделяясь на фоне зарева, были окрашены в цвет чистого аметиста. Весь мир как бы перестал быть похожим на действительность и казался сплошной игрой сказочных огней и красок. Пока они ехали по зеленой, возделанной местности, проводник-бедуин вел караван умеренным шагом. Но как только под ногами верблюдов захрустел жесткий песок, все сразу изменилось.

– Йалла! Йалла! – раздались вдруг дикие крики.

В то же время послышался свист бичей, и верблюды, сменив рысь на галоп, помчались как вихрь, вскидывая ногами песок пустыни.

– Йалла! Йалла!

Рысь верблюдов сильно трясет, а галоп, которым редко бегут эти животные, бурно колышет, так что детям сначала понравилась эта шальная езда. Но кто катался на качелях, знает, что слишком быстрое качание вызывает головокружение. И так как верблюды не умеряли своего бега, то вскоре у маленькой Нель стала кружиться голова и потемнело в глазах.

– Почему мы так быстро едем, Стась? – закричала она ему.

– Наверно, слишком погнали верблюдов, а теперь не могут их сдержать, – ответил Стась.

Но, заметив, что лицо девочки немного побледнело, он стал кричать бедуинам, мчавшимся впереди, чтоб они замедлили бег. Но крики его имели только тот результат, что опять раздались вопли: «Йалла!» – и животные еще больше ускорили свой бег.

Сначала мальчик подумал, что бедуины его не слышали. Но когда на вторичный крик он не получил никакого ответа, а ехавший позади них Гебр не переставал стегать того верблюда, на котором сидел он с Нель, то он подумал, что это не верблюды понесли, а люди почему-то так спешат, но почему, – он не мог понять.

У него мелькнула мысль, что они, может быть, поехали неверной дорогой и, желая наверстать потерянное время, мчатся теперь так, чтоб господа не выбрали их за то, что они так поздно приедут. Но тотчас же он сообразил, что этого не может быть, так как мистер Роулайсон скорее рассердился бы за то, что они так утомили Нель. Что же это может значить? И почему они не слушаются его приказаний? В душе мальчика стал вскипать гнев и опасения за Нель.

– Стой! – крикнул он изо всей силы, обращаясь к Гебру.

– Ускут! [13] – взвизгнул в ответ суданец.

И они помчались дальше.

Ночь начинается в Египте около шести часов; вечерняя заря вскоре погасла, и немного спустя на небо всплыл большой, еще красный диск луны и осветил пустыню своим мягким светом.

В тишине слышалось только прерывистое дыхание верблюдов, глухие и частые удары их ног о песок да по временам свист бичей. Нель была уже так утомлена, что Стасю приходилось поддерживать ее на седле. Она поминутно спрашивала, скоро ли они приедут, и, видимо, крепилась в надежде увидеть скоро отца. Но напрасно оба оглядывались кругом. Прошел час, потом другой, – ни палаток, ни костров нигде не было видно.

Тогда волосы стали дыбом на голове у Стася. Он понял, что их схватили эти злые люди и везут неизвестно куда.

VI

Мистер Роулайсон и пан Тарковский между тем действительно ждали детей, но не среди песчаных холмов Вади-Райана, куда у них не было ни надобности, ни желания ехать, а совсем в другой стороне, – в городе Эль-Фахене, на берегу канала того же названия, где они осматривали оконченные недавно работы. Расстояние между Эль-Фахеном и Мединетом составляет по прямой линии около сорока пяти километров. Но так как прямого сообщения между ними нет и ехать нужно было через Эль-Васта, что почти удваивало расстояние, то мистер Роулайсон, перелистывая железнодорожный путеводитель, строил такой расчет.

– Хамис выехал третьего дня вечером, – обращался он к пану Тарковскому, – и в Эль-Васта поспел на поезд, идущий из Каира; таким образом, он вчера утром прибыл в Мединет. Дети уложат вещи в течение часа. Но если бы они выехали в полдень, им пришлось бы ждать ночного поезда, который идет вдоль Нила. А так как я не позволил Нель ехать ночью, то они выедут лишь утром и будут здесь лишь после заката солнца.

– Да, – сказал пан Тарковский, – Хамис должен отдохнуть. Стасю, правда, не терпится, но когда дело касается Нель, на него можно положиться. К тому же я послал ему письмо, чтоб они ночью не выезжали.

– Умный мальчишка... Я ему вполне доверяю, – ответил мистер Роулайсон.

– Да, – промолвил пан Тарковский.

Оба товарища пожали друг другу руки и принялись рассматривать планы и сметы. За этим делом прошел у них весь день до самого вечера.

В седьмом часу, когда уже спустилась ночь, оба встретились на станции и, расхаживая по платформе, продолжали говорить о детях.

– Прелестная погода, но только холодно, – заметил мистер Роулайсон. – Не знаю, взяла ли Нель с собой что-нибудь теплое.

– Стась об этом будет помнить, да и Дина тоже.

– Я жалею, однако, что вместо того, чтоб везти их сюда, мы не поехали сами в Мединет.

– Вот видишь; я ведь так и советовал.

– Знаю, и, если бы нам не нужно было ехать дальше на юг, я бы так и сделал, но я рассчитал, что дорога отняла бы у нас много времени и мы недолго могли бы побыть с детьми. Но, сказать тебе правду, это Хамис натолкнул меня на мысль привезти их сюда. Соскучился, говорит, по ним и был бы очень рад, если бы я его за ними послал. Он очень привязался к ним. Да и неудивительно...

– Конечно. Хотя у Стася много недостатков, но в общем у него хороший характер. Он никогда не лжет, потому что очень смел, а лгут только трусы. Энергичным он тоже будет. Вот если бы я мог быть уверен, что он сможет быть и рассудительным, тогда я был бы спокоен, что он не пропадет.

– О да, несомненно. Но что значит рассудительность? Разве ты в его возрасте был рассудителен?

– Должен сознаться, что нет, – ответил, смеясь, пан Тарковский, – но, пожалуй, не был самоуверен, как он.

– Это пройдет. Пока что можешь быть счастлив, что у тебя есть такой мальчуган.

– Да и тебе, со своей милой крошкой Нель, не приходится мне завидовать.

Дальнейший разговор прервали сигналы, означавшие приближение поезда. Через минуту в темноте показались огненные глаза локомотива, послышался свист и тяжелое пытящее дыхание.

Ряд освещенных вагонов проскользнул вдоль платформы, дрогнул и остановился.

– Я не видел их ни в одном окне, – сказал мистер Роулайсон.

– Может быть, они сидят где-нибудь глубже; сейчас они, наверно, выйдут.

Из вагонов стали выходить пассажиры, но это были преимущественно арабы, так как Эль-Фахен, кроме прекрасных роц из пальм и акаций, не представляет ничего интересного. Детей не было.

– Хамис или не поспел на поезд в Эль-Васта, – заметил с оттенком недовольства пан Тарковский, – или проспал после ночного путешествия; теперь они, наверно, приедут только завтра.

– Возможно, – ответил с беспокойством мистер Роулайсон. – Но, может быть, кто-нибудь заболел.

– Стась сообщил бы тогда телеграммой.

– Кто знает, может быть, телеграмма ждет нас в гостинице?

– Пойдем.

Но в гостинице не было никаких известий. Мистер Роулайсон начинал все больше волноваться.

– Знаешь, что еще могло случиться, – сказал пан Тарковский. – Если Хамис проспал, то он, наверное, не признался в этом детям, пришел к ним только сегодня и сказал им, чтоб они ехали завтра. Перед нами он будет оправдываться, будто не понял наших распоряжений. На всякий случай я дам Стасю телеграмму.

– А я протелеграфирую мудире Файюма.

Обе телеграммы были отправлены. Не было еще достаточных причин для беспокойства, но в ожидании ответа оба инженера плохо провели ночь и рано утром были уже на ногах.

Ответ от мудира пришел лишь часов в десять. Он сообщал:

«Справлялись на станции. Дети выехали вчера в Гарак-эль-Султани».

Легко понять, какое изумление и гнев охватили обоих отцов при этом неожиданном известии. С минуту они смотрели друг на друга, как бы не понимая слов телеграммы. Наконец пан Тарковский, отличавшийся большей порывистостью, ударил по столу и проговорил:

– Это проделка Стася! Но я отучу его от таких глупых шалостей.

– Я не ожидал этого от Стася, – ответил отец Нель.

Но минутой спустя он задал вопрос:

– А что же Хамис?

– Или не застал их и не знает, что ему делать, или поехал за ними.

– Я тоже так думаю.

Через час оба отправились в Мединет. В палатках они узнали, что погонщиков верблюдов тоже нет, а на станции им подтвердили, что Хамис уехал вместе с детьми в Эль-Гарак. Дело представлялось все непонятнее, и выяснить его можно было

только в Гараке.

И вот только на этой станции начала открываться ужасная действительность.

Начальник станции, – тот самый, заспанный, в темных очках и красной феске, – рассказал им, что видел мальчика лет четырнадцати и восьмилетнюю девочку с немолодой негритянкой, которые уехали в пустыню. Он не помнит, сколько было всего верблюдов, восемь или девять, но заметил, что один был навьючен, как будто в дальний путь, а у двух бедуинов тоже были вьюки у седел; кроме того, он вспоминает, что, когда он смотрел, как караван собирался в путь, один из погонщиков, суданец, сказал ему, что это дети англичан, которые перед тем уехали в Вади-Райан.

– А эти англичане вернулись? – спросил пан Тарковский.

– Да, вернулись еще вчера с двумя убитыми шакалами, – ответил начальник станции. – Меня даже удивило, что они возвращаются без детей, но я не спрашивал их, так как меня это не касается.

Сказав это, он удалился для исполнения своих служебных обязанностей.

Во время этого рассказа лицо мистера Роулайсона стало белым, как бумага. Глядя блуждающим взором на своего друга, он снял шляпу, поднес руку к вспотевшему лбу и зашатался, точно готов был упасть.

– Роулайсон, будь мужчиной! – воскликнул пан Тарковский. – наших детей украли! Надо их спасти.

– Нель! Нель! – повторял несчастный англичанин.

– Нель и Стась! Стась не виноват. Их обоих заманили хитростью и похитили. Кто знает зачем. Может быть, для того, чтобы потребовать выкуп. Хамис, наверно, был в заговоре с другими. Идрис и Гебр тоже.

Тут он вспомнил, что говорила Фатма, – что оба суданца принадлежат к племени дангалов, из которого происходил Махди, и что из того же племени происходит Хадиги, отец Хамиса. При этом воспоминании сердце замерло у него на мгновение в груди, – он понял, что дети могли быть похищены не для получения выкупа, а для обмена на семью Смаина.

Эта мысль объяла ужасом пана Тарковского, но энергичный солдат быстро пришел в себя и старался охватить мыслью все, что случилось, и придумать средство к спасению.

«У Фатмы, – рассуждал он, – не было основания мстить ни нам, ни нашим детям. Если их похитили, то, вероятно, затем, чтоб предать их в руки Смаина. Во всяком случае, смерть им не угрожает. И это, пожалуй, есть счастье в несчастье. Но их ждет страшный путь, которого они могут не вынести».

Он поспешил поделиться этими мыслями с другом, а затем высказал еще следующее соображение:

– Идрис и Гебр, как дикари и глупые люди, воображают, что полчища Махди находятся уже недалеко; а на самом деле Хартум, до которого дошел Махди, отстоит

отсюда на две тысячи километров. Этот путь они должны проехать вдоль Нила, не удаляясь от него, потому что иначе верблюды и люди погибнут от жажды. Поезжай немедленно в Каир и требуй от хедива, чтобы были разосланы телеграммы повсюду, где есть военные отряды, и чтобы была послана погоня по правую и левую стороны реки. Прибрежным шейхам объявить большую награду, если они словят беглецов. Пусть они задерживают в деревнях всех, кто будет приезжать за водой. Таким образом, Идрис и Гебр должны попасть в руки властей, и мы получим наших детей обратно.

К мистеру Роулайсону вернулось уже обычное самообладание.

– Да, я еду, – сказал он. – Эти негодяи забыли, что английская армия Уолсли, которая спешит на помощь Гордону, находится уже в пути и отрежет их от Махди. Они не уйдут от нас. Нет, не уйдут! Я сейчас отправлю телеграмму нашему министру и немедленно еду... А ты что думаешь делать?

– Я дам телеграмму об отпуске и, не дожидаясь ответа, отправлюсь по их следам вдоль Нила, в Нубию, чтоб руководить погоней.

– Так, значит, мы встретимся, потому что я сделаю то же самое из Каира.

– Хорошо! Ну, не будем терять времени! Немедленно за работу.

VII

Верблюды между тем неслись как ураган по сверкающим в лунном свете пескам. Спустилась глубокая ночь. Луна, сначала большая, как колесо, и красная, стала бледнее и поднялась высоко. Отдаленные холмы пустыни подернулись, словно кисеей, серебристым туманом, который, не закрывая их, превратил их как бы в миражное зрелище. Время от времени откуда-нибудь из-за рассеянных тут и там скал доносился жалобный вой шакалов.

Прошел еще час. Стась обнял рукой Нель и придерживал ее, стараясь таким образом сдержать мучительную тряску бешеной езды. Девочка все чаще начала допытываться у него, почему они так несутся и почему не видно ни палаток, ни папы. Стась решил, наконец, открыть ей правду, которая все равно, раньше или позже, должна была обнаружиться.

– Нель, – сказал он, – сними перчатку и брось ее незаметно на землю.

– Зачем, Стась?

Стась прижал ее к себе и ответил с какой-то необычной для него нежностью:

– Сделай то, что я тебе говорю.

Нель держалась одной рукой за Стася и боялась отпустить его, но она устроилась таким образом, что стала стягивать перчатку зубами, с каждого пальца отдельно, и, наконец, стянув ее всю, уронила на землю.

– Немного после брось вторую, – сказал ей опять Стась. – Я бросил уже свои, но твои будет легче заметить, потому что они светлые.

И, видя, что девочка смотрит на него вопросительным взглядом, продолжал:

– Не пугайся, Нель... Знаешь, может быть, мы вовсе не встретим ни твоего, ни моего папы... Может быть, эти люди хотят нас куда-то увезти. Но ты не бойся... Если это так, то за нами отправится погоня. Нас догонят и, вероятно, отнимут. Поэтому я велел тебе бросить перчатки, чтобы погоня нашла следы. Пока что мы не можем сделать ничего другого, а потом я что-нибудь придумаю... Только ты не бойся и доверься мне...

Но Нель, узнав, что не увидит своего папы и что их увозят куда-то в пустыню, начала вся дрожать от страха и плакать, прижимаясь к Стасю и распрашивая сквозь слезы, зачем их схватили и куда их везут. Он утешал ее, как мог, – и почти такими же словами, какими отец его утешал мистера Роулайсона. Он говорил, что их отцы и сами отправятся за ними в погоню, и уведомят все военные отряды вдоль Нила. Наконец, он уверял ее, что никогда, ни в каком случае он не оставит ее и всегда будет ее защищать.

Но печаль и тоска по отцу удручали ее больше, чем страх, и она долго не переставала плакать. Так мчались они, оба печальные, среди ясной лунной ночи по бледным пескам пустыни.

Но у Стася сердце сжималось не только от тоски и опасения, а еще и от стыда. Правда, он не был виноват в том, что случилось, но вспоминал свою прежнюю хвастливость, за которую так часто журил его отец. Он всегда был уверен, что нет такого положения, из которого он не мог бы выпутаться; он считал себя каким-то непобедимым смельчаком и готов был вызвать на бой весь свет. Теперь он понял, что он – маленький мальчик, с которым каждый может сделать что хочет, и вот он, против своей воли, несется на верблюде потому только, что этого верблюда погоняет сзади полудикий суданец. Он чувствовал себя этим ужасно приниженным, но не видел никакой возможности сопротивляться. Он должен был признаться в душе, что просто-напросто боится и этих людей, и этой пустыни, и того, что может случиться с ним и с Нель.

Но он искренне клялся не только ей, но и самому себе, что будет охранять ее и защищать хотя бы ценой собственной жизни.

Измученная плачем и бешеной ездой, продолжавшейся уже шесть часов, Нель начала, наконец, дремать, а по временам и совсем засыпать. Стась, зная, что если упасть с несущегося галопом верблюда, то можно убиться на месте, привязал ее к себе бечевкой, которую нашел на седле. Но немного спустя ему показалось, что бег верблюдов становится менее быстрым, хотя они неслись теперь по гладким и мягким пескам. Вдали виднелись в тумане холмы, а на равнине замаячили обычные в пустыне ночные миражи. Сияние луны на небе становилось все бледнее, но, несмотря на это, впереди каравана стали появляться низко ползущие, причудливые розовые облачка, совершенно прозрачные, точно сотканые из одного света. Они рождались неизвестно как и отчего и двигались вперед, точно подгоняемые легким ветерком. Стась видел, как бурнусы бедуинов и верблюды как бы окрашивались в розовый цвет, когда въезжали в эти освещенные пространства, а затем весь караван озарялся бледно-розовым сиянием. Порой облака приобретали голубоватый отсвет, – и так продолжалось до самых холмов. По мере приближения к ним бег верблюдов становился все медленнее. Кругом виднелись уже скалы, торчавшие из песчаных куч или раскинутые в диком беспорядке среди сыпучих курганов. Почва становилась каменистой. Они проехали несколько углублений, усеянных камнями и похожих на высохшие русла рек. Порою им преграждали дорогу ущелья, которые приходилось объезжать кругом. Животные стали ступать осторожно, перебирая ногами, точно в танце, среди сухих и жестких чащ иерихонской розы, которую в изобилии были

покрыты скалы и курганы. То и дело то тот, то другой верблюд спотыкался; было очевидно, что им надо дать отдых.

Бедуины остановились в глубоком ущелье и, слезши с седел, принялись развьючивать верблюдов. Идрис и Гебр последовали их примеру. Они стали осматривать измученных животных, отстегивать подпруги, снимать запасы провизии и искать плоские камни, чтоб разложить костер. Ни дерева, ни сухого верблюжьего помета, которым пользуются арабы, не было; но Хамис нарвал иерихонских роз и, собрав их изрядную кучу, разжег костер. На время, пока суданцы были заняты верблюдами, Стась, Нель и ее няня, старуха Дина, остались одни. Но Дина была испугана еще больше, чем дети, и не могла проговорить ни слова. Она закутала только Нель в теплый плед и, усевшись возле нее на земле, стала причитать и целовать ей ручки. Стась немедленно обратился к Хамису с вопросом, что все это означает, но тот, смеясь, только показал ему свои белые зубы и пошел опять собирать иерихонские розы. Идрис на тот же вопрос ответил одним словом: «Увидишь», и пригрозил ему пальцем. Когда, наконец, засверкал костер из роз, которые больше тлели, чем горели, все собрались вокруг огня, кроме Гебра, который остался с верблюдами, и принялись есть лепешки из кукурузы и сушеное баранье и козье мясо. Дети, проголодавшись за такой долгий путь, тоже ели, хотя у Нель глаза слипались уже от сна. Но в это время в тусклом свете костра показался темнокожий Гебр и, сверкая глазами, поднял кверху две маленькие светлые перчатки и спросил:

– Чьи это?

– Мои, – ответила сонным и усталым голосом Нель.

– Твои, маленький змееныш? – прошипел сквозь зубы суданец. – Так ты хочешь отметить дорогу, чтоб твой отец знал, как нас найти?

С этими словами он ударил ее «корбачом», страшным арабским кнутом, который рассекает даже кожу верблюда. Нель, хотя была закутана в толстый плед, вскрикнула от боли и от страха, – но Гебр не успел ударить ее во второй раз, так как Стась бросился в ту же минуту, как дикая кошка, ударил его своей головой в грудь и затем схватил за горло.

Это произошло так неожиданно, что суданец упал на землю, а Стась на него, и оба стали кататься по земле. Мальчик был необыкновенно силен для своих лет, но Гебр справился с ним. Прежде всего он оторвал от своего горла его руки, а затем, повернув его лицом к земле и прижав кулаком плечи, стал стегать его тем же корбачом по спине.

Крик и слезы Нель, которая старалась поймать руки дикаря, умоляя его, чтоб он «простил» Стасю, несколько бы не помогли, если бы не Идрис, который неожиданно заступился за мальчика. Он был старше Гебра, значительно сильнее его, и с самого начала бегства из Гарак-эль-Султани все подчинялись его приказаниям. На этот раз он выхватил корбач из рук брата и, откинув его далеко, закричал:

– Прочь, глупец!

– Насмерть засеку этого скорпиона, – ответил, скрежеща зубами, Гебр.

Но Идрис схватил его за одежду на груди и, посмотрев ему в глаза, стал говорить грозным, хотя тихим голосом:

– Благородная Фатма велела не обижать этих детей, потому что они заступались за нее...

– Засеку! – повторил Гебр.

– А я говорю тебе, что ты не посмеешь поднять на них кнут. Смотри у меня, – только посмей. За каждый удар я тебя ударю десять раз.

И он стал трясти его, как пальмовую ветку, а потом продолжал:

– Эти дети составляют теперь собственность Смаина; если хоть один из них не доедет живым, тогда сам Махди, – пусть Аллах бесконечно продлит его дни, – прикажет тебя повесить. Понимаешь, глупец?!

Имя Махди производило на всех его приверженцев такое сильное впечатление, что Гебр тотчас же опустил голову и стал повторять, как бы в испуге:

– Аллах акбар! [14] Аллах акбар!

Стась встал, избитый, с пеной у рта, но он чувствовал, что, если бы отец его мог видеть и слышать в эту минуту, он был бы горд им, так как он не только бросился, не раздумывая, чтоб спасти Нель, но и сейчас, хотя удары корбача жгли его, как огонь, не думал о собственной боли, а стал утешать девочку и расспрашивать, больно ли ударил ее Гебр.

Затем он проговорил:

– Ну, избить-то он меня избил, но больше он не посмеет тебе ничего сделать. О, если бы какое-нибудь оружие было у меня в руках!

Маленькая женщина обняла его обеими руками за шею и, омывая слезами его щеки, стала уверять, что ей было не очень больно, что она плачет не от боли, а от жалости к нему. Стась, в свою очередь, стал шептать ей на ухо:

– Не за то, что он меня избил, Нель, а за то, что он ударил тебя, я, клянусь, не прощу ему этого.

На этом происшествие окончилось. Немного спустя Гебр и Идрис, успевшие уже помириться, растянули на земле циновки и покрывала и легли спать; вскоре и Хамис последовал их примеру. Бедуины насыпали верблюдам дурры и потом на двух свободных поехали к берегу Нила. Нель склонила головку на колени старой Дины и заснула. Костер погас, и вскоре слышно было только, как хрустит дурра на зубах верблюдов. На небо выплыли маленькие облачка, закрывая порою луну; но ночь все время была ясна. За скалами все время раздавался жалобный вой шакалов.

Через два часа вернулись бедуины с верблюдами, которые тащили наполненные водой кожаные мехи. Они подбросили веток в тлевший еще костер и, усевшись на песке, принялись за еду. Их появление разбудило Стася, который успел было задремать, и обоих суданцев с Хамисом, сыном Хадиги. За костром поднялся такой разговор.

– Можем ехать? – спросил Идрис.

– Нет, нам нужно отдохнуть, и нашим верблюдам тоже.

– Никто вас не видел?

– Никто. Мы подъехали к реке между двумя деревнями. Издали только залаяли собаки.

– Нужно будет всегда ездить за водой в полночь и черпать ее в безлюдных местах. Лишь бы миновать первый халлаль[15], а дальше деревни идут реже и большую частью преданы пророку. За нами, наверно, будет погоня.

Хамис повернулся кверху спиной и проговорил:

– Мехендисы будут сначала ждать детей в Эль-Фахене всю ночь и до следующего поезда, а потом поедут в Файюм и оттуда в Гарак. Там только они поймут, что случилось, и тогда они должны будут вернуться в Мединет, чтобы послать слова, бегущие по медной проволоке, в города над Нилом и людей на верблюдах в погоню за нами. Все это отнимет, по крайней мере, три дня. Пока что нам незачем мучить наших верблюдов, и мы можем спокойно «пить дым» из чубуков.

Сказав это, он достал из костра веточку иерихонской розы и зажег ею трубку, а Идрис, причмокивая, по арабскому обыкновению, от удовольствия, промолвил:

– Хорошо ты это устроил, сын Хадиги. Но нам нужно пользоваться временем и уехать за эти три дня и три ночи как можно дальше на юг. Я вздохну спокойно только тогда, когда мы проедем пустыню между Нилом и Харге[16]. Дай только бог, чтобы верблюды выдержали.

– Выдержат, – успокоил его один из бедуинов.

– Люди говорят, – заметил Хамис, – что войска Махди приближаются уже к Асуану.

Тут Стась, который не пропустил ни слова из всего разговора и запомнил также то, что перед тем Идрис говорил Гебру, встал и заявил:

– Войска Махди теперь находятся под Хартумом.

– Ла! Ла![17] – возразил Хамис.

– Не обращайтесь внимания на его слова, – ответил Стась. – У него не только кожа, но и мозг темный. До Хартума, хотя бы вы каждые три дня покупали новых верблюдов и мчались как сегодня, вы доедете через месяц. И вы еще, пожалуй, не знаете и того, что вам преградят дорогу войска не египетские, а английские...

Слова эти произвели некоторое впечатление. Заметив это, Стась продолжал:

– Пока вы очутитесь между Нилом и большим оазисом, все дороги в пустыне будут уже обставлены военными отрядами. Да! Слова по медной проволоке бегут быстрее верблюдов! Как же вы думаете пробраться?

– Пустыня широка, – ответил один из бедуинов.

– Но вы должны держаться Нила.

– Мы можем даже переправиться, и, когда нас будут искать по эту сторону, мы будем на той.

– Слова, бегущие по медной проволоке, дойдут до городов и деревень по обеим сторонам реки.

– Махди ниспошлет нам ангела, который положит перст на глаза англичан и турок[18], а нас закроет своими крылами.

– Идрис, – сказал Стась, – я обращаюсь не к Хамису, у которого голова похожа на пустую тыкву, и не к Гебру, подлому шакалу, – а к тебе. Я уж знаю: вы хотите отвезти нас к Махди и отдать в руки Смаина. Но если вы делаете это ради денег, так знай, что отец этой маленькой бинт[19] богаче, чем все суданцы, вместе взятые.

– Ну, так что ж из этого? – перебил его Идрис.

– Что из этого? Вернитесь по доброй воле: великий мехендис не пожалеет для вас денег, а мой отец тоже.

– Или отдаст нас властям, которые велют нас повесить.

– Нет, Идрис. Вы будете висеть, конечно, но только в том случае, если вас схватят. А схватят нас наверняка. Если же вы вернетесь сами, то вы не понесете никакого наказания и, кроме того, сделаетесь богатыми людьми до конца жизни. Ты знаешь, что белые из Европы всегда держат слово. Так вот я даю вам слово за обоих мехендисов, что будет так, как я говорю.

И Стась был действительно уверен, что его отец и мистер Роулайсон в тысячу раз охотнее согласились бы исполнить данное им обещание, чем подвергать их обоих, особенно Нель, ужасному путешествию и еще более ужасной жизни среди дикарей и необузданных орд Махди.

С бьющимся сердцем ожидал он ответа Идриса, который погрузился в молчаливое раздумье и лишь долго спустя проговорил:

– Ты говоришь, что отец маленькой бинт и твой дадут нам много денег?

– Да.

– А все их деньги разве откроют нам врата рая, которые распахнет для нас одно благословение Махди?

– Бисмиллах! – закричали при этом слове оба бедуина, вместе с Хамисом и Гебром.

Стась сразу потерял всякую надежду. Он знал, что некультурные люди жадны и подкупны; однако когда истинный магометанин взглянет на какое-нибудь дело со стороны веры, то нет на свете таких сокровищ, которыми он дал бы себя соблазнить.

Идрис же, ободренный возгласом, продолжал, по-видимому, уже не для того, чтоб ответить Стасю, а чтоб снискать большее уважение и похвалу товарищей:

– Мы имеем счастье лишь принадлежать к тому племени, из которого произошел святой пророк, но благородная Фатьма и ее дети – его родственники, и великий Махди любит их. Когда мы отдадим ему тебя и маленькую бинт, он обменяет вас на

Фатьму и ее сыновей, а нас благословит. Знай, что даже вода, которую он каждое утро умывается по предписанию Корана, исцеляет болезни и искупает грехи, а что же говорить о его благословении!

– Бисмиллах! – повторили суданцы и бедуины.

Тогда Стась, хватаясь за последнюю надежду на спасение, проговорил:

– Тогда возьмите меня, а бедуины пусть вернуться с маленькой бинт. За меня выдадут Фатьму и ее сыновей.

– Еще скорее выдадут за вас обоих.

Тогда мальчик обратился к Хамису:

– Твой отец ответит за твои поступки.

– Мой отец уже в пустыне, на пути к пророку, – ответил Хамис.

– Его поймут.

Идрис, однако, счел нужным придать бодрости своим товарищам.

– Те ястребы, – сказал он, – что будут клевать мясо с наших костей, еще, пожалуй, не вылупились из яиц. Нам известно, что нам грозит, но мы не дети и пустыню знаем с давних пор. Эти люди, – он указал на бедуинов, – были много раз в Берберии и знают такие дороги, по которым бегают только газели. Там никто нас не найдет и никто не станет преследовать. Нам действительно придется сворачивать за водой к Баар-Юссефу, а потом к Нилу, но мы будем это делать ночью. А вы думаете, над рекой нет тайных друзей Махди? Так я вам скажу, что чем дальше на юг, тем их больше, и целые племена со своими шейхами ждут только удобной минуты, чтоб схватиться за меч в защиту истинной веры. Они доставят нам воду, пищу, верблюдов и направят погоню на ложный след. Правда, мы знаем, что Махди далеко, но мы знаем и то, что каждый день будет приближать нас к овечьей шкуре, на которую святой пророк опускает свои колени во время молитвы.

– Бисмиллах! – прокричали в третий раз его товарищи.

И видно было, что авторитет Идриса значительно поднялся в их глазах. Стась понял, что все потеряно, и, желая уберечь, по крайней мере, Нель от жестокости суданцев, сказал:

– После шести часов маленькая девочка доехала еле живая. Как же вы можете думать, что она выдержит такой путь? А если она умрет, тогда и я умру. С чем же вы приедете тогда к Махди?

Тут уже Идрис не нашел ответа. Стась же продолжал:

– И как вас примут Махди и Смаин, когда узнают, что за вашу глупость Фатьма с детьми должны будут поплатиться жизнью?

Суданец тем временем успел опомниться и ответил:

– Я видел, как ты схватил Гебра за горло. Ты-то, я вижу, из львиной породы, – не

подохнешь, а вот она...

При этих словах он посмотрел на головку спавшей Нель, прикинувшую к коленям старой Дины, и закончил каким-то странным для него мягким тоном:

– Ей мы сошьем гнездышко на горбу верблюда, как птичке... Она не будет чувствовать усталости и сможет спать в пути так же спокойно, как спит сейчас.

Сказав это, он пошел к верблюдам и вместе с бедуинами стал устраивать на хребте лучшего из дромадеров сиденье для девочки. Они много говорили при этом и спорили, но в конце концов при помощи веревок, войлока и бамбуковых палок устроили что-то вроде глубокой, неподвижной корзины, в которой Нель могла сидеть или лежать, но не могла выпасть. Над этим сиденьем, настолько просторным, что и Дина могла в нем поместиться, они устроили из холста что-то вроде навеса.

– Вот видишь, – сказал Идрис Стасю, – яйца перепелки не разбились бы в этих войлоках. Старуха поедет с девочкой, чтоб прислуживать ей днем и ночью... Ты сядешь со мной, но можешь ехать рядом и присматривать за ней.

Стась был рад, что отвоевал хоть это. Взвешивая настоящее положение, он решил, что, по всем вероятностям, их нагонят раньше, чем они доедут до первого водопада, и эта мысль придала ему бодрости. Сейчас же ему хотелось прежде всего спать, и он мечтал, что когда они сядут на верблюдов, он привяжет себя веревкой к седлу и, так как ему не нужно будет поддерживать Нель, он соснет часок-другой.

Ночь начинала уже редеть, и шакалы перестали завывать в ущельях. Караван должен был вскоре тронуться, но суданцы, увидев наступление рассвета, удалились за расположенную в нескольких шагах скалу и там, согласно предписаниям Корана, стали совершать утреннее омовение, употребляя песок вместо воды, которую хотели сэкономить. Потом послышались их голоса, произносившие соубх – первую утреннюю молитву.

VIII

Ночь редела. Люди собирались уже садиться на верблюдов, как вдруг увидели жителя пустыни, дикого шакала, который, поджав хвост, пробежал ущелье, в ста шагах от каравана, и, взобравшись на противоположный косогор, продолжал бежать. Было ясно видно, что он чего-то боится, как будто спасается от какого-то невидимого врага. В египетских пустынях нет таких диких зверей, которых боялись бы шакалы, и потому вид его очень обеспокоил суданских арабов. Что бы это могло быть? Неужели это уже приближается погоня? Один из бедуинов быстро вскарабкался на скалу, но, едва взглянув с высоты, быстро спустился с нее.

– Аллах! – воскликнул он в смятении и ужасе. – Кажется, лев бежит к нам... Он уж тут, близко, в нескольких шагах!

В это самое время из-за скал донеслось хрипкое «гав!», слышав которое Стась и Нель крикнули в один голос:

– Саба! Саба!

Так как по-арабски это значит лев, то бедуины испугались еще больше, но Хамис расхохотался и сказал:

– Я знаю этого льва.

Сказав это, он протяжно свистнул, – и в ту же минуту огромный пес подбежал к верблюдам. Увидев детей, он бросился к ним, опрокинул от радости Нель, которая протянула к нему ручки, положил лапы на плечи Стася и затем с радостным визгом и лаем несколько раз обежал вокруг них; потом он опять опрокинул Нель, еще раз обнял лапами Стася и, наконец, улегшись у их ног, стал тяжело дышать, высунув язык.

Бока у бедного животного глубоко впали, с высунутого языка стекала хлопьями пена, но оно не переставало махать хвостом и, поднимая полные любви глаза на Нель, как будто хотело сказать ей: «Твой отец приказал мне оберегать тебя, и вот я здесь!»

Дети уселись рядом с собакой, по обеим сторонам, и стали ласкать ее; оба бедуина, которые никогда не видели подобного животного, смотрели на него с изумлением, повторяя: «Оналлах! О, келб кебир!»[20] Саба полежал некоторое время спокойно, потом поднял голову, втянул воздух своим черным, похожим на огромный трюфель носом, понюхал и подбежал к потухшему костру, где валялись еще остатки трапезы. В одно мгновение козы и бараньи кости стали хрустеть и ломаться, как соломинки, в его сильных зубах. После обеда, оставшегося от восьми человек, считая старую Дину и Нель, было еще достаточно пищи даже для такого «келба кебира».

Суданцы, однако, были очень озабочены его появлением. Оба верблюдовожатых, отозвав в сторону Хамиса, стали разговаривать с ним взволнованно и возмущенно.

– Иблис[21] принес сюда этого пса! – кричал Гебр. – И как это он нашел дорогу, чтоб бежать сюда за детьми, когда до Гарака они ехали по железной дороге?

– Наверное, по следам верблюдов, – ответил Хамис.

– Теперь плохо дело. Каждый, кто увидит его с нами, запомнит наш караван и укажет, где видел нас. Надо непременно от него избавиться.

– Но как? – спросил Хамис.

– Есть ружье: возьми и выстрели ему в голову.

– Ружье-то есть, да я не умею стрелять из него. Может быть, вы умеете?

Хамис кое-как, может быть, и сумел бы, так как Стась несколько раз открывал и закрывал при нем свой штуцер; но ему жаль было собаки, к которой он успел привязаться, ухаживая за ней до приезда детей в Мединет. К тому же он превосходно знал, что оба суданца не имели ни малейшего понятия о том, как обходиться с оружием новейшей системы, и не смогли бы с ним справиться.

– Если вы не умеете, – сказал он, хитро улыбаясь, – тогда собаку может убить только этот маленький «нузрани»[22], но это ружье может выстрелить несколько раз сряду, и я не советую вам давать его ему в руки.

– Упаси Аллах! – ответил Идрис. – Он бы перестрелял нас, как коз.

– У нас есть ножи, – заметил Гебр.

– Попробуй. Только помни, что у тебя есть еще и горло, которое собака растерзает прежде, чем ты ее заколешь.

– Так что же делать?

Хамис пожал плечами.

– Зачем вам непременно убивать эту собаку? Если даже вы засыплете ее потом песком, все равно гиены вытащат ее, погоня найдет ее кости и будет знать, что мы не переправились через Нил, а бежали по эту сторону реки. Пусть она следует за нами. Всякий раз, когда бедуины пойдут за водой, а мы спрячемся в какое-нибудь ущелье, вы можете быть уверены, что собака останется при детях. Аллах! Лучше, что она прибежала теперь, а то она повела бы погоню по нашим следам до самой Берберии. Кормить ее вам не придется, потому что если ей не хватит остатков от нашей еды, то справиться с гиеной или шакалом ей будет нетрудно. Говорю вам, оставьте ее в покое, и не стоит терять время на разговоры.

– Пожалуй, ты и прав, – согласился Идрис.

– Если я прав, то я дам ей воды, чтоб она сама не бегала к Нилу и не показывалась в деревнях.

Таким образом решилась судьба Саба, который, отдохнув немного и поев, в одно мгновение вылебал миску воды и с новыми силами побежал за верблюдами. Караван выехал на высокое плоскогорье, на котором ветер уложил волнистыми грядами песок и с которого видна был, по обе стороны огромная равнина пустыни. Небо стало как бы перламутровым. Легкие тучки, сбившись в кучу на востоке, отливали опаловым блеском, а потом сразу вспыхнули, точно обрызганные золотом. Блеснул один луч, потом другой, и солнце, как всегда в южных странах, где почти нет ни сумерек, ни рассвета, не взошло, а вспыхнуло из-за облаков, как столб огня, и залило ярким светом горизонт. Повеселело небо, повеселела земля, и неизмеримое песчаное пространство открылось взорам людей.

– Надо мчаться что есть мочи, – сказал Идрис. – Здесь нас могут заметить издалека.

Отдохнув и вдоволь напившись, верблюды неслись с быстротой газелей. Саба отставал от них, но опасаться, чтобы он заблудился и не догнал их на первом привале, не приходилось. Дромадер, на котором ехали Идрис со Стасем, бежал рядом с верблюдом Нель, так что дети могли свободно переговариваться. Сиденье, которое устроили суданцы, оказалось превосходным, и девочка выглядела в нем действительно как птичка в гнездышке. Она не могла выпасть, даже когда спала, и езда мучила ее гораздо меньше, чем ночью. Яркий свет дня придал обоим детям бодрость. В душе у Стася зародилась надежда, что если Саба их догнал, то погоне это тоже удастся. Этой надеждой он поспешил поделиться с Нель, которая улыбнулась ему в первый раз после их похищения.

– А когда нас догонят? – спросила она по-французски, чтоб Идрис не мог их понять.

– Не знаю... Может быть, еще сегодня, может быть – завтра, а может быть – через два или три дня.

– Но назад мы не будем ехать на верблюдах?

– Нет. Мы доедем только до Нила, а потом по реке до Эль-Васта.

– Это хорошо. Ах, как хорошо!

Бедной Нель, которая прежде так любила ездить на верблюдах, видно, эта езда уже порядком надоела.

– По Нилу... до Эль-Васта, и к папочке! – повторила она сонным голосом.

И так как на последнем привале она не выспалась как следует, то опять заснула глубоким сном, каким засыпают под утро, после большой усталости. Бедуины между тем погоняли все время верблюдов, и Стась заметил, что они направляются в глубь пустыни. Желая поколебать в Идрисе уверенность, что они смогут избежать погони, и вместе с тем показать ему, что он сам не сомневается, что их догонят, он обратился к нему:

– Вы отъезжаете от Нила и от Баар-Юссефа, но это вам несколько не поможет. Ведь вас не станут искать по берегу, где деревни лежат одна около другой, а будут искать в глубине.

Идрис спросил:

– Почему ты знаешь, что мы отъезжаем от Нила? Берегов его ты ведь не можешь отсюда видеть.

– Потому что солнце, которое теперь на востоке, греет нас в спину; это значит, что мы повернули на запад.

– Умный ты мальчишка! – проговорил Идрис не без уважения. Но тотчас добавил: – Но все-таки ни погоня нас не догонит, ни ты не убежишь.

– Нет, – ответил Стась, – я не убегу, разве что с нею.

Он указал на спящую Нель.

До полудня они мчались почти без передышки; но когда солнце высоко поднялось на небе и стало сильно печь, верблюды, которые от природы мало потеют, обливались, однако, потом, и бег их стал значительно медленней. Караван опять окружили скалы и песчаные холмы. Ущелья, которые в дождливое время года превращаются в русла ручьев или так называемые «кхоры», попадались все чаще. Бедуины остановились наконец в одном из них, совершенно закрытом со всех сторон скалами. Но не успели они сойти с верблюдов, как подняли крик и бросились вперед, поминутно нагибаясь к земле и бросая вперед камни. Стасю, который еще не слез с седла, представилось странное зрелище. Из чащи сухих кустов, которыми поросло дно кхора, выползла большая змея и, извиваясь с быстротой молнии между обломками скал, спешила спастись куда-то, в ей одной знакомое убежище. Бедуины с ожесточением преследовали ее, а на помощь им подбежал и Гебр с ножом в руке. Но так как поверхность земли была кругом неровная, то было одинаково трудно и попасть в змею камнем, и пригвоздить ее к земле ножом. Вскоре все трое вернулись с видимым испугом на лице.

В воздухе раздались обычные у арабов возгласы:

- Аллах!
- Бисмиллах!
- Машаллах!

Потом оба суданца стали всматриваться с каким-то странным, не то вопросительным, не то испытующим взглядом в Стася, который не мог понять, в чем дело.

Между тем Нель тоже слезла с верблюда, и хотя она была измучена меньше, чем ночью, но Стась растянул для нее войлок в тени, на ровном месте, и велел ей прилечь, чтоб она могла, как он говорил, выпрямить ножки. Арабы принялись за обед, который состоял, однако, из одних сухарей и фиников и из глотка воды. Верблюдов не поили, так как они пили ночью. Лица Идриса, Гебра и бедуинов оставались озабоченными, и все время привала прошло в молчании. Наконец Идрис отозвал Стася в сторону и стал спрашивать его с таинственным и встревоженным выражением в лице:

- Ты видел змею?
- Видел.
- Это не ты заклил ее, чтоб она нам попалась?
- Нет.
- Нас ждет какое-нибудь несчастье, потому что эти дураки не сумели убить змею!
- Вас ждет жестокое наказание.
- Молчи! Твой отец не волшебник?
- Да, волшебник, - ответил без колебания Стась, поняв сразу, что эти дикие и суеверные люди считают появление змеи дурной приметой и предзнаменованием, что побег им не удастся.
- Так это твой отец послал нам ее? - сказал Идрис. - Но он ведь должен понимать, что за его чары мы можем выместить наш гнев на тебе.
- Вы мне ничего не сделаете, потому что за вред, причиненный мне, заплатились бы жизнью сыновья Фатьмы.
- Ага, ты и это уже понял? Но помни, что если бы не я, так ты бы истек кровью под корбачом Гебра, - и ты, и маленькая бинт тоже.
- Я и заступлюсь только за тебя, а Гебру не избежать петли.

Идрис посмотрел на него с удивлением и проговорил:

- Наша жизнь еще не в твоих руках, а ты уже говоришь с нами, как будто ты наш господин...

А немного погодя прибавил:

– Странный ты улед[23]: никогда я не видал такого. Я был до сих пор добр к вам; но ты думай, что говоришь, и не угрожай нам.

– Хитрость и предательство не останутся безнаказанными, – ответил Стась.

Было, однако, очевидно, что уверенность, с какой говорил мальчик, в связи с дурным предзнаменованием в образе змеи, которую не удалось поймать, сильно встревожила Идриса. Уже усевшись на верблюда, он несколько раз повторил:

– Да, я был к вам добр! – как будто желая на всякий случай утвердить это в памяти Стася. Потом он стал перебирать в руке четки, сделанные из скорлупы ореха дум, и молиться.

Часу во втором жара, несмотря на зимнее время, стала невыносимой. На небе не было ни одной тучки, но края горизонта немного потемнели. Над караваном носилось несколько ястребов, широко распростертые крылья которых бросали волнующиеся черные тени на серые пески. В раскаленном воздухе чувствовался как бы угар. Верблюды, не переставая мчаться, начали как-то странно всхрапывать. Один из бедуинов подошел к Идрису.

– В воздухе чуеться что-то недоброе, – проговорил он.

– А что именно ты думаешь? – спросил суданец.

– Злые духи разбудили ветер, что спит на западном конце пустыни; он встал из-за песков и несется к нам.

Идрис привстал на седле, посмотрел вдаль и ответил:

– Да, он идет с запада и с юга, но он не бывает так ужасен, как хамсин[24].

– Три года тому назад он засыпал, однако, близ Абу-Гамеда целый караван, который нашли из-под песков лишь прошлой зимой. Йалла! У него может быть довольно силы, чтоб заткнуть ноздри верблюдам и засушить воду в мешках.

– Нужно мчаться изо всех сил, чтоб он задел нас только одним крылом.

– Мы несемся ему прямо навстречу и миновать его не сможем. Чем скорее он придет, тем скорее он пронесется.

Сказав это, Идрис ударил верблюда корбачом, и его примеру последовали остальные. Некоторое время слышались лишь тупые удары толстых бичей, похожие на хлопанье в ладоши, и окрики «Йалла!». На юго-западе белый перед тем горизонт потемнел. Зной еще не спал, и солнце жгло головы всадников. Ястребы парили, по-видимому, очень высоко, так как тени их крыльев становились все меньше и, наконец, совсем исчезли.

Стало душно.

Арабы кричали на верблюдов, пока у них не пересохло в горле. Тогда они замолчали, и наступила гробовая тишина, нарушаемая тяжелым, хриплым дыханием животных. Две маленькие песчаные лисицы[25] с огромными ушами пробежали мимо каравана.

Тот же бедуин, который перед тем разговаривал с Идрисом, опять заговорил каким-то странным, как будто не своим голосом:

- Это не будет обыкновенный ветер. Нас преследуют злые чары. Всему виной змея...
- Знаю, - ответил Идрис. - Смотри, воздух дрожит: этого не бывает зимой.

Действительно, раскаленный воздух стал дрожать, и, вследствие обмана зрения, всадникам стало казаться, будто дрожат и пески. Бедуин снял с головы потную ермолку и проговорил:

- Сердце пустыни трепещет в страхе.

В это же время другой бедуин, ехавший впереди, как проводник каравана, обернулся и стал кричать:

- Идет уже! Идет!

И действительно, ветер приближался; вдали появилась как бы темная туча, которая становилась заметно все больше и больше и приближалась к каравану. Кругом, совсем близко, зашевелились волны воздуха, и внезапные порывы ветра стали кружить песок. Там и сям образовывались воронки, словно кто-то палкой крутил и вздымал поверхность пустыни. Местами подымались кружащиеся столбы, напоминавшие воронки, тонкие снизу и развевавшиеся султаном вверху. Но все это длилось одно мгновение. Туча, которую первым увидел проводник верблюдов, налетела с невообразимой быстротой. По людям и животным ударило как бы крыло исполинской птицы. В одно мгновение глаза и рты всадников наполнились пылью. Клубы ее покрыли небо, заслонили солнце, и кругом стало темно, как ночью. Люди стали терять друг друга из глаз, и даже самые близкие верблюды маячили как в тумане. Гул ветра заглушал окрики проводника и рев животных. В воздухе чувствовался запах угара. Верблюды остановились и, отвернувшись от ветра, вытянули вниз длинные шеи, так что ноздри их почти касались песков.

Но суданцы не хотели останавливаться, так как ураган часто засыпает остановившиеся караваны. Лучше всего бывает тогда мчаться вместе с ветром, но Идрис и Гебр не могли делать и этого, так как таким образом они возвращались бы к Файюму, откуда ожидали погони. Как только пронесся первый страшный порыв, они опять погнали верблюдов.

Настала короткая тишина, но ржаво-багровый сумрак рассеивался очень медленно, так как лучи солнца не могли пробиться через висевшие в воздухе клубы пыли. Более крупные и тяжелые песчинки начинали, однако, понемногу оседать. Они наполняли все щели и изгибы в седлах и застревали в складках платья. Люди и животные при каждом вдохе вдыхали пыль, которая раздражала их легкие и скрипела на зубах.

К тому же ветер мог опять подняться и совсем заслонить свет. У Стася мелькнула мысль, что, если бы в такую темноту он очутился на одном верблюде с Нель, он мог бы повернуть его и бежать с ветром на север. Кто знает, может быть, их совсем не заметили бы в этой тьме и неистовстве стихий; а если бы им удалось добраться до первой какой-нибудь деревушки на берегу Баар-Юссефа, близ Нила, они были бы спасены: Идрис и Гебр не решились бы даже гнаться за ними, так как они тотчас же попали бы в руки местных заптиев.

Сообразив все это, он тронул Идриса за руку и сказал ему:

– Дай мне мех с водой.

Идрис не отказал, так как, хотя они утром значительно свернули в глубь пустыни и были довольно далеко от реки, воды у них все же было достаточно, а верблюды вдоволь напились во время ночного привала. Кроме того, будучи хорошо знаком с пустыней, он знал, что после урагана обыкновенно бывает дождь и превращает на время пересохшие кхоры в ручьи.

Стасю действительно хотелось пить, и он с жадностью потянул воду из меха, а потом, не возвращая его Идрису, опять толкнул последнего рукой.

– Останови караван.

– Почему? – спросил суданец.

– Потому что я хочу пересечь на верблюда маленькой бинт и дать ей воды.

– У Дины мех больше моего.

– Но она жадная и, наверно, все выпила. К тому же в седло, которое ты устроил, как корзинку, вероятно, попало много песка. Дина сама не сможет справиться.

– Ветер сейчас поднимется снова и опять все засыплет.

– Тем скорее маленькой бинт нужна будет помощь.

Идрис ударил кнутом верблюда, и с минуту они ехали молча.

– Почему ты не отвечаешь? – спросил Стась.

– Потому что я думаю, не лучше ли привязать тебя к седлу или связать тебе сзади руки.

– Ты с ума сошел!

– Нет. Я только угадал, что ты хотел сделать.

– Погоня все равно нас настигнет, так что мне незачем это делать.

– Пустыня в руках Аллаха.

Они опять замолчали.

Крупные песчинки совсем уже осели; в воздухе осталась лишь тонкая красноватая пыль, через которую солнце просвечивало точно через медную жечь. Но впереди видно было уже дальше, чем прежде. Перед караваном тянулась теперь плоская равнина, на краю которой зоркие глаза арабов опять заметили тучу. Она была выше прежней, а кроме того, от нее отходили как бы столбы, как бы огромные, расширенные сверху фабричные трубы. Когда арабы и бедуины увидели это, сердца их затрепетали: они узнали огромный песчаный смерч. Идрис поднял руки вверх и, касаясь ладонями ушей, стал бить поклоны несущемуся вихрю. Его вера в единого Аллаха не мешала ему, по-видимому, чтить и бояться других богов, так как Стась

ясно услышал, как он говорил:

– Владыка! Мы ведь дети твои, и ты не пожрешь нас!

«Владыка» между тем налетел как раз в это время и метнул верблюдов с такой страшной силой, что они чуть не попадали на землю. Животные сбились в тесную кучу, повернув головы в середину, друг к дружке. Целые массы песку зашевелились. Весь караван окутал мрак, еще более густой, чем прежде, и в этом мраке проносились мимо всадников еще более темные, неясные предметы, точно огромные птицы или мчащиеся вместе с вихрем верблюды. Страх охватил арабов: им казалось, будто это несутся духи погибших под песком людей и животных. Среди шума и завывания урагана слышались страшные голоса, напоминавшие не то рыдание, не то смех, не то крики о помощи. Но это был обман слуха. Каравану грозила гораздо более страшная, действительная опасность. Суданцы хорошо знали, что если один из огромных смерчей, которые все время образовывались там и сям, схватит их в свой круговорот, то собьет всадников и рассеет верблюдов, а если разорвется и обрушится на них, то в одно мгновение засыпет их огромным песчаным курганом, под которым они будут лежать, пока следующий ураган не обнажит их побелевших скелетов.

У Стася кружилась голова, дыхание спирало в груди, песок слепил ему глаза. Но ему все казалось, будто он слышит плач и крик Нель, и он думал только о ней. Пользуясь тем, что верблюды стояли сбившись в кучу и что Идрис не мог наблюдать за ним, он решил перелезть потихоньку на верблюда Нель, уже не затем, чтоб бежать, а просто чтоб быть ей в помощь и придать бодрости. Но едва он поджал под себя ноги и протянул руки, чтоб схватиться за край седла, на котором сидела Нель, как его с силой дернула огромная рука Идриса. Суданец схватил его, как перышко, положил перед собой и стал связывать пальмовой веревкой; связав ему руки, он перевесил его через седло. Стась стиснул зубы и сопротивлялся, как мог, но напрасно.

В горле у него пересохло, рот был полон песку, и он не мог и не пытался уверять Идриса, что хотел только оказать помощь девочке, а не бежать.

Минуту спустя, однако, чувствуя, что задыхается, он стал кричать сдавленным голосом:

– Спасайте маленькую бинт!.. Спасайте маленькую бинт!

Но арабы предпочитали думать о собственной жизни. Вихрь поднялся такой страшный, что они не могли усидеть на верблюдах, а верблюды не в силах были устоять на ногах. Оба бедуина, Хамис и Гебр, прыгнули на землю, чтобы держать животных за поводья, привязанные к удилам, под их нижней челюстью. Идрис, столкнув Стася на задний край седла, сделал то же самое. Животные расставили ноги как можно шире, чтоб устоять против бешеного вихря, но сил у них не хватало, и весь караван, обсыпаемый песком, который хлестал их, точно сотни бичей сразу, и колот, точно острыми иглами, стал то медленно, то быстрее кружиться и отступать под напором урагана. Иногда вихрь вырывал из-под их ног целые тучи песку, оставляя глубокие ямы, иногда песок, налетев на верблюдов и хлестнув их по бокам, осыпался тут же, образуя в одно мгновение высокие кучи, доходившие им до колен и выше. Так протекал час за часом. Опасность становилась с каждой минутой все страшнее. Идрис понял наконец, что единственным спасением будет сесть опять на верблюдов и нестись с ветром. Но ведь это означало бы возвращаться в сторону Файюма, где их ждал египетский суд и виселица.

«Ничего не поделаешь, – подумал Идрис. – Ураган должен был задержать и погоню. А когда он прекратится, мы опять помчимся на юг».

И он стал кричать, чтоб все садились на верблюдов.

Но тут случилось нечто такое, что совсем изменило положение.

Сквозь темные, почти черные тучи песку вдруг блеснул какой-то синеватый свет. Темнота после этого еще больше сгустилась, и в то же время проснулся спавший на высотах и разбуженный вихрем гром и стал перекатываться между Аравийской и Ливанской пустынями, – могучий, грозный, словно исполненный гнева. Казалось, будто с неба валятся горы и скалы. Оглушительный рокот усиливался, рос, потрясал всем миром, облетал горизонт от края до края; местами он ударял с такой страшной силой, точно небесный свод, разлетевшись вдребезги, рушился на землю; порой он катился с глухим непрерывным рокотом, опять раздражался, опять обрывался, ослеплял молнией, поражал грохотом, спускался, подымался, гудел и стоял в воздухе[26].

Ветер притих, точно в испуге, а когда спустя много времени где-то, очень далеко, захлопнулись двери небес и раздался последний, страшный удар грома, кругом наступила мертвая тишина.

Но минуту спустя ее прервал голос проводника:

– Аллах царит над вихрем и бурей! Мы спасены!

Они тронулись. Но их окружала такая непроглядная тьма, что хотя верблюды бежали близко, однако люди не могли видеть друг друга и должны были поминутно громко перекликаться, чтоб не растеряться. Время от времени яркие молнии – то синие, то красные – озаряли на мгновение песчаное пространство, но после них наступила такая густая тьма, что, казалось, ее можно было осязать. Несмотря на надежду, которую вселил в души суданцев голос проводника, беспокойство не покинуло их еще, главным образом, потому, что они двигались наугад, не зная наверное, в какую сторону направляются, – не кружатся ли вокруг одного места или не возвращаются ли на север. Животные поминутно спотыкались и не могли бежать быстро; притом они дышали так странно и так громко, что всадникам казалось, будто это вся пустыня так дышит в испуге. Наконец упали первые крупные капли дождя, который почти всегда наступает после урагана, и в то же время в темноте раздался голос проводника:

– Кхор!..

Они были на краю ущелья. Верблюды остановились перед обрывом и стали осторожно спускаться вниз.

IX

Кхор был широкий, усыпанный внизу камнями, между которыми густо росли карликовые тернистые кусты. Южную сторону его составляли высокие скалы, изрытые расселинами и уступами. Арабы увидели все это при свете беззвучных, все учащавшихся молний. Вскоре они открыли в скалистой стене нечто вроде плоской пещеры или, вернее, просторную впадину, куда люди легко могли поместиться и найти убежище в случае большого ливня. Верблюды тоже удобно расположились на небольшом косогоре, вблизи пещеры. Бедуины и оба суданца сняли с них вьюки и седла, чтоб они могли хорошо

отдохнуть, а Хамис, сын Хадиги, пошел пока собрать сухого тернового хворосту для костра. Отдельные большие капли дождя не переставали падать, но ливень разразился лишь тогда, когда люди успели уже улечься на ночлег. Сначала потянулись от неба к земле как бы нитки воды; они становились все толще и толще, превращаясь в целые веревки, и, наконец, стало казаться, будто целые реки льются из невидимых туч на землю. Такие дожди случаются в Африке лишь раз в несколько лет. Они поднимают даже зимой воду в каналах и в Ниле, а в Адене наполняют огромные цистерны, без которых город не мог бы совсем существовать. Стась никогда в жизни не видел ничего подобного. На дне кхора зашумел целый поток, вход в пещеру был задернут, точно завесой, водяной тканью, а кругом слышался только плеск и бульканье струй. Верблюды стояли на возвышенном месте, и ливень мог, в худшем случае, быть для них чересчур обильным душем, но арабы поминутно выглядывали, не грозит ли животным опасность. Людям же было очень уютно сидеть в защищенной от дождя пещере при ярком огне костра из не успевшего еще промокнуть хвороста. На лицах видна была радость. Идрис развязал тотчас по прибытии Стасю руки, чтобы он мог поесть, и обратился к нему с презрительной усмешкой:

– Махди сильнее всех белых волшебников. Это он укротил ураган и послал дождь.

Стась ничего не ответил; все его внимание было сосредоточено на Нель, которая была еле жива. Сначала он попробовал вытряхнуть песок из ее волос, а затем, приказав старой Дине развернуть вещи, которые она взяла с собой из Файюма в полной уверенности, что дети едут к родителям, достал полотенце, смочил его в воде и обтер им глаза и лицо девочки. Дина не могла этого сделать сама; видя всегда и то плохо лишь на один глаз, она во время урагана почти совсем ослепла и, сколько ни пыталась промыть воспаленные веки, ничего в первый момент этим не добилась. Нель покорно подчинялась всем заботам Стася и смотрела на него, как смотрит измученный птенчик; и только когда он снял с ее ножек сапожки, чтоб высыпать из них песок, и разостлал для нее войлок, она закинула ему ручки на шею.

Душу Стася наполнило чувство глубокого умиления. Он сознавал себя опекуном, старшим братом и единственным в эту минуту защитником Нель и почувствовал, что ужасно любит эту маленькую сестренку, гораздо больше, чем раньше. Он ведь любил ее и в Порт-Саиде, но считал ее «пузырем», и ему никогда не приходило в голову, например, желая ей «доброй ночи», поцеловать у нее ручку. Если бы кто-нибудь подсказал ему подобную мысль, он счел бы, что это унижительно для достоинства молодого человека, которому исполнилось тринадцать лет. Но теперь общее несчастье разбудило в нем дремавшую нежность, и он поцеловал у нее не одну, а обе ручки.

Улегшись спать, он продолжал думать о ней и решил во что бы то ни стало совершить какой-нибудь необыкновенный подвиг и непременно вырвать ее из плена. Он готов был перенести какие угодно пытки и даже смерть (с маленьким только, скрытым в самой глубине души желанием: чтоб от пыток не было очень больно, а смерть чтоб на самом деле не была настоящей, «всамделишной» смертью, а так только, «как будто бы» настоящей, а то ведь иначе он не мог бы видеть счастья освобожденной Нель). Он стал обдумывать самые геройские способы спасения, но сонные мысли стали у него путаться: с минуту ему казалось, будто их засыпают целые тучи песку; потом будто все верблюды лезут ему в голову. Наконец он уснул.

Арабы, накормив верблюдов, утомленные борьбой с ураганом, тоже заснули крепким сном. Костры погасли; в пещере воцарился мрак. Вскоре послышался храп людей, а снаружи доносился плеск ливня и шум воды, разбивавшейся о камни на дне кхора.

Так протекала ночь.

На рассвете ощущение холода заставило Стася очнуться от крепкого сна. Оказалось, что вода, собравшаяся в углублении на вершине скалы, проникая медленно, капля за каплей, через какую-то щель в своде пещеры, стала, наконец, капать ему на голову. Мальчик уселся на войлоке и несколько минут боролся со сном, не будучи в состоянии сообразить, где он и что с ним.

Но вскоре сознание действительности вернулось к нему.

«А, – подумал он, – вчера был ураган... а мы в плену... А это – пещера, куда мы спаслись от дождя».

И он стал озираться кругом. Прежде всего он заметил с удивлением, что дождь прошел и что в пещере совсем не темно, так как в нее проникали лучи месяца, склонявшегося уже к закату и стоявшего низко на небосклоне. Бледное его сияние позволяло видеть всю внутренность широкой, но плоской пещеры. Стась мог ясно разглядеть лежавших рядом арабов, а у противоположной стены – белое платье Нель, спавшей с Диной.

Сильный порыв нежности опять охватил его сердце.

«Спит Нель, спит... – прошептал он про себя. – А я не сплю и... я во что бы то ни стало должен спасти ее».

Взглянув на арабов, он мысленно прибавил: «У, разбойники!.. Я бы всех вас...»

Вдруг он вздрогнул.

Взор его упал на кожаный футляр, в котором находился штуцер, подаренный ему в сочельник, и на коробку с патронами, лежавшую между ним и Хамисом так близко, что достаточно было протянуть руку.

Сердце начало стучать у него, точно молот. Если бы он мог завладеть ружьем и патронами, он стал бы господином положения.

Мысли ожесточенно боролись в его душе. Ради себя он не решился бы убить четверых. Но тут дело касается Нель, ее защиты, ее спасения и жизни; она ведь не вынесет всех предстоящих страданий и, наверно, умрет или в пути, или среди дикарей и остервенелых дервишей. Можно ли колебаться в таком положении?

«Ради Нель! Ради Нель!..»

Вдруг новая мысль мелькнула у него в голове.

А что, если не убивать людей и перестрелять верблюдов? Жаль ни в чем не повинных животных, правда, но что же делать? Если бы ему удалось убить четырех или, еще лучше, пять верблюдов, то ехать дальше стало бы невозможно. Тогда он обещает Идрису и Гебру от имени обоих отцов безнаказанность и даже денежную награду – и... им не останется ничего другого, как вернуться.

Ну а если они не дадут ему времени на эти обещания и убьют его в первом порыве злобы?

Нет, дать время и выслушать его они должны, потому что с ружьем в руках он сможет удержать их на почтительной дистанции, пока не скажет всего. А когда он скажет, они поймут, что единственное спасение для них – это подчиниться. Тогда он возьмет караван под свое начало и поведет его прямо к Баар-Юссефу и к Нилу. Правда, сейчас они довольно далеко оттуда, пожалуй, на расстоянии дня или двух пути, так как арабы из осторожности значительно свернули в глубь пустыни. Но это не беда: несколько верблюдов ведь останется, и на одном из них поедет Нель.

Стась стал внимательно разглядывать арабов. Все спали крепко, изнуренные страшной усталостью; но ночь близилась к концу, и они могли скоро проснуться. Надо было действовать не откладывая в долгий ящик. Овладеть коробкой с патронами не представляло труда, так как она лежала тут же, рядом. Труднее было овладеть ружьем, которое Хамис положил рядом с собой, с другой стороны.

Вот Стась высунул из отверстия голову, вот туловище его уже снаружи, – как вдруг случилось нечто такое, от чего кровь застыла у него в жилах.

Среди глубокой тишины пронесся как гром радостный лай Саба, наполнил все ущелье и разбудил спавшее в нем эхо. Арабы вскочили со сна, как один человек, и первым предметом, который поразил их сонный взор, был Стась с футляром в одной руке и коробкой патронов в другой.

– Ах, Саба, что ты наделал!

Все в один миг набросились со страшным криком на Стася, в одно мгновение вырвали у него из рук ружье и патроны и, повалив его на землю, связали ему веревками руки и ноги, нанося ему удары руками и ногами, пока, наконец, Идрис не отогнал их, опасаясь за жизнь мальчика. Лишь немного успокоившись, они стали перекидываться отрывистыми словами, как люди, над которыми нависла страшная опасность и которых спас только случай.

– Это настоящий дьявол! – воскликнул Идрис, с лицом, побелевшим от испуга и волнения.

– Он бы всех нас перестрелял, как диких гусей, – добавил Гебр.

– О, если бы не эта собака!

– Аллах послал нам ее!

– А вы хотели ее убить! – сказал Хамис.

– Теперь ее никто не тронет.

– Теперь у нее всегда будут кости и вода.

– Аллах! Аллах! – повторил Идрис, не будучи в состоянии успокоиться. – Смерть так и носится над нами. Уф!

И он посмотрел на лежавшего Стася с ненавистью, но вместе с тем с каким-то недоумением и ужасом: как это один этот мальчик мог стать причиной их гибели?

– Клянусь пророком! – заметил один из бедуинов. – Надо же что-нибудь сделать, чтоб этот иблисов сын не мог свернуть нам шею. Это за нашу вину перед Махди, что

мы не убили змею! Что вы думаете с ним теперь сделать?

– Надо отрезать ему правую руку, – закричал Гебр.

Бедуины ничего не ответили, но Идрис не хотел согласиться на это. Он подумал, что если бы их настигла погоня, наказание было бы еще страшнее, когда увидели бы искалеченного мальчика. Да к тому же кто бы мог поручиться, что Стась не умрет после такой операции. А в таком случае для обмена на Фатьму и ее детей осталась бы только Нель.

И когда Гебр вынул нож, желая привести в исполнение свою угрозу, Идрис схватил его за локоть и удержал.

– Нет, – сказал он. – Стыдно было бы для пяти воинов Махди так бояться одного христианского щенка, чтоб отрезать ему руки. Мы будем связывать его на ночь; а за то, что он хотел сейчас сделать, он получит десять ударов корбачом.

Гебр хотел тотчас же исполнить приговор, но Идрис опять оттолкнул его и приказал бить одному из бедуинов, шепнув ему на ухо, чтоб он бил не очень больно. Так как Хамис, – может быть, вследствие своей прежней службы у инженеров, а может быть, по какой-нибудь другой причине, – не хотел ни во что вмешиваться, то другой бедуин повернул Стасю спиной кверху, и наказание должно было уже начаться, но этому помешало неожиданное препятствие.

У входа в пещеру появилась Нель, а с нею Саба.

Занятая своим любимцем, который, вбежав в пещеру, тотчас же бросился к ее ножкам, она, правда, слышала крики арабов, но так как в Египте и арабы и бедуины кричат при каждом удобном и неудобном случае так, точно хотят перерезать друг друга, то она не обращала на это внимания. И только когда она позвала Стасю и не получила от него ответа, она вышла посмотреть, не сидит ли он уже на верблюде, и с ужасом увидела при первых лучах утреннего солнца Стасю, лежащего на земле, а над ним бедуин с корбачом в руке. Она громко закричала и стала топтать ножками, а когда бедуин, не обращая на нее внимания, нанес первый удар, она бросилась вперед и закрыла собой мальчика.

Бедуин остановился в нерешительности, так как не получил приказа бить девочку. А тем временем раздался ее полный ужаса и отчаяния крик:

– Саба! Саба!

И Саба понял, что нужно делать. Одним прыжком он очутился у входа. Шерсть ошетинулась у него на спине, глаза загорелись и налились кровью, в груди и могучей гортани зарокотал точно гром. Губы сморщенной морды медленно поднялись кверху, и длинные, белые клыки обнажились до мясистых десен. Огромный дог стал вертеть головой вправо и влево, как бы желая хорошенько показать суданцам и бедуинам свой страшный «арсенал» и сказать им:

«Видите? Вот чем я буду защищать детей».

Дикари поспешили отступить. Во-первых, они помнили, что Саба спас им жизнь, а во-вторых, было ясно для всех, что если бы кто-нибудь приблизился в эту минуту к Нель, то разъяренный пес вонзил бы тому тотчас в горло свои клыки. Они стояли, не зная, что предпринять, переглядываясь неуверенными взглядами и как бы

спрашивая друг друга, что теперь делать.

Колебание их длилось так долго, что у Нель было достаточно времени, чтоб позвать старую Дину и велеть ей развязать путы, в которых бился Стась. Тогда мальчик встал и, держа руки на голове Саба, обратился к нападавшим.

– Я хотел убить не вас, а верблюдов, – проговорил он сквозь стиснутые зубы.

Но и это заявление наполнило арабов таким ужасом, что они, наверно, опять бросились бы на Стася, если бы не горящие глаза и не ошетиленная еще шерсть Саба. Гебр хотел даже подбежать к нему, но глухое рычание собаки приковало его к месту.

Наступила минута молчания, после чего раздался громкий голос Идриса:

– В путь! В путь!

XI

Прошел день, ночь и еще день, а они все мчались на юг, останавливаясь лишь на короткое время в кхорах, чтоб не слишком переутомлять верблюдов, напоить их, накормить и самим подкрепиться водой и провизией. Опасаясь погони, они свернули еще больше на запад, так как о воде им некоторое время можно было не заботиться. Ливень продолжался, правда, не больше семи часов, но был так силен, точно над пустыней разорвались тучи и вылили на нее всю свою влагу. Идрис, Гебр и оба бедуина знали, что на дне кхоров и там, где скалы образуют естественные впадины и колодцы, найдется в течение ближайших дней столько воды, что хватит не только для них и для верблюдов, но и для того, чтоб сделать запас.

После сильного дождя наступила, как обыкновенно бывает в Африке, прекрасная погода. Небо было безоблачно, воздух так прозрачен, что взор мог видеть очень далеко. Ночью усеянное звездами небо искрилось и мерцало точно тысячью алмазов. От песков пустыни веяло приятным холодком.

Горбы верблюдов стали меньше, но так как их хорошо кормили, то выносливые животные оставались «бойкими», по арабскому выражению, то есть не ослабели и бежали так легко, что караван подвигался вперед лишь немного медленнее, чем в первый день после отъезда из Гарак-эль-Султани. Стась с удивлением заметил, что в некоторых кхорах и в защищенных от дождя расселинах скал бедуины находили запасы дурры и фиников. Он догадался поэтому, что, перед тем как похитить их, были сделаны некоторые приготовления и что все было заранее условлено между Фатьмой, Идрисом и Гебром, с одной, и бедуинами – с другой стороны. Легко было также догадаться, что эти два человека были тоже единоверцами и приверженцами Махди и хотели как-нибудь к нему проникнуть, – потому-то они так легко позволили суданцам вовлечь себя в заговор. В окрестностях Файюма и близ Гарак-эль-Султани было немало бедуинов, кочевавших по пустыне вместе с детьми и верблюдами и приходивших в Мединет или на железнодорожные станции на заработки. Этих двоих, однако, Стась никогда до сих пор не видел; не могли они бывать и в Мединете, коль скоро, как оказалось, они не знали Саба.

У мальчика мелькнула было мысль, не попробовать ли подействовать на них подкупом, но, вспомнив, с каким воодушевлением они выкрикивали свои возгласы при каждом упоминании имени Махди, он решил, что это невозможно. Тем не менее он не поддавался безропотно судьбе, так как его еще детская душа была полна поразительной энергии, которую еще больше возбуждали вынесенные до сих пор

неудачи.

«Все, что я предпринимал до сих пор, – думал он про себя, – кончилось тем, что меня били. Ну и пусть меня хоть каждый день хлещут корбачом, пусть даже убьют, а я не перестану думать, как вырвать Нель и самому вырваться из рук этих разбойников. Если нас настигнет погоня, – тем лучше; а я пока буду действовать так, как если бы на нее не было никакой надежды». И при одном воспоминании о том, что с ним случилось, при одной мысли об этих коварных и жестоких людях, которые, вырвав у него ружье, стали бить его кулаками и топтать ногами, вся кровь вскипала в нем, и росла жажда отплатить за обиду и жестокость. Он чувствовал себя не только побежденным, но и оскорбленным в своем достоинстве. Но больше всего он чувствовал обиду и страдания Нель, и это чувство вместе с озлоблением, которое жгучей горечью осело на дно его души после недавней неудачи, превращалось в беспощадную ненависть к обоим суданцам. Правда, он нередко слышал от отца, что ненависть ослепляет и что ей поддаются лишь такие люди, которых не хватает на что-нибудь лучшее; но сейчас он не мог преодолеть ее в себе и не мог ее скрыть.

Не мог настолько, что Идрис заметил ее и стал беспокоиться, так как понял, что, если погоня их настигнет, он уже не сможет рассчитывать на защиту мальчика. Идрис всегда был готов на самые дерзкие поступки, но, будучи не лишен некоторой рассудительности, полагал, что следует все предвидеть и на случай несчастья оставить себе какую-нибудь лазейку для спасения... Поэтому он хотел после всего случившегося как-нибудь помириться со Стасем и с этой целью на первом привале завел с ним такой разговор.

– За то, что ты хотел сделать, – сказал он, – я должен был тебя наказать, а то иначе они убили бы тебя, но я велел бедуинам, чтоб они били тебя не очень сильно.

Не получая никакого ответа, он немного погодя продолжал:

– Слушай, ты сам сказал, что белые всегда держат слово; так вот, если ты поклянешься мне именем твоего бога и головой маленькой бинт, что ничего не сделаешь против нас, тогда я прикажу не связывать тебя на ночь.

Стась и на это не ответил ни слова, и только по блеску его глаз Идрис понял, что он старается напрасно.

И все же, несмотря на уговоры Гебра и бедуинов, он не велел связывать его на ночь; а когда Гебр не переставал настаивать, ответил ему сердито:

– Вместо того чтоб лечь спать, ты останешься сегодня караулить. И с сегодняшней ночи всегда, когда все будут спать, кто-нибудь из нас будет сторожить.

Действительно, с этого дня были раз навсегда заведены смены караульчиков. Это значительно парализовало все замыслы Стася, на которого все караульные обращали бдительное внимание.

Но зато детям была предоставлена большая свобода, так что они могли подходить друг к другу и разговаривать без всяких препятствий. На первом же привале Стась подсел к Нель; ему хотелось поблагодарить ее за помощь.

И хотя он испытывал к ней глубокую признательность, он не умел выразиться ни

высокопарно, ни нежно; он стал только трясти обе ее руки и проговорил:

– Нель, ты очень добра, и я тебе очень благодарен... Знаешь, я даже скажу тебе откровенно, что ты поступила, по крайней мере, как тринадцатилетняя девочка.

В устах Стася подобные слова были высшей похвалой, и сердце маленькой женщины вспыхнуло от удовольствия и гордости. Ей казалось в эту минуту, что для нее не существует ничего невыполнимого.

– Вот дай мне только вырасти, тогда они увидят! – ответила она, бросая воинственный взгляд в сторону суданцев.

Но так как она не понимала еще, в чем, в сущности, было дело и почему все арабы набросились на Стася, то мальчик стал ей рассказывать, как он решил украсть ружье, перестрелять верблюдов и заставить всех вернуться к реке.

Между тем Саба, который всегда опаздывал, не только потому, что не мог поспевать за верблюдами, сколько потому, что охотился по дороге на шакалов или лаял на ястребов, сидевших на краю скал, – прибежал, как обыкновенно, с громким лаем. Завидев его, дети забыли обо всем, и, несмотря на их тяжелое положение, обычные ласки и игры продолжались, пока их не прервали арабы. Хамис дал собаке воды и пищи, после чего все сели на верблюдов и снова помчались на юг.

XII

Это был самый большой переход; они ехали, с небольшим только перерывом, часов восемнадцать. Лишь настоящие верховые верблюды, с изрядным запасом воды в желудках, могут выдержать такой путь. Идрис не жалел их, так как действительно опасался погони. Он понимал, что погоня давно уже должна была быть в пути, и предполагал, что оба инженера находятся во главе ее и времени даром не теряют. Опасность грозила со стороны реки, так как не было сомнения, что сейчас же после похищения детей были разосланы телеграфные приказы во все прибрежные поселения, чтобы шейхи предпринимали рекогносцировки в глубь пустыни по обеим сторонам Нила и задерживали всех едущих на юг. Хамис утверждал, что правительство и инженеры, наверно, назначили большие награды тем, кто их поймает, и что поэтому пустыня, вероятно, полна жаждущими наживы добровольцами. Единственным средством против этого было бы свернуть как можно дальше на запад; но там лежал большой оазис Харте, куда тоже могли пойти телеграммы, а кроме того, если бы они отъехали слишком далеко от реки, у них не хватило бы воды и их ожидала бы смерть от жажды.

Нелегко было также и с провизией. В течение двух недель, предшествовавших похищению детей, бедуины, правда, заготовили в знакомых им хорошо скрытых местах запасы дурры, сухарей и фиников, но только на расстоянии четырех дней пути от Мединета. Идрис со страхом думал о том, что, когда не хватит провизии, придется послать людей для покупки припасов в прибрежные деревни; но тогда, вследствие усиленной бдительности и обещанных за открытие беглецов наград, посланные легко могут попасться в руки местным шейхам и выдать весь караван. Положение было действительно трудное, почти отчаянное, и для Идриса с каждым днем становилось все очевиднее, как безумно было задуманное предприятие.

«Лишь бы миновать Асуан! Лишь бы миновать Асуан!» – мысленно повторял он с тревогой и отчаянием в душе. Он не верил, правда, Хамису, который утверждал, будто войска Махди подходят уже к Асуану, потому что Стась отрицал это; а Идрис давно заметил, что белый «улед» знает больше их всех. Но он предполагал, что за

первым водопадом, где племена более дики и менее подчинены влиянию англичан и египетского правительства, найдется больше тайных приверженцев пророка, которые окажут им помощь и доставят припасы и верблюдов. Но и до Асуана было еще, по расчетам бедуинов, около пяти дней пути, а между тем местность становилась чем дальше, все пустыннее, и с каждым привалом запасы провизии и корма для животных значительно уменьшались.

К счастью, они могли гнать верблюдов изо всех сил и мчаться с необычайной быстротой, так как зной не изнурял их. Правда, в полдень солнце грело довольно сильно, но воздух оставался все еще свежим, а ночи были так холодны, что Стась, с согласия Идриса, пересаживался на верблюда Нель, чтоб оберегать ее от простуды.

Но опасения Стася были напрасны. Дина, у которой глаз значительно поправился, с большой заботливостью ухаживала за своей питомицей. Мальчика даже удивило, что здоровье крошки не пострадало до сих пор и что весь путь, в течение которого они останавливались все реже и ненадолго, она переносила так же хорошо, как и он. Ее печаль, страх и слезы, которые она проливала, тоскуя по своему отцу, не очень изнурили ее. Она немного, пожалуй, похудела, и светлое личико ее почернело от ветра, но во все остальные дни бешеной скачки она чувствовала значительно меньше усталости, чем вначале. Правда, Идрис предоставил ей наиболее легконосного верблюда, превосходно устроил седло, так что она могла спать в нем лежа. Но, главным образом, придавал ей сил переносить столько трудов и неудобств свежий воздух пустыни, которым она дышала день и ночь. Стась не только заботился о том, чтоб ей было удобнее, но умышленно окружал ее как бы благоговейным почетом, которого, при всей своей глубокой привязанности к маленькой сестричке, вовсе не питал к ней. Он заметил, что это действует на арабов, и они невольно проникаются убеждением, что везут нечто необычайно ценное, какую-то особенно важную пленницу, к которой надо относиться с чрезвычайной осторожностью. Идрис привык к этому еще в Мединете; а теперь и остальные обходились с ней, насколько могли, заботливо. Ей не жалели ни воды, ни фиников. Грубый и жестокий Гебр не осмелился бы теперь поднять на нее руку. Возможно, что этому способствовала и необычайная красота девочки: она производила впечатление не то гибкого цветка, не то кроткой птички, и обаянию этого маленького, хрупкого существа не могли противостоять даже дикие и неразвитые души арабов. Нередко, когда во время привала она подходила к пылающему костру из иерихонских роз или терновника и стояла, розовая от огня и серебристая от лунного света, – суданцы и бедуины не могли оторвать от нее глаз, и только причмокивали, по своему обыкновению, от восхищения и бормотали про себя: «Аллаллах!» или «Бисмиллах!»

Следующий после этого длинного перехода день доставил Стасю и Нель, ехавшим на этот раз вместе на одном верблюде, минуту приятного волнения. Тотчас после восхода солнца над пустыней навис светлый и прозрачный туман, который вскоре, однако, растаял. Потом, когда солнце поднялось выше, жара стала больше, чем в предыдущие дни. Когда верблюды останавливались, не чувствовалось ни малейшего дуновения: казалось, будто и воздух и пески лениво дремлют в тепле, тишине и солнечном свете. Караван очутился как раз в это время среди большой, однообразной равнины, не прерываемой кхорами. Вдруг детям представилось чудное зрелище. Целые кущи стройных пальм и деревьев, рощи мандаринов, белые дома, небольшая мечеть со стрельчатым минаретом, а внизу – стены, каменные ограды садов, – и все это представилось им так ясно и так близко, что казалось, будто через полчаса караван очутится в тени чудного оазиса.

– Что это? – воскликнул Стась. – Нель! Нель! Смотри!

Нель привстала и в первую минуту не могла произнести ни звука от изумления. Но немного погодя она стала хлопать в ладоши и кричать от радости:

– Мединет! К папочке! К папочке!

Стась даже побледнел от волнения.

– В самом деле... Может быть, это Харте... Нет! Это Мединет... Вот минарет, который мы видим всегда из окна! Вот ветряные колеса на колодцах...

Действительно, вдали сверкали высокие башенки американских колодцев с ветряными колесами, похожими на огромные белые звезды. На зеленом фоне деревьев они выделялись так отчетливо, что дальнзоркий глаз Стася мог различить красные лопасти их крыльев.

– Это Мединет!..

Стась знал и из книг и по рассказам, что в пустыне бывают часто миражи и что нередко путешественники видят оазисы, города, кущи деревьев и озера, которые представляют собой не что иное, как иллюзию, игру света и отражение действительных далеких предметов.

– Мираж! – промолвил про себя Стась.

Идрис между тем подъехал к нему и крикнул:

– Эй! Погоняй же верблюда! Видишь – Мединет!

Было ясно, что он шутит, и в голосе его так чувствовалась насмешка, что в душе мальчика исчезла последняя тень надежды, что перед ним был действительно Мединет.

И с грустью в душе он повернулся к Нель, чтоб рассеять и ее иллюзию, как вдруг произошло нечто такое, что привлекло всеобщее внимание в другую сторону.

Сначала показался бедуин, мчавшийся к ним изо всех сил, размахивая издали длинным арабским ружьем, которого перед тем не было ни у кого из людей каравана. Подъехав к Идрису, он обменялся с ним несколькими отрывистыми словами, после чего караван быстро свернул в глубь пустыни. Но прошло немного времени, как показался второй бедуин, ведя за собой на веревке жирную верблюдицу с седлом на горбе и кожаными мехами, свешивавшимися по бокам. Между ними опять произошел короткий разговор, из которого, однако, Стась ничего не мог уловить. Караван мчался что было силы на запад и остановился лишь тогда, когда набрел на узкий кхор, полный раскиданных в диком беспорядке скал, обломков и впадин. Одна из них была настолько просторна, что суданцы спрятали туда людей и верблюдов. Хотя Стась приблизительно догадывался, что произошло, однако лег рядом с Идрисом и притворился спящим, рассчитывая, что арабы, обменивавшиеся до сих пор лишь несколькими словами о случившемся, начнут разговаривать теперь об этом друг с другом подробнее. Расчет не обманул его. Насыпав корму верблюдам, бедуины и суданцы вместе с Хамисом собрались на совет.

– Мы можем теперь ехать только ночью, а днем надо будет прятаться, – заявил одноглазый бедуин. – Во всяком кхоре найдется для нас безопасное убежище.

– А вы уверены, что это был стражник? – спросил Идрис.

– Аллах! Мы говорили с ним. Счастье, что он был только один. Он стоял, спрятавшись за скалой, и мы бы его совсем не заметили, если бы не услышали верблюжий храп. Тогда мы замедлили бег и подъехали так тихо, что он заметил нас только тогда, когда мы были уже от него всего в нескольких шагах. Он страшно испугался и хотел прицелиться в нас из ружья. Если бы он выстрелил и даже не убил бы кого-нибудь из нас, – выстрел; могли услышать другие стражники. Я крикнул ему что было мочи: «Стой! Мы тут ищем в пустыне злодеев, которые похитили двух белых детей, и скоро сюда примчится вся погоня». Малый был молодой и глупый, поверил нам и велел только, чтоб мы поклялись Кораном, что говорим правду. Мы слезли с верблюдов и поклялись ему... Махди отпустит нам этот грех...

– И благословит, – сказал Идрис. – Что же вы потом сделали?

– Когда мы поклялись ему, – продолжал бедуин, – я ему и говорю: «А почему мы знаем, что ты сам не из той же шайки; может быть, это они-то и поставили тебя здесь, чтоб ты задержал погоню», – и велю ему, в свою очередь, поклясться. Он согласился и поверил нам еще больше. Мы стали его расспрашивать, получены ли какие-нибудь распоряжения по медной проволоке от шейхов и отправлена ли погоня в глубь пустыни. Он сказал, что да; им обещали большие награды, и все кхоры на два дня пути от реки охраняются стражниками, а по реке все время плавают «бабуры»[27] с английскими солдатами.

– Не помогут ни «бабуры», ни солдаты против силы Аллаха и пророка...

– Пусть будет, как ты говоришь!

– А что же вы потом сделали с молодцом?

Одноглазый бедуин указал на своего товарища.

– Абу-Анга, – сказал он, – спросил его еще, нет ли вблизи еще стражника, а когда тот ответил, что нет, он убил его ножом так быстро, что тот не успел испустить ни одного звука. Мы его бросили в глубокую расселину и засыпали камнями и терновником. В деревне подумают, что он убежал к Махди; он говорил нам, что это у них случается.

– Пусть Аллах благословит тех, которые бегут к нему, как благословил он нас, – ответил Идрис.

– Да благословит! – ответил Абу-Анга. – Теперь мы знаем, что нам нужно держаться на три дня пути от реки; а кроме того, у нас теперь есть ружье, которого не хватало, и дойная верблюдица.

– Мехи наполнены водой, – прибавил одноглазый, – а в мешках довольно проса; только порошу мы нашли мало.

– Хамис везет несколько сот патронов от ружья белого мальчика, из которого мы не умеем стрелять. Порох для всех ружей один, пригодится и для нашего.

Сказав это, Идрис, однако, задумался, и темное лицо его стало озабоченным: он понял, что раз от их руки пал человек, то теперь, если бы они попали в руки

египетского правительства, так даже заступничество Стася не спасло бы их от суда и наказания.

Стась слушал с бьющимся сердцем и напряженным вниманием. В этой беседе были утешительные известия, а именно, что погоня снаряжена, что обещаны награды и что шейхи прибрежных племен получили приказ задерживать караваны, идущие на юг. Обрадовало мальчика также известие о пароходах с английскими солдатами, плывущих вверх по реке. Дервиши Махди могли сразиться с египетской армией, даже одерживать над ней победы, но с англичанами – совсем другое дело; и Стась ни минуты не сомневался, что первое столкновение окончится полным разгромом диких орд. И он мысленно утешал себя надеждой: «Если бы нас даже довели до Махди, то может случиться, что пока нас доведут, не будет уже ни Махди, ни его дервишей». Но это утешение отравляла ему мысль, что в таком случае их ждут еще целые недели пути, который в конце концов должен истощить силы Нель. При мысли о молодом арабе, которого бедуины убили, его охватывали ужас и жалость. Он решил не рассказывать об этом Нель, чтоб не пугать ее и не усугублять уныния, в какое она впала после того, как исчезло обманчивое видение оазиса Файюма и города Мединета. Еще перед тем как они спрятались в ущелье, он видел, как слезы невольно выступали у нее на глаза. Узнав теперь все, что ему было нужно, из рассказа бедуинов, он сделал вид, будто проснулся, и подошел к девочке. Она сидела в углу возле Дины и ела финики, орошая их время от времени слезами. Но, увидев Стася, она вспомнила, что он недавно признал ее поведение достойным, по крайней мере, тринадцатилетней девочки, и, не желая показаться ему опять ребенком, она изо всех сил прикусила зубами финиковую косточку, чтоб удержаться от плача.

– Нель, – сказал мальчик, – Мединет был только мираж. Но я знаю наверное, что за нами послана уже погоня; не печалься же и не плачь.

Бедная девочка подняла на него свои влажные глаза и ответила прерывистым голосом:

– Нет, Стась... я не хочу плакать... это у меня только так... пот на глазах...

Но при этих словах у нее затрясся подбородок, из-под сжатых ресниц выступили крупные слезы, и она разрыдалась вовсю.

Но ей было стыдно этих слез, и она подумала, что Стась станет журить ее за них. И отчасти от стыда, отчасти от страха она спрятала головку на его груди, обильно орошая слезами его платье.

Он стал утешать ее:

– Полно, Нель, ты забрызгала меня, как фонтан. Ты видела, они отняли у какого-то араба ружье и верблюда? А знаешь, что это значит? Это значит, что в пустыне много сторожевых постов. Один раз этим разбойникам удалось убить стражника, а в другой раз их самих поймают. По Нилу плавают взад и вперед много пароходов... Да! Мы вернемся, Нель, вернемся домой – да еще на пароходе. Не бойся!..

И он продолжал бы утешать ее подобными словами, если бы его внимание не привлек странный звук, доносившийся снаружи, со стороны песков, которые последний ураган нанес на дно ущелья. Звук этот был похож на тонкий металлический свист тростниковой свирели.

Стась прервал разговор и стал прислушиваться. Минуту спустя такие же тоненькие, жалобные звуки слышались сразу с нескольких сторон. У мальчика мелькнула мысль, что это, пожалуй, арабские сторожевые отряды окружают ущелье и перекликаются друг с другом посредством свистков. Сердце начало у него сильно биться. Он посмотрел раз-другой на суданцев, думая, что увидит на их лицах испуг. Но нет, Идрис, Гебр и оба бедуина спокойно грызли сухари, и только Хамис, казалось, был немного удивлен. А звуки все продолжались. Спустя некоторое время Идрис встал и выглянул из пещеры; возвращаясь назад на свое место, он остановился возле детей и промолвил:

– Пески поют.

Эти слова страшно заинтересовали Стасю; он забыл в ту минуту, что решил больше совсем не говорить с Идрисом, и спросил:

– Пески? Что это значит?

– Так бывает в пустыне; а значит это, что долго не будет дождя. Но от жары страдать нам не придется: до Асуана мы будем ехать только ночью.

Больше от него ничего нельзя было узнать. Стась и Нель долго прислушивались к этим странным звукам, которые длились до тех пор, пока солнце не спустилось к западу. Потом наступила ночь, и караван тронулся в дальнейший путь.

XIII

Днем путешественники прятались в хорошо закрытых и малодоступных местах, среди скал и расселин, а по ночам мчались без передышки, пока не миновали первого водопада; и лишь когда бедуины по расположению и виду кхоров сообразили, что Асуан остался уже позади, точно огромная тяжесть свалилась с сердца Идриса. Они начинали уже чувствовать недостаток в воде и постарались приблизиться на полдня пути к реке. В следующую ночь, спрятав хорошенько караван, Идрис отправил оттуда с бедуинами всех верблюдов к Нилу, чтоб они хорошенько и надолго напились. Плодородная полоса вдоль Нила за Асуаном была значительно уже... Местами пустыня доходила почти до самого побережья. Поселения лежали на значительном расстоянии друг от друга, и бедуины вернулись благополучно, никем не замеченные, с большими запасами воды. Нужно было еще подумать о припасах, так как животные, плохо питаясь уже целую неделю, очень исхудали; шеи у них вытянулись, горбы осели, а ноги стали слабее. Дурры и провизии для людей могло, скупо-скупо, хватить еще на два дня. Но Идрис полагал, что через двое суток можно будет если не днем, так ночью, приблизиться к прибрежным пастбищам, а может быть, даже купить сухарей и фиников в какой-нибудь деревушке.

Саба больше уже не давали ни есть, ни пить, и только дети прятали для него остатки обеда. Но он, видно, сам помнил о себе и часто прибегал на бивак с окровавленной мордой и со следами укусов на шее и на груди. Были ли добычей его охоты шакалы, или гиены, или, может быть, песчаные лисицы, или газели, – этого не знал никто; но, во всяком случае, на нем не было заметно следов сильного голода. Иногда его черные губы бывали влажны, точно он где-то пил. Бедуины догадывались, что он, должно быть, выкапывал глубокие ямы на дне ущелий и добирался таким образом до воды, которую чуял под землей инстинктом. Так иногда заблудившиеся путешественники раскапывают землю на дне расселин, и если не всегда находят воду, то часто все-таки докапываются до влажных песков и сосут их, обманывая таким образом мучительную жажду.

В Саба, однако, тоже произошли значительные перемены. Грудь и шея оставались у него по-прежнему мощные, но бока у него впали, и он казался теперь еще выше, чем прежде. В его глазах с налитыми кровью белками было теперь что-то дикое и грозное. К Нель и Стасю он был привязан как прежде и позволял им делать с ним все, что они хотели, Хамису он вилял еще иногда хвостом, но на бедуинов и суданцев рычал или скалил свои страшные клыки. Идрис и Гебр начали его просто-напросто бояться и возненавидели до такой степени, что, наверно, пристрелили бы из захваченного у стражника ружья, если бы не желание привезти Смаину необыкновенное животное и если бы не то обстоятельство, что Асуан был уже далеко позади.

Асуан уже позади! Стась все время думал об этом, и в душу его мало-помалу стало вкрадываться сомнение, настигнет ли их погоня. Он знал, конечно, что не только сам Египет, который кончается за Вади-Гальфой, то есть за вторым водопадом, но и вся Нубия находится еще в руках египетского правительства, однако он понимал, что за Асуаном, а особенно за Вади-Гальфой, преследование будет труднее, а распоряжения правительства будут исполняться небрежнее. Он питал еще только надежду, что отец вместе с мистером Роулайсоном, снарядив погоню из Файюма, сами отправились на пароходе в Вади-Гальфу и там, получив от правительства солдат и верблюдов, постараются перерезать каравану путь с юга. Будь он на их месте, думал он про себя, он бы именно так поступил и потому считал свое предположение весьма вероятным.

Тем не менее он не переставал думать о спасении собственными усилиями. Суданцы хотели получить порох для захваченного ими ружья и решили с этой целью разрядить несколько штуцерных патронов. Но он сказал им, что только он один сможет это сделать; если кто-нибудь из них возьмется за это неумело, то патрон может разорваться и оборвать пальцы и руки. Идрис, боясь вообще предметов, с которыми он не был знаком, а особенно всяких английских изобретений, решил в конце концов позволить мальчику это сделать. Стась охотно взялся за эту работу, во-первых, рассчитывая, что сильный английский порох разорвет при первом ударе старое арабское ружье, а во-вторых, надеясь, что ему удастся припрятать несколько патронов.

Это удалось ему легче, чем он предполагал. Арабы как будто и стерегли его, пока он исполнял порученную ему работу, но, перекидываясь время от времени сначала незначительными фразами, вскоре так увлеклись разговором, что почти забыли о нем. В конце концов их болтливость и природная небрежность дали возможность Стасю спрятать за пазуху семь патронов. Теперь нужно было только добраться до штуцера.

Стась полагал, что за Вади-Гальфой, то есть за вторым водопадом, это будет не слишком трудно, так как рассчитывал, что осторожность арабов будет уменьшаться по мере того, как они будут приближаться к цели. Мысль, что ему придется убить суданцев и бедуинов, и даже Хамиса, казалась ему по-прежнему ужасной. Но после убийства, совершенного бедуинами, он больше не колебался. На карте стоят свобода и жизнь Нель, рассуждал он, и потому он может не считаться с жизнью противников, особенно если они не сдадутся добровольно и дело дойдет до борьбы.

Но нужно было как-нибудь завладеть штуцером. Стась решил заполучить его как-нибудь хитростью и, если бы представился случай, не ждать даже, пока они доедут до Вади-Гальфы, а исполнить свой замысел как можно скорее.

Случая ему не пришлось ждать долго.

Прошло уже два дня с тех пор, как они проехали Асуан, и Идрису пришлось, наконец, на рассвете третьего дня, отправить бедуинов за припасами, которых уже совсем почти не оставалось. Число противников таким образом уменьшилось, и Стась, сказав себе: «Теперь или никогда», тут же обратился к суданцу с таким вопросом:

– Ты знаешь, Идрис, что страна, которая начинается сейчас за Вади-Гальфой, это уже Нубия?

– Знаю.

– Но я хочу спросить тебя о другом. Я читал в книжках, что в Нубии есть много диких зверей и много разбойников, которые никому не служат и нападают и на египтян, и на приверженцев Махди. Чем вы будете защищаться, если на вас нападут дикие звери или разбойники?

Суданец пристально посмотрел в глаза мальчику.

– Ты хочешь, чтоб я тебе дал ружье?

– Я хочу научить тебя стрелять из него.

– А тебе-то это зачем?

– Как зачем? Если на нас нападут разбойники, они могут нас всех перебить – и вас и нас! Но я вижу, что ты боишься дать ружье мне в руки? Ну, что ж, и не надо.

Идрис ничего не сказал. Он действительно боялся, но не хотел в этом признаться. Ему очень хотелось познакомиться с английским оружием, так как, обладая им и умея им владеть, он мог бы рассчитывать на большое значение в лагере махдистов, не говоря уже о том, что в случае какого-нибудь нападения ему было бы действительно легче защищаться. Немного подумав, он сказал:

– Хорошо. Пусть Хамис даст сюда ружье, а ты можешь его вынуть.

Суданец с большим вниманием следил за движениями Стася и, когда тот передал ему ружье, стал пробовать собрать его. Это удалось ему не сразу; но так как арабы вообще отличаются большой ловкостью, то вскоре ружье было собрано.

– Открой! – скомандовал Стась.

Идрис легко открыл штуцер.

– Закрой!

Это далось ему еще легче.

– Теперь дай мне пустые гильзы. Я научу тебя, как надо заряжать.

Арабы сохранили гильзы, из которых Стась высыпал порох, так как металл их представлял для них большую ценность. Идрис дал Стасю две таких гильзы, и обучение началось снова.

– Хорошо, – сказал Стась, – вот ты умеешь уже собирать штуцер, умеешь разбирать его, заряжать и спускать курок. Теперь тебе нужно только научиться целиться. Это самое трудное. Возьми-ка пустой кувшин от воды и поставь его в ста шагах... Вон туда, на те камни... А потом вернись ко мне, и я покажу тебе, как надо целиться.

Идрис взял кувшин и без малейшего колебания пошел, чтоб поставить его на указанное место. Но прежде чем он сделал первые сто шагов, Стась вынул пустые гильзы и вставил на их место заряженные патроны. Не только сердце, но и пульс в висках начал стучать у него с такой силой, что ему казалось, будто голова его разрывается на части. Решительный момент наступил – момент свободы для Нель и для него – момент победы, такой страшный и такой желанный!

Жизнь Идриса в его руках. Только спустить курок, и этот предатель, похитивший так коварно Нель, падет мертвым. Но Стась почувствовал вдруг, что ни за что на свете не сможет выстрелить в человека, обращенного к нему спиной. Пусть он, по крайней мере, обернется и пусть глянет смерти в глаза.

А что потом? Потом прибежит Гебр и, прежде чем он сделает десять шагов, он подвергнется той же участи. Останется Хамис. Но Хамис потеряет голову, а если и не потеряет, то пока он что-нибудь сделает, будет время зарядить ружье новыми патронами. Когда приедут бедуины, они застанут товарищей мертвыми и сами встретят то, чего заслужили. Тогда останется только направить верблюдов к реке.

Все эти мысли и картины вихрем проносились в голове Стася. Он чувствовал, что через несколько минут совершится страшное и неизбежное дело. В груди у него сбились в кучу и гордое чувство победы, и чувство непреодолимого отвращения и ужаса к этой победе. На одно мгновение его охватила нерешительность. Но он вспомнил те муки, которым подвергались белые пленники; вспомнил и своего отца, и мистера Роулайсона, и Нель; вспомнил Гебра, который ударил девочку корбачом, – и злоба вспыхнула в нем с новой силой. «Нужно! Нужно!» – повторил он упорно про себя, сквозь стиснутые зубы, и на его застывшем сразу, точно высеченном из камня, лице отразилась непоколебимая решимость.

Идрис между тем поставил кувшин на указанный Стасем камень и обернулся к нему. Стась видел его улыбающееся лицо и всю его высокую фигуру на фоне гладкой песчаной равнины. Колебания его кончились, и, когда Идрис прошел пятьдесят шагов, он стал медленно прицеливаться.

Тут, однако, произошло нечто совсем неожиданное.

Прежде чем он успел прикоснуться пальцем к курку, из-за расположенных неподалеку песчаных холмов послышался громкий крик, и в ту же минуту около двадцати всадников на лошадях и верблюдах высыпало на равнину. Идрис, завидев их, остановился как вкопанный; Стась тоже точно окаменел от изумления; но тотчас же изумление его сменилось бурной радостью. Наконец-то, наконец – желанная погоня! Да! Это не может быть ничто другое! Очевидно, бедуинов поймали в поселении, и они показали, где скрывается остальная часть каравана! Понял это и Идрис. Придя в себя, он подбежал к Стасю с лицом, серым, как пепел, от ужаса, и, бросившись перед ним на колени, стал повторять прерывающимся голосом:

– Господин, я был добр к вам! Я был добр к маленькой бинт! Помни об этом!

Стась машинально вынул патроны из ружья и смотрел, что будет дальше. Всадники мчались во весь дух, с радостными криками, вскидывая кверху длинные арабские

ружья и с необычайной ловкостью ловя их на бегу. В ясном, прозрачном воздухе они были превосходно и отчетливо видны. Во главе их, посредине, бежали оба бедуина, размахивая, как полоумные, руками и бурнусами.

Через несколько минут вся ватага окружила караван. Некоторые из всадников стали соскакивать с лошадей и верблюдов; другие остались в седлах, продолжая дико выкрикивать какие-то слова. Среди этих выкриков можно было различить только два слова:

– Хартум! Гордон! Гордон! Хартум!..

Наконец один из бедуинов – тот, которого товарищи называли Абу-Ангой, – подбежал к Идрису, продолжавшему валяться у ног Стася, и стал кричать ему:

– Хартум взят! Гордон убит! Махди победил!

Идрис встал, но все еще не верил своим ушам.

– А эти люди? – спросил он дрожащими губами.

– Эти люди должны были поймать нас; но теперь они идут с нами к пророку!

У Стася потемнело в глазах...

XIV

Действительно, последняя надежда на побег во время пути исчезла. Стась понимал теперь, что никакие попытки ему не удадутся, что погоня их не настигнет, и если они даже выдержат все трудности пути, то их довезут до Махди и там передадут в руки Смаину. Единственным утешением для него оставалась только мысль, что их похитили затем, чтобы Смаин мог обменять их на своих детей. Но когда это будет и что ожидает их еще до тех пор? Какие ужасы и преследования ждут их среди кровожадных орд дикарей? Выдержит ли Нель все трудности и невзгоды? – Никто не мог дать ответа на это, но зато было известно наверняка, что Махди и его дервиши ненавидят христиан и вообще европейцев. И в душе мальчика родилось опасение, будет ли достаточно влияния Смаина, чтобы оградить их обоих от оскорблений, истязаний, глумления и жестокостей приверженцев Махди, которые убивали даже магометан, остававшихся верными правительству?

В первый раз с минуты похищения Стася охватило глубокое отчаяние и вместе с тем какое-то суеверное убеждение, что их преследует злой рок. Ведь даже самая мысль похитить их из Файюма и отвезти в Хартум была прямым безумием, на какое могли решиться только такие дикие и невежественные люди, как Идрис и Гебр, не понимавшие, что им придется проехать несколько тысяч километров по стране, подвластной египетскому правительству, или, вернее, англичанам. В лучшем для них случае, они должны были быть пойманы на второй день; а между тем все складывалось так, что вот они находятся уже недалеко от второго водопада, а их не настигла ни одна из предыдущих погонь, а последняя, которая могла их задержать, присоединилась к похитителям и будет им теперь только помогать. К отчаянию Стася, к его опасениям за судьбу маленькой Нель присоединилось еще обидное сознание, что он ничего не может сделать, – ничего больше не может придумать, так как, если бы ему даже отдали теперь в руки ружье и патроны, он все равно не сможет перестрелять всех арабов, составлявших караван.

Эти мысли тем более угнетали его, что спасение ведь было уже так близко. Если бы

Хартум не был взят или был бы взят лишь несколько дней спустя, те же люди, которые перешли теперь на сторону Махди, поймали бы их и отдали в руки правительства. Сидя на верблюде за спиной Идриса и слушая их разговор, Стась убедился, что это, несомненно, было бы так. Как только караван тронулся в дальнейший путь, начальник погони стал рассказывать Идрису, что склонило их изменить хедиву. Они знали перед тем, что большая армия – уже не египетская, а английская – отправлена на юг против дервишей под предводительством генерала Уолсли. Они видели множество судов, которые везли грозные английские войска из Асуана в Вади-Гальфу, откуда для них строили железную дорогу в Абу-Хаммед. Долгое время все прибрежные шейхи – и те, которые остались верны правительству, и те, которые в глубине души сочувствовали Махди, – были уверены, что гибель дервишей и их пророка неизбежна, так как над англичанами никто никогда не одерживал победы.

– Аллах акбар! – перебил его, воздев руки, Идрис. – Но теперь они побеждены!

– Нет, – возразил начальник погони, – Махди отправил против них племена джално, барбара и даджим, всего около тридцати тысяч лучших своих воинов, которыми предводительствовал Муза, сын Хелу. Под Абу-Клеа произошла страшная битва, в которой Аллах дал победу неверным. Муза, сын Хелу, погиб, а из его солдат лишь небольшая горсточка вернулась к Махди. Души остальных теперь в раю, а тела лежат в песках, ожидая дня воскресения. Весть об этом быстро распространилась над Нилом. Тогда мы думали, что англичане поедут дальше на юг и освободят Хартум. Все повторяли: «Конец! Конец!» Но Аллаху угодно было иначе.

– Как же? Что же случилось? – спросил Идрис, сгорая от любопытства.

– Что случилось? – продолжал с сияющим лицом начальник. – Случилось то, что Махди тем временем взял Хартум, а Гордону во время штурма сняли голову. А англичане только и шли затем, чтоб спасти Гордона. Когда они узнали о его смерти, они вернулись назад, на север. Аллах! Мы опять видели суда с огромными отрядами солдат, которые плыли вниз по реке, но никто не понимал, что это значит. Англичане спешат разгласить только хорошие известия; дурные они стараются держать в тайне. Некоторые из наших говорили, что Махди уже погиб. Но в конце концов выяснилось, в чем дело. Страна эта принадлежит еще правительству. В Вади-Гальфе и дальше, вплоть до третьего, а может быть, и до четвертого водопада, находятся еще солдаты хедива. Но теперь, когда англичане вернулись, мы верим, что Махди покорит не только Нубию и Египет, не только Мекку и Медину, но и весь свет. Потому-то вместо того, чтоб вас схватить и передать в руки правительства, мы идем вместе с вами к пророку.

– Значит, отдан приказ ловить нас?

– Во все деревни, всем шейхам, всем военным отрядам! Куда не доходит медная проволока, по которой бегут приказы из Каира, туда приезжали заптии и объявляли, что кто вас поймает, получит тысячу фунтов награды. Машаллах!.. Это большое богатство!.. Очень большое!..

Идрис подозрительно посмотрел на говорившего.

– Но вы предпочитаете благословение Махди?

– Да. А к тому же он завладел такой огромной добычей и такой массой денег в Хартуме, что мерит египетские фунты мешками из-под овса и раздает их своим

приверженцам...

– Но если египетские солдаты еще в Вади-Гальфе и дальше, то они могут схватить нас по дороге?

– Нет, нужно только торопиться, пока они не опомнятся. Теперь, когда англичане вернулись назад, – шейхи, верные правительству, и солдаты, и запии совсем потеряли голову. Все думают, что вот-вот Махди будет здесь. И те из нас, которые сочувствовали ему в душе, теперь смело бегут к нему, и никто их не преследует, потому что пока, в первые минуты, никто не отдает приказаний и никто не знает, кого слушаться.

– Да, – ответил Идрис, – это ты верно говоришь, что надо спешить, пока они не опомнятся. До Хартума еще далеко...

Стась внимательно слушал весь этот рассказ. На минуту у него блеснул слабый луч надежды: если египетские солдаты до сих пор занимают разные прибрежные местности в Нубии, а англичане взяли с собой все суда, то им придется отступить перед полчищами Махди сухим путем. Таким образом, может случиться, что караван столкнется с каким-нибудь из отступающих отрядов и будет окружен. Стась рассчитал даже, что пока известие о взятии Хартума распространилось среди арабских племен, живущих к северу от Вади-Гальфы, должно было пройти много времени, тем более что египетское правительство и англичане держали его в тайне. Он предполагал, что и смятение, охватившее в первую минуту египтян, наверно, уже улеглось. Неопытному мальчику не пришло, однако, в голову, что как-никак падение Хартума и смерть Гордона должны заставить забыть обо всем другом и что у верных правительству шейхов и у местных египетских властей будет много всяких других дел, кроме мысли о спасении двоих белых детей.

И действительно, арабы, присоединившиеся к каравану, не очень опасались погони. Они ехали, правда, очень быстро и не жалели верблюдов, но держались близко к Нилу и часто ночью сворачивали к реке, чтоб напоить животных и набрать воды в кожаные мехи. Иногда они решались даже заезжать днем в деревни. Для безопасности они всегда посылали вперед для рекогносцировки несколько человек, которые под предлогом покупки припасов разузнавали, что слышно в окрестностях, нет ли поблизости египетских войск и не принадлежат ли жители к числу верных «туркам». Если они узнавали, что население втайне сочувствует Махди, тогда весь караван заезжал в деревню, и часто случалось, что вместе с ним уезжало из деревни несколько молодых арабов, которые тоже хотели бежать к Махди.

Идрис узнал также, что почти все египетские отряды стоят со стороны Нубийской пустыни, то есть на правом, восточном берегу Нила. Чтоб избежать встречи с ними, нужно было держаться левого берега и объезжать более крупные города и селения. Это, правда, значительно удлиняло путь, так как, начиная от Вади-Гальфы, река образует огромную дугу, спускающуюся далеко на юг, а затем опять сворачивающую на северо-восток, до Абу-Хаммеда, где она опять принимает прямое южное направление; но зато этот левый берег, особенно от оазиса Селима, почти совершенно никем не охранялся, и путь протекал для суданцев довольно весело в обществе присоединившихся новых попутчиков, при обилии воды и припасов. Миновав третий водопад, они перестали даже торопиться и ехали только по ночам, прячась днем среди песчаных холмов и ущелий, которыми была изрезана пустыня. Над ними простиралось безоблачное небо, серое над горизонтом, а посередине выпуклое, точно огромный купол, тихое и спокойное. Но с каждым днем, по мере того как они подвигались на юг, жара становилась все невыносимее, и даже в ущельях, в

глубокой тени, и люди и животные изнывали от зноя. Зато ночью бывало очень холодно; небо искрилось мерцающими звездами, которые группировались как бы в стада то поменьше, то побольше. Стась заметил, что это уже не те созвездия, которые сверкали по ночам над Порт-Саидом. Он часто мечтал увидеть когда-нибудь в жизни Южный Крест и наконец увидел его за Эль-Орде, но на этот раз сияние его предвещало Стасю только несчастье. В течение нескольких последних ночей над ними сиял также печальный, рассеянный свет зодиака, серебривший после вечерней зари и до поздней ночи западный край небосклона.

XV

Через две недели после того, как караван покинул окрестности Вади-Гальфы, он вступил в страну, завоеванную уже Махди. Проскакав через холмистую пустыню Гезир, путники очутились близ Хенди, где незадолго перед тем англичане разбили наголову Музу, сына Хелу. Местность уже не была похожа на пустыню. Ни песков, ни скал не было видно. Куда ни кинешь глазом простиралась степь, поросшая частью зеленой травой, частью – кустарником, среди которого кое-где росли кущи колючих акаций, дающих известный суданский каучук, да возвышались огромные деревья набака, такие развесистые, что под их ветвями сотня людей могла найти убежище от солнца. Время от времени караван проезжал мимо высоких, похожих на столбы конических холмов – жилищ термитов, которыми усеяна вся тропическая Африка. Зелень пастбищ и акаций приятно ласкала взор после однообразного и скучного фона песков пустыни.

Там, где степь превращалась в луга, паслись стада верблюдов, охраняемые вооруженными солдатами Махди. Завидев караван, последние вскакивали, как хищные птицы, подбегали к нему, окружали со всех сторон и, потрясая копьями и дротиками, с криком и визгом расспрашивали путников, откуда они, зачем едут с севера и куда направляются. Иногда они вели себя так угрожающе, что Идрис только поспешным ответом на их расспросы успевал предупредить нападение.

Стась представлял себе, что жители Судана отличаются от всех арабов, населяющих Египет, только тем, что верят в Махди и не хотят признавать власть хедива. Ему пришлось, однако, убедиться, что он очень ошибался. У тех, которые останавливали теперь на каждом шагу караван, кожа была по большей части еще темнее даже, чем у Идриса и Гебра, а в сравнении с обоими бедуинами – почти черная. Негритянская кровь преобладала в них над арабской. Их лица и груди были татуированы, и узоры на коже изображали или какой-нибудь рисунок, или какой-нибудь стих из Корана. Некоторые были почти голы, на других было что-то вроде балахона из белой бумажной ткани, с нашитыми разноцветными заплатами. У некоторых через ноздри, губы и уши были продеты коралловые или костяные палочки. У предводителей на головах были белые ермолки из такой же ткани, как их балахоны; у простых воинов головы были открыты, но не бритые, как у арабов в Египте, а, напротив, обросшие огромными шапками курчавых волос, выжженных часто до красноты известкой, которой они их мазали, чтоб защитить себя от насекомых. Оружие их состояло преимущественно из пик, наводивших ужас в их руках; но у некоторых попадались карабины Ремингтона, которые они отняли в победоносных сражениях с египетской армией и после падения Хартума. Вид их вообще был ужасен, а держали они себя по отношению к каравану угрожающе, так как думали, что он состоит из египетских купцов, которым в первое время после победы Махди запретил въезд в Судан.

Обыкновенно, окружив караван, они с криком и угрозами направляли свои пики в путников или начинали целиться в них из ружей. Идрис спешил тогда ответить им криком, что он и его брат принадлежат к племени дангалов, тому самому, из которого происходит и Махди, и что они везут пророку белых детей в качестве

заложников. Это одно удерживало дикарей от насилия. Когда Стась столкнулся лицом к лицу с этой страшной действительностью, душа замерла у него при мысли, что ждет их еще впереди. Даже Идрис, который долго жил перед тем в цивилизованной стране, не представлял себе ничего подобного. Он сам был очень рад, когда, наконец, однажды вечером их окружил вооруженный отряд эмира Нур-эль-Тадхилья и повел к Хартуму.

Нур-эль-Тадхилья, перед тем как он бежал к Махди, был египетским офицером одного из негритянских полков хедива и потому не был так дик, как остальные махдисты. С ним Идрису легче было сговориться. Но и здесь его ожидало разочарование. Он думал, что появление его с белыми детьми в лагере Махди вызовет всеобщее изумление, хотя бы ввиду необыкновенной трудности и опасности пути. Он полагал, что махдисты встретят его с восторгом, с распростертыми объятиями и торжественно поведут его к пророку, а тот осыплет его золотом и почестями за то, что он не поколебался рискнуть головой, чтоб оказать услугу его родственнице Фатьме. А между тем воины Махди тыкали им копьями в грудь, а Нур-эль-Тадхилья довольно равнодушно выслушал рассказ о трудностях путешествия. И, в конце концов, на вопрос, знает ли он Смаина, мужа Фатьмы, ответил:

– Нет. В Омдурмане и в Хартуме находится больше ста тысяч воинов, так что очень легко не встретиться, и не все офицеры знают друг друга. Царство пророка очень велико, и потому многие эмиры правят отдаленными городами – в Сеннааре, в Кордофоне и Дарфуре и близ Фашоды. Возможно, что этого Смаина, о котором ты спрашиваешь, сейчас нет в свите пророка.

Идриса задел несколько пренебрежительный тон, с каким Нур говорил об «этом» Смаине. Он заметил с оттенком раздражения:

– Смаин женат на двоюродной сестре Махди; дети Смаина приходятся близкими родственниками пророку.

Нур-эль-Тадхилья пожал плечами.

– У Махди много родственников. Он не может обо всех помнить.

Некоторое время они ехали молча. Немного спустя Идрис опять спросил:

– Как скоро мы будем в Хартуме?

– Около полуночи, – ответил Тадхилья, взглянув на звезды, которые стали показываться на восточной части неба.

– А смогу ли я в такой поздний час получить припасы и корм для верблюдов? С последнего привала мы ничего не ели.

– Сегодня вы переночуете и получите пищу в моем доме. Но завтра в Омдурмане тебе самому придется позаботиться о пропитании, и заранее предупреждаю тебя, что это будет не очень легко.

– Почему?

– Потому что идет война. Жители уж несколько лет не засевали полей и питались только мясом, а когда перестало хватать скота, наступил голод. Голод теперь во всем Судане, и мешок дурры стоит теперь больше, чем невольник.

– Аллах акбар! – воскликнул с изумлением Идрис. – А в степи я видел целые стада верблюдов и скота.

– Они принадлежат пророку, благородным[28] и халифам... Да... У дангалов, из племени которых происходит Махди, и у баггаров, над которыми начальствует главный халиф, Абдулагги, есть еще большие стада; но остальным племенам живется все труднее.

При этих словах Нур-эль-Тадхиль похлопал себе по животу и прибавил:

– На службе у пророка у меня высший чин, больше денег и больше власти; но живот был у меня больше, когда я был на службе у хедива...

Сообразив, однако, что он сказал, может быть, слишком много, он немного погодя добавил:

– Но все это пройдет, когда победит истинная вера.

Слушая это, Идрис невольно подумал, что в Файюме, на службе у англичан, он как-никак голода не знал и легко зарабатывал себе на хлеб. Он огорченно нахмурился.

Немного помолчав, он спросил опять:

– Завтра ты поведешь нас в Омдурман?

– Да. Хартум, по приказанию пророка, был оставлен войсками Махди, и мало кто там еще живет. Верные пророку сносят большие дома и увозят кирпич вместе с остальной добычей в Омдурман. Пророк не хочет жить в городе, оскверненном неверными.

– Я явлюсь к нему завтра с поклоном; он велит дать мне припасы и корм.

– Гм! Если ты действительно принадлежишь к племени дангалов, так, может быть, тебя допустят к нему. Но знай, что дом его охраняют днем и ночью сто человек, вооруженных корбачами, и не жалеют ударов всякому, кто бы захотел войти без разрешения к Махди. А то толпа не дала бы святому мужу ни минуты отдыха... Аллах! Я видел даже и дангалов с кровавыми рубцами на спине.

Идрис с каждой минутой впадал все больше в разочарование и уныние.

– Значит, верные не видят пророка? – спросил он.

– Верные видят его каждый день на площади молитвы, когда он, опустившись на колени, на овечьей шкуре, возносит руки к Богу или проповедует толпе, укрепляя ее в истинной вере. Но проникнуть к нему и говорить с ним очень трудно. Кто удостоится этого счастья, тому все завидуют, потому что на того нисходит милость Божья и очищает его от всех прежних грехов.

Спустилась глубокая ночь, и в воздухе стало очень холодно. Лошади стали фыркать; переход от дневного зноя к холоду был так резок, что от их тел стала подыматься густая испарина, и весь отряд ехал как бы в тумане. Стась наклонился за спиной Идриса к Нель и спросил:

– Тебе не холодно?

– Нет, – ответила девочка, – но... теперь у нас больше нет защиты...

И слезы заглушили ее слова.

Стась не нашел на этот раз для нее никакого утешения. Он сам был уверен, что теперь для них нет больше спасения. Они очутились в стране нищеты, голода и крови. Они были похожи на два листочка, подхваченные бурей, которая несла смерть и разрушение не только отдельным людям, но целым городам и племенам. Какая же рука могла вырвать из этой стихии и опасности двух маленьких беззащитных детей?

Месяц высоко поднялся на небе и превратил точно в серебряные перья ветви мимоз и акаций. В густых зарослях там и сям раздавался пронзительный и в то же время как будто радостный хохот гиен, которые в этой дымящейся кровью стране находили для себя даже чересчур много человеческих трупов. Время от времени отряд, который вел за собой караван, встречался с другими патрулями и обменивался с ними условным паролем. Наконец, они достигли прибрежных холмов и по длинному ущелью добрались до Нила. Люди, лошади и верблюды взошли на широкие, плоские дохабии, и вскоре тяжелые весла начали мерным движением разбивать и прорезывать тихую гладь реки, усеянную алмазами звезд.

Через полчаса на южной стороне, куда плыли по течению дохабии, заблестели огни. По мере того, как суда приближались к ним, они превращались в снопы красного света, дрожавшие на воде. Нур-эль-Тадхиль тронул Идриса за плечо и, протянув вперед руку, произнес:

– Хартум!

XVI

Они остановились на окраине города, в доме, принадлежавшем перед тем богатому итальянскому купцу и, когда тот был убит во время нападения, доставшемся при разделе добычи Тадхилю. Жены эмира занялись довольно заботливо еле живую от усталости Нель, и, хотя во всем Хартуме чувствовался недостаток припасов, они нашли для маленькой джанем[29] немного сушеных фиников и рису с медом, а потом отвели ее во второй этаж и уложили спать. Стась остался ночевать во дворе, между верблюдами и лошадьми; ему пришлось удовольствоваться одним сухарем, но зато у него не было недостатка в воде, так как случайно фонтан в саду не был разрушен. Несмотря на страшную усталость, он долго не мог заснуть, во-первых, из-за скорпионов, то и дело вползавших на войлок, на котором он лежал, а во-вторых, из-за беспокойства о Нель. Он боялся, что его разлучат с ней и он не сможет заботиться о ней и защищать от невзгод. Это беспокойство разделял, по-видимому, и Саба; он бегал все время кругом, завывая и раздражая своим воем солдат.

Стась успокаивал его как мог, боясь, чтоб его не прибили. Но, к счастью, огромный пес вызвал такое удивление у самого эмира и у всех дервишей, что никто не поднял на него руки.

Идрис тоже не спал. Со вчерашнего дня он чувствовал себя нездоровым; к тому же после разговора с Нур-эль-Тадхилем его розовые надежды значительно поблекли, и будущее представлялось ему точно сквозь густую, мрачную пелену.

Он был рад, что завтра они переправятся в Омдурман, отделенный от Хартума лишь руслом Белого Нила. Там он рассчитывал найти Смаина. Ну а что дальше? На пути сюда все представлялось ему как-то яснее и величественнее. Он искренне верил в

пророка, и душу его тем более влекло к последнему, что оба они происходили из одного племени. Но при этом он был жаден и честолюбив. Он мечтал, что его осыплют золотом и сделают, по крайней мере, эмиром; мечтал о походах против «турок», о завоеванных городах, о добыче. Между тем теперь, после всего, что он услышал от Тадхилья, он стал опасаться, не затеряются ли его подвиги в водовороте значительно более крупных событий, как капля дождя теряется в морской пучине. «Пожалуй, – думал он с горечью, – никто и внимания не обратит на то, что я сделал, а Смаин будет даже не рад, что я привез ему этих детей». И эта мысль неотвязно мучила его. Завтрашний день должен был рассеять или подтвердить его опасения, и он ждал его с нетерпением.

В шестом часу взошло солнце, и среди дервишей началось движение. Вскоре явился Тадхиль и приказал им готовиться в путь. Он сказал им при этом, что до переправы они пойдут пешком рядом с его лошадью. К большой радости Стася, Дина привела сверху Нель, и они тронулись по тянувшемуся вдоль всего города валу, направляясь к перевозу. Тадхиль ехал впереди верхом, Стась вел за руку Нель, а за ними шли Идрис, Гебр и Хамис, со старухой Диной и с Саба, и тридцать солдат эмира. Остальная часть каравана осталась в Хартуме.

Озираясь кругом, Стась не мог понять, как мог быть взят город, так сильно укрепленный и расположенный на мысу, образуемом слиянием двух рек: Белого и Голубого Нила, и, следовательно, окруженный с трех сторон водой и доступный только с юга. Лишь немного спустя он узнал от невольников-христиан, что река в то время очень высохла и посредине ее обнажились широкие песчаные отмели, по которым сравнительно легко было подступить к укреплениям. Гарнизон, утратив надежду на подкрепление и изнуренный голодом, не мог отразить штурма разъяренных дикарей, и город был взят. Несмотря на то что со времени штурма прошел уже целый месяц, следы борьбы были видны еще повсюду вдоль вала. В самом городе здесь и там торчали развалины разрушенных домов, на которые обрушилось все неистовство победителей, а наружный ров был полон трупов, которые никто и не думал хоронить. На пути только к перевозу Стась насчитал их больше четырехсот. Но они не заражали все-таки воздуха, так как суданское солнце иссушило их и превратило в мумии. У всех трупов цвет кожи напоминал цвет серого пергамента, так что нельзя было отличить тел европейцев от тел египтян и негров. Между трупами ползали маленькие серые ящерицы, которые, заслышав шум человеческих шагов, быстро прятались среди тел, иногда в рот или во впадины между иссохшими ребрами.

Стась вел Нель так, чтоб заслонить от нее это ужасное зрелище, и велел ей смотреть в другую сторону, на город. Но и со стороны города происходили вещи, наполнявшие ужасом глаза и душу девочки. Вид «английских детей», взятых в плен, и Саба, которого Хамис вел на привязи, привлекал любопытных, которых, чем ближе к переправе, собиралось с каждой минутой все больше. Вскоре образовалась такая большая толпа, что пришлось остановиться. Со всех сторон раздавались грозные окрики. Страшные татуированные лица наклонялись над Стасем и Нель. Некоторые дикари дико хохотали им в лицо и хлопали себя от радости ладонями по бедрам, другие бросали им вслед ругательства. Нель, еле живая от страха, прижималась к Стасю, а он закрывал ее руками, как мог, сам уверенный, что для них обоих приходит последний час. К счастью, этот напор разъяренной толпы надоел наконец и Тадхилью. Десятка полтора солдат окружили по его приказанию детей, а остальные стали без пощады хлестать корбачами воющую чернь. Толпа рассеялась впереди, но зато стала собираться позади отряда и с криком и визгом сопровождала его до самой реки.

Дети отдохнули во время переправы. Стась утешал Нель, что когда дервиши освоятся

с их видом, они перестанут угрожать им, и уверял ее, что Смаин будет охранять и защищать их обоих и особенно ее, потому что, если с ними случится что-нибудь плохое, ему некого будет отдать в обмен за своих детей. Это было действительно так; но девочка была так напугана виденными ужасами, что, ухватившись за руку Стася, не хотела ни на минуту ее отпустить и беспрестанно повторяла, точно в бреду: «Я боюсь! Я боюсь!» Стась действительно от души желал, чтоб они поскорее очутились в руках Смаина, который знал их давно и который в Порт-Саиде был с ними очень ласков или, по крайней мере, притворялся таким. Во всяком случае, это не был такой дикарь, как остальные суданцы-дангалы, и плен в его доме мог быть сравнительно легче.

Весь вопрос был только в том, найдут ли они его в Омдурмане. О том же самом вел разговор и Идрис с Нур-эль-Тадхилем. Последний вспомнил наконец, что год назад, находясь по поручению халифа Абдуллаги вдали от Хартума, в Кордофоне, он слышал о каком-то Смаине, который учил дервишей стрелять из пушек, отнятых у египтян, а потом занялся ловлей невольников. Нур порекомендовал Идрису такой способ найти эмира:

– Когда ты услышишь после полудня голос умбаи[30], будь тогда вместе с детьми на площади молитвы, куда пророк является каждый день, чтоб давать верным пример благочестия и укреплять их в вере. Там, кроме священной особы Махди, ты увидишь также всех «благородных», а также трех халифов, пашей и эмиров. Между эмирами, может быть, ты найдешь Смаина.

– А что мне делать и куда деваться до полуденной молитвы?

– Ты останешься с моими солдатами.

– А ты, Нур-эль-Тадхиль, оставишь нас?

– Я отправлюсь за распоряжениями к халифу Абдуллаги.

– Это самый большой из халифов? Я здесь издаюла. Хотя мне и приходилось слышать имена вождей, но только ты здесь можешь объяснить мне все подробнее.

– Абдуллаги, мой вождь, – это меч Махди.

– Пусть Аллах сделает его сыном победы!

Некоторое время лодки плыли среди общего молчания. Слышалось только постукивание весел в уключинах да порой плеск воды, рассекаемой хвостом крокодила. Множество этих страшных пресмыкающихся наплыло с юга под Хартум, где они нашли много пищи, так как река была полна трупов не только убитых после занятия города, но и умерших от болезней, свирепствовавших среди махдистов, а особенно среди их невольников. Правда, приказы халифов запрещали «портить воду», но никто не обращал на них внимания, и тела, которых не успели пожрать крокодилы, плыли по течению лицом вниз, до шестого водопада и даже дальше, до самой Берберии.

Идрис, однако, думал совсем о другом и минуту спустя опять заговорил:

– Сегодня утром нам ничего не дали есть. Выдержим ли мы, голодные, до часа молитвы, и кто нас потом накормит?

– Ты ведь не невольник, – ответил Тадхиль. – Можешь пойти на рынок, где купцы

раскладывают свои припасы. Там ты получишь сушеное мясо, а пожалуй, и дохну[31], но за большие деньги, потому что, как я тебе говорил, в Омдурмане царит голод.

– А тем временем злые люди отнимут или убьют детей.

– Солдаты будут их охранять. А если ты дашь кому-нибудь из них денег, они охотно сами пойдут за провизией.

Идрису, который больше любил брать деньги, чем давать кому-нибудь, не очень понравился этот совет; но прежде чем он решил, что ответить, лодки причалили к берегу.

Омдурман показался детям совсем иным, чем Хартум. В нем были каменные двухэтажные дома, была «мудирия», то есть дворец губернатора, где погиб Гордон, была церковь, больница, миссионерские постройки, арсенал, большие казармы для войск и множество больших и маленьких садов с роскошной тропической растительностью. Омдурман же скорее был похож на огромное становище дикарей. Форт, возвышавшийся на северной окраине слободы, был разрушен по приказанию Гордона. Весь город, куда ни кинешь глазом, состоял из круглых конусообразных хижин, кое-как слепленных из соломы дохну. Узенькие изгороди из терновника отделяли эти лачуги одну от другой и от улицы. Кое-где виднелись палатки, захваченные, по-видимому, в виде добычи у египтян. Кое-где несколько пальмовых циновок под растянутым на бамбуковых палках лоскутом грязного холста составляли все жилище. Население пряталось под крышу только во время дождя или невыносимого зноя. Все остальное время сидели, разводили огонь, варили пищу, жили и умирали – под открытым небом. Потому-то на улицах и было так людно, что местами отряду приходилось с трудом протискиваться сквозь толпу. До того Омдурман был жалкой деревушкой, но теперь, считая и невольников, в нем собралось с лишком двести тысяч народу. Даже самого Махди и его халифов начинало тревожить это скопление народа, которому угрожали голод и болезни. Они то и дело отправляли все новые отряды на север для завоевания областей и городов, еще верных египетскому правительству.

При виде белых детей здесь тоже раздавались неприязненные возгласы, но тут толпа, по крайней мере, не угрожала им смертью. Может быть, никто не решался делать это вблизи самого Махди, а может быть, здесь люди больше привыкли видеть пленников, которых перевезли тотчас после взятия Хартума всех в Омдурман. Тем не менее глазам Стася и Нель представился настоящий ад на земле. Они видели белых и египтян, истязуемых до крови корбачами, голодных, изнемогающих от жажды, сгибающихся под тяжестью, которые их заставляли переносить, или под ведрами с водой. Они видели европейцев, женщин и детей, выросших в довольствии, а теперь выпрашивавших, как нищие, горсть дурры или ломоть сухого мяса, исхудалых, покрытых тряпьем, похожих на призраки, с почерневшими от лишений лицами и безумным взором, в котором застыли ужас и отчаяние. Они видели, как дикари хохотали при виде их, толкали их и били. На всех улицах и в переулках попадались такие картины, от которых глаза отворачивались с ужасом и отвращением. В Омдурмане свирепствовали ужасная дизентерия, тиф и оспа. Больные, покрытые пузырями, лежали у входа в лачуги, заражая воздух. Пленники несли на своих плечах завернутые в холст трупы только что умерших, чтоб похоронить их в песке, за городом, где настоящую тризну над ними справляли уже гиены. Над городом носилась стая ястребов, крылья которых бросали на озаренный солнцем песок траурные тени. Видя все это, Стась подумал, что лучше всего было бы и для него и для Нель как можно скорее умереть.

Однако и в этой бездне нищеты и человеческой злобы проглядывал изредка луч доброго чувства. В Омдурмане была кучка греков и коптов, которых Махди пощадил, так как они были ему нужны. Они не только оставались на свободе, но занимались даже торговлей и разными делами, а некоторые, особенно те, что для виду хотя бы переменили веру, исполняли даже разные должности у самого пророка. Это придавало им большой авторитет в среде диких дервишей. Один из таких греков остановил отряд и стал расспрашивать детей, как они сюда попали. Узнав с удивлением, что они только что прибыли и что их похитили из далекого Файюма, он пообещал сказать о них Махди и позаботиться об их судьбе. Пока он только сострадательно покачал головой над Нель и дал обоим по горсти сушеных диких фиг и по серебряному талеру с изображением Марии-Терезии. Солдатам он приказал, чтоб они не смели обижать девочку, и, простившись с детьми и сказав, что навестит их, пошел своей дорогой, повторяя по-английски: «Бедный птенчик!»

XVII

По кривым переулкам они дошли наконец до базарной площади, расположенной в центре города. По пути им попадались люди с отсеченными руками или ногами. Это были преступники, утаившие добычу, или воры. Наказания, налагаемые халифом и эмирами за непослушание или преступление против объявляемых пророком законов, были ужасны, и даже за легкий проступок, вроде курения табака, били до крови, до бесчувствия корбачами. Сами же халифы исполняли предписание лишь на виду у людей, а дома позволяли себе все, что хотели, так что наказания обрушивались только на бедных людей, у которых попутно отбиралось все их имущество. Ограбленным ничего не оставалось делать, как нищенствовать. Но так как в Омдурмане вообще чувствовался большой недостаток в припасах, то им приходилось почти умирать с голоду.

Множество нищих бродило вблизи ларей с провизией. Но первым предметом, обратившим на себя внимание детей, была человеческая голова, воткнутая на высокий бамбуковый шест, торчавший посреди площади. Лицо этой головы было иссушено солнцем и почти черно. Зато волосы на темени и подбородке были белы как молоко. Один из солдат объяснил Идрису, что это голова Гордона. Когда Стась услышал это, его охватило чувство беспредельного сострадания и возмущения, но в то же время кровь в жилах его оледенела от страшной мысли: так вот как окончил этот герой, этот рыцарь без страха и упрека, и притом человек справедливый и добрый, которого любили даже в Судане. И англичане не пришли ему вовремя на помощь, а потом вернулись, оставив его труп без погребения, на позор! В эту минуту Стась потерял веру в англичан. До сих пор он наивно думал, что Англия за малейшую обиду, причиненную кому-либо из ее граждан, всегда готова воевать с целым миром. На дне души его теплилась надежда, что и в защиту дочери Роулайсона, после неудачной погони, грозные английские полки будут двинуты, если окажется нужным, до самого Хартума и даже дальше. Теперь же он убедился, что Хартум и вся страна находятся в руках Махди и что египетское правительство и Англия думают скорее о том, как бы защитить Египет от дальнейших захватов, чем о том, чтоб освободить из плена плененных европейцев.

Он понял, что и Нель и он попали в бездну, из которой нет выхода, – и эти мысли, вместе с ужасами, какие он видел на улицах Омдурмана, окончательно подкосили его. Его обычная энергия сменилась безучастной покорностью судьбе и страхом перед тем, что будет впереди. Он начал озираться кругом, по рынку и по ларям, у которых Идрис, жестоко торгуясь, покупал припасы. Торговки, большею частью суданские женщины и негритянки, продавали джубы, то есть белые полотняные халаты, обшитые разноцветными лоскутьями, каучук из акаций, выдолбленные тыквы, стеклянные бусы, серу и разного рода циновки. Ларей с провизией было мало, и

вокруг них густо толпился народ. Махдисты покупали по необычайно высокой цене сушеные ломти мяса, частью – домашнего скота, частью – убитых в степи буйволов, антилоп и жирафов. Фиников, фиг, маниоки и дурры совсем не было. Кое-где только продавали воду с медом диких пчел и зерна дохну, размоченные в отваре из плодов тамаринда. Идрис впал в отчаяние: оказалось, что базарные цены были так высоки, что деньги, полученные от Фатьмы на жизнь, скоро все уйдут, а тогда ему останется только просить милостыню. Все его надежды были теперь только на Смаина. По странному совпадению, Стась тоже рассчитывал только на помощь Смаина.

Через час вернулся Нур-эль-Тадхиль от халифа Абдуллаги. Его постигла, по-видимому, там какая-то неприятность, так как он вернулся в очень плохом настроении. И когда Идрис спросил его, не узнал ли он чего-нибудь о Смаине, он ответил ему сердито:

– Дурак, неужели ты думаешь, что у халифа и у меня больше нечего делать, как разыскивать для тебя Смаина?

– Так что же ты теперь со мной сделаешь?

– Делай с собой, что хочешь. Я дал тебе переночевать у себя дома, дал тебе несколько добрых советов, а больше знать тебя не хочу.

– Хорошо, но куда же я денусь на ночь?

– А не все ли мне равно?

Сказав это, он взял с собою солдат и ушел. Идрис едва упросил его, чтоб он отослал ему на площадь верблюдов и весь караван вместе с арабами, которые присоединились к нему между Асуаном и Вади-Гальфой. Эти люди явились лишь к полудню, и оказалось, что все они не знают, что им делать. Оба бедуина стали спорить с Идрисом и Гебром, утверждая, что те обещали им совсем другой прием и обманули их. После долгих споров и совещаний решили, наконец, построить на окраине города шалаши из веток и тростника дохну, чтоб иметь, по крайней мере, на ночь убежище, а в остальном – положиться на волю Аллаха и ждать.

Построив шалаши, что не отнимают у суданцев и негров много времени, они все, кроме Хамиса, который остался, чтоб приготовить ужин, отправились на место, где происходили всенародные моления. Попасть туда оказалось не трудно, так как туда направлялись огромные толпы со всего Омдурмана. Площадь была очень большая, окруженная изгородью из терновника, а местами – глиняным забором, который недавно начали лепить. Посредине подымалось деревянное возвышение. Пророк всходил на него, когда хотел проповедовать перед народом. Перед возвышением были разостланы овечьи шкуры для Махди, для халифов и наиболее влиятельных шейхов. По бокам были воткнуты знамена эмиров, развевавшиеся по ветру, играя пестротой своих красок, точно огромные цветы. Все четыре стороны площади были оцеплены толпившимися рядами дервишей. Кругом был виден бесчисленный лес торчащих пик, которыми были вооружены почти все воины.

К счастью Идриса, Гебра и остальных участников каравана, их приняли за свиту одного из эмиров, благодаря чему им удалось попасть в первые ряды собравшейся толпы. Появление Махди было оповещено сначала красивыми и торжественными звуками умбаи, а когда он показался на площади, раздались пронзительные завывания дудок, грохот барабанов, стук погремушек из пустых тыкв, наполненных камешками, и свист на слоновых клыках, что все вместе создало адский гул. Толпою овладел

неописуемый экстаз. Одни бросались на колени, другие кричали изо всех сил: «О, ниспосланный Богом! О, победоносный! О, милосердый! О, справедливый!» Это продолжалось до тех пор, пока Махди не взшел на амвон. Тогда воцарилась гробовая тишина. Махди поднял руки, приставил большие пальцы к ушам и некоторое время молился.

Дети стояли недалеко и могли хорошо разглядеть его. Это был человек средних лет, очень толстый, точно распухший, и почти черный. Стась, обладавший очень хорошим зрением, заметил, что лицо его было татуировано.

В одном ухе у него было большое кольцо из слоновой кости. Он был одет в белую «джубу» и белую ермолку, а ноги у него были босы, так как, всходя на амвон, он сбросил красные башмаки и оставил их подле овечьих шкур, на которых должен был потом молиться. В его наряде не было никакой роскоши. Порой только ветер доносил от него крепкий запах сандала, который правоверные жадно втягивали ноздрями, закатывая глаза от наслаждения. Стась представлял себе совсем иначе страшного пророка, разорившего и убившего столько тысяч людей. Глядя теперь на это заплывшее жиром лицо, с мягким выражением, с кроткими глазами и улыбкой, точно приросшей к губам, он не мог прийти в себя от изумления. Он был уверен, что у такого человека на плечах должна быть голова гиены или крокодила, а между тем перед ним была раздутая тыква, похожая на изображение месяца в полнолуние.

Пророк начал проповедь. Его глубокий, звучный голос был ясно слышен по всей площади, так что каждое слово долетало до слуха правоверных.

Он говорил о видениях, которые являются ему, и о миссии, полученной им от Бога. Аллах велел ему очистить веру и распространить ее по всему миру. Кто не признает его, Махди-искупителя, тот обречен на гибель. Конец мира уже близок, но еще до того обязанность правоверных – покорить Египет, Мекку и все те страны, где за морями живут неверные. Такова воля Божья, и ничто не сможет ее поколебать. Много крови потечет, много воинов не вернется к женам и детям в свои шатры, но никакой человеческий язык не в состоянии описать счастья тех, которые падут на поле брани.

Затем он протянул руки к толпе и окончил так:

– И вот я, искупитель и слуга Божий, благословляю священную войну и вас, воины. Благословляю труды ваши, и раны, и смерть, благословляю победу, и плачу над вами, как отец, возлюбивший вас...

И он разрыдался. Рев и вой раздались, когда он сходил с амвона. Все рыдали кругом. Внизу два халифа, Абдуллаги и Али, сын Хелу, взяли пророка под руки и повели его на овечьи шкуры, где он опустился на колени. Идрис воспользовался этим временем и с лихорадочным волнением спросил у Стася, нет ли между эмирами Смаина.

– Нет, – ответил мальчик, который тоже тщетно искал глазами знакомое лицо. – Я не вижу его. Может быть, он погиб при взятии Хартума.

Молитвы продолжались долго. Махди, молясь, размахивал руками и ногами, как паяц, или подымал вдохновенно глаза горе, повторяя: «Вот он! Вот он!» Солнце стало клониться уже к западу, когда он встал и направился к дому. Дети могли убедиться, каким благоговением окружают дервиши своего пророка, так как целые толпы бросились по его следам, скребя землю в тех местах, которых коснулись его

стопы. Доходило даже до ссор и драк. Все верили, что эта земля охраняет здоровых и исцеляет больных.

Мало-помалу площадь молитвы опустела. Идрис сам не знал, что ему делать, и хотел уже вместе с детьми и всей ватагой вернуться на ночь в построенные ими шалаши, где их ждал Хамис, как вдруг неожиданно перед ними очутился тот самый грек, который утром дал по талеру и по горсти фиников Стасю и Нель.

– Я говорил Махди о вас, – сказал он по-арабски. – Пророк хочет вас видеть.

– Слава Аллаху и тебе, господин! – воскликнул Идрис. – А найдем ли мы среди близких Махди Смаина?

– Смаин в Фашоде, – ответил грек.

А затем обратился по-английски к Стасю:

– Возможно, что пророк возьмет вас под свое покровительство, так как я старался уговорить его это сделать. Я сказал ему, что слава о его милосердии распространится тогда среди белых народов. Здесь происходят страшные вещи, и без его покровительства вы, наверное, погибнете от голода, лишений, болезни или от руки безумца. Но вы должны снискать его расположение, а это зависит от тебя.

– Что же я должен сделать? – спросил Стась.

– Прежде всего, когда ты предстанешь перед ним, опустишь на колени; если он подаст тебе руку, то поцелуй ее с благоговением и горячо проси его, чтоб он взял вас обоих под свои крылья.

Тут грек остановился и спросил:

– Никто из этих людей не понимает по-английски?

– Нет, Хамис остался в шалаше, Идрис и Гебр понимают лишь несколько отдельных слов, а остальные – и того нет.

– Хорошо. Так слушай дальше. Нужно все предусмотреть. Махди, наверно, спросит тебя, согласен ли ты принять его веру. Ответь ему сейчас же, что да и что, как только ты его увидел, тебя осенил неведомый свет благодати. Запомни: «неведомый свет благодати»! Это польстит ему, и он, может быть, сделает тебя музалемом, одним из своих личных слуг. У вас тогда будет всего вдоволь и вам будут предоставлены все удобства, которые защитят вас от болезней... Если бы ты поступил иначе, ты очень повредил бы себе, этой малютке и даже мне; а я желаю вам добра. Понимаешь?..

Стась стиснул зубы и ничего не сказал. Только лицо его застыло и глаза хмуро загорелись. Заметив это, грек продолжал:

– Я знаю, мой мальчик, что это очень неприятно, но другого исхода нет! Те, кто уцелел после резни в Хартуме, все приняли учение Махди: немцы, итальянцы, копты, англичане, греки... Я сам...

И хотя Стась уверил его, что никто из окружающих не понимает по-английски, он понизил голос:

– Мне незачем тебе объяснять, что это вовсе не измена, не отступничество. В душе каждый остался тем, чем был... Перед насилием нужно склониться, хотя бы для виду... Защищать свою жизнь – долг всякого человека, и было бы безумием, даже грехом, подвергать ее опасности – из-за чего? Из-за одной внешности, из-за нескольких слов, от которых мысленно ты можешь отречься в тот самый момент, когда их произносишь. А ты должен помнить, что в твоих руках не только твоя жизнь, но и жизнь твоей маленькой спутницы, которою ты не имеешь права распоряжаться. Могу тебя уверить, что никто не посмеет тебя винить, так же, как и всех нас...

Говоря так, грек, может быть, старался обмануть свою совесть, но его самого обманывало, в свою очередь, молчание Стася, которое он в конце концов принял за страх. Он решил придать ему немного бодрости.

– Вот дома Махди, – сказал он. – Он предпочитает жить в этих деревянных сараях в Омдурмане, чем в Хартуме, хотя там он мог бы занять дворец Гордона. Ну, смелее же! Не теряй головы! На вопросы отвечай бойко и бесстрашно. Они ценят здесь храбрость. Не воображай, что Махди сразу заревет на тебя, как лев. Нет! Он всегда улыбается, – даже тогда, когда не думает ничего доброго.

Сказав это, он крикнул толпе, стоявшей перед домом, чтоб она расступилась перед гостями пророка.

XVIII

Когда они вошли в покой, Махди лежал на мягком ковре, окруженный женами, из которых две обмахивали его опахалами из больших страусовых перьев, а две другие легонько щекотали подошвы его ног. Кроме жен, присутствовали только халиф Абдуллаги и халиф Шерит, так как третий, Али, сын Хелу, отправлял в это время войска на север, в Берберию и Абу-Хаммед, завоеванные незадолго перед тем дервишами. При виде вошедших пророк отстранил жен и присел на ковре. Идрис, Гебр и два бедуина пали ниц, а потом встали на колени со скрещенными на груди руками. Грек подал знак Стасю, чтоб он повторил то же самое, но мальчик, сделав вид, будто не заметил этого, поклонился лишь и так остался стоять. Лицо его было бледно, но глаза ярко горели, и по всей его осанке, гордо поднятой голове и по сжатым губам легко было угадать, что что-то большое произошло в его душе, что неуверенность и опасения прошли, что он пришел к какому-то непоколебимому решению, от которого ни за что не отступится. Грек это понял, по-видимому, так как в чертах его лица отразилась глубокая тревога. Махди окинул обоих детей мимолетным взглядом, озарил свое заплывшее лицо обычной улыбкой и обратился сначала к Идрису и Гебру.

– Вы приехали с далекого севера? – сказал он.

Идрис поклонился до земли.

– Да, о Махди! Мы принадлежим к племени дангалов и потому мы покинули свои дома в Файюме, чтоб ударить челом и припасть к твоим благословенным стопам.

– Я видел вас в пустыне. Ужасный был этот путь, но я послал ангела, который бодрствовал над вами и оберегал вас от смерти и от руки неверных. Вы его не видели, но он неусыпно следовал за вами.

– Спасибо тебе, искупитель.

– И вы привезли Смаину этих детей, чтоб он обменял их на своих, которых турки держат в плену вместе с Фатьмой в Порт-Саиде?

– Мы хотели служить тебе.

– Кто служит мне, служит собственному искуплению; вы открыли себе этим путь в рай. Фатьма мне родственница... Но, право, говорю вам, когда я покорю весь Египет, моя родственница и ее дети все равно получат свободу.

– Так сделай с этими детьми, что угодно твоей воле, о, благословенный!..

Махди опустил веки, потом опять поднял их, ласково улыбнулся и кивнул Стасю:

– Подойди сюда, мальчик.

Стась сделал несколько шагов вперед энергичной, точно военной, походкой, поклонился вторично и, выпрямившись, как струна, посмотрел прямо в глаза Махди и ждал.

– Рады ли вы, что приехали ко мне? – спросил Махди.

– Нет, пророк. Нас похитили против нашей воли от наших отцов.

Этот простой ответ произвел заметное впечатление и на привыкшего к подобострастию и лести властелина, и на окружающих. Халиф Абдуллаги нахмурил брови, грек закусил усы и стал ломать свои пальцы. Но Махди не переставал улыбаться.

– Но зато вы находитесь у источника истины, – сказал он. – Хочешь ли ты испить из этого источника?

Наступила минута молчания. Махди, полагая, что мальчик не понял вопроса, повторил его яснее:

– Хочешь ли ты принять мое учение?

Стась ответил:

– Я не знаю твоего учения, пророк; если бы я его принял, я сделал бы это только из страха, как трус и низкий человек. А разве тебе угодно, чтоб веру твою исповедовали трусы и низкие люди?

Говоря это, он все время смотрел в глаза Махди. Воцарилась такая тишина, что слышно было жужжание мух. Но в то же время свершилось нечто необычайное: Махди смутился и не сразу мог найти, что ответить. Улыбка сошла с его лица, которое приняло озабоченное и недовольное выражение. Протянув руку, он взял тыкву, наполненную водой с медом, и стал пить, но ясно было, что только для того, чтоб выиграть время и скрыть свое смущение.

А мужественный мальчик стоял с гордо поднятой головой, ожидая приговора. На впалых, обожженных ветром пустыни щеках его заиграл яркий румянец, глаза ярко горели, а тело вздрагивало от глубокого волнения. И страх перед тем, что могло и должно было наступить, смолк на минуту в глубине его души, которую наполнили в это мгновение радость и гордость оттого, что он нашел в себе силу и остался

верен себе.

Махди между тем поставил тыкву и спросил:

– Так ты отвергаешь мое учение?

– Я сказал...

– Кто закрывает уши перед гласом Божьим, – медленно, изменившимся голосом проговорил Махди, – тот не больше как сухие дрова для топлива.

При этих словах известный своей суровостью и жестокостью халиф Абдуллаги сверкнул белыми зубами, как хищный зверь, и проговорил:

– Дерзка речь этого мальчугана; накажи же его, владыка, или позволь мне его наказать.

«Все кончено!» – подумал Стась.

Но Махди всегда хотелось, чтобы слава о его милосердии распространялась не только среди дервишей, но и по всему свету; он подумал, что слишком строгий приговор, особенно над маленьким мальчиком, мог бы повредить этой славе.

С минуту он перебирал бусы четок, раздумывая над чем-то, потом проговорил:

– Нет. Этих детей похитили для Смаина. И хотя я не стану вступать с неверными ни в какие переговоры, надо все-таки отослать их ему. Такова моя воля.

– Она будет исполнена, как ты велишь.

Махди указал ему на Идриса, Гебра и бедуинов:

– Этих людей награди от меня, Абдуллаги; они совершили большой и опасный путь, чтоб служить Богу и мне.

Затем он сделал знак, что аудиенция окончена, и приказал греку, чтоб он тоже удалился. Последний, очутившись опять в темноте на площади молитвы, схватил Стася за плечи и стал трясти его в бешенстве и отчаянии.

– Проклятый! Ты погубил этого невинного ребенка, – указал он на Нель, – погубил себя, а может быть, и меня.

– Я не мог иначе, – ответил Стась.

– Не мог! Знай же: вы обречены теперь на новый долгий путь, во сто крат более трудный, чем до сих пор. И это – смерть, понимаешь. В Фашоде лихорадка свалит вас в первую же неделю. Махди знает, зачем он посылает вас к Смаину.

– В Омдурмане мы тоже умерли бы.

– Неправда! В доме Махди, среди удобств и изобилия во всем, вы не умерли бы. А он готов был взять вас под свои крылья. Я знаю, что он был готов. Хорошо отплатил ты мне за мои хлопоты о вас. Ну, теперь делайте что хотите! Абдуллаги отправляет верблюжью почту в Фашоду через неделю. А пока всю эту неделю можете

себе делать что хотите! Меня вы больше не увидите!..

Сказав это, он удалился, но через минуту опять вернулся. Он был многоречив, как все греки, и ему нужно было выговориться. Ему хотелось излить желчь, которая накопилась в нем, на голову Стася. Он не был жесток и зол, но ему хотелось, чтоб мальчик понял еще ярче всю страшную ответственность, какую он взял на себя, не послушав его советов и предостережений.

– Тебе хотелось непременно блеснуть своим бессмысленным героизмом. До сих пор я оказывал большие услуги белым пленникам, а теперь я больше не смогу их оказывать, потому что Махди рассердился и на меня. Все погибнут. А твоя маленькая товарка по несчастью, – ее ты обрек на верную гибель. В Фашоде даже взрослые европейцы гибнут от лихорадки, как мухи, а где ж уцелеть такому ребенку. А если вам прикажут идти пешком рядом с лошадьми и верблюдами, так она свалится в первый же день. Это ты все наделал. Радуйся же теперь, ты, герой!

Он удалился, а они свернули с площади молитв по темным переулкам к шалашам. Они шли долго, так как город был раскинут на огромном пространстве. Нель, удрученная голодом, страхом и пережитыми впечатлениями, с трудом двигалась. Идрис и Гебр подгоняли ее, чтоб она шла скорее. Но вскоре ноги у нее совсем подкосились. Тогда Стась не задумываясь взял ее на руки и понес. По дороге ему хотелось говорить с ней, хотелось оправдаться перед ней, сказать ей, что он не мог поступить иначе; но мысли застыли и точно замерли у него в голове, и он повторял только беспрестанно: «Нель! Нель! Нель!» – и прижимал ее к себе, будучи не в силах еще что-нибудь сказать. Спустя шагов пятьдесят Нель заснула у него от усталости на руках, и он продолжал идти молча среди тишины спящих улиц, нарушаемой лишь разговором Идриса и Гебра.

Их сердца были полны радости. И это было к счастью для Стася, потому что иначе им, пожалуй, тоже захотелось бы наказать его за дерзкий ответ Махди. Но они были так заняты тем, что их постигло, что не могли думать ни о чем другом.

– Я чувствовал себя, как больной, – говорил Идрис, – но один взгляд пророка исцелил меня.

– Он точно пальма в пустыне, точно холодная вода в знойный день, а слова его словно зрелые финики, – ответил Гебр.

– Нур-эль-Тадхиль лгал, когда говорил, что он не допустит нас к себе. Вот же он допустил, благословил и велел Амбуллаги наградить нас.

– Да. И он нас, должно быть, щедро наградит, потому что воля Махди свята.

– Бисмиллах! Пусть будет так, как ты говоришь! – вставил один из бедуинов.

Гебр стал мечтать о целых стадах верблюдов, рогатого скота, лошадей и о мешках, наполненных пиастрами.

Из этих грез вывел его Идрис; указывая на Стася, несшего спящую Нель, он спросил:

– А что мы сделаем с этим шершнем и с этой мухой?

– Гм! Смаин должен наградить нас за них отдельно.

– Раз пророк говорит, что не разрешит вступать ни в какие переговоры с неверными, то Смаину нет от них никакого проку.

– Жаль тогда, что они не попали в руки халифа; он уж научил бы этого щенка, как отругиваться от истины и от Божьего избранника.

– Махди милосерд, – ответил Идрис.

Тут он остановился на минуту и произнес:

– А ведь все же Смаин, если дети будут у него в руках, будет уверен, что ни турки, ни англичане не убьют его детей и Фатьму.

– Так, может быть, и он нас наградит?

– Да. Пусть почта Абдуллаги возьмет их с собой в Фашоду. У нас, по крайней мере, тяжесть свалится с плеч. А когда Смаин вернется сюда, мы потребуем и от него уплаты.

– Так ты говоришь, значит, мы останемся в Омдурмане?

– Аллах! С тебя не довольно пути от Файюма до Хартума? Пора, кажется, и отдохнуть!..

Шалаши были уже недалеко. Стась, однако, замедлил шаг, потому что и его силы начали истощаться. Нель, хотя была очень легка, становилась для него все более и более непосильной ношей. Суданцам хотелось поскорее лечь спать, и они то и дело покрикивали на него, чтоб он шел скорее, а потом стали погонять его пинками и ударами по голове. Гебр даже больно кольнул его ножом в плечо. Мальчик переносил все это молча, защищая больше всего свою маленькую сестричку, и только когда один из бедуинов так толкнул его, что он чуть не упал, он проговорил, стиснув зубы:

– Мы должны живыми доехать до Фашоды.

Слова эти удержали арабов, которые боялись нарушить приказание Махди. Но еще более удержало их то, что у Идриса вдруг так закружилась голова, что ему пришлось опереться на плечо Гебра. Припадок быстро прошел, но суданец страшно перепугался и проговорил:

– Аллах! Нехорошо что-то мне! Уж не схватил ли я какую-нибудь болезнь?

– Ты видел Махди, – сказал Гебр, – и никакая болезнь тебя не тронет.

Наконец они добрались до шалашей. Стась, изнуренный до последней крайности, отдал спящую Нель на руки старой Дине, которая, несмотря на недомогание, мучившее ее тоже, постлала, однако, своей маленькой мисс довольно удобную постель. Суданцы и бедуины, проглотив по несколько ломтей сырого мяса, бросились, как колоды, на свои войлоки. Стасю ничего не дали поесть; только старушка Дина сунула ему в руку горсть размоченной дурры, которой ей удалось немного украсть у верблюдов. Но ему не хотелось ни спать, ни есть.

Ноша, которую он нес на своих плечах, была действительно слишком тяжела. Он

чувствовал, что, отвергнув милость Махди, за которую нужно было заплатить отречением и унижением, он поступил, как должен был поступить; он чувствовал, что отец был бы горд и счастлив его поступком. Но в то же время его мучила мысль, что он погубил Нель, свою подругу по несчастью, милую, маленькую сестричку, за которую охотно отдал бы последнюю каплю крови.

И когда все уснули, он горько заплакал и, лежа на куске войлока, рыдал долго, как ребенок, которым, в конце концов, он еще и был.

XIX

Посещение Махди и беседа с ним, по-видимому, не исцелили Идриса; еще ночью он тяжело захворал, а утром лежал без сознания. Хамиса, Гебра и обоих бедуинов позвали к халифу, который продержал их у себя несколько часов и не мог нахвалиться их смелостью. Вернулись они, однако, в самом скверном настроении и озлобленные. Они ожидали бог знает каких наград, а Абдуллаги между тем дал на каждого по египетскому фунту и по лошади.

Бедуины начали ссориться с Гебром, чуть было даже не подрались, но в конце концов решили поехать вместе с верблюжьей почтой в Фашоду, чтоб потребовать вознаграждения у Смаина. К ним присоединился и Хамис, который рассчитывал, что покровительство Смаина принесет ему больше пользы, чем пребывание в Омдурмане. Для детей началась неделя голода и нужды, так как Гебр нисколько не заботился об их прокормлении. К счастью, у Стась было два талера с Марией-Терезией, которые он получил от грека. Он пошел на рынок, чтоб купить фиников и рису. Суданцы не удерживали его, зная, что в Омдурмане он не может убежать и что, во всяком случае, он не покинет маленькой бинт. Не обошлось, однако, без приключений. Вид мальчика в европейском костюме, покупавшего на рынке провизию, привлек опять толпы полудиких дервишей, которые встречали его смехом и воем. К счастью, многие видели, что он был вчера у Махди, и удерживали тех, кто хотел причинить ему что-нибудь дурное. Только дети кидали в него песком и камнями. Но он не обращал на это никакого внимания.

На рынке цены были невероятно высокие. Фиников Стась совсем не мог получить, а значительную часть риса отнял у него «для больного брата» Гебр. Мальчик сопротивлялся этому изо всех сил. И дело дошло даже до драки, из которой более слабый, конечно, вышел со множеством синяков. Хамис тоже показал себя не с лучшей стороны. Он питал привязанность только к Саба и кормил его сырым мясом. А на голод и бедствия детей, которых он знал давно и которые всегда были добры к нему, он смотрел с полным равнодушием. Когда Стась обратился к нему с просьбой, чтоб он уделял хоть для Нель немного пищи, он ответил со смехом:

– Ступай, проси милостыню.

И дошло, наконец, до того, что в ближайшие после этого дни Стась, чтоб спасти Нель от голодной смерти, действительно ходил просить милостыню. И не всегда он возвращался с пустыми руками. Иногда какой-нибудь бывший солдат или офицер египетского хедива давал ему пару пиастров или несколько сушеных фиг и обещал ему дать еще что-нибудь завтра. Раз как-то встретил он миссионера и сестру милосердия, которые, выслушав его рассказ, заплакали над судьбой обоих детей и, сами истощенные голодом, поделились с ним тем, что у них было. Они обещали ему, что навещают их в их шалаше, и действительно явились на следующий день в надежде, что, может быть, им удастся взять детей до отъезда почты к себе. Но Гебр и Хамис прогнали их корбачами. На следующий день, однако, Стась встретил их опять и получил от них меру рису и два порошка хинина, которые миссионер

посоветовал ему хранить как можно бережнее, предвидя, что в Фашоде их обоих, наверное, ждет лихорадка.

– Вы поедете теперь, – сказал он ему, – вдоль разливов Белого Нила, по так называемым суддам. Затопы из растений и листьев, наносимых течением и скопляющихся в мелких местах, не дают там реке течь свободно, и она образует обширные болота, полные всяких миазмов. Лихорадка свирепствует там, не щадя даже негров. Остерегайтесь особенно ночевать без огня на голой земле.

– Мы хотели бы поскорей умереть, – ответил почти со стоном Стась.

Миссионер, как мог, постарался успокоить и ободрить мальчика и поддержать в душе его надежду.

Стась пробовал не только просить милостыню, но и работать. Однажды он увидел, как толпы людей трудились на площади молитвы. Он присоединился к работающим и стал носить глину для забора, которым должна быть окружена площадь. Рабочие смеялись над ним и толкали его, но к вечеру старый шейх, наблюдавший за работой, дал ему дюжину фиников. Стась был очень рад этой плате, так как финики и рис составляли единственную здоровую пищу для Нель, а их было всего труднее получить в Омдурмане.

Он с гордостью принес их маленькой сестричке, которой отдавал все, что ему удавалось получить. Сам же он питался всю неделю почти одной только дуррой, которую он тайком отнимал у верблюдов. Увидев любимые плоды, Нель очень обрадовалась, но хотела непременно поделиться со Стасем. Поднявшись на цыпочки, она положила ему руки на плечи и, подняв головку, стала смотреть ему в глаза и просить:

– Стась! Съешь половину, съешь!..

– Я уж ел, ел! Ух как я наелся! – ответил Стась и хотел было улыбнуться, но тотчас же прикусил губы, чтобы не расплакаться, так как просто-напросто был голоден.

Он рассчитывал завтра опять пойти на заработок. Но случилось иначе. Утром пришел музале от Абдуллагги и объявил, что верблюжья почта ночью отправляется в Фашоду; халиф приказал, чтоб Идрис, Гебр, Хамис и оба бедуина готовились с детьми в путь. Гебра поразил этот приказ; он заявил, что не поедет, потому что брат его болен и некому за ним смотреть; а если бы он даже был здоров, то они все равно решили остаться в Омдурмане.

Но музале ответил:

– У Махди одна только воля, а Абдуллагги, его халиф и мой господин, никогда не меняет своих приказов. За братом твоим будет смотреть невольник, а ты поедешь в Фашоду.

– Так я пойду сам и скажу ему, что не поеду.

– К халифу ходят только те, кого он сам хочет видеть. А если ты силой ворвешься к нему без позволения, тебя выведут на виселицу.

– Аллах акбар! Так скажи мне просто, что я невольник.

– Молчи и слушайся приказаний, – ответил музалем.

Суданец видел в Омдурмане виселицы, которые ломились под тяжестью повешенных и каждый день, по приговорам сурового Абдуллаги, отягчались новыми телами. Он страшно перепугался. То, что сказал ему музалем, что у Махди только одна воля, а Абдуллаги только раз отдает приказание, – повторяли все дервиши. Нечего было делать, – надо было ехать.

«Не видать мне больше Идриса!» – думал Гебр.

И в его свирепом сердце таилась все-таки кое-какая любовь к старшему брату; при одной мысли, что он должен оставить его, больного, он впадал в отчаяние. Напрасно Хамис и бедуины убеждали его, что в Фашоде, может быть, будет лучше, чем в Омдурмане, и что Смаин наверное наградит их щедрее, чем халиф. Никакие слова не могли смягчить горя и озлобления Гебра, которые он вымещал главным образом на Стасе.

Этот день был для мальчика буквально мученический. Ему не было позволено пойти на рынок, так что он не мог ни заработать, ни выпросить что-нибудь у добрых людей. Все время ему приходилось работать, как невольнику, при вьюках, приготовляемых в дорогу. Он делал это из последних сил, так как от голода и усталости ужасно ослабел за последний день. Он был уверен, что умрет в пути, – если не под корбачом Гебра, так от изнурения.

К счастью, грек, у которого было все-таки доброе сердце, пришел под вечер навестить детей и проститься с ними и принес с собою разные припасы для дороги. Кроме того, он дал им несколько порошков хинина и немного стеклянных бус. Узнав о болезни Идриса, он сказал Гебру, Хамису и бедуинам:

– Знайте, что я прихожу сюда по приказанию Махди.

А когда, услышав это, они поклонились ему до самой земли, он продолжал:

– Вы должны смотреть, чтоб дети были сыты в дороге, и вообще хорошо обходиться с ними. Они дадут отчет Смаину о том, как вы с ними обращались, а Смаин напишет об этом пророку. Если здесь получится какая-нибудь жалоба на вас, то следующая почта привезет вам смертный приговор.

Новый поклон был единственным ответом на эти слова. Лица у Гебра и Хамиса были похожи на морды собак, которым надели намордники.

Грек приказал им удалиться, а сам обратился к детям по-английски:

– Я все это выдумал: Махди и не думал давать никаких новых приказаний относительно вас. Но раз он велел, чтоб вы отправились в Фашоду, так надо, по крайней мере, чтоб вы могли доехать туда живыми. Я рассчитываю, что ни один из этих людей не увидит до отъезда ни Махди, ни халифа.

Потом он обратился к одному Стасю:

– Я сердился на тебя и теперь еще не могу простить тебе твоей выходки. Ты знаешь, что ты чуть меня не погубил? Махди разгневался и на меня. Чтоб снискать его прощение, мне пришлось отдать Абдуллаги значительную часть моего имущества.

Да и то еще я не знаю, надолго ли я в безопасности. Во всяком случае, я не смогу больше помогать пленникам так, как я помогал до сих пор. Но мне жаль вас, а особенно ее, – он указал на Нель. – У меня есть дочка одних лет с ней... и я люблю ее больше, чем свою жизнь... Ради нее я сделал все для вас... Ее зовут так, как и тебя, моя малютка. Если бы не она, я предпочел бы тоже умереть, чем жить в этом аду.

Он говорил волнуясь. На минуту он замолчал, потом провел рукой по лбу и заговорил о другом:

– Махди посылает вас в Фашоду, рассчитывая, что вы там умрете. Этим он думает отомстить вам за ваше упрямство, которое глубоко задело его, и в то же время не утратить славы «милостивого». Таков он всегда... Но кто знает, кому раньше суждена смерть! Абдуллаги подсказал ему мысль, чтоб он приказал этим псам, которые вас похитили, ехать с вами. Он их скупно наградил и теперь боится, чтоб об этом не стали говорить в народе. Притом и он и пророк не хотят, чтоб эти люди рассказывали, что в Египте есть еще войска, пушки, деньги и англичане... Тяжелый предстоит вам путь и далекий... Вы поедете по безлюдной и нездоровой стране. Смотрите же, берегите как зеницу ока порошки, которые я вам дал.

– Прикажите еще раз Гебру, чтобы он не смел морить голодом и бить Нель, – попросил еще раз Стась.

– Не бойтесь, – ответил тот. – Я поручил заботиться о вас старому шейху, который везет почту. Я ему подарил часы, и теперь вы можете быть уверены в его покровительстве.

Между тем солнце зашло, и наступила звездная ночь. В темноте послышалось фыркание лошадей и кряхтенье навьюченных верблюдов.

XX

Старый шейх Гатим верно сдержал слово, данное греку, и был внимателен и заботлив к детям. Дорога вверх по Белому Нилу была тяжела. Они ехали через Кетайну, Эд-Дусим и Кану, миновали Аббу, лесистый остров на Ниле, где до войны жил в дупле полусгнившего дерева Махди, в то время еще простой пустынный-дервиш. Каравану приходилось часто объезжать кругом большие, поросшие папирусом и залитые водой пространства, так называемые судды, с которых ветер доносил отравленное зловоние разлагающихся листьев, нанесенных течением реки. Английские инженеры перерезали в свое время эти естественные плотины[32], так что пароходы могли идти от Хартума до Фашоды и дальше. Но в то время река опять образовала затор и не могла свободно течь дальше, образуя широкие разливы по обеим сторонам. Местность на правом и на левом берегу была покрыта высокими порослями, среди которых возвышались холмы термитов и отдельные высокие деревья. Кое-где лес доходил до самой реки. Там, где было посуше, росли роши акаций. В течение первых недель путникам попадались арабские селения и деревушки, состоявшие из домов со странными тыквообразными крышами, сплетенными из соломы дохну. Но за Аббой, проехав селение Гоз-Аббу-Гума, они очутились в стране черных. Она была совершенно пуста, так как дервиши почти поголовно захватили все местное негритянское население и продавали его на рынках Хартума, Омдурмана, Дарры, Фашера, Эль-Обейда и других суданских, дарфурских и кордофанских городов. Тех, кому удалось спастись в чащах лесов от плена, уничтожили голод и оспа, с необычайной силой свирепствовавшая вдоль Белого и Голубого Нила. Сами дервиши говорили, что от нее умирали «целые народы». Прежние плантации сорго, маниоки и бананов поросли непроходимыми зарослями. Зато дикие звери, никем не

преследуемые, расплодились в изобилии. Нередко на закате дети видели издали стада слонов. Медленным шагом направлялись они к знакомым им местам водопоя, напоминая своим видом как бы движущиеся огромные серые скалы. При виде их Гатим, торговавший прежде слоновой костью, причмокивал губами, вздыхал и доверчиво говорил Стасю:

– Машаллах! Сколько здесь богатства! Но теперь не стоит охотиться, потому что Махди запретил египетским купцам приезжать в Хартум, и некому продавать клыки, разве эмирам на умбаи.

Кроме слонов, попадались и жирафы. Завидев караван, они торопливо убегали тяжелой рысью, помахивая своими длинными шеями и точно припадая то на одну, то на другую ногу. За Гоз-Аббу-Гума стали все чаще появляться буйволы и целые стада антилоп. Когда не хватало свежего мяса, всадники охотились на них, но большей частью безуспешно, так как чуткие и быстроногие животные не подпускали к себе близко и не давали себя окружить.

Припасов вообще было мало, так как в обезлюдившей стране нельзя было получить ни проса, ни бананов, ни рыбы, которые в прежние времена караванам доставляли негры из племен шиллюк и динка, охотно обменивая их на стеклянные бусы и проволоку из белой меди. Но Гатим не дал детям умереть с голоду и притом держал Гебра в ежовых рукавицах. Когда однажды во время ночного привала Гебр ударил Стася, снимавшего седла с верблюдов, он приказал его больно наказать, так что жестокий суданец проклинал минуту, когда он покинул Файюм, и всю свою злобу вымещал на молодом подаренном ему невольнике, по имени Кали.

Стась сначала был рад тому, что они покинули зараженный Омдурман и что он видит страны, о которых всегда мечтал. Его сильный организм пока превосходно переносил все трудности пути, а более обильная пища вернула ему силы и энергию. Нередко во время пути и на биваках он шептал на ухо сестренке, что убежать можно и с берегов Белого Нила и что он вовсе не отказался от этого намерения. Но его беспокоило ее здоровье. К концу третьей недели со времени отъезда из Омдурмана Нель, правда, еще не захворала лихорадкой, но лицо ее исхудало и, вместо того чтоб покрыться загаром, становилось все более прозрачным, а ее маленькие ручки имели такой вид, точно были вылеплены из воска. У нее не было недостатка в заботах о ней и удобствах, какие Стась и Дина могли ей доставить при содействии Гатима, но ей недоставало здорового воздуха пустыни. Влажный и знойный климат наряду с невзгодами пути все сильнее подрывал силы хрупкого ребенка.

Начиная от Гоз-Аббу-Гума, Стась начал давать ей каждый день по полпоршка хинина и очень огорчался, думая о том, что ему ненадолго хватит этого лекарства, которого нигде нельзя будет потом достать. Но делать было нечего: надо было прежде всего стараться предупредить лихорадку. Порою его охватывало отчаяние. Он утешался только мыслью, что Смаин, если захочет обменять их на своих детей, должен будет отыскать для них какую-нибудь более здоровую местность, чем Фашода.

Но несчастье, казалось, не переставало преследовать своих жертв. За день до прибытия в Фашоду Дина, чувствовавшая себя нехорошо еще в Омдурмане, развязывая узел с вещами Нель, который она взяла из Файюма, упала в обморок и свалилась с верблюда. Стась и Хамис с большим трудом привели ее в чувство, но сознание вернулось к ней только к вечеру, и то на минуту. Она со слезами простилась со своей любимой питомицей и умерла. Дети почувствовали себя еще более одинокими, так как утратили в ней единственное близкое и привязанное к ним существо. Особенно тяжелым ударом это было для Нель. Стась напрасно старался утешить ее

всю ночь и весь следующий день.

Наступила шестая неделя путешествия. На следующий день, утром, караван достиг Фашоды, но нашел только развалины. Махдисты расположились лагерем под открытым небом или в наскоро сооруженных шалашах из травы и ветвей. За три дня перед тем весь город сгорел дотла. Остались лишь закопченные дымом стены круглых глиняных хижин и стоявший у самого берега огромный деревянный амбар для слоновой кости. Теперь в нем жил вождь дервишей, эмир Секи-Тамала. Он пользовался очень большим влиянием среди махдистов и был тайным врагом халифа Абдуллаги и близким другом Гатима. Он гостеприимно принял старого шейха с детьми, но при первой же встрече сообщил неприятную новость.

Они не застали Смаина в Фашоде. За два дня перед тем он отправился на восток и юг Нила, на охоту за невольниками, и никто не знал, когда он вернется, так как ближайшие окрестности были совершенно безлюдны и человеческий товар приходилось искать очень далеко. Неподалеку от Фашоды лежала, правда, Абиссиния, с которой дервиши тоже вели войну. Но Смаин, имея только триста человек, не осмелился бы перейти ее границу, тщательно охраняемую воинственным населением и солдатами царя Иоанна.

Ввиду всего этого Секи-Тамала и Гатим стали обдумывать, что им делать с детьми. Совещание происходило, главным образом, за ужином, на который эмир пригласил также Стася и Нель.

– Я, – сказал он Гатиму, – должен скоро отправиться со всеми своими людьми в дальний поход на юг, против Эмина-паши[33], который сидит в Ладосе с пароходами и армией. Такой приказ привез мне ты, Гатим... Ты должен вернуться в Омдурман. В Фашоде не останется, значит, ни одной живой души. Жить здесь негде, есть нечего, кругом свирепствуют болезни. Белые, правда, не заболевают оспой, но лихорадка убьет этих детей в течение одного месяца.

– Мне велели отвезти их в Фашоду, – ответил Гатим, – вот я и привез их. Теперь я мог бы о них больше не беспокоиться. Но мне поручил их мой хороший друг, грек Калиопули, и мне не хотелось бы, чтоб они умерли.

– А они умрут здесь наверное.

– Что же делать?

– Вместо того чтоб оставлять их в пустой Фашоде, отошли их Смаину, вместе с теми людьми, что привезли их в Омдурман. Смаин отправился в горы, в сухую возвышенную область, где лихорадка не убивает людей так, как над рекой.

– Как же они найдут Смаина?

– По следам огня. Он будет жечь степь, – во-первых, чтоб загонять зверей в скалистые ущелья, где ему легко будет окружать их и убивать, а во-вторых, чтоб спугивать из чащи язычников, попрятавшихся туда от погони... Смаина нетрудно найти.

– Но догонят ли они его?

– Он будет проводить иногда по нескольку дней в одной местности, чтоб коптить мясо. Если они выедут даже через два или три дня, они, наверно, догонят его.

- Но зачем им гнаться за ним? Он ведь все равно вернется в Фашоду.
- Нет. Если ловля невольников будет удачна, он поведет их в города на продажу...
- Что же делать?
- Помни, когда мы оба уедем из Фашоды, если даже лихорадка не свалит детей, они умрут с голоду.
- Клянусь пророком, ты прав!

И, действительно, ничего не оставалось больше делать, как отправить детей на новое скитанье. Гатим, который оказался действительно хорошим человеком, беспокоился лишь о том, чтобы Гебр, жестокость которого он видел в пути, не позволял себе мучить детей. Но грозный Секи-Тамала, наводивший страх даже на собственных солдат, велел призвать суданца и объявил ему, что он должен отвезти детей живыми и здоровыми к Смаину и обходиться с ними хорошо; в противном случае он будет казнен. Добрый Гатим убедил еще эмира подарить малютке Нель невольницу, которая служила бы ей и ухаживала за ней в пути и в лагере Смаина. Нель очень обрадовалась этому подарку, особенно когда подаренной невольницей оказалась молодая девушка из племени динка, с приятными чертами и ласковым выражением лица.

Стась понимал, что Фашода – это смерть, и не думал упрашивать Гатима, чтоб их не отправляли в новое, уже третье, путешествие. К тому же он рассчитывал про себя, что, едучи на юго-восток, они должны будут очень приблизиться к абиссинской границе и, может быть, им удастся бежать. Кроме того, он полагал, что в сухих нагорных местах Нель, может быть, не заболит лихорадкой. Принимая все это во внимание, он охотно и проворно занялся приготовлениями к дороге.

Гебр, Хамис и оба бедуина тоже не возражали против похода, рассчитывая, что в лагере Смаина им удастся наловить много невольников и потом выгодно продать их на рынках. Они знали, что торговцы невольниками наживают иногда огромные богатства. Во всяком случае, они предпочитали уехать, чем оставаться под строгим надзором Гатима и Секи-Тамалы.

Приготовления, однако, отняли много времени. Детям необходимо было отдохнуть. Верблюды не годились уже для этого путешествия; арабам, а с ними также Стасю и Нель, предстояло ехать на лошадях. А Кали, невольнику Гебра, и Мее (так Нель назвала, по совету Стася, свою прислужницу) надо будет идти пешком рядом с ними. Гатим раздобыл осла, который должен был нести палатку, предназначенную для девочки, и провизию для детей на три дня. Больше Секи-Тамала не мог ей ничего предоставить. Для Нель устроили нечто вроде женского седла из войлока, пальмовых циновок и бамбуковых палок.

Три дня дети провели, для отдыха, в Фашоде; но невероятное множество комаров над рекой делало пребывание там прямо невыносимым. Днем появлялись целые тучи больших голубых мух, которые, правда, не кусали, но были страшно назойливы, залезали в уши, облепляли глаза, попадали даже в рот. Стась слышал в Порт-Саиде, что комары и мухи разносят заразу лихорадки и вызывают воспаление глаз. В конце концов он сам стал просить Секи-Тамалу, чтоб тот поскорее отправил их, тем более что приближался период весенних дождей.

XXI

– Стась, отчего мы все едем да едем, а Смаина все нет и нет?

– Не знаю; наверно, он быстро идет вперед, чтоб поскорее добраться до места, где сможет набрать негров. Ты хотела бы, чтоб мы нагнали уже его отряд?

Девочка кивнула своей русой головкой, давая понять, что очень хотела бы.

– А зачем тебе это так нужно? – спросил Стась.

– Может быть, Гебр не посмеет при Смаине так бить этого бедного Кали.

– Смаин, наверно, не лучше. Все они не знают жалости к своим невольникам.

– Да?

И две слезинки скатились по ее исхудалым щечкам.

Это было в девятый день путешествия. Гебр, который был теперь предводителем каравана, сначала легко находил следы похода Смаина. Его путь указывали полосы сожженных зарослей и покинутые становища, полные обглоданных костей и разных отбросов. Но через пять дней караван очутился перед необозримым пространством сожженной степи, где ветер разнес пожар во все стороны. Следы стали неясны и запутанны, так как Смаин, по-видимому, разбил своих охотников на несколько отрядов поменьше, чтоб легче окружать стада зверей и добывать пропитание. Гебр не знал, в каком направлении идти, и часто казалось, что караван после долгого обхода возвращался на то же место, откуда тронулся. Потом им попались на пути леса. Проехав через их дебри, они очутились среди скал. Почва была здесь покрыта плоскими глыбами или мелкими камнями, так часто раскиданными на большом пространстве, что детям они напоминали городскую мостовую. Растительности было очень мало. Лишь кое-где в расселинах скал росли молочаи, мимозы, да еще реже – высокие деревья со светлой зеленью, которые Кали называл на языке кисвахили «м’ти» и листьями которых кормили лошадей. Кругом совершенно не было ни рек, ни ручьев. К счастью, время от времени уже начали выпадать дожди, так что воду удавалось находить во впадинах и углублениях скал. Зверей спугнули отряды Смаина. Караван умер бы с голоду, если бы не множество птиц, которые поминутно взлетали из-под ног лошадей, а по вечерам так густо сидели на ветвях деревьев, что достаточно было выстрелить наугад, чтоб несколько штук непременно свалились на землю. Они совсем не были пугливы, позволяли подходить близко, а взлетали так тяжело и лениво, что Саба, бежавший впереди каравана, почти каждый день ловил их и душил по нескольку штук.

Хамис убивал их больше десятка в день из старого пистонного ружья, которое выторговал у одного из подчиненных Гатиму дервишей во время пути из Омдурмана в Фашоду. Но дроби у него оставалось уже не больше чем на двадцать зарядов, и его беспокоила мысль: что будет, когда весь запас ее истощится. Правда, несмотря на то, что все животные были спугнуты, по временам между скал появлялись небольшие стада красивых антилоп, распространенных во всей Центральной Африке. Но в них нужно было стрелять из штуцера. Между тем никто из арабов и суданцев не умел пользоваться ружьем Стася, а дать его мальчику в руки Гебр не решался.

Его самого тоже начинала тревожить продолжительность путешествия. У него являлась даже по временам мысль вернуться в Фашоду, так как если они разъедутся со Смаином, то им угрожала опасность заблудиться в диких местах, где, не говоря

уже о голоде, на них могли напасть дикие звери и еще более дикие негры, дышавшие мстостью за охоту на них, которой они подвергались. Но он не знал, что Секи-Тамала собирается в поход против Эмина, потому что разговор об этом происходил не при нем; он боялся, что ему придется явиться перед лицом грозного эмира, который велел ему отвезти детей к Смаину и дал письмо к последнему, предупредив, что если он не исполнит как следует поручения, то будет казнен. Все это вместе наполняло его душу горечью и злобой. Но он не мог больше вымещать свои неудачи на Стасе и Нель; зато спина бедного Кали каждый день обагралась кровью под его беспощадным корбачом. Юный невольник подходил к своему суровому господину всегда с трепетом и страхом. Но тщетно обнимал он его ноги и целовал руки, тщетно ваялся перед ним по земле. Каменного сердца дикаря не трогали ни смирение, ни стоны, и корбач впивался из-за малейшего пустяка, а иногда и совсем без всякого повода, в тело несчастного отрока. На ночь ему надевали на ноги деревянные колодки, чтоб он не убежал. Днем он шел на веревке, привязанный к лошади Гебра, что очень забавляло Хамиса. Нель обливалась слезами при виде страданий несчастного Кали. Стась возмущался в душе и несколько раз горячо заступался за него. Но, заметив, что это только еще больше возбуждает Гебра, он стискивал только зубы и молчал. Кали, однако, понял, что дети заступаются за него, и глубоко любил их своим бедным истрадавшимся сердцем.

Уже два дня они ехали по каменистому ущелью с высокими, крутыми скалами по бокам. По нанесенным и раскиданным в беспорядке кругом камням легко было догадаться, что в дождливую пору ущелье наполнялось водой. Сейчас, однако, дно его было совершенно сухо. Под обрывистыми стенами росло немного травы, целые чащи терновника, а кое-где попадались даже деревья. Гебр направил караван в эту каменную горловину, потому что она шла все вверх; он полагал, что она доведет его до какой-нибудь возвышенности, откуда легко будет заметить днем дым, а ночью костры лагеря Смаина. Местами ущелье становилось так узко, что только две лошади могли идти рядом; местами оно расширялось, образуя маленькие, круглые долины, окруженные как бы высокими каменными стенами, на которых сидели огромные павианы, играя между собой, визжа и скаля зубы перед караваном.

Был пятый час вечера, и солнце клонилось уже к закату. Гебр начинал думать о ночлеге и хотел только добраться до какой-нибудь прогалины, где бы можно было устроить «зерибу», то есть окружить караван вместе с лошадьми забором из колючих мимоз и акаций, для защиты от диких зверей. Саба бежал впереди, лая на обезьян, которые начинали, завидев его, беспокойно метаться, и то и дело исчезал за поворотами ущелья. Эхо гулко повторяло его лай.

Вдруг он перестал лаять, а через минуту прибежал что было сил назад к лошадям с ощетинившейся на спине шерстью и с поджатым хвостом. Бедуины и Гебр поняли, что его, наверно, что-нибудь испугало. Переглянувшись, однако, они тронулись дальше, чтобы посмотреть, что бы это могло быть.

Но, миновав всего лишь один небольшой поворот, они вдруг сразу натянули поводья и мгновенно остановились как вкопанные перед поразившим их зрелищем.

На небольшой скале, возвышавшейся по самой середине довольно широкого в этом месте ущелья, лежал лев.

Их отделяло от него самое большее сто шагов. Могучий зверь, завидев всадников, поднялся и уставился на них. Низко стоявшее уже солнце освещало его огромную голову и мохнатую грудь, и в этом красном зареве он был похож на одного из сфинксов, украшающих вход в древнеегипетские храмы.

Лошади стали приседать, вертеться и отступать назад. Испуганные всадники не знали, что предпринять. Из уст в уста передавались лишь тревожные и беспомощные возгласы: «Аллах! Бисмиллах! Аллах акбар!»

А царь пустыни поглядывал на них свысока, недвижимый, как бы отлитый из бронзы.

Гебр и Хамис слышали от купцов, приехавших со слоновой костью и каучуком из Судана в Египет, что львы ложатся иногда на пути караванов, которым приходится тогда просто-напросто сворачивать в сторону и объезжать их. Но тут некуда было свернуть. Оставалось разве только повернуть назад и бежать! Да! Но в таком случае не было почти сомнения, что страшный зверь бросится за ними вдогонку.

Опять послышались лихорадочные вопросы:

– Что делать?

– Что делать?

– Аллах! Может быть, он уйдет.

– Нет, не уйдет.

Опять наступила тишина. Слышен был только храп лошадей и ускоренное дыхание нескольких человек.

У Гебра мелькнула в голове дикая мысль: убить негра Кали и оставить его труп; дикий зверь, бросившись за ними, увидит на земле окровавленное тело и остановится, чтобы сожрать его.

Он притянул за веревку невольника к седлу и уже занес над ним нож, но в ту же секунду Стась схватил его за широкий рукав.

– Что ты делаешь, разбойник?!

Гебр начал вырываться. Если бы мальчик схватил его за руку, он вырвался бы в одно мгновение; но вырвать рукав ему было не так легко. Вырываясь изо всех сил, он хрипел в то же время сдавленным от бешенства голосом:

– Пес, если его не хватит, я убью и вас! Аллах! Убью, убью!

Стась побледнел как полотно; в голове у него как молния, пронеслась мысль, что лев, мчась главным образом за лошадьми, может действительно пробежать мимо трупа Кали, и тогда Гебр без малейшего сомнения убьет их, одного за другим.

И, таща его с удвоенной силой, он крикнул:

– Дай мне ружье! Я убью льва!

Эти слова поразили бедуинов своей неожиданностью, и они не знали, что делать, но Хамис, который видел еще в Порт-Саиде, как Стась стреляет, тотчас же закричал им:

– Дайте ему ружье! Он убьет льва!

Гебр сразу вспомнил выстрелы на озере Кароуне и, ввиду страшной опасности, перестал сопротивляться. Напротив, он поспешно дал мальчику в руки штуцер, а Хамис быстро открыл ящик с патронами, из которого Стась схватил полную горсть.

Потом он соскочил с лошади, зарядил ружье и двинулся вперед. В течение нескольких первых шагов он был как бы ошеломлен. Но тотчас же близкая и страшная опасность заставила его забыть обо всем другом. Перед ним был лев. При виде зверя у него потемнело в глазах. Он ощутил холод в щеках и в носу, почувствовал, что ноги у него точно налиты свинцом и дыхание спирает в груди. Ему стало страшно. В Порт-Саиде он часто читал, даже во время уроков, об охоте на львов; но одно дело было – рассматривать картинки в книге, а другое – очутиться лицом к лицу с чудовищем, которое смотрит на него точно с удивлением, морща свой широкий, похожий на щит, лоб.

Арабы затаили дыхание; никогда в жизни им не приходилось видеть ничего подобного: с одной стороны мальчик, казавшийся среди высоких скал еще меньше, чем он был на самом деле, с другой – могучий зверь, весь золотой в лучах солнца, величественный, грозный, «царь с огромной головой», как говорят суданцы.

Стась напряг всю силу воли, чтоб преодолеть бессилие, сковывавшее его ноги, и двинулся дальше. Еще минуту ему казалось, будто сердце готово выпрыгнуть у него прямо изо рта. Это длилось до тех пор, пока он не поднял ружье. После этого надо было думать о другом: подойти ли ближе или стрелять сейчас? Куда целиться? Чем меньше расстояние, тем вернее выстрел. А потому, значит, вперед! Сорок шагов... Еще много... Тридцать... двадцать! Вот уже воздух доносит острый, звериный запах...

Мальчик остановился.

Лев между тем встал, выгнув спину и наклонил голову к земле. Губы его начали разжиматься, брови надвинулись на глаза. Это крошечное существо осмелилось подойти к нему слишком близко, – и он стал готовиться к прыжку, присел на задние лапы...

Но... одно мгновение... Стась заметил, что мушка штуцера как раз совпала со лбом зверя. Он спустил курок.

Грянул выстрел. Лев привстал на дыбы, вытянулся – и грохнулся на спину, лапами вверх.

И так, в предсмертных судорогах, он скатился со скалы на землю.

Стась держал его еще несколько минут под выстрелом, но, видя, что судороги зверя прекращаются и что его желто-серое тело застывает в мертвой неподвижности, он выкинул старый патрон и зарядил ружье новым.

Скалистые стены еще оглашало громкое эхо. Гебр, Хамис и бедуины не могли сразу заметить, что случилось, так как накануне ночью шел дождь, и, вследствие влажности воздуха, дым от выстрела заслонил все в тесном ущелье. И только когда дым рассеялся, они стали кричать от радости и хотели поскакать к мальчику; но напрасно, – никакая сила не могла заставить лошадей сделать хоть один шаг вперед.

Стась повернулся, окинул взором четверых арабов и впился глазами в Гебра.

– А, – прошептал он, стиснув зубы, – довольно, разбойник... Теперь я поговорю с тобой по-другому... Теперь уж ты не убьешь ни Нель, ни кого другого...

И вдруг он почувствовал, что нос и щеки опять бледнеют у него и холодеют, но это был другой холод – не от страха, а от грозного, непоколебимого решения, от которого сердце в его груди стало на мгновение как бы железным.

– Да, они изверги, убийцы, и Нель в их руках... Но они уже не убьют ее, – снова прошептал он.

Он сделал несколько шагов к арабам, опять остановился и вдруг с необычайной быстротой поднял ружье и прицелился.

Два выстрела, один за другим, разбудили эхо в ущелье: Гебр свалился на землю, как мешок песка, а Хамис наклонился в седле и хлопнулся окровавленным лбом о шею лошади.

Та же участь постигла обоих бедуинов, которые издали крик ужаса и, соскочив с лошадей, бросились к Стасю, думая убить его, вместо того чтоб обратиться в бегство, чего Стась очень хотел, не желая им смерти.

Наступила гробовая тишина.

Ее прерывали лишь стоны Кали, который бросился на колени и, протянув вперед руки, кричал на ломаном языке кисвахили:

– Бвана Кубва! [34] Убить льва, убить злых людей, но не убивать Кали!

Стась не слышал его криков. Некоторое время он стоял, не сознавая, что с ним. Но, заметив побелевшее личико Нель, ее испуганные, широко раскрытые от ужаса глаза, он подбежал к ней.

– Нель! Не бойся!.. Нель! Мы свободны!..

Действительно, они были свободны. Но вместе с тем они были брошены в дикой безлюдной пуще, в дебрях Черного материка.

XXII

Прежде чем Стась с молодым негром успели перетащить с середины ущелья убитых арабов и тяжелое тело льва, солнце спустилось еще ниже, и скоро должна была наступить ночь. Но ночевать тут же, рядом с трупами, было невозможно; и хотя Кали, показывая на убитого зверя, гладил себя по груди и повторял, причмокивая языком: «Мсури ньяма» (хорошее мясо), Стась не дал ему заняться «ньямой», а велел ловить лошадей, разбежавшихся после выстрелов. Черный юноша очень ловко справился с этим поручением: вместо того чтоб гнаться за животными вдоль ущелья, он, понимая, что они будут убегать от него все дальше вперед, вскарабкался вверх и кратчайшим путем, минуя извилины, забежал спереди. Таким образом он без труда поймал двух лошадей, а двух других погнал на Стася. Только лошадей Гебра и Хамиса не удалось отыскать. И без них, однако, осталось четыре, не считая навьюченного багажом и палаткой осла, который обнаружил поистине философское спокойствие в столь трагический момент. Его нашли за ближайшим поворотом, где он тщательно, не спеша пощипывал траву, росшую на дне ущелья.

Суданские лошади вообще привыкли видеть диких зверей, но боятся львов; и их нелегко удалось провести мимо скалы, где чернел еще труп царя зверей. Они фыркали, раздувая ноздри и вытягивая шеи по направлению к окровавленным камням. Но когда осел, помахав только немного ушами, прошел спокойно, они тоже прошли за ним. Ночь надвигалась быстро, но караван проехал все-таки около километра и остановился лишь там, где ущелье опять расширялось, образуя небольшую, полукруглую долину, густо поросшую терновником и кустами колючей мимозы.

– Господин, – сказал юный негр. – Кали зажечь огонь, большой огонь!

И, взяв широкий суданский меч, который он снял с трупа Гебра, он стал срезать им терновник и даже целые небольшие деревца. Когда костер уже был разведен, он не прекратил своей работы, пока не набрал такого запаса, чтоб его хватило на всю ночь.

Затем вдвоем со Стасем они раскинули палатку для Нель под высокой отвесной скалой и окружили ее полукругом широким и высоким колючим забором, так называемой «зерибой». Стась знал из описаний путешествий по Африке, что путешественники защищают себя таким образом от нападения диких зверей. Лошадям не хватило места за забором, и молодые люди, расседлав их и сняв с них баклаги и мешки, только стреножили их, чтоб они не ушли слишком далеко, ища травы или воды. Меа, впрочем, нашла воду неподалеку, в каменной впадине, образовавшей как бы небольшой бассейн под расположенными напротив скалами. Воды было достаточно и для лошадей и для ужина, который был приготовлен из настрелянной утром Хамисом дичи. Во вьюках, которые тащил на себе вместе с палаткой осел, нашлось около трех мер дурры и несколько горстей соли, да еще пучок сушеных корней маниоки.

Ужин, таким образом, вышел на славу. Но его ели почти одни только Кали и Меа. Юный негр, которого Гебр жестоко морил голодом, съел столько, сколько могло вполне хватить на двоих. Но зато он был от всей души благодарен своим новым господам и тотчас же после ужина пал ниц перед Стасем и Нель в знак того, что он хочет до конца жизни остаться их невольником, а затем с такой же покорностью склонился перед ружьем Стася, понимая, по-видимому, что надо снискать к себе также благоволение столь грозного оружия. Затем он заявил, что во время сна «великого господина» и «бэби» он и Меа будут по очереди бодрствовать и смотреть, чтоб не погас огонь; и тут же, усевшись на корточки перед костром, он стал тихонько мурлыкать что-то вроде песенки, в которой ежеминутно повторялись слова: «Симба куфа! Симба куфа!», что означает на языке кисвахили «убитый лев».

Но и «великому господину» и маленькой «бэби» было не до сна. После усиленных просьб Стася Нель съела пару кусков жареного мяса и несколько зерен разваренной дурры. Она говорила, что ей не хочется ни есть, ни спать, а только пить. Стась перепугался, не схватила ли она лихорадку; но, пощупав ее руки, он увидел, что они совсем холодны, даже слишком холодны. Тем не менее он уговорил ее, чтоб она зашла в палатку, где он приготовил для нее постель, предварительно хорошенько обыскав, нет ли в траве скорпионов. Сам он сел на камень со штуцером в руке, чтоб защищать ее от нападения диких зверей, если бы огонь оказался недостаточной защитой. Мучительная усталость овладела им. Он повторял все время про себя: убит Гебр, убит Хамис, убиты бедуины, убит лев, – теперь мы свободны. Но похоже было на то, что эти слова как бы шептал ему кто-то другой и что сам он не понимал их значения. Он сознавал только, что они свободны, но что вместе с тем случилось нечто страшное, что наполняло его беспокойством и давило грудь, точно тяжелый камень. В конце концов мысли стали у него путаться. Он долго смотрел на больших ночных бабочек, кружившихся над огнем, и, наконец, стал клевать носом и

задремал. У Кали тоже слипались глаза от сна, но он поминутно просыпался и подбрасывал хворосту в огонь.

Была уже глубокая, темная ночь, очень тихая, что редко случается в тропиках. Слышно было лишь потрескивание пылающего терновника и шипение огня, освещавшего нависшие полукругом скалистые утесы. Месяц не озарял глубин ущелья, но зато в вышине мерцали мириады незнакомых звезд. Стало так холодно, что Стась проснулся. Он стряхнул с себя сонливость и тотчас же подумал о том, хорошо ли защищена от холода малютка Нель.

Но он успокоился, вспомнив, что оставил у нее в палатке на войлоке плед, который Дина захватила с собой из Файюма. Кроме того, он рассудил, что, едучи от самого Нила, хотя незаметно, но все в гору, они должны были за столько дней подняться довольно высоко; следовательно, в такие местности, где лихорадка не грозит уже так, как у низкого берега реки. Пронизывающий ночной холод, казалось, подтверждал это предположение.

Эта мысль придала ему бодрости. Он вошел на минуту в палатку, чтоб послушать, спокойно ли спит Нель. Вернувшись, он сел поближе к огню и опять задремал, а потом даже заснул крепким сном.

Вдруг его разбудило ворчание Саба, который перед тем свернулся клубком у его ног, собираясь тоже заснуть.

Кали тоже проснулся, и оба стали с беспокойством смотреть на собаку, которая, вытянувшись, как струна, наострила уши и, расширив ноздри, нюхала воздух с той стороны, откуда они приехали, впиваясь в то же время глазами в темноту. Шерсть на спине и на шее встала дыбом, а грудь вздымалась от воздуха, который она, ворча, втягивала легкими.

Молодой невольник поспешил подбросить сухих веток в огонь.

– Господин, – шептал он, – взять ружье, взять ружье!

Стась взял ружье и отошел на несколько шагов от огня, чтоб яснее разглядеть что-нибудь в глубокой тьме ущелья. Ворчание Саба сменилось прерывистым лаем. Некоторое время ничего не было слышно. Но вскоре до ушей Кали и Стася донесся издали глухой топот, точно какие-то огромные животные быстро мчались по направлению к огню. Топот этот порождал в тишине громкое эхо, отражавшееся от скалистых стен, и становился все слышнее.

Стась сообразил, что приближается какая-то грозная опасность. Но что бы это могло быть? Может быть, буйволы, а может быть, пара носорогов, ищущих выход из ущелья?.. Если это так и если гром выстрела не испугает их и не заставит повернуть назад, тогда ничто не спасет караван, потому что эти животные ничуть не менее опасны, чем хищники; они не боятся огня и растопчут все на своем пути...

А может быть, это какой-нибудь отряд Смаина, который, наткнувшись в ущелье на трупы, мчится по следам убийц? Стась сам не знал, что было бы лучше – скорая смерть или новый плен. У него мелькнуло при этом в голове, что если сам Смаин находится в отряде, то дервиши или убьют их немедленно, или, что еще хуже, замучат перед смертью страшными пытками. «Ах, – подумал он, – пусть бы это были лучше звери, а не люди!»

Топот между тем становился все громче и превратился в гром копыт... Наконец в темноте показались блестящие глаза, вздутые ноздри и развевающиеся от быстрого бега гривы.

– Лошади! – воскликнул Кали.

Действительно, это были лошади Гебра и Хамиса. Они прибежали во весь опор, гонимые, по-видимому, страхом, но, попав в круг света и увидев своих стреноженных товарищей, взвились, фыркая, на дыбы, врылись копытами в землю и с минуту стояли как вкопанные.

Стась, однако, не опустил ружье. Он был уверен, что за лошадьми вот-вот вынырнет из темноты косматая голова льва или плоский череп пантеры. Но он ждал напрасно. Лошади мало-помалу успокоились, да и Саба скоро перестал нюхать воздух и, покружившись по своей собачьей привычке несколько раз на месте, лег, свернулся в клубок и закрыл глаза. По-видимому, если какой-нибудь хищный зверь и гнался за лошадьми, то, почуяв дым или завидев блеск огня на скалах, не решился приблизиться и ушел.

– Что-нибудь, однако, их сильно перепугало, – сказал Стась Кали, – если они не боялись пробежать мимо трупов льва и людей.

– Господин, – ответил молодой негр, – Кали догадаться, что случилось. Много, много гиены и шакалы войти в ущелье и идти к трупам. Лошади перед ними бежать, бежать, а гиены за ними не гнаться, потому что они кушать Гебра и тех, других...

– Может быть, а ты пойди-ка расседлай лошадей, возьми баклаги и мехи и принеси сюда. Не бойся, ружье защитит тебя.

– Кали не бояться.

И, раздвинув немного ветви терновника у самой скалы, он вышел за ограду зерибы.

В это время вышла из палатки Нель. Саба тотчас же встал и, толкая ее носом, ждал обычных ласк. Она протянула было сначала руку, но тотчас же отстранила ее, как бы с отвращением.

– Стась, что случилось? – спросила она.

– Ничего. Прибежали те две лошади. Это их топот разбудил тебя?

– Я уже раньше проснулась и хотела даже выйти из палатки, только...

– Только что?

– Я думала, что ты, может быть, рассердишься.

– Я? На тебя?

Нель подняла глаза и стала смотреть на него таким странным взглядом, каким никогда до тех пор не смотрела. По лицу Стася пробежало глубокое удивление: в ее словах и взгляде он ясно прочел страх.

«Она меня боится», – подумал он.

И в первую минуту он почувствовал что-то вроде горделивого самодовольства. Ему льстила мысль, что после того, что он совершил, даже Нель считает его не только вполне взрослым человеком, но даже каким-то грозным воином, наводящим страх кругом. Но это длилось недолго. Невзгоды развили в нем ум и наблюдательность; он сообразил, что в тревожных глазах девочки, кроме страха, видно как бы отвращение к тому, что случилось, – к пролитой крови и к жестокостям, свидетельницей которых она была. Он вспомнил, как она только что отняла руку и не захотела погладить Саба, который придушил одного из бедуинов. Да! Стась ведь и сам чувствовал ужас в душе. Одно дело было читать в Порт-Саиде об американских трапперах, дюжинами убивавших на Диком Западе краснокожих индейцев, и другое – совершить это самому и видеть, как живые за минуту перед тем люди хрипят в предсмертных судорогах среди луж крови. Да! Сердце Нель, несомненно, полно не только страха, но и отвращения, которое останется в нем навсегда. «Она будет бояться меня, – подумал Стась, – и в глубине души никогда не перестанет меня упрекать за то, что я совершил. И это будет мне наградой за все то, что я для нее сделал».

При этой мысли сердце его защемило от горя. Он ясно давал себе отчет в том, что если бы не Нель, он давно или был бы убит, или бежал бы... Ради нее, значит, вынес он все эти невзгоды, и вот за все эти страдания и лишения – она стоит теперь перед ним, испуганная, точно совсем не та маленькая сестричка, как прежде, и подымает на него глаза не с прежней доверчивостью, а с нерешительностью и страхом. Стась почувствовал себя глубоко несчастным. В первый раз в жизни он понял горечь человеческой неблагодарности. Слезы невольно просились у него на глаза, и, если бы не мысль, что «грозному воину» не подобало плакать, он, наверно, расплакался бы.

Он удержался от слез и спросил:

– Ты боишься, Нель?..

Она ответила тихо:

– Да, мне страшно!..

Стась приказал Кали принести войлоки из-под седел и, прикрыв одним из них камень, на котором он перед тем дремал, разостлал другой на земле и сказал:

– Садись тут, рядом со мной, поближе к костру... Какая холодная ночь, не правда ли? Если тебе захочется спать, ты прислонишься ко мне головой и заснешь.

Нель повторила:

– Мне страшно!..

Стась тщательно закутал ее в плед. Так сидели они несколько времени молча, прижавшись друг к другу, освещенные розовым светом, озарявшим скалы и искрившимся на слюдяных пластинках, которыми были испещрены каменные громады.

За зерибой слышно было, как фыркали лошади и как хрустела трава у них на зубах.

– Слушай, Нель, – заговорил Стась, – я должен был это сделать... Гебр пригрозил, что зарежет нас, если льву мало будет одного Кали и он погонится за нами и

дальше. Ты ведь слышала?.. Подумай, он ведь грозил этим не только мне, но и тебе. И он бы это сделал! Скажу тебе откровенно: если бы не эта угроза, то, хотя я и думал об этом и раньше много раз, я не стрелял бы и теперь в них. Я чувствую, что не мог бы этого сделать... Но этот проклятый Гебр перешел всякую меру. Ты видела, как он жестоко истязал бедного Кали. А Хамис? Как подло продал он нас! К тому же, знаешь, что было бы, если бы они не нашли Смаина? Гебр начал бы так же истязать и нас... и тебя. Мне страшно подумать, как он бил бы тебя каждый день корбачом и замучил бы нас обоих; а после нашей смерти он вернулся бы в Фашоду и сказал бы, что мы умерли от лихорадки... Я поступил так не из жестокости, Нель. Я должен был думать о том, как бы спасти тебя... Я думал только о тебе...

И в его мыслях отразилась вся та горечь, которой было переполнено его сердце. Нель поняла это, по-видимому; она прижалась к нему крепче, а он, овладев минутным волнением, продолжал:

– Я ведь не изменюсь от этого и буду беречь тебя и заботиться о тебе как прежде. Пока они были живы, не было никакой надежды на спасение. Теперь мы можем бежать в Абиссинию. Абиссинцы черны и дики; но они – христиане и враждебно настроены против дервишей. Была бы ты только здорова; тогда это нам удастся, – до Абиссинии не очень далеко. А если бы нам даже не удалось, если бы мы попали в руки Смаина, то не думай, что он будет нам мстить. Он никогда в жизни не видел ни Гебра, ни бедуинов. Он знал только Хамиса. Но что ему Хамис? Притом мы можем Смаину вовсе не говорить, что Хамис был с нами. Если нам удастся добраться до Абиссинии, тогда мы спасены, а если нет, тогда все равно тебе не будет хуже, потому что таких извергов, как те, я думаю, нет на свете... Не бойся меня, Нель!

И, желая возбудить ее доверие и вместе с тем придать ей бодрости, он начал гладить ее рукой по русой головке. Девочка слушала, боязливо поднимая на него глаза. Видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается и боится. Наконец она склонила голову, так что волосы совсем закрыли ее лицо, и спросила еще тише, чем прежде, слегка дрожащим голосом:

– Стась...

– Что, милая?

– А они сюда не придут?..

– Кто? – спросил с недоумением Стась.

– Те... убитые?

– Что ты говоришь, Нель?

– Я боюсь!.. Мне страшно!..

И бледные губки ее стали дрожать.

Наступило молчание. Стась не верил, чтоб убитые могли воскресать. Но так как была глубокая ночь и тела их лежали недалеко, ему стало тоже как-то не по себе. Дрожь пробежала по его телу.

– Что ты говоришь, Нель? – повторил он. – Это Дина научила тебя бояться

привидений... Мертвые не...

Он не закончил, так как в ту же минуту случилось что-то страшное: среди ночной тишины в глубине ущелья, в той стороне, где лежали трупы убитых, раздался вдруг какой-то нечеловеческий ужасный хохот, в котором трепетали отчаяние и радость, жестокость и страдание, плач и насмешка, – раздирающий душу судорожный хохот сумасшедших.

Нель вскрикнула и изо всех сил обхватила ручонками Стася. У мальчика самого волосы стали дыбом. Саба вскочил и стал рычать.

Но сидевший поодаль Кали спокойно поднял голову и проговорил почти весело:

– Это гиены смеяться над Гэбра и льва...

XXIII

Страшные события предыдущего дня и впечатления ночи так измучили Стася и Нель, что, когда усталость наконец свалила их, они заснули как убитые, и девочка лишь около полудня вышла из палатки. Стась встал немного раньше с войлока, растянутого у костра, и в ожидании своей подруги приказал Кали заняться завтраком, который, ввиду позднего часа, должен был вместе с тем быть и обедом.

Яркий свет дня разогнал ночные страхи. Оба проснулись, не только отдохнув, но и с большей бодростью в душе. Нель выглядела лучше и чувствовала себя крепче. А так как им обоим хотелось уехать как можно дальше от места, где лежали убитые суданцы, то сейчас же после завтрака все сели на лошадей и тронулись в путь.

В эту пору дня все путешествующие по Африке останавливаются на полуденный отдых, и даже караваны негров прячутся в тени больших деревьев, так как это – время так называемых «белых часов», часов зноя и безмолвия, когда солнце жжет немилосердно и, кажется, глядит с высоты, ища, кого бы убить. Все звери уходят в самую чащу, пение птиц прекращается, не слышно жужжания насекомых, и вся природа погружается в тишину, не обнаруживая никаких признаков жизни и как бы желая спрятаться и защититься от глаз злого божества. К счастью, одна из стен ущелья бросала глубокую тень, и путники могли двигаться вперед, не чувствуя палящего зноя. Стась не хотел покидать ущелья, во-первых, потому, что наверху их могли заметить издали отряды Смаина, а во-вторых, потому, что в ущелье было легче найти в расселинах скал воду, которая в открытых местах впитывалась в землю или испарялась под зноем солнечных лучей.

Дорога все время, хотя едва заметно, подымалась в гору. На скалистых стенах видны были по временам желтые отложения серы. Вода в расселинах тоже была пропитана ее запахом, что неприятно напоминало обоим детям Омдурман и махдистов, которые смазывали головы жиром, смешанным с серным порошком. В других местах чувствовался запах мускусных кошек, а там, где с высоких обрывов спускались почти до самого дна ущелья пышные каскады лиан, распространялся опьяняющий аромат ванили. Маленькие путешественники охотно останавливались в тени этих завес, испещренных узорами из пурпурных и лиловых цветов, которые вместе с листьями доставляли корм для лошадей.

Животных не было видно. Лишь кое-где, на гребнях скал, сидели на корточках обезьяны, напоминавшие на фоне неба фантастических языческих божков, какие в Индии украшают карнизы пагод. Крупные самцы, с большими гривами, при виде Саба скалили зубы или оттопыривали в виде трубки губы в знак удивления и гнева,

подпрыгивая при этом, моргая глазами и почесывая бока. Но Саба, привыкший уже видеть их постоянно, мало обращал внимания на их угрозы.

Ехали быстро. Радость сознания полученной свободы согнала с сердца Стася кошмар, который душил его ночью. Голова его была занята теперь только одной мыслью: что делать дальше, как выбраться самому и вывести Нель из местности, где им угрожал новый плен у дервишей, как пробраться через необозримые дебри девственной пущи, чтоб не умереть с голоду и жажды, и, наконец, куда идти? Он знал еще от Гатима, что от Фашоды по прямой линии до абиссинской границы не больше пяти дней пути, и рассчитал, что это составит около ста английских миль. Между тем со времени их отъезда из Фашоды протекло уже две недели; было ясно, что они ехали не по кратчайшему пути, а в поисках за Смаином, должно быть, свернули значительно на юг. Он вспомнил, что на шестой день после отъезда они переплыли через реку, которая не была Нилом, а потом, прежде чем поверхность земли стала подыматься, проезжали мимо каких-то обширных болот. В школе в Порт-Саиде изучали очень подробно географию Африки, и в памяти у Стася запечатлелось название Баллор, обозначающее низменность малоизвестной реки Собат, впадающей в Нил. Он не был, правда, уверен в том, что они миновали как раз эту самую низменность, но предполагал, что это было так. Он сообразил, что и Смаин, желая набрать невольников, не мог искать их прямо на западе от Фашоды, так как страна там была уже совсем опустошена дервишами и оспой, а должен был идти на юг, в страны, куда до тех пор еще не проникали отряды грабителей. Стась заключил из этого, что они идут по следам Смаина, и эта мысль в первую минуту испугала его.

Он задумался, не лучше ли покинуть ущелье, которое все заметнее сворачивало на юг, и ехать прямо на запад. Но после минутного размышления он отказался от этого намерения. Он подумал, что идти за отрядом Смаина на расстоянии двух или трех дней, пожалуй, было даже безопаснее, так как почти немисливо было предположить, чтоб Смаин возвращался с человеческим товаром тем же путем, вместо того чтоб направиться прямо к Нилу. Кроме того, он сообразил, что в Абиссинию можно было проникнуть только с южной стороны, где эта страна соприкасается с дикой пущей, а не с восточной границы, тщательно охраняемой дервишами.

Обдумав все это, он решил углубиться как можно дальше на юг. Правда, там можно было наткнуться на негров, бежавших с берегов Белого Нила, или на местных туземцев. Но из двух зол Стась предпочитал иметь дело с чернокожими, чем с махдистами. Он рассчитывал при этом на то, что в случае встречи с беглецами или если по дороге попадутся поселения местных туземцев, Кали и Меа смогут быть ему очень полезны. На молодую негритянку достаточно было взглянуть, чтоб угадать, что она принадлежит к племени динков или шиллюков, так как у нее были необычайно длинные и тонкие ноги, какими отличаются оба эти народа, живущие вдоль берегов Нила и бродящие, подобно журавлям или аистам, по его болотистым топям. Зато Кали, хотя под рукой Гебра он стал совсем похож на скелет, в общем отличался совсем иным видом. Он был коренаст и крепко сложен; руки у него были сильные, а ноги значительно меньше, чем у Меа.

Так как он почти совсем не говорил по-арабски и довольно плохо на языке кисвахили, на котором можно говорить почти во всей Африке и которому Стась научился немного от занзибарцев, работавших при канале, то было очевидно, что он происходит откуда-нибудь из более далеких стран.

Стась решил расспросить его, откуда он.

– Кали, – спросил он, – как называется твой народ?

- Ва-хима, – ответил молодой негр.
- Это большой народ?
- Большой... Ва-химы воюют со злыми самбурами и отбирают у них скот.
- А где лежит твоя деревня?
- Далеко!.. Далеко!.. Кали не знает где.
- Там у вас такая же страна, как эта?
- Нет, там большая вода и гора.
- Как вы называете эту воду?
- Мы называем ее Темная Вода.

Стась решил, что молодой негр происходит, пожалуй, из окрестностей Альберт-Нианцы, которые были до тех пор в руках Эмина-паши. Желая проверить свои догадки, он спросил еще раз:

- А там не живет белый начальник, у которого есть черные дымящиеся лодки и войска?
- Нет, старый человек рассказывать у нас, что они видели белые люди... – Тут Кали расставил пальцы. – Раз, два, три!.. Кали их не видел, потому что он не был еще на свете, но отец Кали принимать их и дать им много коров.
- А кто твой отец?
- Царь ва-химов.

В Стасе заговорило было тщеславие, когда он узнал, что ему служит царский сын.

- А хотел бы ты увидеть отца?
- Кали хотеть увидеть мать.
- А что бы ты сделал, если бы мы встретили ва-химов? И что бы они сделали?
- Ва-химы упасть на колени перед Кали.
- Так поведи нас к ним. Тогда ты останешься с ними и будешь царствовать после отца. А мы пойдем дальше к самому морю.
- Кали к ним не попасть и не оставаться, потому что Кали любит Великого Господина и Дочь Месяца.

Стась весело обратился к своей подруге и объявил ей:

- Нель, поздравляю тебя с титулом Дочери Месяца!

Но, взглянув на нее, он очень опечалился. «Бедная девочка, – подумал он. – Своим бледным и прозрачным личиком она действительно больше похожа на лунное, чем на земное создание».

Юный негр помолчал минуту, а потом опять заговорил:

– Кали любит Бвана-Кубва, потому что Бвана-Кубва не убить Кали, а только Гебра, а Кали дать много кушать.

И он стал гладить себя по груди, повторяя с видимым наслаждением:

– Много мяса, очень много мяса!

Стась хотел еще узнать, как Кали попал в неволю к дервишам. Но оказалось, что с тех пор как однажды ночью его поймали у ямы, вырытой для зебр, он проходил через столько рук, что из ответа его совершенно нельзя было понять, через какие страны и какими путями его завезли в Фашоду. Внимание Стася привлекло только то, что он говорил о «темной воде». Если бы он действительно происходил из окрестностей Альберт-Нианцы, Альберт-Эдуард-Нианцы или даже Виктория-Нианцы, близ которого находились государства Униоро и Уганда, он бы, наверно, слышал что-нибудь об Эмине-паше, о его войсках и пароходах, которые наводили изумление и страх на негров. Танганьика была слишком далеко. Оставалось, таким образом, предположить, что племя Кали обитает где-нибудь ближе, над озером Рудольфа или Стефании. Эти области находились тоже довольно далеко, но все-таки были, по крайней мере, наполовину ближе если не от Фашоды, то от места, где они находились сейчас. Таким образом, встреча с племенем ва-хима не представлялась невероятной.

После нескольких часов езды солнце стало опускаться. Жара значительно спала. Каравану попалась по пути широкая долина, где была вода и росло десятка два диких смоковниц. Путники остановились, чтоб дать отдохнуть лошадям и самим подкрепиться. Так как скалистые стены были в этом месте немного ниже, то Стась приказал Кали взобраться наверх и посмотреть, не видно ли где-нибудь поблизости какого-нибудь дыма.

Кали исполнил приказание и в одно мгновение очутился на вершине скалы. Оглянувшись хорошенько по всем сторонам, он слез по толстому стеблю лианы и сообщил, что дыма нет, но есть «ньяма». Легко было догадаться, что он говорит не о птицах, а о более крупной дичи, так как, указав на ружье Стася, он приставил потом пальцы к голове, давая понять этим, что дичь с рогами.

Стась тоже вскарабкался на гору и, осторожно высунув голову над обрывом, стал смотреть вперед. Ничто не мешало ему видеть на большое расстояние, так как покрывавшая раньше всю землю высокая трава была вся выжжена, а новая едва успела пробиться. Куда ни бросить взор, видны были лишь редко растущие деревья с обожженными огнем стволами. Под тенью одного из них паслось небольшое стадо антилоп гну, похожих телом на лошадей, а головой – на буйвола. Солнце, пробиваясь сквозь листья баобаба, бросало дрожащие блики на их коричневые спины. Их было девять штук. Расстояние до них было не больше ста шагов, но ветер дул по направлению от животных к ущелью, и они бродили спокойно, не подозревая опасности. Стась, желая добыть мясо для каравана, выстрелил в ближайшую антилопу, и она упала, точно сраженная молнией, на землю. Все остальные разбежались, а вместе с ними и крупных размеров буйвол, которого прежде не заметили ни Кали, ни Стась, так как он лежал за камнем. Мальчик, улучив минуту, когда животное повернулось к нему боком, послал и ему вслед пулю. Буйвол сильно

зашатался после выстрела, но побежал дальше и, прежде чем Стась успел переменить заряд, скрылся за неровностями почвы.

Кали принялся потрошить убитую антилопу.

Стась, немного удивленный тем, что Саба не присутствует при этой работе, свистнул ему, чтоб пригласить его на обильный ужин из передних конечностей животного.

Но Саба не явился и не откликнулся лаем. Наклонившийся над антилопой Кали поднял голову и сказал:

– Большой пес побежать за буйвол.

– Ты видел? – спросил Стась.

– Кали видел.

Сказав это, он взвалил себе на голову и на плечи два окорока антилопы и направился к ущелью. Стась свистнул еще несколько раз и немного подождал, но, видя, что ждет напрасно, последовал за ним.

В ущелье Меа занялась уже срезыванием терновых веток для зерибы, а Нель, ощипывая своими крошечными пальчиками последнюю из подстреленных накануне птиц, спросила:

– Это ты звал Саба? Он побежал за вами?

– Он побежал за буйволом, которого я подстрелил, и я очень беспокоюсь, – ответил Стась. – Эти животные ужасно хитры и так сильны, что даже лев боится на них нападать. Саба, пожалуй, плохо придется, если он вступит в драку с таким противником.

Услышав это, Нель встревожилась и заявила, что не пойдет спать, пока Саба не вернется. Стась, видя ее беспокойство, был зол на себя за то, что не скрыл от нее своих опасений, и стал утешать ее:

– Я пошел бы за ними с ружьем, но они, должно быть, уже далеко, а скоро спустится ночь, и следов не будет видно. Буйвол сильно ранен и, я надеюсь, не устоит на ногах. Во всяком случае, он ослабеет от потери крови, и если даже бросится на Саба, тот сможет убежать... Он вернется, может быть, поздно ночью, но вернется наверное.

Говоря это, он сам, однако, не очень-то много веры придавал своим словам. Он хорошо помнил прочитанные им рассказы о необычайной мстительности африканского буйвола, который, будучи даже тяжело ранен, обегает кругом и прячется в засаду где-нибудь близ тропинки, по которой идет охотник, и потом неожиданно нападает на него, подымает на рога и вскидывает кверху. С Саба тоже могло легко случиться что-нибудь подобное, не говоря уже о других опасностях, которые грозили ему на обратном пути ночью.

Вскоре действительно наступила ночь. Кали и Меа устроили зерибу, развели огонь и занялись ужином. Саба не возвращался.

Нель горевала все больше и больше и наконец начала плакать.

Стась почти силой заставил ее лечь спать, обещая, что будет ждать Саба и, как только станет светать, пойдет сам искать его и приведет в лагерь. Нель пошла, правда, в палатку, но каждую минуту высовывала головку из-под ее крыльев, спрашивая, не вернулся ли Саба. Сон сомкнул ей глаза лишь после полуночи, когда Меа вышла, чтоб сменить Кали, который бодрствовал у огня.

– Чего плакать Дочь Месяца? – спросил у Стася молодой негр, когда они оба легли спать, постлав на землю конские чепраки. – Кали не хочет этого.

– Ей жаль Саба, которого буйвол, наверно, убил.

– А может быть, не убил, – ответил чернокожий.

Оба замолчали. Стась крепко заснул. Было, однако, еще темно, когда он проснулся, почувствовал холод. Меа, которая должна была поддерживать огонь, задремала и с некоторого времени перестала подбрасывать хворост на уголья.

Войлок, на котором спал Кали, был пуст. Стась сам подкинул хворосту и, разбудив негритьянку, спросил:

– Где Кали?

С минуту она смотрела на него, не понимая, в чем дело, и лишь немного спустя, совсем очнувшись от дремоты, сказала:

– Кали взял меч Гебра и пошел за зерибу. Я думала, что он хочет нарезать еще хворосту, но он больше не вернулся.

– Давно он ушел?

– Давно.

Стась подождал немного, но, видя, что негр не показывается, невольно задал себе вопрос:

– Убежал?

И сердце его сжалось от горького чувства, какое всегда вызывает человеческая неблагодарность. Ведь он заступался за Кали и защищал его, когда Гебр истязал его по целым дням; и не он ли спас ему потом жизнь. Нель была всегда добра к нему, плакала над его несчастной судьбой, и оба они обходились с ним как нельзя лучше. А он убежал! Он ведь сам говорил, что, не зная, в какой стороне находятся селения ва-химов, он не сможет попасть туда; и все-таки он убежал! Стасю опять вспомнились африканские путешествия, о которых он читал в Порт-Саиде и в которых рассказывалось о глупости негров, бросающих поклажу и убегаящих даже тогда, когда побег грозит им неминуемой смертью. Само собой понятно, что и Кали, имея всего оружия один суданский меч Гебра, должен будет умереть с голоду или, если он не попадет опять в плен к дервишам, станет добычей диких зверей.

– Ах, глупый, неблагодарный мальчишка!

Стась стал размышлять о том, насколько теперь путешествие без Кали будет для них

труднее, а работа тяжелее. Поить лошадей и стреноживать их на ночь, разбивать палатку, строить зерибу, следить в пути, чтоб не пропали припасы и тюки с вещами, чистить и делить убитую дичь, – все это без молодого негра должно было свалиться на него одного. А он мысленно сознавался, что о некоторых вещах он не имел ни малейшего понятия.

– Ну что делать, – промолвил он, – придется!

Солнце между тем выплыло из-за горизонта, и, как всегда бывает под тропиками, сразу наступил день. Немного спустя в палатке послышался плеск воды, которую Меа приготовила с ночи для мытья девочке. Это означало, что Нель уже встала и одевается. Вскоре она действительно показалась уже одетая, но с гребенкой в руке и с взъерошенными еще волосенками.

– А Саба? – спросила она.

– Его все еще нет.

Губки девочки начали подергиваться.

– Может быть, он еще вернется, – сказал Стась. – Помнишь, в пустыне его не бывало иногда по два дня, а потом он нас всегда догонял.

– Ты говорил, что пойдешь поискать его?

– Не могу.

– Почему, Стась?

– Я не могу оставить тебя с одной Меа.

– А Кали?

– Кали нет.

И он замолчал, сам не зная, сказать ли ей всю правду. Но так как побег Кали не мог оставаться тайной, то он решил, что лучше все сказать сразу.

– Кали взял меч Гебра, – сказал он, – и ночью ушел неизвестно куда. Кто знает, может быть, он и совсем убежал. Негры часто так делают, даже себе самим на гибель. Жалко мне его. Но, может быть, он еще поймет, что сделал глупость, и...

Дальнейшие слова его прервал радостный лай Саба, наполнивший все ущелье. Нель бросила гребенку на землю и хотела побежать ему навстречу, но ее удержали колючки зерибы.

Стась хотел ей сделать проход, но не успел он разбросать нескольких веток, как появился сначала Саба, а за ним Кали, весь лоснящийся и мокрый от росы, точно после проливного дождя.

Дети были вне себя от радости, и, когда Кали, едва переводя дух от усталости, очутился внутри зерибы, Нель закинула ему свои белые ручки на черную шею и обняла изо всех сил.

– Кали не хочет видеть «бэби» плакать, так Кали найти собаку, – промолвил юный негр в ответ на эту ласку.

– Добрый Кали! – сказал, в свою очередь, Стась, трепля его по плечу. – А ты не боялся встретиться ночью со львом или с пантерой?

– Кали бояться, но Кали пойти, – был ответ.

Эти слова снискали негру еще больше любви со стороны детей. По просьбе Нель Стась достал из одного тюка ниточку стеклянных бус, которыми снабдил их при отъезде из Омдурмана грек Калиопуло, и торжественно украсил ими шею Кали. Последний, чрезвычайно довольный подарком, тотчас же посмотрел с гордостью на Меа и сказал:

– У Меа нет бус, а у Кали есть, потому что Кали «большой свет».

Так была награждена самоотверженность юного чернокожего. Зато Саба получил строгий выговор, из которого, во второй раз за свою службу у Нель, он узнал, что он очень гадкий, и если сделает еще раз что-нибудь подобное, то его будут водить на привязи, как маленького щенка. Он слушал это, виляя довольно двусмысленно хвостом. Но Нель утверждала, что по глазам его видно, что ему стыдно, и он, наверно, покраснел, но только это незаметно, потому что морда у него покрыта шерстью.

После этого все уселись за завтрак, состоявший из превосходных диких фиг и жаркого антилопы. За завтраком Кали рассказывал о своих приключениях, а Стась переводил его слова на английский язык Нель, не понимавшей наречия кисвахили. Буйвол, как оказалось, убежал далеко. Кали трудно было найти след, так как ночь была безлунная. К счастью, за два дня перед тем был дождь, и земля была не очень тверда, так что копыта тяжелого зверя оставляли в ней углубления. Кали нащупывал их пальцами своих ног и шел долго по этим следам. Буйвол пал, наконец, и пал, должно быть, уже мертвый, так как не было видно никаких следов борьбы между ним и Саба. Когда Кали нашел их, Саба успел уже отгрызть большой кусок мяса у павшего буйвола, и, хотя больше не мог уже есть, не позволял, однако, подойти к туше двум гиенам и десятку шакалов, которые столпились кругом, в ожидании, пока более сильный хищник окончит свою трапезу и уйдет. Негр жаловался, что собака ворчала и на него, но он пригрозил ей гневом Великого Господина и Дочери Месяца, взял ее за ошейник, оттащил от буйвола и отпустил только в ущелье.

На этом кончился рассказ о ночных приключениях Кали, после чего все в превосходном настроении сели на лошадей и поехали дальше.

Только длинноногая Меа, в общем тихая и послушная, с завистью поглядывала на ожерелье молодого негра и на ошейник Саба и думала с грустью в душе:

«Они оба – «большой свет», а у меня только одно медное кольцо на ноге».

XXIV

В течение следующих трех дней путники продолжали ехать ущельем, беспрестанно подымаясь в гору. Дни были большей частью знойные, а ночи – то очень холодные, то очень душны. Приближалось дождливое время года. Из-за горизонта там и сям выплывали облака, белые как молоко, но большие и густо клубившиеся. По сторонам уже видны были иногда полосы дождя и далекие радуги. Утром третьего дня одна из таких туч разорвалась над их головами, точно бочка, с которой сняли обруч, и

окропила их обильным, но, к счастью, теплым и непродолжительным потоком воды. После дождя, однако, погода прояснилась, так что они могли ехать дальше. Птицы летали перед ними опять в таком множестве, что Стась стрелял в них, не слезая с лошади. Он набил их таким образом пять штук, что было более чем достаточно для одного ужина и для обеда, принимая во внимание даже и Саба. Путешествие, в свежем от дождя воздухе, не было утомительным, а обилие дичи и воды устраняло опасность голода и жажды. Вообще, им везло больше, чем они рассчитывали, так что Стася не покидало хорошее настроение, и, едучи рядом с девочкой, он весело разговаривал с ней.

– А кем ты будешь, когда вырастешь? – спрашивала Нель.

– Я буду инженером или моряком или, если в Польше будет восстание, поеду сражаться, как мой отец.

Нель спросила с беспокойством:

– А ты вернешься в Порт-Саид?

– Сначала нам нужно вернуться туда обоим.

– К папочке! – ответила девочка.

И глаза ее затуманились грустью и тоской. К счастью, в это время пролетала поблизости стая прелестных попугаев, серых, с розовыми головками и розовым пухом под крыльями. Дети тотчас же забыли о предыдущем разговоре и стали следить глазами за их полетом.

Стая покружилась над чащей молочаев и спустилась на растущее поодаль фиговое дерево, в листве которого тотчас же послышались голоса, напоминавшие крикливый совет или ссору.

– Этих попугаев всего легче научить говорить, – сказал Стась. – Когда мы остановимся где-нибудь подольше, я постараюсь поймать для тебя одного.

– Спасибо, Стась! – радостно ответила Нель. – Я назову его Дэзи...

Между тем Меа и Кали, нарезав плодов с хлебного дерева, нагрузили ими лошадей, и маленький караван тронулся дальше. К вечеру, однако, стало опять заволакивать небо, и по временам шел, хотя недолго, дождь, наполняя водой все выбоины и углубления почвы. Кали предсказывал огромный ливень, и Стась подумал, что ущелье, которое суживалось все больше и больше, не сможет служить в достаточной мере безопасным убежищем на ночь, так как может превратиться в поток. Поэтому он решил провести ночь на горе, что очень обрадовало и Нель, особенно когда посланный для рекогносцировки Кали вернулся и сообщил, что неподалеку находится лесок, состоящий из разных деревьев, а в нем множество маленьких обезьянок, не таких безобразных и злых, как павианы, которых они встречали до сих пор.

Добравшись до места, где скалистые стены были ниже и подымались не так круто, путники устроились на ночлег. Палатка для Нель была устроена на высоком и сухом месте, у подножия большого, возведенного термитами холма, совсем закрывавшего доступ с одной стороны и тем облегчавшего устройство зерибы.

Поблизости возвышалось огромное дерево, с широко раскинутыми ветвями, густая

листва которых могла служить хорошей защитой от дождя. Перед зерибой росли отдельные группы деревьев, а подальше – густой, переплетенный лианами лес, над которым высились кроны каких-то странных пальм, похожих на огромные веера или на распущенные павлиньи хвосты.

Стась узнал от Кали, что перед началом второго периода дождей, то есть осенью, небезопасно ночевать под этими пальмами, так как зрелые к этому времени огромные плоды срываются неожиданно и падают со значительной высоты с такой силой, что могут убить человека и даже лошадь. Но сейчас плоды лишь завязывались, и издали, пока не зашло солнце, видно было, как между листьями прыгают маленькие обезьянки и бегают, весело кувыркаясь, друг за дружкой взапуски.

Стась вместе с Кали приготовили большой запас дров, так чтоб его хватило на всю ночь. А так как по временам подымался сильный знойный вихрь, то они укрепили зерибу кольями, которые молодой негр заострил мечом Гебра и повтыкал в землю. Эта предосторожность была совсем нелишней, так как сильный ветер мог раскидать колючие ветви, из которых была сложена зериба, и облегчить нападение хищникам. Но вскоре после того, как солнце зашло, ветер стих; зато воздух стал душный и тяжелый. В просветах между тучами мерцали еще кое-где сначала звезды, но потом ночь стала совсем черной, так что на расстоянии шага ничего не было видно. Юные путешественники собрались вокруг костра, прислушиваясь к крикам и визгам обезьян, галдевших в соседнем лесу, точно они там устроили настоящий базар. Им вторили вой шакалов и разные незнакомые голоса, в которых чувствовались страх и тревога перед тем, что под прикрытием тьмы может угрожать в чаще живому существу.

Вдруг все сменилось гробовой тишиной.

Где-то в мрачной бездне послышался рев льва.

Лошади, которые паслись поблизости в молодой поросли, стали подходить к огню, припрыгивая на стреноженных передних ногах, а храбрый всегда Саба оцетинил шерсть и, поджав хвост, льнул к людям, ища, по-видимому, у них защиты.

Рев повторился; казалось, он доносился откуда-то из-под земли, – такой глубокий и тяжелый, точно зверь с трудом выпускал его из своих могучих легких. Он шел низко над землей, то усиливаясь, то стихая, а по временам переходя в глухой и угрюмый стон.

– Кали, подбрось хворосту в огонь! – приказал Стась.

Негр подбросил сразу столько, что сначала брызнули целые снопы искр, а потом взвилось кверху огромное пламя.

– Стась, лев не нападет на нас, правда? – шептала Нель, дергая мальчика за рукав.

– Нет, не нападет. Видишь, какая у нас высокая зериба.

И, говоря это, он действительно верил, что опасность им не грозит; но он боялся за лошадей, которые все ближе жались к забору и могли его опрокинуть.

Рев между тем превратился в протяжное, грозное рычание, от которого содрогается живая тварь, а у людей, даже не знающих страха, все внутри дрожит, как стекла от

далеких пушечных выстрелов.

Стась взглянул мимоходом на Нель и, видя ее трясущийся подбородок и влажные глаза, промолвил:

– Не бойся, Нель, не плачь!

Она ответила, едва сдерживая слезы:

– Я не хочу плакать... Это у меня так... Только пот на глазах... Ой!

Это «ой!» вырвалось у нее потому, что в эту самую минуту со стороны леса зарокотал другой рев, еще более сильный, чем первый, и более близкий. Лошади начали прямо налетать на зерибу, и, если бы не длинные и твердые, как сталь, колючки акаций, они, наверно, сломали бы ее. Саба ворчал и в то же время дрожал как лист. А Кали повторял прерывающимся голосом:

– Господин... Два!.. Два!.. Два!..

Львы, почувствовав себя вдвоем, зарычали еще грознее, и их страшный концерт продолжался в темноте непрерывно; когда один зверь смолкал, начинал рычать другой, и Стась вскоре перестал различать, откуда доносились их голоса, так как эхо повторяло их в ущелье, и одна скала отсылала к другой. Ужасная симфония перекачивалась по горам и долам, наполняла лес и степь, насыщала тьму гулом и страхом.

Одно только казалось мальчику несомненным: хищники подходили все ближе. Кали тоже сообразил, что львы бегали вокруг их стоянки, описывая круги все меньше и меньше, и что, удерживаемые от нападения лишь светом огня, они высказывали рычанием свое недовольство и боязнь.

Но и он, по-видимому, полагал, что опасность угрожает только лошадям, так как, расставив пальцы, он проговорил:

– Львы убить один, убить два... не все, не все!..

– Подбрось хвосту в огонь! – повторил Стась.

Взвился опять столб огня, рычание вдруг прекратилось. Но Кали поднял голову и, глядя вверх, стал прислушиваться.

– Что там? – спросил Стась.

– Дождь, – ответил негр.

Стась, в свою очередь, стал прислушиваться. Широкие ветви дерева заслоняли палатку и всю зерибу, так что на землю еще не упала ни одна капля, но наверху уже был слышен шуршащий шум листвы. Так как ни малейший ветерок не шевелил душный воздух, то легко было догадаться, что это дождь начинал стучать по листьям.

Шум возрастал с каждой минутой, и немного спустя дети увидели стекавшие с листьев капли, при блеске огня казавшиеся похожими на крупные розовые жемчужины. Как предсказывал Кали, начался страшный ливень. Шум все усиливался. Капли

падали все чаще и чаще, и, наконец, через гущу листвы стали пробиваться целые потоки воды.

Костер угасал. Напрасно Кали подкидывал в него целые вязанки. Сверху мокрые ветки только дымили, а внизу шипели уголья, и огонь, едва успев разгореться, опять потухал.

– Когда ливень зальет огонь, нас защитит зериба, – сказал Стась, чтоб успокоить Нель.

Он увел девочку в палатку и закутал ее в плед, а сам поскорее вышел, так как короткое отрывистое рычание послышалось снова. На этот раз оно раздавалось значительно ближе, и в нем звучало как бы торжество. Ливень усиливался с каждой минутой. Дождь барабанил по твердым листьям набака и булькал, стекая струями вниз. Если бы костер не был защищен ветвями, он погас бы сразу, но и так он давал один только дым, среди которого поблескивали узенькие голубые языки. Видя, что от этого нет никакого проку, Кали перестал подкладывать сухой хворост. Вместо того, закинув веревку вокруг дерева, он стал карабкаться по стволу все выше и выше.

– Что ты делаешь? – спросил Стась.

– Кали влезть на дерево.

– Зачем? – воскликнул мальчик, возмущенный эгоизмом негра.

Яркая, ослепительная молния прорезала тьму, а ответ Кали заглушил внезапный раскат грома, который потряс небо и всю пустыню. В то же время поднялся ветер, зашатал ветви дерева, разметал в одно мгновение костер, подхватил тлевшие еще под золой уголья и, вместе со снопами искр, понес в степь.

Непроглядная тьма охватила вдруг весь бивак. Страшная тропическая гроза разбушевалась на земле и в небесах. Раскат грома следовал за раскатом, молния за молнией. Кроваво-красные зигзаги прорезывали черное, как траурный креп, небо. Где-то на соседних скалах появился странный голубоватый шар, который катился некоторое время вдоль ущелья, а затем блеснул ослепительным светом и разорвался с таким страшным треском, что путникам показалось, будто соседние скалы начали колебаться от сотрясения.

Потом снова наступила тьма.

Стась испугался за Нель и ошупью направился в палатку. Последняя, будучи защищена холмом термитов и огромным стволом, еще стояла, но первый сильный порыв вихря мог сорвать веревки и унести ее бог знает куда. А ветер то ослабевал, то подымался с бешеной силой, неся волны дождя и целые тучи листьев и веток, сорванных в соседнем лесу. Стасем овладело отчаяние. Он не знал, оставить ли Нель в палатке или вывести ее оттуда. В первом случае она могла запутаться в веревках и быть подхваченной вместе с полотном; во втором – она могла промокнуть, да и тут ветер мог ее унести, так как даже Стась, хотя несравненно более сильный, чем она, с большим трудом держался на ногах.

Вопрос разрешил вихрь, который спустя минуту подхватил и унес крышу палатки. Полотняные стены не давали больше никакого убежища. Не оставалось другого выхода, как ждать, пока гроза пройдет, и тихо сидеть в темноте, среди которой

бродили два льва.

Стась подумал, что, может быть, и они спрятались в соседний лес от ливня, но он ни на минуту не сомневался, что они вернуться, как только непогода успокоится. Ужас положения увеличивало еще то обстоятельство, что ветер разметал зерибу.

Все грозило путникам гибелью. Ружье Стася не могло пригодиться ни на что. Его энергия тоже. Перед грозой, раскатами грома, вихрем, дождем, темнотой и перед львами, которые притаились, может быть, в нескольких шагах, он чувствовал себя беззащитным и беспомощным.

Неистово дергаемые ветром полотняные стены палатки обливали детей со всех сторон водой. Обняв Нель рукой, Стась вывел ее из палатки неверного убежища, и оба прислонились к стволу дерева, ожидая смерти или чуда.

Вдруг между двумя порывами ветра до них донесся голос Кали, который едва можно было расслышать среди плеска дождя:

– Великий Господин! На дерево! На дерево!

И в ту же минуту конец спущенной сверху мокрой веревки коснулся плеча мальчика.

– Привязать Дочь Месяца, а Кали ее тащить! – продолжал кричать чернокожий.

Стась не колебался ни одной минуты. Закутав Нель в войлок, чтоб веревка не впиалась ей в тело, он обвязал ее за пояс и, подняв на протянутых руках кверху, закричал Кали:

– Тяни!

Первые ветви дерева росли довольно низко, так что воздушное путешествие Нель длилось недолго. Кали скоро схватил ее своими сильными руками и поместил между стволом и огромным сукон, где было достаточно места даже для полдюжины таких крошек.

Никакой ветер не мог сдуть ее оттуда, а кроме того, хотя по всему дереву стекала вода, толстый ствол, несколько футов в диаметре, защищал девочку, по крайней мере, от новых струй дождя, которые ветер нес наискось. Устроив маленькую мисс, негр опустил веревку опять Стасю, но тот, как капитан, который сходит последним с утопающего судна, велел сначала лезть Меа.

Кали совсем не пришлось ее тащить, потому что она в одну минуту взобралась по веревке с такой ловкостью, точно была родной сестрой шимпанзе. Стасю это удалось не так легко, но и он был достаточно хорошим гимнастом, чтоб преодолеть вес своего тела, ружья и двух десятков патронов, которыми он наполнил карманы.

Таким образом, все четверо очутились на дереве. Стась так привык думать при всех обстоятельствах о Нель, что и теперь он поспешил прежде всего убедиться, не грозит ли ей опасность свалиться и довольно ли ей места, чтоб она могла удобно улечься. Успокоившись на этот счет, он стал ломать голову, как бы защитить ее от дождя. Но этому помочь было невозможно. Устроить какую-нибудь, хоть маленькую, крышу над ее головой было бы легко днем: но теперь их окружала такая тьма, что они не видели даже друг друга. Если бы хоть гроза пронеслась и можно было бы развести огонь, чтоб высушить платье Нель. Стась с отчаянием думал о том, что,

промокнув до последней нитки, девочка, без сомнения, схватит сильнейшую лихорадку.

Он боялся, что под утро, после грозы, станет холодно, как бывало в предыдущие ночи. Теперь же порывы ветра скорей обжигали, и дождь обдавал, точно кипятком. Стася удивляла его продолжительность. Он знал, что тропические грозы, чем они сильнее бушуют, тем скорее проходят.

Лишь много времени спустя раскаты грома затихли и порывы ветра стали слабее. Но дождь не переставал идти, не такой, правда, обильный, но зато тяжелый и такой густой, что даже листья набака совершенно не защищали от него. Снизу доносился плеск воды, точно вся степь превратилась в одно озеро. Стась подумал, что в ущелье их ждала бы неминуемая смерть. Его страшно мучила мысль о том, что будет с Саба, и он не решался заговорить о нем с Нель. Но он все-таки утешал себя надеждою, что смысленый пес найдет безопасное убежище между скал, торчащих над ущельем. Помочь ему не было никакой возможности.

Так сидели они вместе среди развесистых ветвей и мокли в ожидании дня. Прошло еще несколько часов. Воздух стал холоднее, и дождь, наконец, прекратился. Вода стекла уже, по-видимому, тоже по уклону, в более низкие места, так как плеска ее больше не было слышно. Стась заметил в предыдущие дни, что Кали умеет разводиться огонь даже из мокрых веток. Ему пришло в голову приказать Кали спуститься и попробовать, не удастся ли зажечь костер и на этот раз.

Но в ту самую минуту, когда он обратился к нему, случилось нечто такое, от чего у всех четверых кровь застыла в жилах.

Глубокую тишину ночи прорезало внезапно лошадиное ржание, – страшное, пронзительное, полное страдания, испуга и смертельного ужаса. Что-то заколыхалось в темноте, раздался короткий храп, потом глухие стоны, фыркание, опять конский крик, еще более пронзительный, и все стихло.

– Львы, Великий Господин, львы убивать лошадей! – шептал Кали.

Было что-то ужасное в этом ночном нападении, в этом насилии хищников, в этом внезапном убийстве беззащитных животных. Стась оторопел на минуту и забыл даже о ружье. Да и какая польза была бы стрелять в такую темень? Разве только для того, чтобы ночные разбойники, если огонь и гром выстрела их не испугают, бросили убитых уже лошадей и помчались за теми, которые разбежались и унеслись так далеко от места привала, насколько они могли это сделать на стреноженных ногах.

У Стася мороз пробежал по коже при мысли, что было бы, если бы они остались внизу. Нель, прижавшись к нему, так дрожала, точно с ней уже начался припадок лихорадки. Но дерево защищало их, по крайней мере, от нападения львов. Кали прямо спас им жизнь.

Но это была страшная ночь, – самая страшная за все путешествие.

Они сидели, точно промокшие птицы на ветке, прислушиваясь к тому, что происходило внизу. Там некоторое время царило глубокое молчание, но вскоре послышался звук отрываемых кусков мяса, хриплое дыханье и довольное посапыванье чудовищ.

Пиршество львов происходило не более чем в двадцати шагах от зеробы.

Пиршество это длилось так долго, что Стася в конце концов разобрала злость. Он схватил ружье и выстрелил по направлению раздававшихся звуков.

Но ему ответило только прерывистое, сердитое рычание, вслед за которым послышался треск разламываемых могучими челюстями костей. В глубине сверкали голубыми и красными точками глаза гиен и шакалов, ожидавших своей очереди.

Так протекали долгие часы ночи.

XXV

Наконец взошло солнце и осветило степь, отдельные кучки деревьев и лес. Львы скрылись прежде, чем первый луч блеснул на горизонте. Стась велел Кали развести огонь, а Меа достать вещи Нель из кожаного мешка, высушить их и поскорее переодеть девочку. Сам он, взяв ружье, пошел осмотреть место, где они провели ночь, и взглянуть, какие опустошения наделала гроза и два ночных разбойника.

Сейчас же за зерибой, от которой остались только колья, лежала первая лошадь, съеденная почти до половины; в ста шагах – другая, а недалеко от нее – третья, едва початая. Стася охватила такая злоба, что в ту минуту ему захотелось даже, чтоб откуда-нибудь из чащи высунулась косматая голова отяжелевшего после ночного пиршества разбойника и чтоб он мог пустить в нее пулю. Но ему пришлось отложить месть; сейчас у него было много других дел. Нужно было найти и поймать остальных лошадей. Мальчик полагал, что они, должно быть, скрылись в лес, как и Саба, труп которого нигде не было видно. Надежда, что верный товарищ по несчастью не пал жертвой хищников, обрадовала Стасю и придала ему бодрости. Еще больше обрадовался он, когда нашел осла. Оказалось, что длинноухое животное не хотело утруждать себя слишком далеким бегством. Оно просто-напросто уткнулось в угол за зерибой, между холмом термитов и деревом, и там, с защищенной головой и боками, ждало, что будет дальше, готовое, в случае чего, геройским ляганием отразить нападение. Но львы, по-видимому, совсем его не заметили, и, когда взошло солнце и опасность миновала, он счел вполне уместным лечь и отдохнуть после трагических ночных переживаний.

Бродя вокруг бивака, Стась нашел, наконец, на размякшей земле следы конских копыт. Следы шли по направлению к лесу, а потом сворачивали к ущелью. Это было для него очень удобно, так как поймать лошадей в ущелье не представляло большого труда. Пройдя шагов двадцать, мальчик нашел в траве веревку, которою была стреножена одна из лошадей и которую она сорвала, спасаясь бегством. Эта лошадь, должно быть, убежала так далеко, что сейчас, по крайней мере, можно было ее считать потерянной. Зато двух остальных Стась заметил за невысокой скалой, не в самом овраге, а на краю его. Одна из них валялась на спине, а другая пощипывала молодую зеленую траву. Обе выглядели ужасно изнуренными, точно после долгого пути. Но дневной свет разогнал их страх, и они встретили Стасю коротким и радостным ржанием. Та, которая валялась на спине, вскочила на ноги. Стась заметил, что и она освободилась от пут, но, к счастью, предпочла, по-видимому, остаться с товарищем, чем бежать куда глаза глядят.

Стась оставил обеих лошадей у подножия скалы, а сам пошел к краю ущелья, чтоб посмотреть, можно ли ехать дальше по его дну. Он увидел, что благодаря большому уклону вода уже стекла и дно было почти сухим. Немного спустя внимание его привлек какой-то белый предмет, запутавшийся между лианами, свесившимися с противоположной скалистой стены. Оказалось, что это была крыша палатки, которую порыв ветра занес так далеко и запутал в чаще так, что вода не могла ее унести.

Палатка обеспечивала как-никак лучшее убежище для маленькой Нель, чем наскоро сложенный из веток шалаш, и эта находка очень обрадовала Стася.

Но еще больше обрадовался он, когда из расщелины между двумя скалами, закрытой свешивавшимися лианами, выскочил Саба, держа в зубах какое-то животное, голова и хвост которого свешивались по обеим сторонам его пасти. Огромный пес в одно мгновение вскарабкался наверх и положил у ног Стася полосатую гиену с переломленным хребтом и обглоданной ногой и стал вилять хвостом и радостно лаять, точно ему хотелось сказать:

– Ну что ж, я струсил, правда, перед львами. Но ведь, правду сказать, и вы-то сидели на дереве, как птицы. Но вот, смотри, я все-таки даром ночь не потерял.

И он был так горд собой, что Стасю с трудом удалось заставить его оставить на месте вонючее животное и не нести его в подарок Нель.

Когда оба они вернулись, на привале горел уже яркий огонь, а в посуде кипела вода, в которой варились зерна дурры, убитая накануне дичь и копченые ломти мяса подстреленной антилопы. Нель была уже переодета в сухое платье, но выглядела такой похудевшей и бледной, что Стась испугался за нее и, взяв ее за руку, чтоб убедиться, нет ли у нее жара, спросил:

– Что с тобой, Нель?

– Ничего, Стась. Мне только очень хочется спать.

– Верю! После такой ночи! Ну, руки, слава богу, у тебя не горячие... И ночку же мы провели! Я думаю, что тебе хочется спать! Мне тоже. Но не больна ли ты?

– Голова у меня немного болит.

Стась положил руку ей на лоб. Голова девочки была холодна, как и руки. Стась понял, что это было признаком сильного истощения и слабости. Он вздохнул и проговорил:

– Поешь чего-нибудь теплого и сейчас ложись спать. Можешь спать хоть до вечера. Сегодня погода, по крайней мере, хорошая, и не будет так, как вчера.

Нель взглянула на него со страхом.

– Но ведь мы здесь не будем ночевать?

– Здесь, возле обглоданных лошадей, нет. Мы отыщем какое-нибудь другое дерево или поедем в ущелье и там устроим такую зерибу, какой свет не видал. Ты будешь спать спокойно, как в Порт-Саиде.

Но Нель сложила руки и стала просить его со слезами, чтоб они поехали дальше, потому что в этом ужасном месте она не сможет сомкнуть глаз и наверно заболеет. Она так упрашивала его, так долго повторяла, глядя ему в глаза: «Да, Стась? Хорошо?» – что он согласился на все.

– Хорошо, но мы поедем ущельем, – сказал он. – Там больше тени. Обещай мне только, что, если у тебя не хватит сил или тебе станет плохо, ты мне скажешь.

– Не станет, не станет! Ты привяжешь меня к седлу, и я превосходно засну в дороге.

– Нет, я сяду с тобой на одну лошадь и буду держать тебя. Кали и Меа поедут на другой, а осел понесет палатку и вещи.

– Хорошо! Хорошо!

– После обеда ты все-таки немного поспи. Все равно до полудня нам нельзя тронуться: еще много нужно сделать. Нужно поймать лошадей, сложить палатку и переложить вещи. Часть придется оставить: на двух лошадях всего уместить нельзя. У нас уйдет на это несколько часов. А ты пока поспишь и наберешься сил. Сегодня будет жарко, но под деревом будет достаточно тени.

– А ты, и Меа, и Кали? Мне так неприятно, что я одна буду спать, а вам придется работать...

– Ничего, найдется и для нас время. Обо мне не беспокойся. В Порт-Саиде, когда бывали экзамены, я иногда не спал целые ночи напролет, а папа даже этого не знал... Товарищи тоже не спали. Но ведь мы, мужчины, не то что такая муха, как ты. Посмотрела бы ты на себя; ты даже представить себе не можешь, как ты выглядишь: совсем ведь стеклянная! Только глаза да волосы видны, а лица совсем не осталось.

Он говорил это шутя, но про себя он действительно боялся за нее, потому что при ярком дневном освещении личико Нель выглядело ужасно болезненным. И в первый раз он ясно представил себе, что если так пойдет дальше, то бедная девочка не только может, но должна умереть. При этой мысли ноги у него задрожали; он почувствовал вдруг, что если бы она умерла, ему тоже незачем было бы больше ни жить, ни возвращаться в Порт-Саид.

«Что бы я делал без нее!» – подумал он.

Он отвернулся на минуту, чтобы Нель не заметила в его глазах испуга и печали. Затем он пошел к сложенным под деревом вещам, откинул войлок, которым был прикрыт ящик с патронами, открыл его и стал что-то искать.

Он держал там в стеклянном пузырьке последний порошок хинина и берег его как зеницу ока про черный день, то есть на случай, если бы Нель захворала лихорадкой. Но теперь, после такой ночи, он был почти уверен, что первый припадок случится несомненно, и решил его предупредить. Он делал это с тяжелым сердцем, думая о том, что будет после. И если бы не мысль, что мужчине и начальнику каравана не подобает плакать, он бы, наверно, расплакался над этим последним порошком.

Чтоб скрыть свое волнение, Стась принял очень строгий вид и, вернувшись к девочке, проговорил:

– Нель, прими перед едой этот порошок.

– А если у тебя вдруг будет лихорадка? – спросила Нель.

– Тогда меня будет трясти. Возьми, я говорю!

Нель приняла без дальнейших возражений. С тех пор, как Стась убил суданцев, она

немного побаивалась его, несмотря на все заботы, какими он окружал ее, и всю нежность, с какой он к ней относился.

Они сели обедать, и после ночной усталости горячий суп показался им очень вкусным. Нель заснула сейчас же после обеда и проспала несколько часов. Стась, Кали и Меа снарядили за это время весь караван, притащили из ущелья верхушку палатки, оседлали лошадей, навьючили осла и зарыли под корнями дерева те вещи, которые не могли взять с собой. Всем троим ужасно хотелось спать, но чтоб не заснуть всем и не прозевать время, Стась разрешил себе и им ложиться только по очереди.

Было часа два, когда они тронулись в дальнейший путь. Стась держал перед собой Нель, а Кали с Меа ехали на второй лошади. Они не спустились, однако, сразу в ущелье, а ехали вдоль его края, между лесом и обрывом. Молодая трава значительно выросла за эту одну дождливую ночь. Но почва под ней была еще черная и носила следы огня. Легко было догадаться, что здесь или проходил Смаин со своим отрядом, или пожар, занесенный издалека ветром, прошелся по сухой степи и, наткнувшись на влажный лес, пополз дальше узкой полосой между ним и ущельем. Стась хотел посмотреть, нет ли на этом пути каких-нибудь следов привалов Смаина или отпечатков копыт, и, к своей радости, он убедился, что ничего такого не было видно. Кали, который был мастером отыскивать следы, утверждал категорически, что огонь, наверно, был занесен ветром и что с тех пор прошло уже не меньше десяти дней.

– Это доказывает, – заметил Стась, – что нам нечего бояться попасться ему в руки.

И он и Нель с любопытством рассматривали окружавшую их растительность, так как до сих пор у них не было случая проезжать так близко мимо тропического леса. Они ехали по самой опушке, чтобы оставаться в тени. Почва здесь была влажная, мягкая, поросшая темно-зеленоватой травой, мхами и папоротниками. Кое-где валялись старые, полусгнившие стволы, покрытые, словно ковром, прелестными орхидеями, с пестрыми, похожими на бабочек цветами и пестрым кувшинчиком в середине. Куда доходило солнце, там земля была раззолочена другими орхидеями, мелкими, желтыми, с двумя лепестками по бокам третьего и сильно напоминавшими головку маленького зверька с большими, остроконечными ушами. В некоторых местах лес был окаймлен кустами дикого жасмина, обвитыми гирляндами тонких лиан, усыпанных розовыми цветами. Неглубокие овраги и ложбины были покрыты папоротниками, сбившимися в непроходимую чащу, – то низкими и развесистыми, то высокими, со стволами, окутанными как бы пряжей, доходившими до нижних веток деревьев и развешивавшими под ними свои листья тонким зеленым кружевом. В глубине не видно было одинаковых деревьев: финиковые и веерные пальмы, фиговые и хлебные деревья, огромные молочаи, высокие акации, деревья с темной и блестящей или яркой и красной, как кровь, листвой росли рядом, ствол о ствол, переплетаясь ветвями, обсыпанными желтыми и пурпурными цветами, похожими на большие подсвечники. В некоторых местах совсем не было видно деревьев, так как от земли и до самых верхушек их покрывали лианы, перекидывавшиеся с одного ствола на другой, образуя как бы огромные буквы W и M и свешиваясь в форме фестонов, занавесок и портьер. Каучуковые лианы так и душили деревья в тысячекратных змеиных извивах и превращали их в пирамиды, обсыпанные, точно снегом, белыми цветами. Вокруг больших лиан обвивались мелкие, и сеть становилась настолько запутанной, что почти превращалась в стену, через которую не мог бы пробиться ни человек, ни зверь. Местами лишь, там, где пролагали себе дорогу слоны, силе которых ничто не может противостоять, были пробиты в чаще как бы глубокие,

крытые сверху коридоры.

Пения птиц, которое придает столько прелести европейским лесам, совсем не было слышно; зато среди листвы раздавались самые причудливые крики, напоминавшие то звук пилы, то звон литавр, то клекот аиста, то скрип старых дверей, то хлопанье в ладоши, то кошачье мяуканье, то даже громкий и возбужденный человеческий разговор. Иногда над деревьями вспархивали небольшие стаи серых, зеленых или белых попугаев или ярко опушенных перцеядов, тихо и плавно колыхавшихся в воздухе. На белоснежном фоне каучуковых лиан мелькали по временам небольшие обезьянки-траурницы, совершенно черные, с белым хвостом, белыми полосами по бокам и такими же бакенбардами, обрамлявшими черное как уголь лицо.

Дети с изумлением смотрели на этот девственный лес, на который до сих пор, может быть, никогда еще не глядели глаза белого человека. Саба то и дело нырял в чащу, откуда доносился его веселый лай. Маленькую Нель подкрепили хинин, обед и отдых. Ее личико стало живее и румянее, глазки глядели веселее. Она поминутно спрашивала у Стася названия разных деревьев и птиц, на что он отвечал, как мог. Наконец, она заявила, что хочет сойти с лошади, чтоб собрать много-много цветов.

Но мальчик улыбнулся и сказал:

– Тебя сейчас же там скушают сияфу.

– А что это – сияфу? Это еще хуже льва?

– И хуже и не хуже. Это – муравьи такие; они ужасно кусаются. Их масса на ветках, и они так и сыплется людям на спину, точно огненный дождь. Но они ходят и по земле. Попробуй только сойти с лошади и пройтись немного по лесу, – сейчас начнешь прыгать и пищать, как обезьянка. Даже от льва легче защититься. Иногда они идут огромными рядами, и тогда все уступают им дорогу.

– А ты справился бы с ними?

– Я? Понятно!

– Как?

– Огнем и кипятком.

– Ты всегда придумываешь что-нибудь умное, – проговорила девочка тоном глубокого уважения.

Стасю очень польстили эти слова. Он ответил самоуверенно, весело поглядывая на нее:

– Постарайся только быть здоровой, а уж во всем остальном можешь положиться на меня.

– Знаешь, у меня даже голова перестала болеть.

– Вот и хорошо!

Так беседуя, они миновали лес, примыкавший к оврагу одним только своим боковым отрогом. Солнце стояло еще высоко и изрядно жгло, так как погода была совершенно

ясная и на небе не было ни одного облачка. Лошади обливались потом; Нель стала тоже жаловаться на чрезмерный зной. Вследствие этого Стась высмотрел подходящее место и свернул в ущелье, где западная стена бросала довольно густую тень. Там было прохладнее, и вода, оставшаяся в углублениях после вчерашнего ливня, была тоже довольно холодная. Над головами юных путешественников перепархивали то и дело с одной стороны ущелья на другой туканы с пурпурно-красными головами, голубой грудью и желтыми крыльями. Стась стал рассказывать Нель о том, что он знал из книжек о нравах этих птиц.

– Знаешь, – сообщил он ей, – некоторые туканы, чтоб высидеть детей, выбирают где-нибудь в дереве дупло; самка сносит яйца и садится на них, а самец замазывает отверстие глиной, так что видна только одна ее голова. И только тогда, когда вылупятся молодые птенцы, он разбивает своим большим клювом глину и выпускает самку на свободу.

– А что она в это время ест?

– Самец кормит ее. Все летает кругом и приносит ей разные ягоды.

– А он позволяет ей спать? – продолжала спрашивать девочка сонным голосом.

Стась улыбнулся.

– Если госпоже туканихе хочется так, как тебе сейчас, тогда позволяет.

В прохладном ущелье бедную девочку стал одолевать сон, так как с утра до полудня ей пришлось отдыхать очень мало. Стасю очень хотелось последовать ее примеру, но он не мог, потому что ему приходилось держать ее, чтоб она не упала. К тому же ему было очень неудобно сидеть верхом на плоском, широком седле, которое Гатим вместе с Секи-Тамалой устроили для девочки в Фашоде. Он не решался, однако, даже пошевелиться и пустил лошадь совсем шагом, чтобы не разбудить Нель.

Девочка между тем, откинувшись назад, приткнулась головкой к его плечу и заснула как следует.

Дыхание ее было ровно и спокойно, и Стась не жалел, что отдал ей последний порошок хинина. Прислушиваясь к ее дыханию, он чувствовал, что опасность лихорадки пока что миновала.

Мысль его работала:

«Ущелье подымается все в гору, и сейчас – даже довольно круто. Мы поднимаемся все выше, и местность, чем дальше, становится суше. Надо будет только отыскать местечко повыше, хорошо закрытое, у проточной воды. Там можно будет расположиться надолго и дать «мухе» отдохнуть недельку-другую, а то, пожалуй, и переждать всю массуку[35]. Редко кто выдержал бы на ее месте и десятую часть всех невзгод, которые вынесла она. Но все-таки надо ей тоже отдохнуть! После такой ночи другая давно бы вся горела в лихорадке, а она спит себе преспокойно!»

Ему стало весело на душе. Поглядывая сверху на головку Нель, приткнувшуюся к его груди, он думал про себя радостно и как будто удивленно:

«Странное дело! Видно, однако, я очень люблю эту «муху»! То есть любил-то я ее и всегда, но вот теперь как-то еще больше!»

И, сам не зная, чем объяснить себе такое странное явление, он решил мысленно:

«Это, наверно, потому, что мы так много пережили вместе, и потому, что на мне теперь лежит вся забота о ней».

А тем временем он поддерживал осторожно «муху» правой рукой за пояс, чтобы она не упала у него с седла и не разбилась о землю. Ехали они тихим шагом, молча. Только Кали напевал что-то себе под нос, восхваляя Стася:

– Великий Господин! Великий Господин... Убить Гебра, убить льва и буйвола! Иа! Иа! Великий Господин убить еще много львов! Иа! Много мяса! Много мяса! Иа! Иа!

– Кали, – спросил тихо Стась, – ва-химы охотятся на львов?

– Ва-химы боятся львов, но ва-химы копать большие ямы, и если лев ночью попасть туда, тогда ва-химы смеяться.

– Что же вы тогда делаете?

– Ва-химы бросать много дротиков, так что лев – как еж. Тогда его вытащить из ямы и кушать. Лев хороший.

И, по своему обыкновению, он погладил себя по животу.

Стасю не очень понравился такой охотничий прием, и он стал расспрашивать, какие еще звери попадают в стране ва-химов. Они долго говорили об антилопах, страусах, жирафах и носорогах, пока до слуха их вдруг не донесся шум водопада.

– Что это! – воскликнул Стась. – Перед нами река и водопад?

Кали кивнул головой, показывая, что, по-видимому, это так.

Они поехали несколько ускоренным шагом, прислушиваясь к шуму, который становился все яснее.

– Водопад! – повторил с изумлением Стась.

Но едва они миновали один поворот, а за ним следующий, как вдруг неожиданное препятствие преградило им дальнейший путь.

Нель, заснувшая под равномерный конский топот, сразу проснулась.

– Что, мы уже останавливаемся на ночлег? – спросила она.

– Нет, – ответил Стась. – Но видишь, скала загородила ущелье.

– Так что же мы сделаем?

– Пробраться мимо нее никак нельзя; надо будет вернуться немного назад, подняться вверх и объехать эту преграду. Но до вечера еще два часа, времени достаточно. Пускай лошади тоже отдохнут. Слышишь, водопад?

– Слышу.

– Мы там сделаем привал и переночуем.

Затем он приказал Кали взобраться на край оврага и посмотреть, не завалено ли дно ущелья и дальше подобными преградами, а сам стал внимательно рассматривать скалу и немного спустя воскликнул:

– Она оторвалась и обрушилась недавно. Видишь, Нель, этот излом? Посмотри, какой он свежий. На нем нет ни мхов, ни каких-либо растений. А, я понимаю...

Он указал девочке рукой на росший на краю ущелья баобаб, огромный корень которого свешивался вдоль стены по самому излому.

– Вот этот самый корень проник в щель между стеной и скалой и, все разрастаясь в толщину, отколол, наконец, скалу. Это очень странно, потому что камень ведь тверже дерева. Но в горах, я знаю, это часто случается. Какой-нибудь пустяк заденет такую едва держащуюся глыбу, и она отрывается.

– Но что же могло толкнуть эту скалу?

– Трудно сказать. Может быть – вчерашняя гроза, может быть – какая-нибудь прежняя.

В это время прибежал Саба, который перед тем отстал от каравана. Он остановился вдруг, точно его потянул кто-нибудь сзади за хвост, стал нюхать воздух, а затем попытался пролезть в узкую щель между стеной и оторвавшейся скалой. Но тотчас же он стал пятиться назад с оцетинившейся шерстью.

– Стась, не ходи туда, – стала просить Нель. – Там, может быть, лев.

Но мальчик, любивший немного прихвастнуть своим молодечеством и со вчерашней ночи ужасно сердитый на львов, ответил:

– Эка важность, лев – днем!

Но, прежде чем он подошел к ущелью, сверху раздался голос Кали:

– Бвана Кубва! Бвана Кубва!

– Что такое? – спросил Стась.

Негр спустился в одно мгновение по стеблю лианы. По лицу его было видно, что он возвращается с какой-то важной новостью.

– Слон! – воскликнул он.

– Слон?

– Да, – ответил молодой негр, размахивая руками, – там гремучая вода, а тут скала, слон не может выйти. Великий Господин убить слона, а Кали его кушать, – ах, как кушать!

Эта мысль его так обрадовала, что он стал подпрыгивать, хлопая себя руками по коленям, и смеяться как сумасшедший, закатывая при этом глаза и сверкая белыми

зубами.

Стась не понял сначала, почему Кали говорит, что слон не может выйти из ущелья. Желая посмотреть, что случилось, он сел на лошадь и, поручив Нель Меа, чтоб в случае надобности быть со свободными для выстрела руками, велел Кали сесть позади, после чего они повернули и стали искать место, где бы было поудобнее взобраться наверх. По дороге Стась продолжал расспрашивать, каким образом слон мог там очутиться, и из ответов Кали понял приблизительно, что случилось.

По-видимому, слон бежал ущельем, спасаясь от огня во время пожара степи. По дороге он сильно толкнул слабо державшуюся скалу, и она обрушилась, преградив ему обратный путь. Затем, добравшись до конца ущелья, он очутился на краю пропасти, в которую низвергалась река, и, таким образом, оказался запертым со всех сторон.

Немного спустя они нашли выход из ущелья, но довольно крутой, так что пришлось сойти с лошадей и вести их за собой. Так как, по уверениям негра, до реки было очень близко, то они тронулись дальше пешком. Они вышли, наконец, на высокий мыс, ограниченный с одной стороны рекой, а с другой – ущельем, и, посмотрев вниз, увидели на дне оврага слона.

Огромное животное лежало на животе и, к великому удивлению Стася, не вскочило, завидев их. Только когда Саба стал подбегать к обрыву с неистовым лаем, слон пошевелил огромными ушами и поднял было хобот, но тотчас же опустил его.

Дети, держась за руки, долго и молча смотрели на него. Наконец Кали первый прервал молчание.

– Он умирать с голоду! – воскликнул он.

Действительно, слон был до того истощен, что хребет его представлял как бы торчащий вдоль тела гребень. Бока у него впали, а под кожей, несмотря на ее толщину, ясно выделялись ребра. Легко было догадаться, что он не встает, потому что у него нет уже сил.

Ущелье, довольно широкое у конца, превращалось в небольшую котловину, замкнутую с обеих сторон отвесными скалами. На дне котловины росло несколько деревьев. Деревья эти были изломаны, кора на них содрана, на ветках не было ни одного листка. Лианы, свешивавшиеся со скал, были тоже оборваны и обглоданы, а трава в котловине выщипана до последней былинки.

Стась внимательно осмотрел все кругом и поделился своими наблюдениями с Нель. Под впечатлением неизбежной смерти огромного животного он говорил тихо, как будто боясь смутить последние минуты жизни слона.

– Да, в самом деле, он умирает с голоду. Он сидит тут уже, наверное, недели две, то есть с тех пор, как пожар сжег старую степь. Он съел все, что можно было, а теперь только мучается, тем более что тут на горе растут хлебные деревья и акации с большими стручками, и он их видит, но не может достать.

С минуту они продолжали смотреть молча, а слон тоже время от времени поворачивал на них свои маленькие потухшие глазки, и из гортани его вылетало что-то вроде хриплого бульканья.

– Знаешь, – сказал мальчик, – я думаю, что лучше сократить ему его муки.

И, сказав это, он поднял ружье и хотел прицелиться, но Нель схватила его за куртку и, упираясь обеими ножками в землю, изо всех сил старалась оттащить его от края ущелья.

– Не делай этого, Стась! Дадим лучше ему покушать! Он такой бедный! Я не хочу, чтоб ты его убивал, не хочу, не хочу!

И, топая ногами, она не переставала тащить его. Стась посмотрел на нее с удивлением. Но, видя, что глаза ее полны слез, он сказал:

– Но ведь, Нель...

– Не хочу! Не дам его убивать! Я заболею лихорадкой, если ты его убьешь!..

Для Стася было достаточно этой угрозы, чтоб отказаться от своего намерения – убить слона и вообще кого бы то ни было. С минуту он еще молчал, не зная, что ответить девочке, и, наконец, проговорил:

– Ну хорошо! Ну хорошо!.. Говорю тебе, хорошо! Пусти же меня, Нель!

Нель поспешила обнять его, и в ее заплаканных глазах блеснула улыбка. Теперь она думала уже только о том, чтобы поскорей покормить голодное животное.

Кали и Меа были очень удивлены, когда узнали, что Бвана Кубва не только не убьет слона, но что они еще должны нарвать для него столько плодов с хлебного дерева, столько стручков акаций и столько разных растений, листьев и трав, сколько только смогут. Обоюдоострый суданский меч Гебра очень пригодился Кали для этого дела, и если бы не он, работа пошла бы не так легко. Но Нель не хотела ждать, пока они кончат, и как только первый плод упал с дерева, она схватила его обеими руками и понесла к ущелью, повторяя торопливо, как бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не захотел ее предупредить:

– Я! Я! Я!

Но Стась и не думал лишать ее этого удовольствия, и лишь опасаясь, чтобы она в порыве увлечения не свалилась вместе с плодом, схватил ее за пояс и крикнул:

– Бросай!

Огромный, как тыква, плод покотился по крутому обрыву и упал у самых ног животного. Слон тотчас же вытянул хобот, схватил плод, свернул хобот так, точно хотел положить свою добычу под шею, – и дети больше ее не видели!

– Скушал! – радостно воскликнула Нель.

– Я думаю, – ответил, смеясь, Стась.

А слон протянул к ним свой хобот, как бы желая попросить еще, и громко просопел:

– Хррумф!

– Он хочет еще!

– Я думаю! – повторил Стась.

Еще один плод полетел вслед за первым и исчез в одно мгновение таким же образом; потом третий, четвертый, десятый. Затем стали летать стручки акаций и целые вязанки травы и крупных больших листьев. Нель не пустила никого сменить себя, и, когда ее маленькие ручки устали от работы, она сталкивала новые вязанки ножками, а слон продолжал съедать их и, поднимая время от времени хобот, произносил свое громкое «хррумф», давая понять, что хочет еще, и – как утверждала Нель – в знак благодарности.

Но Кали и Меа устали наконец от работы, которую они исполняли очень усердно лишь в полной уверенности, что Бвана Кубва хочет сначала откормить слона, а потом убить его.

Бвана Кубва, однако, приказал им наконец перестать, так как солнце спустилось уже очень низко и пора было начать строить зерибу. К счастью, это оказалось не очень трудно, так как две стороны треугольного мыса были совершенно неприступны, и нужно было загородить только третью. В акациях с жесткими длинными колючками тоже не было недостатка. Нель не отходила ни на шаг от ущелья и, сидя на корточках на краю его, издали телеграфировала Стасю, что слон делает. То и дело раздавался ее тоненький голосок:

– Шарит кругом хоботом!

Или:

– Шевелит ушами. Ух, какие большие у него уши!

И вдруг:

– Стась! Стась! Встает! Ой!

Стась поспешил к Нель и схватил ее за руку. Слон действительно встал, и тут только детям удалось увидеть его во всю его величину. Они видели раньше несколько раз огромных слонов, которых провозили через Суэцкий канал на кораблях из Индии в Европу, но ни один из них не мог бы сравниться с этим колоссом, который действительно выглядел точно огромная скала шиферного цвета, движущаяся на четырех ногах. К тому же он отличался от тех слонов огромными бивнями, футов до пяти, пожалуй, длиной, и, как заметила уже раньше Нель, невероятно большими ушами. Передние ноги у него были очень высокие, но сравнительно тонкие, вероятно, вследствие продолжительного поста.

– Вот так лилипут! – воскликнул Стась. – Если бы он стал на дыбы и протянул как следует хобот, он бы мог схватить тебя за ножку.

Но колосс и не думал ни становиться на дыбы, ни хватать кого-нибудь за ногу. Шатающимися шагами он подошел к концу ущелья, посмотрел с минуту в пропасть, на дне которой бурлила вода, затем повернулся к стене, расположенной ближе к водопаду, протянул к ней хобот и, погрузив его, насколько мог, в воду, начал пить.

– Счастье его, – заметил Стась, – что ему удалось дотянуться до воды, а то он окошел бы, наверно.

Слон пил так долго, что Нель стала за него беспокоиться.

– Стась, а он от этого не заболит? – спросила она.

– Не знаю, – ответил, смеясь, Стась, – но уж если ты взяла его под свое попечение, то ты скажи ему, что это опасно.

Нель наклонилась над обрывом и стала кричать:

– Слон, слон, довольно!

И слон как будто понял, что ему говорят: он тотчас же перестал пить и стал только обливаться водой, – сначала облил себе ноги, потом спину, потом бока.

Между тем уже стемнело. Стась отвел Нель за зерибу, где их уже ждал ужин.

Оба были в прекрасном настроении: Нель – потому, что спасла жизнь слону, а Стась – что видел ее блестящие, как две звездочки, глаза и счастливое личико, выглядывшее здоровее, чем когда-либо за все время после отъезда из Хартума. Его радовала еще надежда, что им удастся провести хорошо и спокойно ночь.

Неприступный с двух сторон мыс вполне обеспечивал их от нападения, а с третьей стороны Кали и Меа соорудили такую высокую стену из колючих веток акаций и пассифлоры, что не могло быть и речи о том, чтоб какой-нибудь хищный зверь смог пробиться через такую преграду. Погода к тому же стояла превосходная, и, как только зашло солнце, небо заискрилось мириадами звезд. Приятно было дышать прохладным, благодаря близости водопада, воздухом, насыщенным ароматом степи и только что наломанных ветвей.

«Тут уж моя «муха» не заболит лихорадкой», – с радостью думал Стась.

Разговор завязался опять о слоне, так как Нель не могла говорить ни о чем другом и не переставала восторгаться его величиной, хоботом и бивнями, которые у него действительно были огромные. В конце концов она обратилась к Стасю:

– Не правда ли, Стась, какой он умный?

– Как Соломон, – ответил Стась, – но из чего ты это видишь?

– Как только я его попросила, чтоб он не пил больше, он сейчас же меня послушал.

– Если он до сих пор не учился по-английски и все-таки понимает, то это в самом деле нечто необычайное.

Нель поняла, что Стась трунит над нею, и, надув немного губки, проговорила:

– Говори себе что хочешь, а я уверена, что он очень умный и скоро привыкнет к нам и станет ручным.

– Скоро ли, не знаю, но стать ручным он может. Африканские слоны, правда, более дики, чем азиатские, но все-таки я думаю, что Ганнибал, например, пользовался африканскими.

– А кто такой был Ганнибал?

Стась посмотрел на нее со снисходительно-пренебрежительной усмешкой.

– В твоём возрасте, – сказал он, – таких вещей еще не знают. Ганнибал был великий карфагенский вождь, который употреблял слонов в войне с римлянами. А так как Карфаген находился в Африке, – то, значит, слоны у него были африканские.

Дальнейший разговор их прервал громкий рычащий крик слона, который, наевшись и напившись, начал трубить, неизвестно – от радости или от тоски по полной свободе. Саба вскочил и начал лаять.

– Вот как, – проговорил Стась, – теперь он сзывает товарищей. Хорошее будет дело, когда их сбежится сюда целое стадо.

– Он скажет остальным, что мы были добры с ним, – торопливо ответила Нель.

Стась, не боявшийся опасности, так как рассчитывал на то, что если бы сбежалось в самом деле целое стадо, то его испугал бы огонь костра, проговорил, усмехаясь:

– Хорошо, а если все-таки слоны сбегутся, ты не будешь плакать от страха?! Нет, у тебя на глазах только выступит пот, как было уже два раза.

И он стал шутя поддразнивать ее:

– Я не плачу, у меня только пот на глазах...

Нель, однако, по его веселому лицу догадалась, что никакая опасность им не грозит.

– Когда мы его приручим, – сказала она, – у меня глаза уже больше никогда не будут потеть, хотя бы кругом рычали хоть десять львов.

– Почему так?

– Он нас тогда защитит.

Стась заставил замолчать Саба, который не переставал отвечать слону, и, задумавшись немного, ответил Нель:

– Ты забыла об одном: ведь мы здесь навеки не останемся, а поедем дальше. Я не говорю сейчас... Место здесь хорошее и здоровое. Я думаю здесь, пожалуй, остаться... на неделю, может быть, на две, и тебе и нам – всем полезно отдохнуть. Но хорошо! Пока мы будем тут, ты будешь кормить слона, хотя для всех это будет изрядная работа. Но ведь он в западне; как же мы возьмем его с собой? Что же тогда будет? Мы уедем, а он тут останется и, не имея пищи, опять будет мучиться, пока не околеет. Тогда нам будет его еще больше жалко...

Нель очень опечалилась и некоторое время сидела молча, не находя, по-видимому, что ответить на эти справедливые рассуждения. Но через минуту она подняла головку и, откинув назад волосы, опускавшиеся ей на глаза, обратила на Стася полный доверчивости взгляд.

– Я знаю, Стась, – сказала она, – что если ты захочешь, то выведешь его из ущелья.

– Я?

Нель, протянув пальчик, прикоснулась им к руке Стася и повторила:

– Ты.

Хитрая маленькая женщина понимала, что ее доверие польстит мальчику и что с этой минуты он начнет думать, как бы освободить слона.

XXVI

Ночь прошла спокойно, и хотя на южной стороне неба скопилось много туч, утро встало совсем ясное. Кали и Меа, по приказанию Стася, занялись тотчас после завтрака собиранием дынь, стручков акации, свежих листьев, травы и всякого иного корма для слона. Все это они складывали на краю ущелья. Так как Нель хотела непременно сама кормить своего нового друга, то Стась выстругал для нее из молодой ветвистой смоковницы нечто вроде вил, чтобы ей легче было сталкивать припасы на дно ущелья. Слон трубил с самого утра, прося, по-видимому, корма, и, когда увидел на краю ущелья ту же белую крошку, которая накормила его вчера, встретил ее радостным бульканьем и тотчас же протянул к ней свой хобот. При дневном свете он показался еще больше, чем накануне. Он был страшно худ, но выглядел гораздо бодрее, и в его маленьких умных глазах, которые он поворачивал к Нель, светилась радость. Нель утверждала даже, что передние ноги у него потолстели за ночь. Она начала сталкивать ему корм с таким усердием, что Стасю пришлось ее удерживать и, в конце концов, когда она уже чересчур устала, самому сменить ее. Им обоим было очень весело; особенно забавляли их капризы слона. Сначала он ел все, что ему падало под ноги. Но вскоре, утолив первый голод, он стал разборчив. Когда ему попадалось растение, которое он не очень любил, он отряхивал его о передние ноги и потом подбрасывал хоботом вверх, точно желая сказать: «Сами кушайте это лакомство». Наконец, утолив свой голод и жажду, он начал с видимым удовольствием обмахиваться своими огромными ушами.

– Я уверена, – заявила Нель, – что если бы мы спустились к нему, он нам не сделал бы ничего плохого.

И она начала кричать ему:

– Слоник, милый слоник, не правда ли, ведь ты ничего не сделал бы нам плохого?

И когда слон кивнул в ответ хоботом, она обернулась к Стасю:

– Вот видишь, он говорит, что не сделал бы!

– Очень может быть, – ответил Стась. – Слоны очень умные животные. Он понял, по-видимому, что мы ему нужны. И даже, кто знает, может, он чувствует к нам даже благодарность. Все-таки пока лучше еще не пробовать, а особенно – пусть не пробует Саба; его-то он, наверно, убьет. Со временем, может быть, и они подружатся.

Дальнейшему восхищению слонем помешал Кали, который, предчувствуя, что ему придется каждый день трудиться, чтоб кормить слона, подошел к Стасю и, широко ухмыляясь, проговорил:

– Великий Господин убить слона, а Кали его кушать, а не собирать траву и ветки.

Но Великий Господин был очень далек от желания убить слона и, будучи от природы очень пылким, возразил ему не без раздражения:

– Ты осел.

Но, к несчастью, он забыл, как будет «осел» на языке кисвахили, и сказал по-английски. А Кали, не понимая по-английски, счел, по-видимому, это слово за похвалу или одобрение, так как минуту спустя дети услышали, как он, обращаясь к Меа, хвастливо говорил:

– У Меа черная кожа и черный мозг, а Кали – осел. – И потом еще прибавил с гордостью: – Сам Великий Господин сказал, что Кали осел.

Между тем Стась, приказав обоим смотреть за Нель, беречь ее как зеницу ока, а если бы что случилось, тотчас же позвать его, взял ружье и пошел к оторвавшейся скале, закрывавшей вход в ущелье. Подойдя к ней, он внимательно осмотрел ее, исследовал все ее трещины, просунул прут в щель, которую нашел в нижней части каменной глыбы, тщательно измерил ее глубину, а затем медленным шагом вернулся к стоянке и, открыв ящик с патронами, начал считать.

Не успел он досчитать до трехсот, как с баобаба, росшего в пятидесяти шагах от палатки, послышался голос Меа:

– Господин, господин!

Стась подошел к огромному дереву, ствол которого, сгнивший у земли, выглядел точно башня, и спросил:

– Чего тебе?

– Тут недалеко видно много зебр, а там дальше пасутся антилопы.

– Хорошо. Я возьму ружье и пойду настреляю их. Нужно накопить мяса. А ты зачем влезла на дерево? Что ты там делаешь?

Девушка ответила своим грустным певучим голосом:

– Меа увидела гнездо серых попугаев и хотела принести молодых птенчиков маленькой мисс, но гнездо пусто, – Меа не получит бус на шею...

– Получишь – за то, что любишь мисс.

Молодая негритянка быстро слезла по шершавой коре дерева и с сияющими от радости глазами стала повторять:

– О да! Да! Меа очень любит мисс и бусы тоже!

Стась ласково погладил ее по голове. Взяв ружье и закрыв ящик с патронами, он направился туда, где, по словам Меа, паслись зебры. Спустя полчаса звук выстрела донесся до стоянки, а через час маленький охотник вернулся с радостной вестью, что ему удалось убить молодую зебру и что вся окрестность полна дичи и всяких животных; он видел с возвышения, кроме зебр, большие стада антилоп и небольшую группу водяных коз, которые паслись близ реки.

Он велел Кали взять лошадь и привезти убитую зебру, а сам начал тщательно осматривать огромный ствол баобаба, обходить его кругом и постукивать прикладом по его шершавой коре.

– Что ты делаешь? – спросила его Нель.

– Смотри, – ответил он, – какой великан. Если бы пятнадцать человек взялись за руки, они, кажется, не обхватили бы этого дерева. Оно помнит, пожалуй, времена фараонов. Но внизу ствол весь сгнил, и в нем видно пустое дупло. Посмотри-ка, через это отверстие легко пролезть в середину. Знаешь, там, пожалуй, можно устроить целую комнату, и мы сможем все там жить. У меня сразу мелькнула эта мысль в голове, когда я увидел Меа на этом дереве, и на охоте я все время думал об этом.

– А ведь ты говорил, что нам нужно поскорее добраться до Абиссинии.

– Так-то так. Но нужно немного отдохнуть. Я говорил тебе вчера, что решил остаться здесь неделю или две. Тебе жаль оставлять своего слона, а я боюсь, как бы тебе не повредили дожди, которые уже начались и во время которых трудно избежать лихорадки. Сегодня погода ясная, но вот, видишь, там собираются тучи, и, кто знает, пожалуй, еще к вечеру разразится ливень. Палатка слабо защищает, а в баобабе, если он не прогнил до самой верхушки, мы можем и в ус себе не дуть, хотя бы кругом бушевал какой угодно ураган. Да там и вообще будет безопаснее, чем в палатке: стоит только завалить терновыми ветками эту дыру и окошки, которые мы сделаем для света, и тогда пусть рычат кругом сколько угодно львов, – мы можем сидеть да посмеиваться. Период весенних дождей никогда не длится больше месяца, и я все больше думаю, что нам бы лучше переждать его. А если переждать, так лучше здесь, чем где-нибудь в другом месте, и лучше в этом дупле, чем в палатке.

Нель всегда соглашалась со всем, что предлагал Стась, и тем охотнее согласилась и на этот раз, что мысль остаться вблизи слона и жить в дупле баобаба ей страшно понравилась. Она тотчас же начала строить планы, как они уберут комнаты, как обставят их и как будут приглашать друг друга на чашку чаю и обеды. Им стало обоим очень весело, и Нель захотелось тотчас же осмотреть свое новое жилище. Но Стась, становившийся с каждым днем опытнее и предусмотрительнее, посоветовал ей не торопиться хозяйничать там.

– Прежде чем мы поселимся там сами, – объяснил он, – надо попросить убраться прежних жильцов, которые, наверное, там есть.

Он приказал Меа бросить внутрь баобаба несколько зажженных, свежих и сильно дымящихся веток.

Оказалось, что это было совсем нелишне, так как огромное дерево было действительно заселено, и притом такими хозяевами, на гостеприимство которых трудно было рассчитывать.

XXVII

Отверстий в дереве было два: одно большое, на высоте полуметра от земли, другое поменьше, – на высоте приблизительно второго этажа в городских домах. Едва Меа бросила в нижнее отверстие зажженные дымящиеся ветки, как из верхнего отверстия начали вылетать огромные летучие мыши и, ослепленные солнечным светом, с писком стали носиться вокруг дерева. Но еще минуту спустя из нижнего отверстия

выскочил, как молния, настоящий хозяин – огромный удав, дремавший, по-видимому, в дупле и переваривавший остатки последнего обеда. Дым защекотал, по-видимому, у него в ноздрях и разбудил его, заставив подумать о спасении. При виде огромного стального тела, которое выскочило, словно огромная пружина из дымящейся пасти, Стась схватил на руки Нель и пустился бежать с нею в открытую степь. Но пресмыкающееся, само ошеломленное до смерти, и не думало их преследовать: извиваясь в траве между раскиданными тюками, оно убегало с невероятной быстротой по направлению к ущелью, чтоб спрятаться там где-нибудь в расселине между скалами. Дети понемногу пришли в себя от испуга. Стась поставил Нель на землю и побежал за ружьем, а потом за змеей – к ущелью. Нель последовала за ним. Но не успели они пробежать и двадцати шагов, как глазам их представилось столь необычайное зрелище, что они оба остановились как вкопанные. Высоко, над самым ущельем, показалось на одно мгновение тело удава и, описав в воздухе зигзаг, упало вниз. Через минуту оно снова появилось и опять упало. Подбежав к краю ущелья, дети с изумлением увидели, что это их новый друг, слон, заставив змею сначала дважды совершить такое воздушное путешествие, был занят тем, что тщательно растапывал ее голову своей огромной, похожей на колоду ногой. Покончив с этим делом, он опять поднял хоботом еще трепетавшее тело, но на этот раз не подбросил его кверху, а швырнул прямо в водопад. Совершив это, он, качаясь из стороны в сторону и обмахиваясь ушами, стал пытливо смотреть на Нель и в конце концов протянул к ней свой хобот, как бы требуя награды за свой геройский и благоразумный поступок.

Нель тотчас же побежала в палатку и, вернувшись с полным подолом диких фиг, стала бросать их ему по несколько сразу. Слоны тщательно отыскивали их в траве и клал одну за другой себе в пасть. Те, которые застревали в глубоких расселинах, он выдувал с такой силой, что вместе с фигами взлетали на воздух камни величиной с человеческий кулак. Дети встречали рукоплесканиями и смехом эти эксперименты. Нель несколько раз возвращалась за новыми запасами, не переставая утверждать при каждой новой фиге, что слон уже совершенно ручной и что она готова хоть сейчас спуститься к нему.

– Вот видишь, Стась, – говорила она, – у нас будет защитник... Он ведь никого не боится в пустыне, – ни льва, ни змеи, ни крокодила. И какой он добрый... И он нас, наверно, очень любит.

– Если он станет ручным, – ответил Стась, – и если я смогу оставлять тебя на его попечении, то я действительно вполне спокойно буду уходить на охоту. Лучшего защитника я не мог бы найти для тебя во всей Африке.

А потом немного спустя он прибавил:

– Здешние слоны более дики; но про азиатских, например, я читал, что они удивительно ласковы с детьми. В Индии никогда не было случая, чтобы слон обидел ребенка; а если слон разъярится, что иногда случается, то местные корнаки посылают для укрощения его детей.

– Вот видишь, видишь!

– Во всяком случае, ты хорошо сделала, что не позволила мне убить его.

При этих словах глазки Нель заблестели от радости двумя зелеными огоньками. Поднявшись на носках, она положила Стасю на плечи обе руки и, закинув головку назад, спросила, заглядывая ему в глаза:

– Я сделала так, как если бы мне было сколько лет? Скажи, как сколько мне было бы лет?

– По крайней мере, семьдесят, – ответил Стась.

– Ну, вот, ты всегда шутишь.

– Ну, посердись, посердись! А кто освободит слона?..

В ответ на это Нель опять начала ласкаться, как маленький котенок.

– Ты... И я тебя буду за это очень любить... и он тоже.

– Я вот все думаю о том, как бы это сделать, – сказал Стась. – Но это будет очень трудно. Я примусь за это дело только тогда, когда надо будет нам отправляться дальше.

– Почему только тогда?

– Потому что, если я его освобожу прежде, чем он станет совсем ручным и привыкнет к нам, он возьмет да уйдет от нас.

– Что ты! Он от меня не уйдет.

– Ты думаешь, что он – как я! – ответил Стась не без ехидства.

Дальнейший разговор прервал приход Кали, привезшего убитую зебру с детенышем, которого заел Саба. Было очень хорошо, что пес побежал за Кали и не участвовал благодаря этому в погоне за удавом; он, наверно, помчался бы за ним и, догнав его, исчез бы в его убийственных кольцах, прежде чем Стась успел бы явиться к нему на помощь. Но за то, что он заел крошечного жеребчика, он получил нагоняй от Нель, хотя не принял, по-видимому, его очень близко к сердцу, так как не спрятал даже свешивавшегося из пасти и покрытого кровью языка.

Стась тем временем сообщил Кали, что он думает устроить жилье в дереве, и рассказал ему о том, что произошло во время окуривания дупла дымом и как слон справился с удавом. Мысль поселиться в баобабе, который мог дать защиту не только от дождя, но и от диких зверей, очень понравилась негру; но поступок слона совсем не встретил в нем сочувствия.

– Слон глуп, – сказал он, – и бросил ниоку[36] в гремющую воду. Но Кали знает, что ниока хорошая; он пойдет к гремющей воде, поищет ее и зажарит... Потому что Кали умный и – осел.

– Что ты осел, это верно! – ответил Стась. – Неужели ты станешь есть змею?

– Ниока хорошая, – повторил Кали. И, указывая на убитую зебру, прибавил: – Лучше, чем эта ньяма.

Стась взял Кали, и оба они отправились к баобабу, чтобы устроить там новое жилище. Кали отыскал на берегу плоский камень величиной с большое решето и, поместив его в середине дупла, насыпал на него раскаленных угольев, продолжая подсыпать каждый раз новые и следя только за тем, чтобы не загорелась внутри

дупла труха и не сожгла всего дерева. Он заявил, что делает это с той целью, чтоб «ничего не укусить» Великого Господина и Дочь Месяца. Эта предосторожность оказалась совсем нелишней. Как только дым и угар наполнили все дупло и стали выходить наружу, из всех трещин коры стали выползать самые разнообразные существа. Черные и бурые жуки, волосатые, величиной со сливу, пауки, покрытые колючками гусеницы толщиной с палец, и отвратительные, страшно ядовитые сколопендры, укусы которых могут быть смертельны. Видя, что делалось снаружи ствола, можно было представить себе, сколько подобных тварей должно было погибнуть от дыма внутри. Тех, которые падали с коры и с нижних ветвей на траву, Кали немилосердно давил камнями, то и дело поглядывая на верхнее и нижнее дупла и точно опасаясь, что вот-вот оттуда выглянет еще что-нибудь новое.

– Что ты так смотришь? – спросил Стась. – Ты думаешь, что там может быть еще змея?

– Нет, Кали боится Мзиму.

– Что такое Мзиму?

– Злой дух.

– Ты видел когда-нибудь в жизни Мзиму?

– Нет, но Кали слышал страшный шум, который Мзиму делает в хижинах колдунов.

– Значит, ваши колдуны его все-таки не боятся?

– Колдуны умеют заклинать его и потом ходят по хижинам и говорят, что Мзиму сердится. Тогда негры приносят им бананы, мед, помбе[37], яйца и мясо, чтоб умилостивить Мзиму.

Стась пожал плечами:

– Видно, хорошо у вас быть колдуном. Но, может быть, эта змея и был Мзиму?

Кали отрицательно мотнул головой:

– Тогда бы не слон убить Мзиму, а Мзиму убить слон. Мзиму – смерть...

Слова его были вдруг прерваны каким-то странным шумом и треском внутри дерева. Из нижнего дупла вылетел клуб бурой пыли. Внутри послышался опять треск, еще сильнее первого.

Кали тотчас же бросился лицом на землю и начал пронзительно кричать:

– Ака! Мзиму! Ака! Ака! Ака!

В первое мгновение Стась тоже отскочил, но тотчас же овладел собой, и, когда прибежали Нель с Меа, он стал объяснять им, что там могло случиться.

– Там, наверное, накопились целые комья трухи. От тепла внутри ствола они расширились, обвалились и засыпали уголья. А он думает, что это Мзиму. Надо, однако, налить туда воды через отверстие; если уголья не погасли и труха загорится, тогда может сгореть все дерево.

Видя, однако, что Кали продолжает лежать и не перестает повторять с ужасом: «Ака! Ака!» – он взял ружье, которым стрелял обыкновенно дичь, выстрелил из него в отверстие дупла и сказал негру, ткнув его прикладом:

– Твой Мзиму убит. Не бойся!

Кали поднял голову, но не вставал с колен.

– О Великий, Великий Господин! Великий Господин не бояться даже Мзиму?

И он начал смеяться.

Немного погодя негр совсем успокоился и, когда он сел за приготовленный Меа обед, оказалось, что минутный испуг ничуть не лишил его аппетита: кроме копченого мяса, он съел еще сырую печенку растерзанного собакой жеребчика, не считая диких фиг, которые в изобилии доставляла росшая поблизости смоковница.

После обеда Кали и Стась вернулись к дереву, вокруг которого оставалось еще много дела. Надо было выгрести труху, уголья, целые сотни изжаренных в огне жуков и мокриц, с десятков задохнувшихся и закопченных в дыму летучих мышей. Все это отняло у них больше двух часов времени. Стасю показалось странным, что летучие мыши могли жить в таком близком соседстве с удавом, но он сообразил, что огромная змея или пренебрегала такой мелкой добычей, или, не имея внутри дупла вокруг чего обвиться, никак не могла до них добраться. Жар от угольев, заставив обрушиться весь слой гнилой трухи, превосходно очистил все дупло, и внутренний вид последнего очень радовал Стася, так как в нем было просторно, точно в большой комнате, и там могли найти приют не четверо, а целый десяток людей. Нижнее отверстие служило дверью, верхнее – окном, благодаря которому внутри огромного ствола не было ни темно, ни душно. Стась задумал разделить все помещение посредством полотниц палатки на две комнаты, из которых одну предназначить для Нель и Меа, а другую для себя, Кали и Саба.

Дерево не прогнило до самой верхушки ствола, и дождь, таким образом, не мог проникать внутрь; а чтоб совсем защитить себя от него, достаточно было приподнять и подпереть чем-нибудь кору над обоими отверстиями, так, чтоб она образовала нечто вроде крыши над ними. Пол дупла они решили усыпать высушенным на солнце речным песком, а поверх его наложить еще сухого мха.

Работа была действительно не из легких, особенно для Кали, которому приходилось, кроме того, коптить мясо, поить лошадей и заботиться о пропитании для слона, беспрестанно трубившего и просившего корма. Несмотря на это, молодой негр очень охотно, даже с жаром, принялся за устройство нового жилья. Причину своей радости он сообщил Стасю в первый же день:

– Когда Великий Господин и Дочь Месяца поселятся в дереве, Кали не нужно будет каждую ночь строить большую зерибу, и он сможет вечером ничего не делать.

– А ты любишь ничего не делать? – спросил Стась.

– Кали мужчина, и Кали любит ничего не делать, потому что работать должны только женщины.

– А вот же, видишь, я работаю для мисс.

– Зато когда мисс вырастет, она должна будет работать для Великого Господина; а если не захочет, тогда Великий Господин, наверное, ее бить.

Но при одной мысли о том, чтоб бить Нель, Стась вскочил как ошпаренный и крикнул сердито:

– Глупый! Ты знаешь, кто такая мисс?

– Не знаю, – ответил с испугом чернокожий.

– Она... Она... доброе Мзиму!

У Кали даже ноги подкосились.

А когда они кончили работать, он боязливо подошел к Нель, упал перед ней ниц и стал повторять, правда, не испуганным, но молитвенным голосом:

– Ака! Ака! Ака!

А «доброе Мзиму» вытаращило на него свои прелестные, цвета морской воды, глазенки, совершенно не понимая, что случилось и чего хочет Кали.

XXVIII

Новое жилище, которое Стась назвал Краковом, было устроено в три дня. Но еще раньше наиболее необходимые узлы и тюки были сложены в «мужскую комнату», и в большие ливни молодая компания находила превосходное убежище в огромном дупле еще до окончания полного устройства. Дождливая пора была уже в полном разгаре; но то не были наши долгие осенние дожди, во время которых небо заволакивается темными тучами и скучное, гнетущее ненастье длится целые недели. Здесь по нескольку раз в день ветер прогонял по небу вздутые облака, которые обильно орошали землю, после чего опять выглядывало солнце, ясное, чистое, точно только что искупавшееся, и обливало своими золотыми лучами скалы, реку, деревья и всю степь. Трава росла почти на глазах. Деревья покрывались более густой листвой, и не успевали еще опасть старые плоды, как на ветвях завязывались уже новые. Чистый воздух был так прозрачен, что даже самые отдаленные предметы были видны совершенно ясно и взор охватывал безгранично далекое пространство. Небо то и дело опоясывалось чудесной семицветной радугой, а водопад почти все время не снимал с себя ее яркого убранства. Недолгие утренние и вечерние зори играли тысячами таких прелестных красок, каких дети не видели даже в Ливийской пустыне. Самые низкие, почти касавшиеся земли облака окрашивались в вишневый цвет; те, что повыше, лучше освещенные, разливались, словно озера из пурпура и золота; а мелкие пушистые облачка сверкали на фоне неба, точно рубины, аметисты и опалы. По ночам, между одним и другим потоками ливня, месяц превращал в бриллианты росинки, висевшие на листьях мимоз и акаций, а свет зодиака сиял в прозрачном, обмытом влагой воздухе ярче, чем в другие времена года.

С разлинов, которые образовала река ниже водопада, доносилось беспокойное гоготанье и кваканье лягушек и жаб. Светляки, похожие на большие падающие звезды, проносились с берега на берег сквозь чащи бамбука и арумов.

Когда же тучи покрывали на время звездное небо и лил дождь, становилось очень темно, а внутри баобаба было черно, как в глубоком погребе. Стась приказал Меа натопить сала из убитых животных; из оказавшейся под рукой жестянки он устроил

лампу и повесил ее у верхнего отверстия, которое дети называли окном. Свет из этого окна был виден в темноте на далекое расстояние и отпугивал диких зверей; но зато он привлекал летучих мышей и даже птиц, так что в конце концов Кали пришлось устроить в этом отверстии решетку из терновых веток, которую он загоразивал на ночь и нижний вход.

Днем, однако, в ясную погоду дети оставляли «Краков» и бродили по всему мысу. Стась отправлялся охотиться на антилоп и страусов, большие стада которых появились у низовьев реки, а Нель ходила к своему слону, который сначала трубил, только прося корму, а потом начал трубить и тогда, когда ему было скучно без маленькой подружки. Он встречал ее всегда с радостью и махал своими огромными ушами, заслышав издали ее голос или звук ее шагов.

Однажды, когда Стась ушел на охоту, а Кали ловил рыбу за водопадом, Нель решила пойти к скале, закрывавшей ущелье, чтоб посмотреть, что Стась сможет с ней сделать, и не начал ли он уже своей работы. Занятая обедом, Меа не заметила ее ухода. Девочка, собирая по дороге цветы одного вида бегонии, обильно росшей среди скалистых уступов, подошла к скату, по которому они когда-то выехали из ущелья, и, спустившись вниз, очутилась у самой скалы. Огромная глыба, оторвавшись от матери-горы, замыкала пасть ущелья как и прежде.

Нель заметила, однако, что между нею и горой есть проход, настолько широкий, что даже взрослый человек легко мог бы пролезть через него. Она постояла с минуту в нерешительности, но потом решила попробовать пройти и очутилась по другую сторону скалы. Ущелье делало там поворот, который нужно было пройти, чтоб добраться до его широкого устья, замыкаемого водопадом.

«Пройду еще только чуточку, – подумала Нель, – спрячусь за скалу и погляжу только одним глазком на слона. Он меня совсем не увидит. А потом – вернусь назад».

Так рассуждая, она подвигалась шаг за шагом вперед и, дойдя, наконец, до места, где ущелье вдруг расширилось, образуя небольшую котловину, увидела слона. Он стоял к ней задом и, погрузив хобот в водопад, утолял свою жажду. Это придавало ей смелости. Прижавшись к скалистой стене, она сделала еще несколько шагов, потом еще несколько, как вдруг огромное животное повернуло голову, чтоб полить себе бока, и заметило девочку. Оно тотчас же направилось к ребенку.

Нель страшно испугалась. Но спастись было уже некогда, и, протянув животному ручку с бегониями, она проговорила дрожащим голосом:

– Здравствуй, милый слон. Я знаю, что ты не сделаешь мне ничего плохого, вот я и пришла, чтоб с тобой поздороваться... Но у меня только вот эти цветочки...

Колосс подошел поближе, протянул вперед свой хобот, взял из пальчиков Нель пучок бегоний, но, положив его в рот, тотчас же выбросил на землю, так как, по-видимому, ни цветы, ни их волосатые листья ему не понравились. Нель увидела над собой вдруг хобот, то извивавшийся, точно огромная черная змея, то вытягивавшийся вперед. Вот он коснулся одной ее ручки, потом другой, дотронулся до ее плечиков и в конце концов, опустившись вниз, стал медленно раскачиваться из стороны в сторону.

– Ну, вот, я знала, что ты мне не сделаешь ничего плохого, – повторила еще раз девочка, хотя страх все еще не покидал ее.

Слон откинул назад свои огромные уши, то свивая, то развивая свой хобот и издавая радостные, булькающие звуки, как он делал всегда, когда девочка приходила к краю ущелья.

И как когда-то Стась со львом, так теперь эти два существа стояли друг против друга: он, огромный, похожий на дом или скалу, и она, маленькая девочка, которую он мог раздавить одним движением, даже не по злобе, а просто по неосторожности.

Но доброе и умное животное не делало никаких ни сердитых, ни неосторожных движений и было, по-видимому, крайне радо приходу своей маленькой гостьи.

Нель мало-помалу оправилась от страха и подняла, наконец, глаза кверху. Глядя на слона так, точно она смотрела на высокую крышу, она спросила, нерешительно протягивая ручку:

– Можно погладить твой хобот?

Слон не понимал, конечно, по-английски, но по движению ее руки он сразу сообразил, чего она хочет, и подставил прямо к ее ладоням конец своего длинного, в два метра, носа.

Нель стала гладить хобот, сначала осторожно, одной ладонью, потом двумя и, наконец, обхватила его обеими ручонками и прижалась к нему со всей детской доверчивостью.

Слон переступал с ноги на ногу и все время издавал от радости булькающие звуки.

Немного спустя он обвил хоботом крошечную фигурку девочки и, подняв ее кверху, начал легонько покачивать ее из стороны в сторону.

– Еще! Еще! – кричала Нель, которой это очень понравилось.

Эта забава продолжалась довольно долго, пока, наконец, девочка, совершенно избавившись от страха, придумала другую. Очутившись на земле, она попробовала было вскарабкаться по передней ноге слона вверх, как по дереву. Потом она стала играть с ним в прятки, скрываясь под живот и заставляя его находить ее. Но при этой игре она заметила, что в передних, а особенно в задних ногах слона торчит множество колючек, от которых огромное животное не могло само избавиться, во-первых, потому, что не могло добраться хоботом до задних ног, а во-вторых, потому, что боялось, по-видимому, исцарапать очень нежный кончик этого хобота, без которого оно потеряло бы всю свою ловкость и чувствительность. Нель совсем не знала, что подобные колючки, попадая в ноги индийских и африканских слонов, причиняют им страшные страдания. Но ей просто стало жаль доброго великана, и, не задумываясь ни на минуту, она уселась на корточки за его ногой и стала осторожно вынимать одну за другой, – сначала большие, потом маленькие, – не переставая все время щебетать и уверять слона, что она не оставит ни одной. Слон превосходно понял, в чем дело, и, сгибая ноги в коленке, показывал ей, что и в подошвах, между мозолями, покрывающими ступню, тоже торчат колючки, которые причиняют ему еще больше страдания.

Тем временем Стась вернулся с охоты и стал тотчас же расспрашивать Меа, куда ушла маленькая мисс. Получив ответ, что она, наверно, внутри дерева, он собирался было заглянуть в дупло баобаба, как вдруг ему почудилось, будто он

слышит ее голос из глубины ущелья. Не веря собственным ушам, он тотчас же побежал к обрыву и, глянув вниз, так и обомлел от ужаса. Девочка сидела у одной ноги колосса, который стоял, однако, так спокойно, что, если бы не движение хобота и ушей, можно было бы подумать, что он высечен из камня.

– Нель, – закричал Стась.

– Сейчас, сейчас! – весело ответила Нель, увлеченная своим делом.

Мальчик, не имевший обыкновения колебаться перед опасностью, поднял одной рукой вверх ружье, а другую уцепился за иссохший стебель лианы и, обхватив его ногами, в одно мгновение спустился на дно ущелья.

Слон беспокойно зашевелил ушами, но Нель тотчас же поднялась с корточек и, обняв хобот слона, закричала ему:

– Не бойся, слон, это Стась!

Стась сразу увидел, что ей не угрожает опасность; но ноги все еще дрожали под ним, и сердце часто стучало, пока он не пришел в себя и не проговорил сдавленным, полным укоризны и гнева голосом:

– Ах, Нель, как же ты это сделала?!

Нель стала оправдываться, что она не сделала ничего плохого, потому что слон очень добрый и уже совсем ручной. Она хотела только разок посмотреть на него и вернуться, но он удержал ее и начал играть с ней; она рассказала ему, как осторожно он качал ее на своем хоботе, как на качелях, и предложила Стасю, если он хочет, тоже покачаться.

Говоря это, она притронулась одной ручкой к хоботу слона и, потянув его к Стасю, другой ручкой махнула несколько раз вправо и влево, обращаясь к слону:

– Слон, покачай и Стася.

Умное животное опять угадало по ее движениям, что она от него хочет, и Стась, подхваченный за пояс от панталон, в одно мгновение очутился в воздухе. Его сердитое еще лицо так потешно не гармонировало с этим веселым покачиванием, что маленькая «Мзиму» начала хохотать до слез, хлопать в ладоши и кричать как прежде:

– Еще! Еще!

А так как невозможно было сохранить должную солидность и читать нотации, висая на конце хобота у слона, когда он раскачивает тебя, точно на качелях, то в конце концов мальчик тоже начал смеяться. Но немного спустя, когда он заметил, что движения хобота становятся медленнее и что слон собирается поставить его на землю, у него мелькнула новая мысль.

Воспользовавшись минутой, когда он очутился вблизи огромного уха слона, он уцепился за него обеими руками и в одно мгновение вскарабкался на голову животного и уселся верхом на его шее.

– Видишь! – крикнул он сверху Нель. – Пусть он поймет, что должен меня

слушаться.

И он начал хлопать слона ладонью по голове с видом властелина и хозяина.

– Хорошо, – крикнула ему снизу Нель. – А как ты слезешь?

– Пустяки, – ответил Стась.

И, перевесив обе ноги через голову слона, он обхватил ими хобот и слез по нему, как по дереву.

– Вот как слезу.

После этого они оба принялись вынимать оставшиеся колючки из ног слона, который выносил эту операцию с необычайным терпением.

Тем временем начали падать первые капли дождя. Стась решил тотчас же увести Нель в «Краков», но тут встретилось вдруг неожиданное препятствие. Слоны ни за что не хотели расстаться с девочкой и каждый раз, как она обнаруживала намерение уйти, обвивал ее хоботом и тащил к себе. Положение становилось довольно затруднительным, и веселая забава, ввиду упорства животного, могла окончиться плохо. Мальчик не знал, что предпринять, а дождь между тем все усиливался и грозил перейти в ливень. Правда, они оба понемногу отступали к выходу, но очень незаметно, причем слон все время следовал за ними.

В конце концов Стась очутился между ним и Нель и, впери в глаза животного свой пронизывающий взгляд, в то же время обратился потихоньку к Нель:

– Не убегай, но отступай понемногу назад к узкому проходу.

– А ты, Стась? – спросила девочка.

– Отступай понемногу назад, – повторил настойчиво Стась, – а то мне придется застрелить слона.

Эта угроза заставила девочку послушаться; к тому же она успела уже проникнуться таким безграничным доверием к слону, что была вполне уверена, что он ни за что не сделает Стасю ничего плохого.

Мальчик между тем стоял в четырех шагах от великана и не спускал с него глаз.

Так прошло несколько минут. Наступил момент, полный ужаса. Уши слона несколько раз пошевелились, его маленькие глазки как-то странно сверкнули, и хобот вдруг сразу поднялся вверх. Стась почувствовал, что бледнеет.

«Смерть!» – подумал он.

Но колосс неожиданно повернулся к краю ущелья, где обыкновенно видел Нель, и начал трубить так жалобно, как никогда дети не слышали прежде.

Стась спокойно направился к проходу и за скалой нашел Нель, которая не хотела возвращаться без него домой.

Стасю ужасно хотелось сказать ей:

– Вот смотри, что ты наделала! Из-за тебя я чуть не погиб.

Но некогда было заниматься укорами, – дождь превратился в ливень, и надо было спастись как можно скорее. Нель промокла до нитки, несмотря на то что Стась закутал ее в собственную куртку.

Внутри дерева он тотчас приказал негритянке переодеть ее, а сам начал шарить во всех платьях и узлах в надежде, что, может быть, найдет где-нибудь забытую щепотку хинина.

Но он не нашел ничего. Только на самом дне баночки, которую дал ему миссионер в Хартуме, застряло в углублениях немного белого порошка, но так мало, что его могло хватить только на кончик ногтя. Тем не менее Стась решил налить в баночку кипятку и дать Нель выпить хоть этот раствор.

Когда ливень прошел и опять засияло солнце, мальчик вышел, чтоб посмотреть рыбу, которую принес Кали. Негр наловил с полтора десятка штук удочками, сделанными из тонкой проволоки. Рыба была большей частью мелкая, но нашлись среди нее три штуки длиною в целый фут, с серебристыми крапинами, удивительно легкие по весу. Меа, выросшая на берегу Голубого Нила, знала толк в рыбе и заявила, что эту рыбу можно есть, рассказав еще притом, что под вечер она часто выскакивает очень высоко над водой. Когда рыбу стали потрошить, оказалось, что она так легка оттого, что внутри обладает огромным воздушным пузырем. Стась взял один из таких пузырей, величиной с большое яблоко, и понес показать его Нель.

– Смотри-ка, – сказал он ей, – вот что я нашел в рыбе. Из десятка таких пузырей можно бы сделать стекло для нашего окна.

Он указал на верхнее отверстие в дереве. Но потом, подумав немного, прибавил:

– Да и еще кое-что.

– Что еще? – спросила с любопытством Нель.

– Воздушный змей.

– Такой, как ты пускал в Порт-Саиде? Ах, хорошо, сделай, сделай!

– Сделаю. Настраюгаю тоненькие палочки из бамбука и склею раму; а эти пленки возьму вместо бумаги. Они даже лучше будут, чем бумага: во-первых, они легче, а во-вторых, дождь их не размочит. Такой змей полетит ужасно высоко, а если будет сильный ветер, так он может залететь бог знает куда...

Вдруг он хлопнул себя по лбу:

– Какая у меня идея!

– Какая?

– А вот увидишь. Дай только мне лучше сообразить, а потом я тебе скажу. Этот слон так ревет, что не дает даже слова сказать.

Действительно, слон от тоски по Нель, а может быть, и по обоим детям, так

трубил, что все ущелье дрожало вместе с соседними деревьями.

– Надо пойти показаться ему, – заявила Нель, – и тогда он успокоится.

Они пошли к ущелью. Но Стась, весь поглощенный своей мыслью, начал говорить про себя вполголоса:

– «Нелли Роулайсон и Станислав Тарковский из Порт-Саида, убежав из Фашоды от дервишей, находятся...»

И, остановившись, спросил:

– А как обозначить – где?..

– Что ты говоришь, Стась?

– Ничего, ничего! Я уже знаю: «Находятся на расстоянии месяца пути к западу от Голубого Нила и просят поскорее прийти им на помощь...» Когда ветер будет дуть на север или на запад, я пушу двадцать таких змеев, пятьдесят, сто, а ты, Нель, поможешь мне их клеить.

– Этих змеев?

– Да. И я тебе скажу, что они могут сослужить нам лучшую службу, чем целый десяток слонов.

Они подошли к обрыву. Трудно вообразить себе, как обрадовался слон: он переступал с ноги на ногу, покачивался, махал ушами, издавал радостные звуки, а когда Нель пыталась хоть на минутку отойти, он жалобно трубил. В конце концов девочка начала объяснять «милому слону», что она не может сидеть все время возле него, потому что ей нужно спать, есть, работать и хозяйничать в «Кракове». Животное успокоилось только тогда, когда она столкнула ему вилами корм, приготовленный еще раньше Кали; но вечером все-таки оно начало опять трубить.

В тот же вечер дети назвали его Кингом, так как Нель уверяла, что до того, как попасться в ущелье, он, наверно, был царем всех слонов в Африке.

XXIX

В течение нескольких дней Нель проводила все время, когда не шел дождь, у Кинга, который не протестовал больше, когда она уходила, убедившись, что девочка возвращается к нему по нескольку раз в день. Кали, который вообще боялся слонов, смотрел на это с большим недоумением, но в конце концов решил, что могучее «доброе Мзиму» околдовало великана, и начал и сам тоже навещать его. Кинг относился к нему, как и к Меа, благодушно, но только одна Нель делала с ним, что хотела, так что неделю спустя решила даже привести к нему и Саба. Для Стася это было огромное облегчение, так как он мог с полным спокойствием оставлять Нель под защитой слона и без всяких опасений уходить на охоту, а иногда даже брать с собой Кали. Он был к тому же вполне уверен, что славное животное ни за что не оставило бы их теперь, и начал обдумывать план, как бы освободить его из западни.

Собственно говоря, способ он нашел уже давно. Но этот способ требовал такой жертвы, что он долго боролся с мыслью, использовать ли его или нет, и каждый раз откладывал на следующий день. Ему не с кем было поговорить об этом, и в конце

концов он решил поделиться своими планами с Нель, хотя и считал ее ребенком.

– Можно взорвать скалу порохом, – заявил он ей, – но для этого придется испортить массу патронов: вытащить из них пули, высыпать порох и сделать из него один большой заряд. Я поищу в скале щелку поглубже, засуну туда этот заряд; потом заткну щель и подожгу. Тогда скала разлетится на куски, и можно будет вывести оттуда Кинга.

– А если выстрел будет очень громкий, то он еще испугается.

– Ну и пусть пугается! – возразил Стась. – Стану я еще об этом думать. С тобой, право, совсем не стоит говорить о серьезных вещах.

Тем не менее он продолжал говорить или, вернее, думать вслух:

– Но если взять слишком мало патронов, скала еще, пожалуй, не разлетится, и патроны пропадут даром; а если взять сколько нужно, тогда у нас их останется очень мало. А если у нас их не хватит до конца пути, тогда нам грозит верная смерть. Чем я тогда буду охотиться или чем буду защищаться, если кто-нибудь на нас нападет? Ты ведь сама знаешь, что если бы не это ружье и эти патроны, мы давно бы уже погибли или от руки Гебра, или с голоду. Хорошо еще, что у нас есть лошади, а то как бы мы сами несли все эти вещи и патроны вдобавок.

В ответ на это Нель подняла кверху пальчик и заявила не допускающим возражения тоном:

– Если я скажу Кингу, то он все понесет.

– Патронов-то он много не понесет, потому что их много и не останется.

– Зато он нас будет защищать.

– Но не будет же он стрелять своим хоботом в дичь, как я стреляю из штуцера.

– Тогда мы будем есть фиги и эти большие дыни, что растут на деревьях, а Кали всегда нам наловит достаточно рыбы.

– Пока мы у реки. Дождливую пору здесь придется переждать, а то в такие ливни ты, наверно, схватила бы лихорадку. Но не забудь, что потом мы тронемся дальше и можем попасть опять в пустыню.

– Такую, как Сахара? – спросила с испугом Нель.

– Нет, но все же такую, где нет ни рек, ни плодовых деревьев, а растут только низкие акации и мимозы. Там можно жить только тем, что дает охота. Кинг найдет там траву, а я – антилоп, но если мне нечем будет стрелять, то Кинг мне их не наловит.

Стасю действительно было о чем теперь беспокоиться. Слон так привык к ним и так с ними подружился, что оставить его и обречь на голодную смерть было невозможно; освободить же его – значило лишиться значительной части патронов и рисковать жизнью.

Стась откладывал поэтому исполнение своего плана со дня на день, мысленно

повторяя про себя:

«Может быть, завтра придумаю какой-нибудь другой способ».

К этой заботе прибавились еще и другие. Однажды Кали страшно искушали в низовьях реки дикие пчелы, к которым завела его известная в Африке небольшая зеленовато-серая птичка, называемая пчеловодом. Чернокожий поленился как следует подкурить их, и в результате вернулся, правда, с медом, но весь изжаленный и распухший, так что через час после прихода впал даже в беспамятство. «Доброе Мзиму» с помощью Меа вытаскивало до самого вечера из его тела пчелиные жала, а потом обкладывало его землей, которую Стась поливал водой. К утру тем не менее казалось, что бедный негр испускает последний дух. К счастью, однако, уход и его сильный организм превозмогли опасность, но вполне выздоровел он все-таки только дней через десять.

Другая беда постигла лошадей. Пока Кали был болен, Стасю самому приходилось стреноживать их на ночь и водить на водопой. Однажды он заметил, что они начали страшно худеть. Нельзя было объяснить этого недостатком корма, потому что благодаря дождям трава выросла очень высокая и сочная. И все же лошади чахли у мальчика на глазах. По прошествии всего нескольких дней шерсть на них свалилась, глаза потускнели, а из ноздрей начала течь густая слизь. В конце концов они перестали есть и только пили с жадностью, точно их мучила лихорадка. Когда Кали выздоровел, они уже представляли собою лишь два скелета. Взглянув на них, негр сразу сообразил, что случилось.

– Цеце! – сказал он, обращаясь к Стасю. – Они должны умереть.

Стась уже и сам понял это, так как слышал много раз еще в Порт-Саиде об африканской мухе, называемой цеце, которая является таким страшным бичом для некоторых местностей, что там, где она живет всегда, негры совершенно не держат скота, а там, где благоприятные обстоятельства позволяют ей неожиданно размножиться, скот погибает. Лошадь, вол или осел, ужаленный мухой цеце, чахнет и издыхает в течение нескольких дней. Местные животные сами понимают опасность, какую она им угрожает, и иногда случается, что целые стада быков, заслышав у водопоя ее жужжание, разбегаются, охваченные паническим страхом, во все стороны.

Лошади Стася были укушены этой мухой. Кали натирал их и осла каждый день каким-то растением с ужасно сильным запахом, напоминавшим запах лука, которое он выискал в степи. Он говорил, что запах его отгоняет цеце, но, несмотря на это противоядие, лошади худели с каждым днем. Стась со страхом думал о том, что будет, если все животные падут. Как взять тогда с собой вещи, Нель, войлок, палатку, патроны и утварь? Всего этого добра было так много, что разве только Кингу было бы под силу нести его. Но чтоб освободить Кинга, надо было пожертвовать, по крайней мере, двумя третями патронов.

Над головой Стася скоплялось все больше забот, точь-в-точь как те тучи, которые не переставали поить степь дождем. А в конце концов на него обрушилось самое большое бедствие, перед которым все остальные показались ничтожными, – лихорадка.

XXX

Однажды за ужином Нель поднесла ко рту кусочек копченого мяса и вдруг отстранила его, как будто с отвращением, и проговорила:

– Я не могу сегодня есть.

Стась, узнавший перед тем от Кали, где находятся пчелы, и подкуривавший их теперь каждый день, чтоб добывать у них мед, был уверен, что девочка наелась слишком много меду, и потому не обратил внимания на отсутствие у нее аппетита. Но немного спустя она встала и начала ходить быстрыми шагами вокруг очага, описывая круги все больше и больше.

– Не уходи только слишком далеко, – крикнул ей мальчик, – а то еще тебя кто-нибудь схватит.

На самом деле он ничего не опасался, так как близость слона, которую дикие звери чувствовали издалека, и его громкий рев, достигавший их чутких ушей, заставляли их держаться в почтительном отдалении. Это обеспечивало безопасность и людям и лошадям, потому что даже самые страшные степные хищники, – лев, пантера и леопард, – предпочитают не иметь дела со слоном и не подходить слишком близко к его бивням и хоботу. Девочка между тем не переставала ходить кругом все быстрее и быстрее. Стась встал и пошел за нею.

– Эй ты, ночная бабочка, что ты так летаешь вокруг огня? – спросил он.

Вопрос его звучал еще весело, но в душе у него уже зародилось беспокойство, которое возросло еще больше, когда Нель ответила:

– Сама не знаю. Не сидится мне что-то на месте.

– Что с тобой?

– Нехорошо мне что-то и как-то так странно...

И вдруг она прижалась головкой к его груди и, точно сознаваясь в каком-то преступлении, проговорила виноватым, дрожащим от слез голосом:

– Стась, я, кажется, больна.

– Нель!

Стась приложил ладонь к ее лбу: он был сух и в то же время холоден как лед. Он схватил ее на руки и понес к огню.

– Тебе холодно? – спросил он по дороге.

– И холодно и жарко, только больше холодно...

Зубки у нее стучали друг о дружку, а все тело трясла не переставая дрожь. У Стася не было никакого сомнения, что у нее лихорадка.

Он приказал Меа тотчас отвести ее в дерево, раздеть и уложить, а затем укрыл ее, чем мог, вспоминая, что в Хартуме и Фашоде он видел, как больных лихорадкой покрывали овечьими шкурами, чтоб они пропотели. Он решил просидеть возле Нель всю ночь и давать ей пить кипяток с медом. Но ей сначала не хотелось пить. При свете подвешенного у верхнего окошка ночника Стась увидел, как дико блестели у нее зрачки глаз. Немного спустя она начала жаловаться на жар, а сама в то же время вся тряслась под наваленными на нее войлоком и пледом. Руки и лоб у нее

оставались холодными; но если бы Стась был хоть сколько-нибудь знаком с симптомами лихорадки, он понял бы по ее крайне беспокойным движениям, что у нее должна быть страшно высокая температура. Он с ужасом заметил, что когда Меа входила с кипятком, девочка смотрела на нее как бы с удивлением и даже страхом и, казалось, не узнавала ее. С ним она все-таки говорила сознательно. Она настойчиво повторяла ему, что не может улежать, и просила, чтоб он позволил ей встать и побегать как прежде; или спрашивала у него, не сердится ли он на нее за то, что она заболела; а когда он уверял ее, что нет, она сжимала ресницами слезы, подступавшие к глазам, и уверяла, что завтра будет совершенно здорова.

В этот вечер, или, вернее, в эту ночь слон был как-то странно беспокоен и все время ревел, что заставляло, в свою очередь, лаять Саба. Стась заметил, что это раздражает больную, и вышел из дерева, чтоб успокоить их. Саба скоро послушался его, но слону было труднее приказать молчать. Он взял несколько дынь, чтоб сбросить ему и заткнуть ему хоть на время глотку. Возвращаясь, он увидел при свете огня Кали, который шел с куском копченого мяса на плече в сторону реки.

– Что ты там делаешь и куда идешь? – спросил Стась у негра.

Чернокожий остановился и, когда Стась подошел к нему, проговорил с таинственным выражением:

– Кали идти под другое дерево положить мясо злему Мзиму.

– Зачем?

– Чтоб злое Мзиму не убить доброе Мзиму.

Стась хотел что-то ответить негру, но вдруг ему стало страшно больно и тоскливо, и он только стиснул зубы и отошел, ничего не сказав.

Когда он вернулся в жилище, Нель лежала с закрытыми глазами. Руки, которые она держала поверх войлока, правда, сильно дрожали, но все-таки казалось, что она засыпает. Стась сел возле нее, боясь разбудить, и сидел так сначала без движения. Меа, сидевшая по другую сторону, то и дело поправляла торчавшие в ушах кусочки слоновой кости, чтоб не заснуть. Стало совсем тихо; только с низовьев реки, со стороны низины, доносилось унылое кваканье лягушек и жаб.

Вдруг Нель присела на постели.

– Стась!

– Я здесь, Нель.

Нель, вся дрожа как осиновый лист, стала искать его руку, торопливо повторяя:

– Я боюсь! Я боюсь! Дай мне руку!

– Не бойся, я с тобой.

Он схватил ее ладонь, которая на этот раз горела как в огне. Сам не зная, что ему делать, он начал покрывать ее бледную исхудалую ручонку поцелуями.

– Не бойся, Нель, не бойся!

Он дал ей напиться воды с медом, которая успела уже остыть. Нель стала пить с жадностью и удерживала его руку, когда он пробовал отнять кувшин от ее рта. Холодный напиток, казалось, успокаивал ее.

Наступило молчание. Но не прошло и получаса, как Нель снова села на кровати. В ее расширенных зрачках отражался страшный испуг.

– Стась!

– Что, милая?

– Почему, – спросила она прерывающимся голосом, – почему Гебр и Хамис ходят вокруг дерева и заглядывают сюда ко мне?

Стасю в одно мгновение показалось, будто по телу его пробежали тысячи мурашек.

– Что ты говоришь? – произнес он. – Здесь никого нет! Это Кали ходит вокруг дерева.

Но Нель глядела в темное отверстие и, вся дрожа, продолжала:

– И бедуины тоже! Почему ты их убил?

Стась обнял ее и прижал к себе.

– Ты ведь знаешь почему! Не смотри туда! Не думай об этом. Это было уже давно...

– Сегодня! Сегодня!

– Нет, Нель, давно!..

Да, это было давно, но вернулось, как волна, ударившись о берег, и наполнило снова ужасом мысль больного ребенка.

Все слова успокоения оказывались напрасными. Глаза Нель расширялись все больше и больше. Сердце стучало так сильно, что казалось, вот-вот разорвется. Потом она начала метаться, как рыба, вынутая из воды, и это продолжалось почти до самого утра. Лишь под утро силы ее совсем истощились, и головка бессильно упала на подушку.

– Нехорошо мне! Нехорошо мне! – повторяла она. – Стась, я лечу куда-то вниз.

Она закрыла глаза.

В первое мгновение Стась страшно испугался; он подумал, что она умерла. Но это был только конец первого приступа страшной африканской лихорадки, которую считают губельной. Два приступа ее могут выдержать только люди сильные и здоровые, третьего не выдержал еще никто. Об этом часто рассказывали в Порт-Саиде, в доме мистера Роулайсона, путешественники, а еще чаще возвращающиеся в Европу католические миссионеры. Второй приступ наступал обыкновенно через несколько дней, а третий, если не наступал в течение двух недель, – не был смертелен, так как являлся опять, как первый, при новом рецидиве болезни.

Стась знал, что единственное лекарство, которое могло прервать болезнь или отдалить друг от друга ее приступы, были большие дозы хинина. Но у него не было ни одного грамма.

Заметив, однако, что Нель дышит, он немного успокоился. Солнце между тем выплыло из-за скал ущелья, и настал день. Слон требовал опять завтрака, а со стороны низины, образуемой рекой, послышались крики водяных птиц. Желая настрелять немного дичи, чтоб сварить бульон для Нель, мальчик взял ружье и пошел вдоль реки к группе высоких кустов, где птицы часто прятались на ночь. Но от бессонной ночи и забот о больной девочке он был так рассеян, что целая стая птиц пронеслась у него под самым носом, не замеченная им.

По дороге он встретил Кали, который шел посмотреть, съело ли злое Мзиму принесенное ему вчера мясо. Молодой негр, любя маленькую мисс, молился за нее, как умел, в своей простоте. Он говорил злому Мзиму, что если Дочь Месяца выздоровеет, то он каждый день будет приносить ему по куску мяса; если же она умрет, то, хотя он боится его и хотя знает, что после этого он погибнет, но раньше так отлупит его, что злое Мзиму запомнит его навсегда. Вернулся он, однако, с хорошей надеждой, так как положенное накануне мясо исчезло. Его мог, конечно, унести какой-нибудь шакал, но ведь и Мзиму могло принять вид шакала.

Кали сообщил об этом благоприятном исходе Стасю, но тот посмотрел на него, как бы не понимая, что тот говорит, и пошел дальше. Миновав кусты, где он не нашел дичи, он подошел к реке. Берега ее заросли высокими деревьями, с ветвей которых свешивались, точно длинные чулки, гнезда ремезов, красивых желтых птичек с черными крылышками, и гнезда ос, похожие на крупные розы, но только цвета серой простой бумаги. В одном месте река образовала широкий разлив, частью заросший папирусом. На этом разливе всегда водилась всякая водяная птица. Там были аисты, такие же, как у нас, в Европе; были и другие аисты, с большим толстым клювом, загнутым на конце книзу; были черные, как бархат, птицы, с ногами красными, как кровь; были фламинго и ибисы, и белые с розовыми крыльями уполовники с клювами, похожими на ложки; там водились журавли с коронами на головах и множество куликов, пестрых и серых, как мыши, бегавших взад и вперед, точно крошечные лесные духи, на длинных, тонких, как соломинки, ножках.

Стась убил двух уток красивого коричневатого цвета и, топчя ногами трупки белых бабочек, которые тысячами устилали берег, посмотрел сначала хорошенько, нет ли на мели крокодилов, и пошел вброд за добычей. Выстрел, конечно, спугнул остальную птицу; остались только два стоявших поодаль и задумчиво глядевших в воду марабу, похожих на двух стариков с лысыми головами на коротких шеях. Они даже не шелохнулись. Мальчик посмотрел с минуту на отвратительные мясистые мешки, свешивавшиеся у них на груди, а потом, заметив, что вокруг его головы снует слишком много ос, повернул назад к жилью.

Нель еще спала. Отдав Меа уток, Стась тоже бросился на войлок и тотчас же заснул крепким сном. Оба они проснулись только после полудня, – он немного раньше, Нель позже. Девочка чувствовала себя немного бодрее, а когда густой, крепкий бульон еще больше подкрепил ее силы, она встала и вышла на воздух, чтоб посмотреть на Кинга и на солнце.

Но только теперь, при дневном свете, можно была ясно увидеть, как изнурила ее эта одна ночь лихорадки. Лицо у нее было желтое и прозрачное, губы почти черные, под глазами были синяки, зрачки же глаз казались бледнее, чем всегда. Оказалось

также, что, несмотря на ее уверения, будто она чувствует себя довольно крепкой, и, несмотря на большую кружку бульона, которую она выпила, как только проснулась, она едва могла пройти одна до ущелья. Стась с ужасом думал о новом приступе и о том, что у него нет ни лекарств, ни каких-либо средств, которыми он мог бы предупредить его.

Дождь между тем кропил землю по нескольку раз в день, и воздух кругом все время был пропитан влагой.

XXXI

Начались тяжелые, полные страха дни ожидания. Второй приступ наступил лишь через неделю и был не так силен, как первый, но Нель почувствовала себя после него еще слабее. Она похудела и осунулась до того, что была похожа на тень. Огонек жизни тлел в ней так слабо, что, казалось, достаточно дунуть, чтоб его погасить. Для Стася было ясно, что смерти не придется ждать третьего припадка, чтоб взять ее, и он ожидал ее каждый день, каждый час.

Сам он тоже похудел и почернел; горе и заботы были выше его сил, выше его детского ума. Глядя на восковое личико девочки, он мысленно повторял каждый день: «И зачем я берег ее как зеницу ока, чтоб похоронить здесь в степи». И он никак не мог понять, почему это, почему это так должно быть. Иногда он, напротив, упрекал себя за то, что еще недостаточно берег ее, что был к ней недостаточно добр, и тогда ему становилось так грустно и стыдно, что хотелось кусать пальцы. Горе было слишком велико для него.

Нель между тем спала теперь все время, и, может быть, это и поддерживало ее жизнь. Стась будил ее все-таки несколько раз в день, чтоб покормить. Если не шел дождь, она каждый раз просила его, чтоб он выносил ее на воздух, потому что сама она не могла уже держаться на ногах. Случалось, однако, что она засыпала даже у него на руках. Она знала, что она очень больна и что может каждый день умереть. Когда она была в силах, она говорила об этом со Стасем и при этом всегда плакала, потому что боялась смерти.

– Я не вернусь больше к папочке, – сказала она ему однажды. – Но ты скажи ему, что мне было очень грустно... И попроси его, чтоб он приехал ко мне сюда...

– Ты вернешься, – возразил Стась.

Больше ничего он не мог произнести, потому что чуть сам не закричал от муки.

Нель продолжала чуть слышно, слабеньким голосом:

– Папочка приедет, и ты приедешь когда-нибудь... Не правда ли?

При этой мысли улыбка озарила ее худенькое личико, но через минуту она опять повторила, еще тише:

– Но мне так жалко...

С этими словами она склонила головку на его плечо и начала плакать. Стась, преодолевая собственные страдания, прижал ее к груди и сказал с жаром:

– Нель, я без тебя не вернусь. И... и я сам не знаю, что я буду делать без тебя на свете.

Наступило молчание, во время которого Нель опять уснула. Стась отнес ее в жилище. Но не успел он выйти оттуда, как с верхушки скалистого мыса прибежал Кали и, размахивая руками, стал кричать с возбужденным и испуганным лицом:

– Великий Господин! Великий Господин!

– Что тебе? – спросил Стась.

Негр протянул вперед руку и, указывая на юг, проговорил:

– Дым!

Стась приставил ладонь ко лбу и, направив взгляд в указываемом направлении, увидел действительно при красноватом свете низко стоявшего уже солнца полосу дыма, поднимавшегося далеко в степи, между верхушками отдаленных, довольно высоких холмов.

Кали весь дрожал, так как хорошо помнил страшные дни неволи у дервишей и был уверен, что это – их становище. Стась тоже подумал, что это должен быть не кто иной, как Смаин. И в первую минуту он страшно испугался. Этого только еще недоставало! Нель при смерти, а тут еще дервиши! Опять плен, опять возвращение в Фашоду или в Хартум, под власть Махди или под кнут Абдуллагги. Если их поймают, Нель умрет в первый же день, а он останется на всю жизнь невольником. А если даже ему удастся когда-нибудь убежать, то что для него жизнь, что для него свобода без Нель? Как он взглянет в глаза отцу или мистеру Роулайсону, если дервиши бросят ее после смерти гиенам, а он не сможет даже сказать, где находится ее могила?

Эти мысли пронеслись с быстротой молнии в его голове. Ему вдруг захотелось непременно посмотреть на Нель, и он направился к баобабу. По пути он приказал Кали погасить огонь и не зажигать его ночью, а сам вошел внутрь дерева.

Нель не спала и чувствовала себя лучше. Когда Стась вошел, она тотчас же поспешила сообщить ему об этом. Саба лежал возле нее и грел ее своим огромным телом, а она гладила его легонько по голове и смеялась, когда он ловил пастью крошечные пылинки, кружившиеся в полосе света, образуемой в дереве последними лучами заходящего солнца. Она была, по-видимому, значительно бодрее, так как через минуту заявила Стасю с довольно веселой гримаской:

– А может быть, я не умру?

– Наверняка не умрешь, – ответил Стась. – Раз ты чувствуешь себя после второго приступа сильнее, тогда третьего и совсем не будет.

Нель начала моргать глазами, точно обдумывая что-то, и проговорила:

– Если бы у меня был тот горький порошок, который так помог мне после той ночи со львами, – помнишь, – тогда я и не подумала бы умирать, – вот столько бы не подумала.

И она показала на пальчике, как мало она была готова в ту минуту умирать.

– Ах, – печально воскликнул Стась, – я отдал бы не знаю что за крошечную щепотку

хинина.

И он подумал, что если бы у него было достаточно этого лекарства, он дал бы Нель целых два порошка сразу; а потом закрыл бы ее пледом, посадил ее перед собой верхом, – и тотчас же тронулся бы в сторону, противоположную той, где находилось становище дервишей.

Солнце между тем закатилось, и степь погрузилась сразу в темноту.

Девочка поболтала еще с полчаса и уснула. Стась же продолжал думать о дервишах и хинине. Измученный заботами, но необычайно находчивый, его ум начал работать и создавать планы один смелее другого. Прежде всего он задумался над тем, непременно ли этот дым в южной стороне должен исходить от становища Смаина. Это могли быть, конечно, дервиши, но могли быть и арабы с берегов океана, предпринимавшие большие путешествия в глубь материка за слоновой костью и невольниками. Они не имели ничего общего с дервишами, которые только мешали их торговле. Это мог быть также лагерь абиссинцев или какая-нибудь горная негритянская деревушка, куда охотники на людей еще не успели добраться. Не худо было бы все это проверить.

Арабы из Занзибара, из окрестностей Багамойо, из Витту, из Момбасы и вообще с берегов океана находились в постоянном соприкосновении с белыми, так что кто знает, может быть, за большую награду они согласились бы даже отвезти их в какую-нибудь из ближайших гаваней. Стась отлично знал, что может пообещать такую награду и что его обещанию поверят. Кроме того, ему пришла в голову еще другая мысль, которая глубоко взволновала его. Он видел, что в Хартуме много дервишей, особенно из Нубии, болели лихорадкой почти так же, как белые, и лечились хинином, который отбирали у европейцев или покупали его на вес золота у греков или коптов. Можно было надеяться, что у арабов с океана это лекарство будет наверное.

«Пойду, – решил Стась, – пойду ради Нель».

И, обдумывая все больше и больше положение, он решил в конце концов, что если бы это был даже отряд Смаина, то и тогда нужно было бы все-таки пойти. Он сообразил, что, ввиду полного прекращения сношений между Египтом и Суданом, Смаин, наверно, ничего не знает о похищении их из Файюма. Фатьма не могла с ним списаться раньше, и, следовательно, это похищение было ее личным замыслом, исполненным при содействии Хамиса, сына Хадиги, Идриса, Гебра и обоих бедуинов.

Смаин не мог интересоваться этими людьми хотя бы уже потому, что знал из них только Хамиса, а про остальных никогда в жизни даже и не слышал. Его интересовали только его дети и Фатьма. Но именно по ним-то он, может быть, успел уже стосковаться и, пожалуй, охотно вернулся бы к ним, особенно если служба у Махди ему уже надоела.

Под начальством Махди он, по-видимому, не добился больших успехов, раз вместо того, чтобы командовать большой армией или управлять какой-нибудь большой областью, ему приходится заниматься ловлей невольников бог знает где, за Фашодой.

«Я скажу ему так, – думал Стась. – Если ты отведешь нас к какой-нибудь гавани на берегу Индийского океана и вернешься с нами в Египет, правительство простит тебе все твои преступления, и ты встретишься с Фатьмой и детьми, и, кроме того,

мистер Роулайсон сделает тебя богатым; если же нет, то ты никогда больше в жизни не увидишь ни Фатьмы, ни детей».

И он был уверен, что Смаин хорошенько подумает, прежде чем отклонить подобное предложение.

Конечно, все это было далеко не безопасно и могло даже оказаться губительным. Но решение Стася могло также явиться якорем спасения и вывести его из африканской бездны. В конце концов Стасю даже стало казаться странным, что возможность встречи со Смаином так испугала его сначала, и так как нужно было предпринять поскорее что-нибудь для спасения Нель, то он решил отправиться в ту же ночь.

Но это легче было решить, чем исполнить. Иное дело сидеть ночью в степи у хорошего костра за колючей изгородью, и совсем иное – отправиться в темноте в высокую, густую траву, где в это время охотятся лев, пантера и леопард, не говоря уже о гиенах и шакалах. Но ему вспомнились слова молодого негра, когда тот отправился искать Саба и, вернувшись с ним, заявил: «Кали бояться, но пойти». Так и он повторил про себя: «Будет страшно, но я все-таки пойду».

Он подождал, однако, пока взошла луна, потому что ночь была очень темная, и только когда степь посеребрилась ее сиянием, он подзвал Кали и сказал ему:

– Кали, возьми Саба с собой в жилие, загороди вход терновником и берегите оба с Меа маленькую мисс как зеницу ока. А я пойду посмотреть, что это там за люди в этом лагере.

– Великий Господин взять с собой Кали и ружье, что убивает злых животных. Кали не остаться!

– Ты останешься! – решительно заявил Стась. – Я запрещаю тебе идти со мной.

Он помолчал с минуту, а потом промолвил немного подавленным голосом:

– Кали, ты верный и находчивый слуга. Я надеюсь, ты исполнишь то, что я тебе скажу. Если я не вернусь, а маленькая мисс умрет, тогда оставь ее внутри дерева, а вокруг него устрой высокую зерибу. Если же я не вернусь, а мисс не умрет, то относись к ней с почетом и служи ей верно, а потом отведи ее к своему племени и скажи воинам ва-хима, чтоб они шли с нею все время на восток вплоть до великого моря... Там ты встретишь белых людей, которые дадут вам много ружей, пороха, бус, проволоки и столько ситца, сколько вы можете унести. Ты понял?

Молодой негр бросился на колени, обхватил его ноги и начал жалобно повторять:

– О, Бвана Кубва вернуться, вернуться, вернуться!

Стася тронула привязанность чернокожего. Он наклонился и, положив руку ему на голову, нежно простился с ним.

Оставшись один, он подумал еще немного, не взять ли ему с собой осла. Это было безопасней, потому что львы в Африке, как и тигры в Индии, при встрече с человеком, едущим на лошади или на осле, бросаются всегда на животное, а не на человека. «Но кто же будет тогда носить палатку Нель, – подумал он, – и на чем она сама поедет?» Это соображение заставило его тотчас же отказаться от мысли взять осла, и он направился в степь пешком.

Месяц был уже довольно высоко на небе, и было значительно светлее. Тем не менее трудности пути дали знать себя тотчас же, как только мальчик погрузился в море травы, успевшей вырасти так высоко, что человек даже верхом на лошади мог бы легко в ней спрятаться. Даже днем там нельзя было разглядеть ничего на расстоянии шага, а уж ночью и подавно, когда месяц освещал только верхушки стеблей, а внизу все было погружено в глубокую тьму. При таких условиях очень легко было заблудиться или начать бродить вокруг одного места вместо того, чтоб двигаться вперед. Стасю придавала, однако, бодрости мысль, что лагерь, к которому он шел, находился от мыса на расстоянии самое большее трех-четырёх английских миль, а во-вторых, дым показался между верхушками двух высоких холмов. Если не терять их из виду, можно было все время держаться верного пути. Но трава, мимозы и акации заслоняли все кругом. К счастью, на расстоянии нескольких десятков шагов друг от друга подымались постройки термитов, вышиной иногда в несколько футов. Стась осторожно ставил ружье у подножия такого сооружения, вскарабкивался на его верхушку и, заметив очертания холмов на темном фоне неба, слезал и шел дальше.

Его охватывал только страх при мысли, что будет, если тучи заволокут луну и небо, потому что тогда он очутился бы точно в подземелье. Но не одна эта опасность угрожала ему. Ночью, когда в тишине слышен каждый звук, каждый шаг, чуть не каждый шорох насекомого, ползущего по траве, степь способна наполнить трепетом всякого. Страх и ужас царят над ней. Стасю приходилось ко всему прислушиваться, озираться во все стороны, напрягать не только слух и зрение, но даже обоняние; голова у него была точно на шарнирах, а ружье готово каждую секунду к выстрелу. Ему поминутно казалось, что вот кто-то приближается, подкрадывается, притаился где-то вблизи. То и дело он слышал шелест раздвигающихся трав и быстрый топот убегающих животных. Он догадывался, что это вспугнутые им же антилопы, которые, несмотря на расставленные ими дозоры, спят очень чутко, зная, что не один страшный желто-серый хищник охотится в эту пору в темноте. Но вот что-то большое чернеет под зонтикообразной акацией. Может быть, это – скала, а может быть, носорог или буйвол, который, почуяв человека, очнется от сна и сразу бросится на него. Вон там, за черным кустом, видны две блестящие точки. Эй! Целься! Это – лев! Нет!.. Напрасная тревога. Это – светлячки... Вот один огонек подымается вверх и несется над травой, точно падающая звезда.

Стась то и дело влезал на холмы термитов не только, чтоб посмотреть, держится ли верного направления, но и просто затем, чтоб вытереть облитый холодным потом лоб, перевести свободно дух и подождать, пока успокоится быстро стучащее сердце. Притом он был так утомлен, что едва держался на ногах.

Но все-таки он продолжал идти вперед, все время помня, что это нужно для спасения Нель. После двух часов пути он почувствовал, что почва под ногами у него густо усеяна камнями; трава там была ниже, и кругом было значительно виднее. Очертания двух высоких холмов казались такими же далекими, как и прежде, но зато вблизи тянулась цепь скал, за которою виднелась другая, немного выше; обе цепи окаймляли, по-видимому, какую-то долину или ущелье, похожее на то, в котором был заперт Кинг.

Вдруг, шагах в трехстах или четырехстах справа, он заметил на скалистой стене розоватый отблеск огня.

Он остановился. Сердце опять начало стучать у него так, что он почти слышал его удары в ночной тишине. Кого он увидит там внизу? Арабов с восточного побережья?

Дервишей Смаина или диких негров, которые, покинув родные села, спасаются от дервишей в неприступные горные заросли? Найдет ли он там смерть, или неволю, или спасение для Нель?

Надо было узнать это. Возвращаться он уже не мог и не хотел. Немного подождав, он начал крадучись приближаться к огню, стараясь не производить шума и сдерживая дыхание в груди. Пройдя так около ста шагов, он услышал вдруг со стороны степи фыркание лошадей и опять остановился. При лунном свете он насчитал их пять штук. Для дервишей это было мало, но он подумал, что остальные, может быть, не видны в высокой траве. Его удивило только, что при лошадях нет никакой стражи и что сторожа не жгут на горе огней, чтоб не подпускать близко диких зверей. Во всяком случае, он был очень рад этому, так как это позволяло ему подвигаться, никем не замеченным, дальше.

Отблеск огня на скалах становился все яснее. Не прошло и четверти часа, как Стась очутился против скалы, особенно ярко освещенной огнем, что указывало на то, что костер горит у ее подножия.

Стась ползком добрался до края обрыва и заглянул вниз.

Первым предметом, который поразил его взор, была большая белая палатка; перед ней стояла полотняная походная кровать, а на ней лежал человек, одетый в белое европейское платье.

Маленький негртенок, лет двенадцати, подкладывал сухое топливо в огонь, который освещал соседнюю скалу и два ряда негров, спавших у ее подножия, по обеим сторонам палатки.

Стась в одно мгновение спустился по склону скалы на дно ущелья.

XXXII

Несколько минут Стась не мог от усталости и волнения вымолвить ни слова и стоял, тяжело дыша, перед лежавшим на кровати человеком, который тоже молчал и смотрел на него с изумлением, не понимая и даже как будто не видя ничего перед собой.

Немного погодя он крикнул:

– Насибу, ты здесь?

– Я здесь, господин, – ответил маленький негртенок.

– Ты видишь кого-нибудь? Кто-нибудь передо мною стоит?

Но прежде чем черный мальчик успел ответить, к Стасю вернулся дар речи.

– Меня зовут Станислав Тарковский, – проговорил он. – Мы убежали с маленькой мисс Роулайсон из плена у дервишей и скрываемся в степи. Но Нель очень больна; я умоляю вас помочь ей.

Незнакомец посмотрел еще с минуту, моргая глазами, и наконец провел рукой по лбу.

– Я не только вижу, но и слышу, – проговорил он про себя. – Так это не обман чувств!.. Что? Помощь? Я сам нуждаюсь в помощи. Я ранен.

Вдруг он точно стряхнул с себя сонный туман, посмотрел более сознательным взглядом и с блеском радости в глазах проговорил:

– Бедный мальчик! Я вижу еще белого!.. Здравствуй, кто бы ты ни был. Ты говоришь о какой-то больной? Чего же ты просишь у меня?

Стась повторил, что больная Нель – маленькая дочь мистера Роулайсона, одного из директоров канала, что у нее уже было два приступа лихорадки и она должна умереть, если у него не будет хинина, чтоб предупредить третий.

– Два приступа... это плохо! – ответил незнакомец. – Но хинина я могу тебе дать сколько хочешь. У меня есть несколько баночек, которые мне больше ни на что не пригодятся.

С этими словами он приказал маленькому Насибу подать большую жестяную коробку, которая служила, по-видимому, дорожной аптечкой, достал из нее две большие баночки, наполненные белым порошком, и отдал их Стасю:

– Вот половина того, что у меня есть. Этого хватит почти на год...

Стась был готов кричать от радости. Он начал благодарить незнакомца с таким жаром, точно благодарил его за спасение собственной жизни.

Незнакомец несколько раз кивнул головой и сказал ему в ответ:

– Хорошо, хорошо. Меня зовут Линде; я – швейцарец, из Цюриха... Два дня тому назад со мной случилось несчастье: меня тяжело ранил кабан.

Он повернул голову к черному мальчику.

– Насибу, набей мне трубку, – приказал он ему. А потом обратился к Стасю: – Ночью лихорадка у меня усиливается, и голова совсем не работает. Но от трубки мысль у меня немного проясняется. Ты говоришь, что вы убежали из плена у дервишей и скрываетесь в степи?

– Да.

– Что же вы думаете делать дальше?

– Бежать в Абиссинию.

– Вы попадете в руки махдистов. Их отряды бродят вдоль всей границы.

– Но ничего другого мы не можем предпринять.

– Ах! Еще месяц тому назад я мог бы оказать вам помощь. Но теперь я один, вот с этим черным мальчиком.

Стась посмотрел на него с удивлением.

– А этот лагерь?

– Это лагерь смерти.

– А эти негры?

– Эти негры спят и больше не проснутся.

– Не понимаю.

– Они больны сонной болезнью[38]. Это люди с берегов Великих Озер, где эта страшная болезнь свирепствует всегда. Они все заболели ею, кроме тех, которые еще раньше умерли от оспы. У меня остался только этот мальчик.

Стася только теперь поразило то обстоятельство, что когда он спустился в ущелье, ни один из негров не пошевелился и даже не дрогнул, и все время, пока они говорили, чернокожие спали: одни – прислонившись головою к скале, другие – опустив ее на грудь.

– Они спят и больше не проснутся? – спросил Стась, как бы не отдавая еще себе отчета в том, что услышал.

– О, эта Африка! Это громадная покойницкая, – проговорил в ответ Линде.

Он хотел сказать еще что-то, но слова его прервал топот лошадей, которые, испугавшись чего-то в степи, прибежали вприпрыжку на своих стреноженных ногах к краю ложины, поближе к людям и к огню.

– Это ничего, это лошади! – проговорил опять швейцарец. – Я отнял их у махдистов, которых разбил несколько недель тому назад. Их было человек триста, если не больше. Но у них были почти одни пики и дротики, а у моих людей – ремингтоны, которые стоят вот там, под скалой, теперь уже без всякой пользы. Если у тебя мало оружия или патронов, бери, сколько хочешь... И лошадь тоже возьми; скорее вернись к своей больной... А сколько ей лет?

– Восемь, – ответил Стась.

– Значит, это еще ребенок... Пускай же Насибу даст для нее чаю, риса, кофе и вина... Бери, что захочешь, из припасов, а завтра приезжай еще.

– Я непременно приеду, чтоб поблагодарить вас еще раз от всей души и помочь вам, чем смогу.

– Мне приятно хоть посмотреть на лицо европейца, – проговорил в ответ Линде. – Если ты приедешь пораньше, тогда я буду еще в сознании. Сейчас меня опять начинает лихорадить, и все начинает двоиться у меня в глазах. Что, разве вас двое стоит надо мной? Нет!.. Я ведь знаю, что ты один и что меня лихорадит... Ах, эта Африка!..

Он закрыл глаза.

Четверть часа спустя Стась тронулся в обратный путь из этого страшного лагеря сна и смерти, но уже верхом. Была еще глубокая ночь, но он не думал больше об опасностях, с которыми мог встретиться среди высокой травы. Все же он старался держаться ближе к реке, предполагая, что оба ущелья должны выходить к ней. Возвращаться, впрочем, было гораздо легче, так как в ночной тишине слышался издали шум водопада, да к тому же облака на западе рассеялись, и, кроме луны,

на небе ярко светил свет зодиака. Мальчик колол коня в бока концами широких арабских стремян и несся во весь опор, мысленно повторяя: «Что мне львы и пантеры! У меня есть хинин для моей крошки!» И он то и дело ощупывал рукой склянки, как бы желая убедиться, что они действительно с ним и что все это не было сном. В голове его пронеслись всевозможные мысли и картины. Он видел раненого швейцарца, к которому питал невыразимую благодарность и которого жалел тем горячее, что во время разговора с ним принимал его сначала за сумасшедшего. Он видел маленького Насибу с точеным, как шар, черепом, ряды спящих «пагази» и блестящие в свете костра дула прислоненных к скалам ремингтонов. Он был почти уверен, что сражение, о котором упоминал Линде, было с отрядом Смаина, и у него мелькнула мысль, что, может быть, и Смаин пал в нем.

Все эти видения и призраки переплетались в его уме с постоянной мыслью о Нель. Он представлял себе, как она удивится, когда увидит наутро целую склянку хинина, и, наверное, будет считать его волшебником. «Ах, – думал он про себя, – если бы я струсил и не пошел посмотреть, откуда идет этот дым, я не мог бы простить себе этого всю жизнь».

Не прошло и полчаса, как шум водопада стал доноситься совсем ясно, а по кваканью лягушек Стась догадался, что находится вблизи отмели, где накануне стрелял дичь. При свете луны он узнал даже издали росшие там на берегу деревья. Тут надо быть настороже, так как разлив служил и водоемом, к которому должны были сходиться звери со всей окрестности, потому что в других местах берега реки были круты и малодоступны. Но было уже поздно, и хищники попрятались, по-видимому, после ночной охоты в свои логовища между скал. Конь храпел, чуя, вероятно, недавние следы львов или пантер. Но скоро Стась благополучно проехал и это опасное место и минуту спустя увидел на высоком мысу большой черный силуэт «Кракова». Первый раз в Африке он испытал такое чувство, как будто приехал домой.

Он думал, что застанет всех спящими, но он забыл о Саба, который начал лаять так, что мог бы разбудить даже мертвых. Кали тоже в одно мгновение выбежал из убежища и воскликнул:

– Бвана Кубва!.. Верхом!

В голосе его звучало больше радости, чем удивления, так как он настолько верил в могущество Стася, что если бы последний даже сам сотворил коня, чернокожий не очень был бы поражен.

Но так как радость выражается у негров смехом, то он начал хлопать себя по бедрам и хохотать как безумный.

– Стреножь эту лошадь, – сказал Стась, – сними с нее припасы, разведи огонь и вскипяти воду.

Отдав эти приказания, он вошел в жилище. Нель тоже проснулась и стала звать его. Стась, отогнув полотняную перегородку, увидел при свете ночника ее бледное лицо и белые худые ручки, лежавшие на пледе, которым малютка была покрыта.

– Ну, как ты себя чувствуешь, крошка? – весело спросил он.

– Хорошо; я крепко спала, пока меня не разбудил Саба. А почему ты не спишь?

– Я уезжал.

– Куда?

– В аптеку.

– В аптеку?

– Да. За хинином.

Девочке, правда, не очень нравились порошки, которые она принимала перед тем, но так как она считала их верным лекарством против всех болезней на свете, то на этот раз она только вздохнула с сожалением и ответила:

– Я знаю, что у тебя больше нет хинина.

Стась поднес к ночнику одну из склянок и спросил с гордостью и торжеством:

– А это что?

Нель не хотела верить глазам, а Стась продолжал, захлебываясь и весь сияя:

– Ну, теперь ты будешь здорова! Я вот возьму сейчас кожуру со свежей фиги, заверну в нее этой прелести и, хочешь не хочешь, ты должна будешь проглотить. А чем запьешь, это потом видно будет. Что ж ты смотришь на меня, точно на «зеленого кота?.. Вот, смотри, у меня еще одна склянка. И их дал мне один белый. Он находится со своим лагерем в четырех милях отсюда. Я сейчас от него. Назвался он Линде, швейцарцем. У него рана, и он не может встать, но он надавал мне массу хороших вещей. Я приехал назад верхом, а к нему шел пешком. Ты думаешь, приятно идти ночью через степь? Брр!.. Еще раз ни за что бы не пошел. Разве только за хинином!

Выпалив все это одним залпом, он оставил девочку в полном недоумении, а сам удалился в «мужское отделение», выбрал из запаса фиг самую маленькую, выковырял из нее мякоть и насыпал в середину хинину, следя за тем, чтоб доза не была больше тех порошков, которые он получил в Хартуме. Сделав это, он вышел, чтобы засыпать в посудину с водой чаю, и вернулся с лекарством к Нель.

Девочка не переставала думать обо всем случившемся. Ей было страшно любопытно, что это за белый, которого Стась видел, и откуда он узнал о нем. Придет ли он к ним и будут ли они продолжать путь вместе? Она не сомневалась теперь, что раз Стась достал хинина, то она, наверное, выздоровеет. Но какой же этот Стась: пошел один ночью через степь как ни в чем не бывало. Несмотря на все свое преклонение перед ним, Нель считала до сих пор, – не особенно задумываясь, правда, над этим, – что все, что он делает для нее, понятно как-то само собой; очень просто: он – большой мальчик и заботится о маленькой девочке. Но сейчас в ее маленькой головке мелькнула мысль, что без его забот она давно бы погибла, что он страшно много думает о ней, старается угодить ей и защищает, как ни один другой мальчик его лет не делал бы и не сумел бы. Ее маленькое сердце переполнилось чувством глубокой благодарности.

И когда Стась опять вошел к ней и наклонился над нею с лекарством, она закинула ему на шею свои маленькие ручки и горячо обняла его.

– Стась, ты... ты ужасно добрый; ты так много делаешь для меня.

– А для кого же мне делать? – ответил Стась. – Это мне нравится! На, прими это лекарство!

Но под этими равнодушными словами была скрыта глубокая радость; глаза у него блестели от удовольствия, и он с торжеством и гордостью крикнул, высунувшись в отверстие, служившее дверью:

– А теперь, Меа, подай мисс чай.

XXXIII

Стась собрался к Линде на следующий день лишь после полудня. Ему надо было отоспаться за прошлую ночь. По дороге, полагая, что больному может пригодиться свежее мясо, он настрелял много дичи, которая действительно была принята с благодарностью. Линде был очень слаб, но в полном сознании. Поздоровавшись со Стасем, он тотчас же спросил о здоровье Нель и предупредил Стася, чтоб он не считал хинин абсолютно верным средством от лихорадки и чтоб оберегал девочку от чрезмерного солнца, сырости, не позволял ей оставаться ночью в низких и болотистых местах и не давал пить плохой воды. По его просьбе Стась рассказал ему всю историю, свою и Нель. Когда Стась окончил свой рассказ, Линде закурил трубку, смерил Стася еще раз с ног до головы взглядом и задумчиво проговорил:

– Если в вашей стране много таких мальчиков, как ты, то не скоро сломят вас ваши враги.

И, помолчав немного, продолжал:

– Самое лучшее подтверждение моих слов – это то, что ты стоишь тут передо мной. И знаешь, я тебе скажу: ваше положение ужасно, ибо путь, в какую бы то ни было сторону, полон опасностей. Но такой мальчик, как ты, сможет, пожалуй, выбраться из этой страшной западни и спасти маленькую крошку...

– Была бы только Нель здорова, а я уж сделаю, что будет в моих силах! – воскликнул Стась.

– Смотри, однако, и себя береги. Твоя задача не под силу даже взрослому. Представляешь ли ты себе ясно, где ты сейчас находишься?

– Нет.

– Сейчас вы находитесь в местности, неизвестной путешественникам и географам. Река, близ которой мы находимся, течет на северо-запад и, вероятно, впадает в Нил. Я говорю: вероятно, потому что сам не знаю хорошо и не могу уже проверить, хотя я свернул от гор Карамойо нарочно, чтоб исследовать ее истоки. Здесь, в этой вообще малозаселенной стране, живет обыкновенно племя шиллюков, но в настоящее время вся окрестность опустела, потому что часть населения умерла от оспы, часть – истребили махдисты, а часть убежала к горам Карамойо. В Африке не редкость, что густонаселенная страна сразу превращается вдруг в безлюдную пустыню. Вы могли бы бежать на юг к Эмину, но так как он сам, вероятно, осажден дервишами, то об этом не приходится говорить...

– А в Абиссинию? – спросил Стась.

– Отсюда около трехсот километров. Но нужно помнить, что Махди воюет со всем светом, значит, с Абиссинией тоже. Кроме того, я знаю также от пленников, что на западной и южной границе бродят большие отряды дервишей, так что вы легко можете попасть к ним в руки.

– Что же мне делать и куда мне ехать с Нель? – спросил Стась.

– Я сказал, что положение не из легких, – ответил Линде и, заложив обе руки за голову, долго лежал так, не произнося ни слова.

– До океана, – заговорил он наконец, – будет отсюда с лишком двести километров, через горы, через места, населенные дикими племенами, или, наоборот, через совсем безлюдные пустыни, где на большом протяжении не отыщешь ни капли воды. Но эта страна номинально считается принадлежащей Англии. Случайно можно встретиться в пути с караванами, везущими слоновую кость в Кисмайю, в Ламу и в Момбасу, может также попасться навстречу какая-нибудь миссионерская экспедиция... Поняв, что из-за дервишей я не смогу исследовать течение этой реки, потому что она поворачивает к Нилу, я сам тоже думал идти на восток, к океану...

– Так давайте вернемся вместе! – воскликнул Стась.

– Я уже не вернусь. Кабан так потрепал мне мускулы и жилы, что заражение крови должно наступить неизбежно. Только хирург мог бы спасти меня, отрезав ногу. Теперь уже все застыло и одеревенело, а в первый день я кусал руки от боли.

– Вы непременно выздоровеете.

– Нет, мой славный мальчик, я, наверное, умру. А ты закрой меня хорошенько камнями, чтоб гиены не могли меня откопать. Мертвецу, пожалуй, все равно, но при жизни неприятно об этом думать... Тяжело умирать так далеко от своих.

Глаза у него затуманились при этих словах. Немного погодя он продолжал:

– Но я уже примирился с этой мыслью. Давай говорить теперь о вас, а не обо мне. Я дам тебе один совет. Вам остается только один путь – на восток, к океану. Но вам нужно отдохнуть перед этим путешествием и набраться сил, а то твоя маленькая спутница умрет у тебя на глазах через несколько недель. Отложите свой отъезд до конца дождливого периода и даже, пожалуй, еще дольше. Первые летние месяцы, когда дожди прекращаются, а вода покрывает еще болота, – самые здоровые. Место, где мы находимся, лежит на высоте семисот метров над уровнем моря. На высоте тысячи трехсот метров лихорадки не существует; даже занесенная снизу, она проходит там очень быстро. Возьми маленькую англичанку и ступай с ней в горы...

Разговор, по-видимому, очень утомлял его.

Немного помолчав, он добавил:

– Слушай внимательно, что я тебе скажу. На расстоянии дня пути отсюда к югу возвышается отдельно гора, высотой не больше чем восемьсот метров. Бока у нее совершенно отвесные, и единственный доступ к ней представляет скалистая тропа, настолько узкая, что в некоторых местах две лошади едва могут идти рядом. На ее плоской вершине, простирающейся почти на целый километр, а то и больше, находилась негритянская деревушка. Но махдисты частью перерезали, частью захватили в плен все ее население. Может быть, это дело Смаина, которого я

разбил. Переселитесь туда, на эту гору. Там есть источник с превосходной водой, несколько полей маниоки и множество бананов. Поживите в этой деревушке месяц или два. На этой высоте нет лихорадки. Ночи бывают холодные. Там твоя крошка окрепнет, да и ты сам наберешься новых сил.

– А что делать потом и куда идти?

– Потом вы постараетесь или пробраться в Абиссинию, куда не доходят дервиши, или отправитесь на восток... Я слышал, что арабы с берегов океана, в поисках за слоновой костью, доходят до какого-то озера, где покупают ее у туземных племен самбуру и ва-хима.

– Ва-хима? Кали родом из племени ва-хима!

И Стась начал рассказывать Линде, каким образом негр остался с ним после смерти Гебра, и передал ему слова Кали, называвшего себя сыном повелителя всех ва-химов.

Но Линде принял это известие равнодушнее, чем ожидал Стась.

– Тем лучше, – сказал швейцарец. – Он может оказаться вам очень полезным.

– Кали не забудет, что я спас его от руки Гебра, – в этом я уверен.

– Может быть, – ответил Линде. И, указывая на Насибу, он прибавил: – Это тоже славный мальчуган. Приюти его после моей смерти.

– Не говорите и не думайте о смерти.

– Милый мой, – ответил швейцарец, – я желаю, чтоб она пришла скорее и, если возможно, без больших страданий. Подумай только: ведь я теперь совсем беззащитен, и если бы кто-нибудь из тех махдистов, которых я разбил, случайно забрел бы сюда, в это ущелье, он мог бы зарезать меня, как овцу.

Он указал на спящих негров:

– Эти больше не проснутся... Нет, неверно говорю: каждый из них просыпается незадолго до смерти и убегает в безумии в степь, откуда уже не возвращается. Из двухсот человек у меня осталось шестьдесят. Многие убежали, многие умерли от оспы, некоторые уснули в других ущельях.

Стась с ужасом и состраданием посмотрел на спящих. Тела их были пепельного цвета, что у негров означает бледность. У одних глаза были закрыты, у других полуоткрыты, но и последние тоже спали глубоким сном, так как зрачки их были нечувствительны к свету. У некоторых распухли ноги. Все они до того исхудали, что через кожу легко было пересчитать у каждого ребра. Их руки и ноги трясла лихорадка. Голубые мухи густо облепили их глаза и губы.

– И разве нет для них спасения? – спросил Стась.

– Нет. На берегах Виктории-Нианцы эта болезнь опустошает целые селения. Чаще всего ею заболевают люди из деревень, расположенных в прибрежных зарослях.

Солнце перешло уже на западную часть неба. Линде, еще до наступления вечера,

успел рассказать Стасю свою историю. Он был сыном купца из Цюриха. Семья его происходила из Карлсруэ, но в 1848 году переехала в Швейцарию. Отец его заработал большие деньги торговлей шелком. Он готовил сына в инженеры, но юному Генриху с ранних лет хотелось быть путешественником. Окончив политехникум и получив один все оставшееся после отца наследство, он предпринял первое путешествие в Египет. Это было до восстания Махди, и ему удалось добраться до Хартума. Там он охотился с дангалами в Судане. Потом он с увлечением занялся географией Африки и стал настолько глубоким знатоком ее, что многие географические общества избрали его своим членом. Настоящее, последнее, так печально закончившееся для него путешествие он начал с Занзибара. Ему удалось добраться до Великих Озер, откуда он рассчитывал проникнуть, вдоль не исследованных еще гор Карамойо, в Абиссинию, а оттуда – к берегам океана. Но занзибарцы не хотели идти дальше. К счастью или к несчастью, между царьками Уганды и Униоро шла в то время война. Линде оказал значительные услуги повелителю Уганды, который в награду подарил ему свыше двухсот «пагази». Это значительно облегчило путешествие и исследование гор Карамойо. Но затем в отряде появилась оспа, а ее сменила ужасная сонная болезнь, от которой весь караван окончательно погиб. У Линде были запасы всевозможных консервов, но, боясь цинги, он каждый день охотился, чтоб иметь свежее мясо. Он был превосходным стрелком, но недостаточно осторожным охотником, и вот, за несколько дней до встречи со Стасем, он легкомысленно подошел слишком близко к подстреленному им кабану; зверь вскочил и страшно изуродовал ему ногу и потоптал копытами спину. От внутреннего кровоизлияния в ноге больному угрожала гангрена.

Стась хотел непременно сам менять ему повязки и предложил, что или он сам будет приезжать каждый день, или, чтоб не оставлять Нель на попечении обоих чернокожих, он перевезет его на растянутом между двумя лошадьми войлоке на скалистый мыс, в «Краков».

Линде согласился на помощь при перевязывании раны, но отказался переехать на новое место.

– Я знаю, – сказал он, указывая на своих негров, – что эти люди должны умереть. Но пока они не умрут, я не могу их оставить, чтоб их живьем растерзали гиены, которых ночью только огонь держит в отдалении.

И он трижды с волнением повторил:

– Не могу, не могу, не могу!

XXXIV

На следующий день, когда Стась явился в лагерь, Линде был еще в сознании, но силы покидали его с каждой минутой. После перевязки он отдал Стасю спрятанные в жестяной коробке бумаги, попросил беречь их и больше не вымолвил ни слова. Есть он уже не мог, но его страшно мучила жажда. К вечеру он начал бредить. Он звал каких-то детей, кричал им, чтоб они не уплывали слишком далеко в озеро, а под конец начал метаться в судорогах и хвататься руками за голову.

На следующее утро он совсем не узнал Стася, а через три дня умер, не приходя в сознание. Стась искренне плакал над ним. Потом он и Кали снесли его в соседнюю узкую и продолговатую пещеру и заложили вход в нее терновником и камнями.

Маленького Насибу Стась взял в «Краков», а Кали приказал стеречь на месте припасы и жечь по ночам вблизи спящих большой костер. Сам он все время сновал от

одного ущелья к другому, перевозя узлы, оружие и особенно патроны ремингтонов. Он высыпал из них порох и готовил заряд, чтобы взорвать скалу, державшую взаперти Кинга. К счастью, здоровье Нель после ежедневного приема хинина значительно поправилось, а большее разнообразие в пище укрепило ее силы. Стась, однако, всегда неохотно и с опаской оставлял ее и, уезжая, не позволял ей выходить из убежища, а входное отверстие закрывал колючими ветками акаций. Но из-за множества работы, выпавшей на его долю, ему приходилось оставлять ее на попечение Меа, Насибу и Саба, на которого он, кстати сказать, больше всего рассчитывал. Он предпочитал по нескольку раз в день ездить в лагерь Линде за тюками, чем оставлять девочку одну. Надо сказать правду: работа страшно утомляла его, но его железное здоровье выдерживало все труды. Прошло, однако, дней десять, пока узлы были разобраны. Менее нужные он велел спрятать в пещеру, а более необходимые отвезти в «Краков». Лошадей тоже отвели на мыс и туда же свезли на них значительное количество ремингтонов, которые должен был нести Кинг. В течение этого времени в лагере Линде то и дело просыпался кто-нибудь из спавших негров, срывался в предсмертном припадке болезни с места, убегал в степь и больше не возвращался. А некоторые так и умирали на месте. Другие, мчась вперед без оглядки, разбивали головы о попадавшие им навстречу скалы – тут же в лагере или где-нибудь поблизости. Хоронить их приходилось Кали. По прошествии двух недель остался только один негр, но и тот скоро умер во сне от истощения.

Наконец настало время взорвать скалу и освободить Кинга. Он стал уже настолько ручным, что слушался Стася, обхватывал его хоботом за пояс и сажал к себе на спину. Мало-помалу он привык носить и тяжести, которые Кали втаскивал ему на спину по бамбуковой лестнице. Нель все время твердила, что его слишком нагружают, но, право, все, что на него клали, было для него перышком, и только тюки, оставшиеся после Линде, могли, пожалуй, составлять для него сколько-нибудь заметную тяжесть. С Саба, при виде которого он сначала обнаруживал большую тревогу, он совсем подружился и играл с ним, опрокидывая его в шутку хоботом наземь, а собака делала вид, что кусает его. Иногда, однако, слон неожиданно обливал Саба водой, что тот считал совершенно неуместной шуткой.

Но детей радовало, главным образом, то обстоятельство, что умное и серьезное животное понимало все, чего от него хотели, и слушалось не только каждого слова, но даже малейшего знака. В этом отношении слоны значительно превосходят всех ручных животных, и Кинг был несравненно выше Саба, который на все нотации Нель вилял хвостом, а потом делал по-своему. В течение нескольких недель слон превосходно научился понимать, что больше всего нужно слушаться Стася и больше всего заботиться о Нель. И он усердно исполнял все приказы мальчика, а любил больше всего девочку. С Кали он меньше церемонился, а на Меа совсем не обращал внимания.

Приготовив заряд, Стась засунул его в самую глубокую щель и залепил ее всю глиной, оставив лишь небольшое отверстие, через которое свешивался фитиль, скрученный из сухих пальмовых волокон и натертый молотым порохом. Наконец наступил решительный момент: Стась сам зажег натертый порохом шнур и помчался изо всех сил к дереву, где перед тем он запер всех. Нель боялась, чтобы Кинг не испугался, но Стась успокоил ее, во-первых, тем, что выбрал день, когда утром пронеслась гроза с молнией и громом, а во-вторых, уверил ее, что дикие слоны вообще привыкли к грохоту, когда над степью бушуют небесные стихии. Тем не менее все сидели с бьющимися сердцами, считая минуту за минутой. Наконец страшный гром потряс воздух, так что даже огромный баобаб весь задрожал сверху донизу, а остатки трухи посыпались им на головы. Стась тотчас же выскочил из дерева и, быстро миновав извилины ущелья, побежал к проходу.

Последствия взрыва оказались замечательными. Одна половина известняковой скалы рассыпалась на мелкие куски, а другая растрескалась на несколько более или менее крупных глыб, которые силой взрыва раскидало на большое пространство.

Слон был свободен.

Мальчик с торжеством побежал на край обрыва, где собрались уже Нель, Меа и Кали. Кинг все-таки немного испугался и, отступив к самому краю лоцины, стоял с поднятым хоботом и глядел в ту сторону, откуда раздался такой необычайный треск. Но когда Нель стала звать его, он перестал хлопать ушами, а когда она спустилась к нему через открытый уже проход, он совсем успокоился. Но еще больше, чем Кинг, испугались лошади, из которых две убежали в степь, так что Кали с трудом нашел их там лишь перед самым закатом солнца.

Еще в тот же день Нель вывела Кинга «в свет». Колосс послушно шел за ней, как маленькая собачонка, а потом выкупался в реке и сам позаботился об ужине для себя: уткнувшись головой в большую смоковницу, он сломал ее как тростинку и тщательно объел все плоды и листья.

Вечером, однако, он вернулся под дерево и, тыча поминутно свой саженный нос через отверстие, так тщательно и назойливо искал Нель, что Стасю пришлось в конце концов здорово шлепнуть его по хоботу.

Но больше всего был рад результатам этого дня Кали, так как у него свалилась с плеч забота о собирании корма для великана, что было совсем нелегкой работой.

Стась и Нель слышали, как он, разводя огонь для ужина, распевал новый радостный гимн:

– Великий Господин убивать люди и львы! Йа, йа! Великий Господин разбивать скалы! Йа! Слон сам ломать деревья, а Кали ничего не делать и много кушать. Йа, йа!

Дождливый период, или так называемая массика, близился к концу. Случались еще пасмурные и дождливые дни, но бывали и совсем ясные. Стась решил перебраться на гору, которую указал ему Линде, и выполнил этот план тотчас же по освобождению Кинга. Здоровье Нель не мешало переезду, так как она чувствовала себя гораздо лучше.

Улучив ясное утро, путешественники тронулись на юг. Теперь они не боялись уже заблудиться, так как в наследство от Линде, между множеством разных других предметов, мальчик получил компас и превосходную подзорную трубу, через которую легко можно было разглядеть даже очень отдаленные места. Кроме Саба и осла, с ними шли пять навьюченных лошадей и слон. Последний, кроме тюков на спине, нес на шее и Нель, которая выглядела между его огромными ушами так, точно сидела в большом кресле. Стась без сожаления покидал прибрежный мыс и баобаба, с которыми у него соединялось воспоминание о болезни Нель. Но девочка с грустью окидывала прощальным взглядом скалы, дерево, водопад и дала слово, что вернется еще сюда, когда будет большая.

Еще грустнее был маленький Насибу. Он искренне любил своего прежнего господина и теперь, едучи на осле в конце каравана, поминутно озирался со слезами в ту сторону, где остался навеки бедный Линде.

Ветер дул с севера, и день был очень холодный. Благодаря этому путникам не надо было ждать от десяти до трех, пока не пройдет самый жгучий зной, и им удалось проехать больше, чем обыкновенно проходят за день караваны. Расстояние было не так велико, и за несколько часов до заката солнца Стась уже увидел гору, к которой они направлялись. За нею, на фоне неба, обрисовывалась длинная цепь других гор. Когда путники подъехали ближе, то оказалось, что крутые откосы горы омывает петля той же реки, на берегу которой они жили раньше. Вершина была точно срезана, совершенно ровная, а снизу казалась покрытой сплошным густым лесом. Стась рассчитал, что если мыс, на котором рос их баобаб, находился на высоте семисот метров, а высота горы была восемьсот, значит, они будут жить на высоте тысяча пятьсот метров, то есть в климате, незначительно уже отличавшемся от египетского. Эта мысль придала ему бодрость и желание как можно скорее занять эту естественную крепость. Единственную скалистую тропу, которая вела к ней, они нашли легко и начали по ней взбираться вверх. Через полтора часа они были уже наверху. Лес, который они видели снизу, оказался банановой рощей. Завидев ее, все, не исключая Кинга, очень обрадовались. Но особенно был рад Стась: он знал, что нет в Африке более питательной, здоровой и хорошо действующей после всяких болезней пищи, чем мука из высушенных бананов. А их было так много, что могло хватить хоть на целый год.

Среди огромных листьев этих растений прятались хижины негров: одни – сожженные во время набегов, другие – разрушенные до основания, но некоторые – уцелевшие. Посредине возвышалась самая большая, принадлежавшая когда-то вождю племени, красиво вылепленная из глины, с широкой крышей, составлявшей вокруг стен как бы веранду. Перед хижинами там и сям валялись кости и целые человеческие скелеты, белые как мел, так как их успели обчистить муравьи, о нападении которых говорил Линде. Со времени этого нападения прошло уже много недель, но в хижинах все-таки чувствовался еще острый муравьиный запах, и нигде не было видно ни больших черных тараканов, которые массами водятся обыкновенно в негритянских лачугах, ни пауков, ни скорпионов, ни каких бы то ни было насекомых. Все пожрали или разогнали страшные сияфу. Можно было также быть уверенным, что на всей горе не было ни одной змеи, потому что даже удавы и те падают жертвою этих неукротимых воинственных насекомых.

Стась ввел Нель и Меа в хижину вождя и приказал Кали и Насибу убрать человеческие кости. Негры исполнили это приказание, побросав их в реку, которая понесла их дальше.

Линде говорил, что они не застанут на горе ни одной живой души, но оказалось, что он ошибся. Когда дервиши истребили живших здесь людей, а оставленных в живых увели с собой, наступившая тишина и обилие бананов привлекли сюда большое стадо шимпанзе, которые устроили себе на более высоких деревьях крыши, похожие на зонтики, для защиты от дождя. Стась не хотел их убивать, но решил разогнать их и выстрелил с этой целью в воздух. Это вызвало общий переполох, который еще больше усилился, когда после выстрела раздался ожесточенный хриплый лай Саба, а Кинг, возбужденный общим шумом, грозно затрубил. Но обезьянам для бегства не пришлось искать скалистого хребта. Цепляясь за уступы скал, они спустились к реке и к растущим на берегу деревьям с такой быстротой, что Саба не удалось схватить ни одной из них зубами.

Солнце зашло. Кали и Насибу развели огонь, чтоб сварить ужин. Стась развязал нужные на ночь вещи и направился в хижину вождя, которую заняла Нель. Там было светло и весело, так как Меа зажгла не тусклый ночник, освещавший жилье внутри

баобаба, а большую, оставшуюся после Линде, дорожную лампу. Нель совсем не была утомлена путешествием благодаря прохладному дню и была в превосходном настроении, особенно когда Стась сообщил ей, что человеческие кости, которых она боялась, убраны.

– Как здесь хорошо, Стась! – встретила она его. – Смотри, даже пол залит весь смолой. Нам здесь будет очень хорошо.

– Завтра я осмотрю как следует наши новые владения, – ответил Стась. – Пока что, судя по тому, что я сегодня видел, здесь можно жить хоть всю жизнь.

– Если бы с папочками, можно бы. А как мы назовем это место?

– Гора должна называться в географии «горою Линде», а эта деревушка пусть называется, как ты: «Нель».

– Так и я буду в географии? – спросила девочка с сияющими глазенками.

– Будешь, будешь, – серьезно ответил Стась.

XXXV

На следующий день накрапывал дождь, но так как в промежутках были и ясные часы, то Стась собрался с раннего утра осмотреть новые владения и к полудню успел ознакомиться со всеми закоулками. Результаты осмотра оказались в общем благоприятными. Во-первых, в смысле безопасности гора Линде была почти единственным местом во всей Африке. Ее обрывистые края были доступными разве только для шимпанзе. Ни львы, ни пантеры не могли бы вскарабкаться по ним на плоскую вершину. Что касается скалистого хребта, то достаточно было поместить у входа Кинга, чтоб спокойно спать сном праведника. Стась был уверен, что если бы на них напал небольшой отряд дервишей, то ему удалось бы отразить его: дорога, ведущая на гору, была так узка, что Кинг едва прошел по ней, и один хорошо вооруженный человек мог бы не пропустить ни одной живой души. Посредине этого горного «острова» бил ключ холодной и чистой как хрусталь воды, который превращался в ручей и, извиваясь среди банановых рощ, низвергался с крутого уступа в реку, образуя узкий, похожий на белую ленту, водопад. В южной части «острова» находились поля маниоки, корни которой доставляют неграм излюбленную пищу, а за полями возвышались группы высоких кокосовых пальм с кронами в виде пышных зеленых султанов.

«Остров» был окружен, как морем, степью, и взор охватывал с его высоты широкое пространство. С востока синела полоса гор Карамойо. На юге тоже виднелись значительные возвышенности, которые, судя по их темному цвету, были тоже покрыты лесом. Зато на западе взор свободно достигал отдаленных граней горизонта, где степь соприкасалась с небом. При помощи подзорной трубы Линде Стась заметил, однако, многочисленные овраги и редко рассеянные высокие деревья, возвышавшиеся, точно храмы, над океаном травы. Там, где последняя поднялась еще не слишком высоко, можно было даже невооруженным глазом различить целые стада антилоп и зебр или группы слонов и буйволов. Там и сям жирафы пересекали серо-зеленую поверхность степи, как пароход поверхность моря. Над самой рекой резвилось несколько водяных коз, а другие то и дело высовывали свои рогатые головы из воды. Там, где гладь реки была спокойна, над нею поминутно взлетали те самые рыбки, которых ловил Кали, и, сверкая в воздухе, точно серебряные звезды, падали обратно в воду. Стась решил непременно привезти сюда, когда погода установится, Нель и показать ей весь этот зверинец.

На самом «острове» не было никаких крупных животных, зато было множество бабочек и птиц. Большие белоснежные попугаи, с черными клювами и желтыми хохолками, пролетали над кустами гуайяв; маленькие «вдовы» с прелестно окрашенными перьями качались на тонких стеблях маниоки, блестя и переливая пестротой красок, точно самоцветные камни, а с высоких кокосовых пальм доносилось кукованье африканских кукушек и нежное, точно стонущее воркованье голубей.

Стась возвращался с осмотра с радостным чувством в душе. «Воздух здоровый, – думал он про себя, – полная безопасность, дичи и плодов – сколько угодно, и красиво, как в раю!» Вернувшись в хижину Нель, он узнал, что на «острове» нашлось все-таки животное и покрупнее, и даже не одно, а два: маленький Насибу в его отсутствие нашел в чаще бананов козу с козленком, которых не увели с собой дервиши. Коза успела уже немного одичать, но козленок тотчас же подружился с Насибу, который очень гордился своим открытием и тем, что благодаря ему у мисс будет теперь каждый день превосходное свежее молоко.

– Ну, что мы теперь будем делать, Стась? – спросила однажды Нель, когда они уже основательно обжились на «острове».

– Работы хватит, – ответил мальчик и, растопырив пальцы одной руки, начал считать по ним все предстоявшие им дела. – Во-первых, надо накопить мяса для дальнейшей дороги; следовательно, мне нужно ходить на охоту. Во-вторых, у нас много оружия и патронов; я хочу научить Кали стрелять, чтоб у нас был еще один защитник, кроме меня. В-третьих, ты, видно, забыла о воздушных змеях.

– О змеях?

– Да. Ты будешь их клеить или, еще лучше, сшивать... Вот и тебе будет занятие.

– Я не хочу заниматься только игрушками.

– Это вовсе не будут игрушки. Твоя работа будет, пожалуй, важнее всех остальных. Да ты не думай, что мы обойдемся одним змеем. Тебе придется смастерить их штук пятьдесят, а то и больше.

– Да на что так много? – с любопытством спросила девочка.

Стась поделился с ней своими планами и надеждами. На каждом змее он напишет их фамилии, о том, как они вырвались из рук дервишей, где находятся и куда направляются. Он напишет еще, что они просят оказать им помощь и сообщить о них телеграммой в Порт-Саид. Таких змеев он будет пускать каждый раз, когда ветер будет дуть с запада на восток.

– Многие из них, – говорил он, – упадут близко, многих задержат горы, но пусть хоть один долетит до берега и попадет в руки европейцев, и тогда мы спасены!

Нель была в восторге от этого плана и заявила, что с умом Стася не может сравниться даже Кинг. Она ни на минуту не сомневалась, что почти все змеи долетят куда надо, а некоторые даже прямо к их папочкам, и обещала клеить их с утра до вечера. Ее радость была так велика, что Стась, опасаясь, как бы ее опять не начало лихорадить, вынужден был сдерживать ее пыл. С этой поры задуманная Стасем работа закипела. Кали, которому приказали раздобыть как можно больше прыгающих рыбок, перестал ловить их удочкой, а вместо того устроил из тонких

бамбуковых палок высокую решетку и протянул ее поперек всей реки. Посредине решетки было большое отверстие, через которое рыбам необходимо было проплывать, чтоб выбраться в открытую воду. Это отверстие Кали затягивал крепкой сетью, сплетенной из пальмовых бечевков, и таким образом обеспечивал себе на каждый день обильный улов.

Загонял он рыбу в предательскую сеть при содействии Кинга. Когда последнего пускали в воду, он мутил ее и пенил с таким усердием, что не только серебристые прыгуны, но и все другие водные твари спасались во весь дух и устремлялись туда, где водная гладь была спокойна. Не всегда это было Кали на руку. Несколько раз убежавшие крокодилы переворачивали его загородки, а иногда это делал и сам Кинг, который питал к речным хищникам врожденную ненависть и преследовал их, пока ему не удавалось изловить которого-нибудь в мелкой воде; тогда он схватывал крокодила хоботом, выбрасывал его на берег и с ожесточением растаптывал ногами.

Часто в сеть попадались и черепахи, из которых маленькие путешественники варили себе превосходный суп. Кали сам чистил рыбу и сушил ее на солнце, а пузыри относил к Нель, которая разрезала их, распластывала на доске и превращала как бы в лоскутки бумаги величиной в две ладони.

Стась и Меа помогали ей в этом, так как работа была совсем не из легких. Пленки были, правда, толще, чем у пузырей наших речных рыб, но после сушки они становились очень хрупкими. После некоторого опыта Стась сообразил, что лучше сушить их в тени. Но иногда у него истощалось терпение, и если он не оставил своего намерения делать змеев из рыбьих пленок, то только потому, что они были легче бумажных и лучше могли выдержать дождь. Правда, приближалось уже сухое время года, но Стась не был уверен, не случаются ли и летом дожди, особенно в горах. Иногда, однако, он клеил змеев и из бумаги, которой много нашлось среди вещей Линде. Первый такой змей, большой и легкий, пущенный, когда подул западный ветер, взвился сразу очень высоко, а когда Стась перерезал бечевку, он полетел, подхваченный сильным воздушным течением, к горной цепи Карамойо. Стась следил за его полетом через подзорную трубу, пока он не уменьшился до того, что стал похож на бабочку, на маленькую мошку и, наконец, совсем не исчез в бледной лазури неба. На следующий день Стась пустил другой, сделанный уже из рыбьих пленок. Этот взвился еще быстрее, но, наверное, вследствие прозрачности пленок, очень быстро скрылся из глаз.

Нель работала очень усердно, и в конце концов ее маленькие пальчики так наловчились, что ни Стась, ни Меа не могли обогнать ее в этой работе. Здоровье ее тоже не заставляло жаловаться. Здоровый климат горы Линде точно заново возродил ее. Срок, в течение которого мог явиться третий, смертельный припадок лихорадки, миновал безусловно. Стась ушел в этот день глубоко в чащу бананов и плакал там от радости. После двух недель пребывания на горе Стась заметил, что «доброе Мзиму» выглядит совсем не так, как там – внизу, в степи. Щечки пополнели, цвет лица из желтого и прозрачного стал опять розовым, а из-под длинных, густых волос весело глядели на свет искрящиеся глазенки. Мальчик благословлял холодные ночи, прозрачную ключевую воду, муку из сушеных бананов и прежде всего Линде.

Сам он похудел и загорел, и это служило доказательством, что лихорадка его не трогает, потому что страдающие ею не загорают на солнце. Он вырос и возмужал. Движение и физический труд развили в нем еще большую ловкость и силу. Мускулы рук и ног стали точно стальные. Он был уже настоящим закаленным африканским путешественником. Охотясь каждый день и стреляя только пулями, он стал

превосходным стрелком. Диких зверей он совсем перестал бояться, понимая, что косматым и пятнистым охотникам опаснее встретиться с ним, чем ему с ними. Один раз он с одного выстрела уложил огромного носорога, который дремал под акацией и, разбуженный его выстрелами, неожиданно пустился на него в атаку.

На африканских буйволов, которые любят нападать на все, что им встречается, и иногда рассеивают целые караваны, он смотрел со снисходительным пренебрежением.

Помимо клейки змеев и других ежедневных дел, Стась и Нель принялись за просвещение Кали, Меа и Насибу. Но это давалось им с большим трудом, чем они ожидали.

XXXVI

Кроме того, Стась учил Кали стрелять из карабина Ремингтона. Это учение шло легче, чем обучение европейской культуре. После десятидневной стрельбы в цель и в спавших на прибрежных песках крокодилов молодой негр убил большую антилопу пофу, потом несколько ариелей и даже кабана. Последняя встреча, однако, чуть не кончилась так же, как с Линде: когда Кали после выстрела неосторожно подошел к кабану, тот вскочил и бросился на него, задрав кверху хвост[39]. Кали бросил ружье и вскарабкался на дерево, просидев там до тех пор, пока на крики его не пришел Стась. Но кабан лежал уже под деревом бездыханный. На буйволов, львов и носорогов Стась не позволял еще негру охотиться. Слонов, которые приходили по вечерам к водопою, он и сам не стрелял, так как обещал Нель, что никогда не убьет ни одного слона.

Но когда по утрам или в полдень он замечал через подзорную трубу пасущиеся в степи стада зебр, ариелей или коз, он брал Кали с собой. Во время этих прогулок он часто спрашивал его о племенах ва-хима и самбуру, с которыми, раз он желал идти на восток, к берегам океана, ему, несомненно, предстояло встретиться.

– Знаешь, Кали, – сказал ему однажды Стась, – в двадцать дней, а на лошадях так даже еще скорее, мы могли бы доехать до твоей страны.

– Кали не знает, где живут ва-химы, – ответил молодой негр, уныло покачав головой.

– А я знаю. Они живут в той стране, откуда утром встает солнце, над какой-то большой водой.

– Да! Да! – с изумлением и радостью воскликнул негр. – Бассо Нарок! Это по-нашему значит Большая Черная Вода. Великий Господин все знает.

– Нет, не все. Вот я не знаю, например, как бы нас приняли ва-химы, если бы мы к ним пришли.

– Кали велел бы им пасть ниц перед Великим Господином и «добрым Мзиму».

– А они бы послушали тебя?

– Отец Кали носит шкуру леопарда, и Кали тоже.

Стась понял, что это значит: отец Кали был царь, а сам он – старший из его сыновей и будущий повелитель ва-химов.

– Ты говорил мне, – обратился он к нему снова, – что у вас были белые путешественники и что старики еще помнят их?

– Да, Кали слышал, что у них на головах было много ситца.

«Ах, – подумал Стась, – так это были не европейцы, а арабы, которых негры приняли за белых...» Но так как Кали не помнил и не мог дать о них никаких более точных сведений, то Стась задал ему другой вопрос:

– А ва-химы не убили никого из этих белых людей?

– Нет, ни ва-химы, ни самбуру не могут этого сделать.

– Почему?

– Они говорили, что если кровь их впитаться в землю, так не быть больше никогда дождь.

«Это суеверие их нам очень на руку», – подумал опять Стась про себя и прибавил вслух:

– А ва-химы пошли бы с нами до самого моря, если бы я обещал им много ситцу, бус и ружей?

– Кали пойти, и ва-химы тоже. Но Великий Господин раньше покорит самбуру, которые сидят по другую сторону воды.

– А кто сидит за самбуру?

– За самбуру нет гор, а есть степь и в ней – львы.

На этом их беседа окончилась.

Стась все чаще стал помышлять о большом путешествии на восток, помня слова Линде, что там можно встретить арабов с берегов океана, торгующих слоновой костью, а может быть, и миссионерскую экспедицию. Он знал, что такое путешествие представит много новых трудов и опасностей для Нель, но понимал, что они не могут всю жизнь оставаться на горе Линде и что скоро надо будет тронуться в дальнейший путь. Время после дождливого периода, когда вода покрывает дышащие заразой болота, было для этого самым подходящим. На высоком нагорном месте они еще не чувствовали сильного зноя. Ночи бывали настолько холодные, что приходилось хорошенько кутаться. Но внизу, в степи, было значительно теплее, и Стась знал, что скоро опять наступит невыносимая жара. Дождь редко орошал землю, и уровень воды в реке с каждым днем понижался. Стась предполагал даже, что летом она, пожалуй, превращается в один из таких кхоров, каких много попадалось им в Ливийской пустыне, и что только по самой середине ее русла струится узенькая змейка воды.

Но все-таки он откладывал отъезд со дня на день. На горе Линде всем – и людям и животным – было так хорошо! Нель исцелилась тут не только от лихорадки, но и от малокровия, а у Стася ни разу не заболела даже голова. Кожа у Кали и Меа начала лосниться, как темный атлас; Насибу выглядел точно тыква, поставленная на тоненькие ножки, а Кинг отъелся не меньше, чем лошади и осел. Стась хорошо знал, что другого такого «острова» в море степей они не найдут уже до конца

путешествия.

И он со страхом смотрел в будущее, хотя теперь у них была большая помощь и защита в Кинге.

Таким образом, прежде чем они начали готовиться в путь, прошла еще неделя. В свободные от упаковки тюков минуты они не переставали пускать воздушных змеев, оповещавших, что они идут на восток к какому-то озеру и к океану. Они продолжали пускать их потому, что начал дуть опять сильный, превращавшийся иногда почти в ураган западный ветер, который подхватывал их и уносил далеко к горам и за горы.

Чтоб защитить Нель от зноя, Стась сделал из остатков палатки паланкин, в котором девочка должна была ехать на слоне. После нескольких репетиций Кинг привык к этой небольшой ноше и к паланкину, который прикрепляли к его спине крепкими пальмовыми веревками. Эта ноша была перышком в сравнении с другими грузами, которыми предполагалось его навьючить и упаковкой которых были заняты Кали и Меа.

Маленькому Насибу было поручено сушить бананы и растирать их между двумя плоскими камнями в муку. Срывать тяжелые гроздья этих плодов помогал ему и Кинг, причем оба так наедались ими, что скоро вблизи хижин не было ни одного банана, и им приходилось ходить за ними к другой плантации, расположенной на противоположном конце возвышенности. Саба, у которого не было никакого дела, сопровождал их большей частью в этих экспедициях.

Но Насибу чуть было не поплатился за свое усердие жизнью или, по крайней мере, довольно своеобразным пленом. Однажды, собирая бананы на краю крутого утеса, он увидел вдруг в расщелине страшное лицо, покрытое черной шерстью, моргавшее ему глазами и скалившее белые зубы, точно улыбаясь. В первую минуту мальчик оторопел от испуга, а потом пустился бежать что было духу. Но не успел он пробежать и двух десятков шагов, как косматая рука схватила его, подняла кверху, и черное как ночь чудовище стало убегать с ним в пропасть.

К счастью, огромная обезьяна, схватив мальчика, могла бежать только на двух ногах. Благодаря этому Саба, находившийся поблизости, легко догнал ее и впился клыками ей в спину. Началась страшная борьба, из которой собака, несмотря на свой огромный рост и силу, наверное, не вышла бы победительницей, потому что горилла[40] одолевает даже льва. Но обезьяны не имеют обыкновения выпускать из лап добычу даже в минуту опасности, угрожающей их свободе или жизни. Схватенная притом сзади, горилла не легко могла достать лапой Саба. Повернувшись, однако, она схватила его левой рукой за шею и подняла было уже вверх, как вдруг земля загудела под тяжелыми шагами: то прибежал Кинг.

Достаточно было одного легкого удара хобота, чтобы страшный «лесной черт», как называют горилл негры, упал с разможенным черепом. Обеспокоенный рычанием и воем, Стась прибежал с ружьем из хижины. Слон торжественно трубил победу, а серый как пепел от испуга Насибу рассказал Стасю, что случилось. Стась подумал в первую минуту, не позвать ли Нель, чтоб показать ей чудовищную обезьяну, но раздумал. Его вдруг охватил страх.

Нель часто тоже ходила одна по острову, – ведь и с ней тоже могло случиться что-нибудь подобное!

Выходило, таким образом, что гора Линде представляет не такое уж безопасное

убежище, как казалось вначале.

Стась вернулся в хижину и рассказал Нель о случившемся. Она слушала его с любопытством и страхом, широко раскрывая глаза и все повторяя:

– Вот видишь, что бы было без Кинга!

– Да, верно! С такой няней можно не бояться за ребенка. А пока мы не уедем, ты уж, пожалуйста, не уходи без него ни на шаг.

– А когда мы уедем?

– Припасы заготовлены, поклажа распределена. Нужно только навьючить животных, и мы можем тронуться хотя бы завтра.

– К папочкам!

– Если удастся, – ответил серьезно Стась.

XXXVII

Выехали они, однако, лишь через несколько дней после этого разговора. Тронулись с рассветом, часов в шесть утра. Во главе ехал верхом Стась, а впереди него шел только Саба. За ним торжественно выступал Кинг, шевеля ушами и неся на своей могучей спине полотняный паланкин, в котором сидели Нель и Меа. За слоном шли гуськом лошади Линде, связанные длинным пальмовым канатом и несшие разнообразную поклажу. Шествие замыкал маленький Насибу на откормившемся, как и он сам, осле.

Благодаря раннему времени зной не дал себя сразу слишком чувствовать, хотя день был ясный и из-за гор Карамойо выплыло прекрасное, не задернутое ни единой тучкой солнце. Ветерок, дувший с востока, умерял жар его лучей. По временам даже поднимался довольно сильный ветер, от дуновения которого клонилась трава и вся степь волновалась, как море. После обильных дождей растительность была так густа, что, особенно в низменных местах, трава закрывала с головой не только лошадей, но даже и Кинга, так что над колышущейся зеленой гладью виден был только белый паланкин, который подвигался вперед, точно судно, плывущее по озеру. Спустя около часу на небольшой сухой возвышенности, поднимавшейся на восток от гор Линде, они набрали на целое поле гигантских репейников, у которых стебель был толщиной с порядочный ствол дерева, а цветы – величиной с человеческую голову. На склонах некоторых холмов, издали казавшихся им совершенно бесплодными, они видели вереск вышиною в восемь метров. Иные растения, которые в Европе относятся к самым мелким, здесь были таких же размеров, как упомянутый репейник и вереск, а гигантские деревья, одиноко возвышавшиеся там и сям над степью, были похожи на огромные храмы. Особенно смоковницы (называемые «даро»), плакучие ветви которых, прикоснувшись к земле, образуют новые деревья, покрывали огромные пространства, так что каждое дерево составляло как бы особую рощу.

Все пространство представлялось издали сплошным лесом. Вблизи, однако, оказалось, что большие деревья растут в нескольких шагах, иногда даже в нескольких десятках шагов одно от другого. К югу их даже было видно очень мало, и окрестность имела вид нагорной степи, покрытой ровной травой, над которою высились только зонтовидные акации. Трава была там зеленее, не такая высокая и, по-видимому, сочнее. Нель со спины Кинга, а Стась с возвышений, на которые он поднимался, видели такие большие стада антилоп, каких нигде до тех пор не

встречали. Они паслись иногда отдельно, иногда все вместе: антилопы гну, пофу, ариели, коровы, бубали, прыгуны и огромные куду. Попадалось также много зебр и жирафов. Завидев караван, стада эти переставали есть, поднимали головы и, прядая ушами, с неописуемым изумлением смотрели на белый паланкин и вдруг сразу обращались в бегство; пробежав несколько сот шагов, они снова останавливались, снова оборачивались и всматривались в незнакомый им предмет, после чего, удовлетворив свое любопытство, принимались опять спокойно за свою жвачку. Иногда перед караваном с брюзаньем и топотом появлялся вдруг носорог, но, вопреки своей сангвинической природе и привычке нападать на все, что попадает ему на глаза, позорно обращался в бегство, завидев Кинга, которого только приказания Стася удерживали от преследования.

Африканский слон ненавидит носорога и если нападает на его свежий след, то, надеясь на превосходство своей силы, идет за ним, пока не найдет своего врага и не сразится с ним, причем жертвой почти всегда падает носорог. Кингу, у которого на совести, наверно, был уже не один такой толстокожий, нелегко приходилось отказываться от удовлетворения своей привычки; но он уже был настолько приручен и так привык смотреть на Стася как на своего властелина, что, услышав его голос и заметив грозный взгляд его глаз, опускал поднятый хобот и уши и спокойно продолжал путь. У Стася, правда, загоралось немалое желание увидеть борьбу этих двух гигантов, но он боялся за Нель. Если бы слон пустился вскачь, паланкин мог бы разбиться или, еще хуже, огромное животное могло зацепить им за первую попавшуюся ветку, и тогда жизнь Нель была бы в большой опасности. Из охотничьих рассказов, которые Стась читал еще в Порт-Саиде, он знал, что охотники за тиграми в Индии больше самих тигров боятся того, чтобы слон в испуге или во время погони не задел башенкой за дерево. Притом и самый галоп этого колосса так тяжел, что без ущерба для здоровья никто не мог бы долго выдержать такой езды.

Но, с другой стороны, присутствие Кинга устраняло много опасностей. Коварные и бесстрашные буйволы, которых они встретили в первый же день на пути к небольшому озеру, куда собирались под вечер всякие звери из окрестных мест на водопой, тоже бежали при виде его и, обойдя все озеро, пили воду с другой стороны. Ночью, привязанный к дереву за заднюю ногу, Кинг сторожил палатку, в которой спала Нель. Стража эта была настолько верная, что Стась хотя и велел развести костер, но счел лишним окружить место привала зерибой, хоть понимал, что там, где водится так много антилоп, наверно, нет недостатка и в львах. Действительно, в ту же ночь несколько львов стали рычать в огромных кустах можжевельника[41], росшего на склонах холмов. Несмотря на пылавший огонь, хищники, привлеченные лошадиным запахом, подходили близко к стоянке, но когда, наконец, Кингу надоело слушать их рев и когда вдруг среди тишины раздался похожий на гром его грозный трубящий крик, они умолкли, пристыженные, поняв, очевидно, что с такого рода экземпляром лучше не вступать ни в какие непосредственные сношения. Всю остальную часть ночи дети спали прекрасно и с рассветом пустились в дальнейший путь.

Но для Стася снова начались заботы и хлопоты. Во-первых, он рассчитал, что они едут очень медленно и не смогут проходить больше десяти километров в день. Подвигаясь таким образом, они успели бы, правда, в течение месяца достигнуть границы Абиссинии, но так как Стась решил следовать во всем совету Линде, который категорически утверждал, что в эту страну они пробраться не смогут, то оставался только путь к океану. Но, по расчету швейцарца, от океана их отделяло больше тысячи километров, да и то по прямой линии, так как до лежащей южнее Момбасы было еще дальше; таким образом, выходило, что все путешествие продолжалось бы больше трех месяцев. Стась со страхом думал о том, что это будут

три месяца зноя, трудов и опасностей со стороны негритянских племен, с которыми они могли встретиться. Они были еще в пустынной стране, население которой разогнала частью оспа, частью вести о налетах дервишей. Но Африка вообще довольно населена, так что рано или поздно они должны были очутиться в местностях, обитаемых неизвестными племенами, управляемыми обыкновенно дикими и жестокими царьками. Нелегко было бы сохранить свободу и жизнь среди стольких опасностей.

Стась рассчитывал, что если им встретится по пути племя ва-химов, то он научит несколько десятков воинов стрелять, а затем большими обещаниями склонит их сопровождать его до самого океана. Но Кали не имел никакого понятия о том, где живут ва-химы; Линде же, который что-то слышал о них, тоже не мог ни указать пути к ним, ни точно определить местности, занимаемой ими. Швейцарец упоминал о каком-то Большом Озере, о котором он знал лишь из рассказов; Кали же утверждал категорически, что по одну сторону этого озера, которое он называл Бассо Нарок, живут ва-химы, а по другую – самбуру. Стася беспокоило то, что в географии Африки, которую в школе в Порт-Саиде проходили очень обстоятельно, о таком озере ничего не упоминалось. Если бы ему говорил о нем только Кали, он допустил бы, что это – Виктория-Нианца. Но не мог так ошибаться Линде, который шел именно с озера Виктории на юг, вдоль гор Карамойо, и который из сведений, собранных среди жителей этих гор, вывел заключение, что это таинственное озеро тянется на восток и юг. Стась не знал, как ему ко всему этому отнестись. Он боялся, что может на этом озере не найти племени ва-хима; он боялся также диких племен, безводных степей, непроходимых гор, мухи цеце, которая убивает животных, боялся сонной болезни, лихорадки, боялся зноя и тех неизмеримых пространств, которые еще отделяли его от океана.

Но после того, как они оставили гору Линде, ничего другого не оставалось, как идти вперед, все на восток и на восток. Линде, правда, говорил, что это путешествие свыше сил даже для опытного и энергичного путешественника. Но Стась приобрел уже большой опыт, а что касается энергии, то дело ведь шло о Нель, и он решил использовать всю свою изворотливость и находчивость. Тем временем нужно было сохранить силы девочки, и он решил путешествовать только от шести часов утра до десяти, а второй этап, – от трех до шести вечера, то есть до заката солнца, – совершать только в том случае, если бы на месте первой остановки не было воды.

Но так как во время «массики» шли очень обильные дожди, то путники пока находили воду повсюду. Озерки, образовавшиеся в долинах от проливных дождей, были еще довольно полны, а с гор то здесь, то там стекали ручьи, катившие кристальную и холодную воду, в которой было очень хорошо и совершенно безопасно купаться, потому что крокодилы живут только в больших водах, где нет недостатка в рыбе, составляющей их обычную пищу.

Стась, однако, не позволял девочке пить сырую воду, хотя в наследство от Линде у него остался прекрасный фильтр, действие которого всегда вызывало изумление Кали и Меа. Оба они, видя, как фильтр, погруженный в мутную, беловатую воду, пропускает в резервуар только чистую и прозрачную, покатывались со смеху и хлопали себя по бедрам от удивления и восторга.

Вообще, вначале путешествие было легкое. От Линде у них остались большие запасы кофе, чаю, сахару, бульону, различных консервов и всякого рода лекарств. Стасю не приходилось жалеть припасов, так как их было больше, чем они могли взять с собой. Не было недостатка также в различных инструментах, в оружии всякого рода

и в ракетах, которые при встрече с неграми могли бы очень пригодиться. Страна была плодородная: дичи, а следовательно, свежего мяса и плодов, везде было в изобилии. То здесь, то там в низинах встречались болота, но они были еще покрыты водой, так что не заражали воздух вредными испарениями. Москитов, распространяющих лихорадку, на возвышенностях совсем не было. Жара с десяти часов утра становилась, правда, нестерпимой, но на время так называемых «белых часов» маленькие путешественники устраивались в тени больших деревьев, сквозь густую листву которых не пробивался ни один луч солнца. Здоровье Нель, Стася и негров было прекрасное.

XXXVIII

Был уже пятый день путешествия. Стась ехал вместе с Нель на Кинге, так как они попали в широкую полосу акаций, разросшихся так густо, что лошади могли идти только по просеке, проложенной слонем. Час был ранний, утро ясное и росистое. Дети вели беседу о своем путешествии и о том, что каждый день приближает их как-никак к океану и к родителям, по которым они все время не переставали тосковать. С самой минуты похищения их из Файюма это был неисчерпаемый предмет всех их разговоров, которые всегда волновали их до слез. Они постоянно повторяли друг другу, что их отцы не сомневаются в их гибели или в том, что они пропали навсегда, и оба, убитые горем, посылают без всякой надежды арабов в Хартум за какими-нибудь сведениями; а между тем они, их дети, уже далеко не только от Хартума, но и от Фашоды и через пять дней будут еще дальше, а потом еще дальше, и когда-нибудь, наконец, дойдут до океана или до какого-нибудь места, откуда можно будет послать телеграмму.

Единственным человеком во всем караване, который знал, что их еще ждет, был Стась. Нель же была глубоко убеждена, что нет такой вещи на свете, которую Стась не мог бы совершить, и она ни на минуту не сомневалась, что он доведет ее до берега. И часто, предупреждая события, она воображала, что будет, когда придет первое известие о них, и, щебеча, как птичка, рассказывала об этом Стасю. «Сидят, – говорила она, – папочки в Порт-Саиде и плачут. Вдруг входит бой с телеграммой. Что такое? Мой папа или твой открывает, смотрит на подпись и читает: «Стась и Нель». Вот уж обрадуются-то! Вот вскочат, чтоб ехать нам навстречу! Вот-то будет радость во всем доме... И папочки обрадуются, и все обрадуются... И будут тебя хвалить... и приедут... и я крепко, крепко обниму папочку, и потом мы будем всегда вместе... и...»

И кончалось тем, что подбородок начинал у нее дрожать, прелестные глазки превращались в два фонтана, и в конце концов она прислонялась головкой к плечу Стася и плакала одновременно от тоски и горя и от радости при мысли о предстоящей встрече.

Стась же, уносясь воображением в будущее, угадывал, что отец будет горд им и скажет ему: «Ты показал себя молодцом!» «Я должен спасти Нель, – говорил он сам себе, – я должен дожить до этой минуты». И в такие мгновенья ему самому казалось, что нет таких опасностей, которых он не мог бы преодолеть, и нет таких препятствий, которых он не сокрушил бы.

Но до окончательного торжества было еще далеко. Пока что им приходилось пробираться через густую рощу акаций. Длинные колючки этих деревьев оставляли даже на коже Кинга белые царапины. Наконец роща стала редеть, и сквозь ветви раскиданных уже далеко друг от друга деревьев опять стала видна зеленая степь. Несмотря на то, что зной уже порядком давал себя знать, Стась вылез из паланкина и уселся на шею слона, чтоб посмотреть, не видно ли на горизонте антилоп или

зебр, так как нужно было возобновить запас мяса.

Действительно, он заметил направо небольшое стадо ариелей, состоявшее из нескольких голов, а между ними двух страусов. Но когда они миновали последнюю группу деревьев и слон повернул налево, совсем другое зрелище поразило глаза мальчика: в расстоянии полукилометра перед ним было поле маниоки, а на окраине его – несколько черных фигур, занятых, по-видимому, работой в поле.

– Негры! – воскликнул он, обращаясь к Нель.

Сердце тревожно забилося у него в груди. С минуту он колебался, не повернуть ли ему назад и не спрятаться ли опять в рощу. «Но, – подумал он, – в населенной стране нам придется все равно, рано или поздно, встретиться с жителями и вступить с ними в какие-нибудь отношения, и от того, какой характер примут эти отношения, может зависеть вся судьба нашего путешествия». И, после недолгого колебания, он направил слона к полю.

В это время подъехал Кали и, указывая на группу деревьев, промолвил:

– Великий Господин! Вон там негры, деревня, а тут женщины работать в поле. Подъехать Кали к ним?

– Мы подведем вместе, – ответил Стась, – и ты им скажешь, что мы являемся как друзья.

– Я знаю, господин, что им сказать, – с уверенностью сказал молодой негр.

И, повернув лошадь к работавшим, он приложил руку ко рту и стал кричать:

– Йямбо, ге! Йямбо сана!

На этот крик занятые окучиванием маниоки женщины вскочили и остановились как вкопанные. Но это длилось только одно мгновение. Побросав в смятении мотыги и корзинки, они пустились с криком бежать к деревьям, среди которых была скрыта деревня.

Маленькие путешественники подъезжали медленно и спокойно. В чаще послышался вой нескольких сот голосов, а потом наступила вдруг тишина. Ее прервал глухой, но громкий удар бубна, который не прекращался потом ни на минуту.

Было очевидно, что это – боевой сигнал для воинов, так как с лишним триста негров выбежали вдруг из чащи. Все они вытянулись длинной шеренгой перед деревней. Стась остановил Кинга на расстоянии ста шагов и стал рассматривать их. Солнце освещало их высокие фигуры, широкие груди и сильные руки. Они были вооружены луками и дротиками. Вокруг бедер у них были короткие юбочки из вереска, а у некоторых – из обезьяньих шкур. Головы их были украшены страусовыми и попугайными перьями или большими париками, содранными с черепов павианов. Они выглядели воинственно и грозно, но стояли неподвижно и безмолвно, так как изумлению их, по-видимому, не было пределов и оно парализовало их воинственные намерения. Все глаза были устремлены на Кинга, на белый паланкин и на сидевшего у слона на шее белого человека.

Слон не был для негров незнакомым животным. Напротив, они жили в постоянном страхе перед слонами, целые стада которых уничтожали по ночам их поля маниоки,

плантации бананов и пальм «дум». Так как дротики и стрелы не пробивали слоновьей кожи, то бедные негры боролись с вредителями огнем, криками, подражанием петушину голосу, рыли ямы и устраивали западни из древесных стволов. Но чтобы слон стал покорным человеку и позволил сидеть у себя на шее, никто из них никогда не видел и не мог бы даже себе представить. И то, что они видели перед собой, настолько превосходило все их понятия и представления, что они сами не знали, что им делать: вступить ли в борьбу или бежать без оглядки, хотя бы пришлось оставить все на произвол судьбы.

Стоя в неуверенности, испуге и недоумении, они шептали только друг другу:

– О мать! Что это за создания идут к нам и что ждет нас от их рук?

В это время Кали подъехал к ним на расстояние полета дротика, привстал в стременах и стал кричать:

– Люди, люди! Внемлите голосу Кали, сына Фумбы, могучего царя ва-химов с берегов Бассо Нарока! Внемлите, внемлите! И если понимаете его язык, слушайте каждое его слово!

– Понимаем! – загремел ответ из трехсот уст.

– Так пусть выступит ваш вождь, пусть скажет свое имя и пусть откроет уши и губы, чтоб лучше слышать.

– М'Руа! М'Руа! – пронеслось по рядам множество голосов.

М'Руа выступил вперед шеренги, но не больше чем на три шага. Это был уже старый негр, высокий и крепко сложенный, не грешивший, однако, излишней храбростью, так как поджилки дрожали у него так сильно, что он должен был воткнуть острие копья в землю и опереться в его древко, чтоб удержаться на ногах.

Его примеру последовали и остальные воины и тоже воткнули в землю свои дротики и пики, давая понять, что они хотят выслушать спокойно слова пришельца.

Кали заговорил, еще больше возвысив голос:

– М'Руа, и вы, люди М'Руа! Вы слышали, что говорит вам сын царя ва-химов, коровы которого покрывают горы вокруг Бассо Нарока так густо, как муравьи покрывают тело убитой жирафы. Что же говорит Кали, сын царя ва-химов? Он возвещает вам великую и радостную весть о том, что к вам, в вашу деревню, является «доброе Мзиму»!

Он еще больше повысил голос:

– Да! «Доброе Мзиму»! О-о-о!

По воцарившейся тишине можно было понять, какое сильное впечатление произвели слова Кали. Шеренга воинов заколыхалась; одни, сгорая любопытством, сделали несколько шагов вперед, другие отступили в испуге. М'Руа оперся обеими руками на копье. Некоторое время длилось молчание. Лишь немного спустя по рядам пробежал шепот, и отдаленные голоса стали повторять: «Мзиму! Мзиму!» А кое-где слышались возгласы «Йанцыг! Йанцыг», выражавшие почет и приветствие.

Но голос Кали опять заглушил шепот и возгласы:

– Смотрите и радуйтесь! Вот «доброе Мзиму» сидит там, в этой белой хижинке, на хребте огромного слона, а огромный слон слушается его, как невольник слушается господина и как дитя слушается матери. Ни ваши отцы, ни вы не видели ничего подобного...

– Не видели! Йанцыг! Йанцыг!..

И глаза всех воинов направились на «хижину», то есть на паланкин.

Кали между тем продолжал с искренней верой в истину своих слов рассказывать о чудесах, которые может сотворить «доброе Мзиму»: ниспослать дождь на поля проса, маниоки и бананов и на травы, чтоб у коров был хороший корм и чтоб они давали густое и жирное молоко; послать ветер, который развеет болезнь и защитит от нападения, и от неволи, и от всякого вреда на полях... И от льва, и от пантеры, и от змеи, и от саранчи...

– А теперь слушайте еще и смотрите, кто сидит перед хжиной, между ушами страшного слона. Там сидит Бвана Кубва, – белый господин, – великий и сильный, которого боится слон, у которого в руке гром, убивающий злых людей и львов, который пускает огненных змей, который ломает скалы... Но он, этот великий и сильный, не сделает вам ничего плохого, если вы отнесетесь с почетом к «доброму Мзиму»!

– Йанцыг! Йанцыг!

– И если принесете ему сухой муки из бананов, куриных яиц, свежего молока и меду.

– Йанцыг! Йанцыг!

– Так подойдите же и падите ниц перед ним.

М'Руа и его воины зашевелились и, не переставая повторять «Йанцыг! Йанцыг!», сделали осторожно несколько шагов вперед. Суеверный страх перед Мзиму и перед слоном сдерживал их движения. Вид Саба тоже перепугал их, так как они приняли его за «вобо», то есть за большого желто-серого леопарда, который водится в тех местах и в Южной Абиссинии и которого местные жители боятся больше, чем льва, потому что он предпочитает человеческое мясо всякому другому и с неслыханною дерзостью нападает даже на вооруженных мужчин. Они успокоились, однако, видя, что маленький пузатый негритенок держит страшного «вобо» на веревке. Во всяком случае, это только усугубило их представление о могуществе «доброе Мзиму» и белого господина и, глядя то на слона, то на Саба, они перешептывались: «Если они околдовали даже вобо, так кто же на свете может им сопротивляться?» Но самый торжественный момент наступил тогда, когда Стась, повернувшись к Нель, сначала низко поклонился, а потом раздвинул устроенные в виде занавески стенки паланкина и показал глазам собравшихся «доброе Мзиму». М'Руа и все воины пали ниц. Никто не смел пошевелиться, а страх, овладевший сердцами, стал еще больше, когда Кинг, по приказу ли Стася или по собственному желанию, поднял кверху хобот и затрубил, а Саба ответил ему басом. Из всех уст вырвался точно молящий стон: «Ака! Ака! Ака!» И это продолжалось до тех пор, пока Кали опять не заговорил:

– О М'Руа и вы, дети М'Руа! Вы отдали должную честь «доброму Мзиму», так

встаньте, смотрите и насыщайте им глаза ваши. Изгоните страх из грудей и животов ваших и знайте, что там, где пребывает «доброе Мзиму», кровь человеческая не может пролиться.

В ответ на эти слова, а особенно на заявление, что рядом с «добрым Мзиму» никого не может постигнуть смерть, встал М'Руа, а за ним остальные воины и стали смотреть на «доброе божество».

Стась не переставал следить за всем, что происходило. Он заметил, что один из негров, одетый в остроконечную шапку из мышинных шкурок, вслед за последними словами Кали отделился от толпы и ползком, как змея в траве, направился к отдельно стоявшей в стороне хижине, окруженной высоким частоколом, обвитым вьющимися растениями.

«Доброе Мзиму» между тем, хотя и очень смущенное ролью божества, протянуло, по совету Стася, свою маленькую ручку и стало приветствовать негров. Черные воины радостно следили глазами за каждым движением этой маленькой ручки с глубокой верой, что в ней заключаются «могущественные чары», которые защитят их и охранят от множества бед. Некоторые, ударяя себя в грудь и по бедрам, говорили: «О мать! Теперь-то нам будет хорошо, – нам и нашим коровам!» М'Руа, оправившись совсем от страха, подошел к слону, еще раз низко поклонился «доброму Мзиму», а потом Стасю и обратился к нему с такими словами:

– Хочет ли Великий Господин, который везет на слоне белое божество, съесть кусок М'Руа и согласен ли он, чтобы М'Руа съел кусок его и чтобы они стали братьями, между которыми нет лжи и измены?

Кали тотчас же перевел эти слова, но, видя по лицу Стася, что у того нет ни малейшей охоты «скушать кусок» М'Руа, обратился к старому негру с такими словами:

– О М'Руа, неужели ты думаешь, что белый господин, столь могучий, что его боится слон, Великий Господин, у которого в руках гром, убивающий львов, которому виляет хвостом «вобо», который пускает огненные змеи и ломает скалы, может заключать братство крови с первым попавшимся царьком? Подумай, о М'Руа, не наказал ли бы тебя великий дух за дерзость и не довольно ли с тебя будет чести, если ты съешь кусок Кали, сына Фумбы, повелителя ва-химов, и если Кали, сын Фумбы, съест кусок тебя?

– А ты не невольник? – спросил М'Руа.

– Великий Господин не похитил Кали и не купил его, а спас ему жизнь, и потому Кали ведет «доброе Мзиму» и господина в страну ва-химов, чтобы ва-химы и их повелитель Фумба оказали им почет и принесли богатые дары.

– Тогда пусть будет так, как ты говоришь, и пусть М'Руа съест кусок Кали, а Кали – кусок М'Руа.

– Пусть будет так! – повторили все воины.

– Где же колдун? – спросил царь.

– Где колдун? Где колдун? Где Камба? – стали повторять многочисленные голоса.

Но вдруг произошло нечто такое, что могло совершенно изменить положение, нарушить дружеские отношения и вооружить негров против пришельцев. В стоявшей поодаль и окруженной отдельным частоколом хижине послышался вдруг адский треск. Он был похож не то на рев льва, не то на гром, не то на грохот барабана, не то на хохот гиены или вой волка, не то на пронзительный скрип ржавых железных петель. Услышав эти ужасные звуки, Кинг начал рычать, Саба лаять, а осел, на котором сидел Насибу, реветь. Воины вскочили как ужаленные и вырвали копыя из земли. Поднялось смятение. Стась услышал беспокойные возгласы: «Наше Мзиму! Наше Мзиму!» Почет и расположение, с каким негры смотрели на пришельцев, исчезли в одно мгновение. Глаза дикарей стали бросать подозрительные и неприязненные взгляды. В толпе стал подыматься грозный ропот, а страшный треск в одинокой хижине все усиливался.

Кали перепугался и, быстро приблизившись к Стасю, стал говорить прерывающимся от волнения голосом:

– Господин, это колдун разбудил «злое Мзиму», и оно боится, что ему не будут приносить дары, и потому оно рычит от злости. Успокой, господин, колдуна и «злое Мзиму» богатыми дарами, а то эти люди обратятся против нас.

– Успокоить их? – сурово повторил Стась.

Он понял коварство и корысть колдуна. Его охватила злоба, а неожиданная опасность взбудоражила всю его душу. Глаза его зловеще блеснули, он закусил губы и сжал кулаки, щеки его побледнели.

– Я их успокою, – проговорил он, – только не дарами!

И он не задумываясь погнал слона к хижине.

Кали, не желая оставаться один среди негров, последовал за ним. Из груди диких воинов вырвался крик, – неизвестно, испуга или негодования, – но прежде чем они успели опомниться, частокол под напором головы слона затрещал и рухнул; вслед за ним рассыпались глиняные стены хижины, крыша ее очутилась в воздухе, окруженная клубами пыли; наконец, еще через минуту М’Руа и его люди увидели поднятый кверху черный хобот, а на конце его – колдуна Камба.

Стась заметил на полу большой барабан, сделанный из ствола сгнившего внутри дерева, обтянутого кожей. Он велел Кали подать ему этот инструмент и, повернув слона, остановился прямо против изумленных воинов.

– Люди, – проговорил он громким голосом, – это не ваше Мзиму рычит, а трещит этот плут на барабанах, чтоб выманить от вас приношения... А вы боитесь его, как дети!

С этими словами он взялся рукой за бечевку, перетянутую через сухую кожу барабана, и начал вертеть его изо всех сил. Те же звуки, что прежде так испугали негров, раздались и теперь, даже еще пронзительнее, так как их не заглушали стены хижины.

– О, как же глуп М’Руа и его дети! – воскликнул Кали.

Стась отдал ему барабан, и негр начал трещать на нем с таким усердием, что в течение минуты нельзя было расслышать ни одного слова. Когда ему показалось

наконец довольно, он швырнул барабан под ноги М'Руа.

– Вот ваше Мзиму! – крикнул он ему со смехом.

И с обычным для негров многословием он обратился к воинам с речью, труня и насмехаясь над ними и над М'Руа. У ва-химов ни женщины, ни даже дети не боялись бы такого Мзиму, а М'Руа и его люди боятся. Одно есть только истинное Мзиму и один воистину великий и могучий господин. Пусть же они воздадут им почести и пусть принесут как можно больше даров. А то на них посыплется беды, о каких они до сих пор и не слыхивали.

Для негров не нужно было даже этих слов. Уже одного того, что колдун вместе со своим злым Мзиму оказался много слабее нового белого божества и белого господина, было для них достаточно, чтобы отступить от него и наградить его презрением. Сам М'Руа стал просить Стася, чтоб он позволил связать колдуна и продержат его до тех пор, пока они не придумают для него достаточно жестокой казни. Но Нель решила оставить ему жизнь, и так как Кали объявил перед тем, что там, где пребывает «доброе Мзиму», не может быть пролита человеческая кровь, то Стась разрешил только прогнать несчастного колдуна из деревни.

Камба, который был уверен, что умрет в самых мучительных пытках, пал ниц перед «добрым Мзиму» и со слезами на глазах стал благодарить его за дарованную ему жизнь. С этой минуты ничто уже не нарушало торжества. Из-за частогокола высыпали женщины и дети, так как весть о появлении необычайных гостей распространилась по всей деревне и желание увидеть белое Мзиму одержало верх над страхом. Стась и Нель в первый раз видели поселение настоящих дикарей, до которых не доходили даже арабы. Одевание этих негров состояло только из луба или из кож, обвязанных вокруг бедер. Все они были татуированы. У мужчин и у женщин были продырявлены уши, и в отверстиях торчали куски дерева или кости такой величины, что растянутые мочки ушей доходили до плеч. В нижней губе они носили «пелеле», то есть деревянные или костяные кружки величиной с небольшое блюдечко. Наиболее отличившиеся воины и их жены носили на шее ожерелья из железной или медной проволоки, настолько высокие и твердые, что они едва могли поворачивать головы. Дети выглядели точно маленькие блошки и, не обезображенные еще разными «пелеле», были гораздо красивее взрослых.

Женщины, наглядевшись сначала издали на «доброе Мзиму», стали затем наперебой с мужчинами сносить подарки, состоявшие из козлят, кур и яиц, черных бобов и пива, сваренного из проса. Это продолжалось до тех пор, пока Стась не остановил этого наплыва припасов, а так как он щедро заплатил за них бусами и разноцветным ситцем, а Нель раздала детям маленькие зеркальца, которые нашлись в багаже Линде, то вся деревня наполнилась безграничной радостью и весельем, и вокруг палатки, куда укрылись маленькие путешественники, все время раздавались веселые и восторженные крики. Собравшиеся воины проплясали в честь гостей военный танец и устроили нечто вроде турнира, после чего приступили к заключению братства крови между Кали и М'Руа. Так как не было Камбы, который был необходим для этой церемонии, то его заместил старый негр, хорошо знавший все заклинания. Зарезав козленка, он вынул его печень и разрезал ее на несколько больших кусков; потом он начал вертеть рукой и ногой что-то вроде прялки и, бросая взгляд то на Кали, то на М'Руа, проговорил торжественным голосом:

– Кали, сын Фумбы, хочешь ли ты скушать кусок М'Руа, сына М'Кули, и ты, М'Руа, сын М'Кули, хочешь ли съесть кусок Кали, сына Фумбы?

– Хотим, – ответили будущие братья.

– Хотите вы, чтобы сердце Кали было сердцем М’Руа, а сердце М’Руа было сердцем Кали?

– Хотим.

– И чтобы между вами не было ни лжи, ни измены, ни злобы? И чтоб вы были братьями?

– Да!

Собравшиеся вокруг воины с возрастающим вниманием следили за происходящим.

– Ао! – воскликнул старый негр. – Но если один из вас обманет другого, изменит ему, обкрадет его, отравит, убьет, – то пусть будет проклят! И если он лжет и замышляет измену, то пусть не проглотит крови своего брата и пусть изрыгнет ее на наших глазах! И пусть умрет! Пусть растерзает его вобо! Или лев! Пусть растопчет его слон, носорог и буйвол! И пусть его укусит змея! А язык у него пусть станет черный! А глаза у него пусть спрячутся в затылок! И пусть он ходит пятками кверху!

Не только Стась, но и Кали закусывали губы, чтобы не приснуть со смеху. А заклинания между тем повторялись, и все страшнее. Наконец у старого негра не хватило больше сил и дыхания: он сел на землю и некоторое время молча покачивал головой из стороны в сторону. Минуту спустя, однако, он встал и, взяв нож, надрезал им кожу на руке Кали и, вымазав в его крови кусок печени козленка, ткнул его в рот М’Руа, а другой кусок, вымазанный в крови царька, – в рот Кали. И тот и другой проглотили их с такой быстротой, что глаза у обоих чуть не выскочили на лоб, а потом они схватили друг друга за руки в знак верной и вечной дружбы.

Воины стали радостно кричать:

– Оба проглотили, ни один не подавился; значит, оба говорят искренне и нет между ними измены!

Стась мысленно благодарил Кали за то, что он заместил его в этой церемонии, так как чувствовал, что если бы ему пришлось глотать «кусочек» М’Руа, то ему, наверно, пришлось бы обнаружить неискренность и быть заподозренным в измене.

Но зато с этой минуты маленьким путешественникам действительно больше не грозило со стороны дикарей никакое коварство, никакое нападение, а напротив, они были окружены полным гостеприимством и почти божескими почестями. Уважение к ним возросло еще больше, когда Стась, заметив большое падение на унаследованном от Линде барометре, предсказал дождь и когда дождь действительно в тот день пошел. Негры были убеждены, что этот дождь подарило «доброе Мзиму», и их благодарность к Нель не имела границ. Стась подшучивал над ней, говоря, что раз она сделалась негритянским божком, то дальше он поедет уже один, а ее оставит в деревне М’Руа, где негры выстроят для нее капище из слоновьих клыков и будут приносить ей бобы и бананы.

Но Нель была настолько уверена, что он этого не сделает, что, привстав на цыпочки, шепнула ему на ухо только два слова: «Не оставишь!» – а потом начала

прыгать от радости, говоря, что раз негры, оказывается, такие добрые, то, значит, все путешествие до океана пойдет легко и быстро.

Ночью Стась оказал действительную услугу негритянскому царьку и его подданным: когда слоны напали на плантации бананов, он поехал к ним на Кинге и пустил в стадо несколько ракет. Переполох, вызванный огненными змеями, превзошел даже его ожидания. Огромные животные, охваченные безумным страхом, наполнили всю степь ревом и топотом и, убегая без оглядки, опрокидывались и топтали друг друга. Могучий Кинг с большой охотой преследовал убегающих товарищей, не жалея ударов хоботом и клыками. После такой ночи можно было быть уверенным, что долго ни один слон не появится на плантациях бананов и пальм «дум», принадлежавших деревне старого М'Руа.

Среди негров царила неопишуемая радость. Они провели всю ночь в пляске и пили пиво из проса и пальмовое вино. Кали узнал у них много полезного. Оказалось, что некоторые из них слышали о какой-то «большой воде», лежащей на востоке и окруженной горами. Для Стася это было доказательством, что озеро, о котором ему не приходилось читать в книгах, действительно существует. Кроме того, он понял, что, продолжая идти в избранном направлении, они набредут, рано или поздно, на племя ва-химов. Из того, что язык Меа и Кали почти не отличался от языка М'Руа, он заключил, что название Ва-хима, вероятно, местное и что народы, живущие по берегам Бассо Нарок, наверное, все принадлежат к большому племени шиллюков, которое населяет все пространство от Нила на восток, неизвестно до каких пределов[42].

XXXIX

Все население далеко провожало «доброе Мзиму» и простилось с ним со слезами, умоляя его, чтобы оно явилось еще когда-нибудь к старому М'Руа и помнило о его народе. Следующие три дня караван опять шел по пустынным местам. Дни были знойные, а ночи, благодаря высоте равнины, такие холодные, что Стась велел Меа покрывать Нель двумя одеялами. Им часто приходилось проходить через горные ущелья, иногда бесплодные и скалистые, а иногда – покрытые такой густой и переплетенной между собой растительностью, что через нее едва удавалось пробираться. На обрывах этих ущелий они видели больших обезьян, а иногда львов и пантер, гнездившихся в скалистых пещерах. Стась убил одну из них по просьбе Кали, который нарядился потом в ее шкуру для того, чтобы негры сразу могли узнавать, что имеют дело с лицом царской крови.

За ущельями, на высокой нагорной равнине, стали опять показываться негритянские поселения. Одни находились близко одно от другого, другие – на расстоянии дня или двух пути. Все они были окружены высоким частоколом и так обвиты ползучими растениями, что даже вблизи выглядели точно рощицы девственного леса. Только дым, подымавшийся посредине, давал понять, что там живут люди. Принимали караван везде приблизительно так же, как в деревне М'Руа, то есть сначала с испугом и недоверием, а потом с неопишуемым изумлением, восторгом и благоговением. Один только раз случилось, что вся деревня, завидев слона, Саба, лошадей и белых людей, убежала в соседний лес, так что не с кем было даже говорить. Но ни одно копье не было направлено против путешественников. Большей частью Кали съедал, бывало, «кусок» местного царька, а царек – «кусок» Кали, после чего отношения устанавливались самые дружелюбные, причем «доброму Мзиму» приносилась дань благоговения и преданности в виде кур, яиц и меда, добываемого из колод, подвешенных на пальмовых веревках к ветвям больших деревьев. Великий Господин, повелитель слона, грома и огненных змей, возбуждал вначале страх, который, однако, быстро сменялся благодарностью, когда дикари убеждались, что его

щедрость равна его могуществу. Там, где селения отстояли друг от друга недалеко, из одного сообщали в другое о появлении необычайных путешественников посредством ударов тамтама. Негры вообще умеют все выражать посредством ударов в этот инструмент вроде бубна. Иногда случалось, что все население выбегало им навстречу, настроенное самым дружелюбным образом.

В одной деревне, насчитывавшей около тысячи человек, местный властелин, который в своем лице соединял роль жреца и царька, согласился показать путешественникам «великого фетиша», то есть божество, которое было окружено таким благоговением и страхом, что к его капищу из черного дерева, покрытому кожей носорога, никто не смел приближаться и жертвоприношения оставались на расстоянии пятидесяти шагов. Царек рассказывал, что этот фетиш упал недавно с луны, что он белый и с хвостом. Стась заявил, что это он послал его по приказанию «доброе Мзиму». Говоря это, он вовсе не лгал, так как оказалось, что «великий фетиш» был не что иное, как один из змеев, которых он пускал с горы Линде. Стась и Нель очень обрадовались при мысли, что другие змеи при попутном ветре могли залететь еще дальше, и решили продолжать пускать их с высоких мест. Стась смастерил и пустил одного змея в тот же вечер, чем окончательно убедил негров, что и «доброе Мзиму», и белый господин явились на землю тоже с луны и что они – тоже божества, которым нужно служить с глубокой покорностью.

Но еще больше, чем эта покорность негров и их почести, обрадовали Стася известия, что Бассо Нарок лежит всего в каких-нибудь десяти или пятнадцати днях пути и что жители той деревни, в которой они остановились, получают иногда из тех мест соль в обмен на вино из пальм «дум». Местный царек слышал даже о Фумбе, повелителе племени доко. Кали заявил, что действительно далекие соседи так называют племена ва-хима и самбуру. Менее утешительны были известия, что на берегах Большой Воды идет война и что к Бассо Нароку нужно идти через очень дикие горы и крутые ущелья, полные хищных зверей. Но хищных зверей Стась уже не очень боялся, а горы, хотя бы и самые дикие, предпочитал низким равнинам, где путешественников коварно подстерегает лихорадка.

Они тронулись в путь, полные надежд. За этим многолюдным селением они набрали лишь на одну жалкую деревушку, прилепившуюся, точно гнездо, к краю обрыва. Потом началось предгорье, кое-где изрытое глубокими расселинами. На востоке мрачно возвышалась горная цепь, казавшаяся издали почти черной. Это была совершенно неведомая страна, и туда-то они шли, не зная, что их там может ожидать, пока они дойдут до владений Фумбы. На высотах, которые они проходили, было довольно много деревьев, но, за исключением одиноко торчавших смоковниц и акаций, они стояли группами, образуя как бы маленькие рощицы. В этих рощицах путешественники останавливались, чтоб отдохнуть и подкрепиться в прохладной тени.

В листве деревьев жило множество птиц. Всевозможные виды голубей, крупные туканы, сизоворонки, скворцы, горлицы и бесчисленное множество красивых «бен-галисов» кружились в листве или перепархивали из одной рощицы в другую, в одиночку или стаями, отливая в воздухе всеми цветами радуги. Издали казалось, будто некоторые деревья покрыты пестрыми цветами. Нель особенно восхищалась видом райских мухоловок и черных, с алым брюшком, сорокопутов, свист которых напоминал пастушью свирель. Чудные щурки, сверху ярко-красные, а снизу бирюзовые, порхали в солнечном блеске, ловя на лету пчел и кузнечиков. На верхушках деревьев раздавались крики зеленых попугаев, а иногда доносился звон точно серебряных колокольчиков, которым приветствовали друг друга крошечные серо-зеленые птички, прятавшиеся под листьями адансонии. Перед восходом и после захода солнца пролетали стаи туземных воробьев, такие многочисленные, что, если

бы не пискливое чириканье и не шум крылышек, их можно было бы принять за тучи.

Но еще большее изумление и восторг вызывали у обоих детей другие птички, летавшие небольшими стаями и угощавшие их настоящими концертами. Каждая стая состояла всего из пяти или шести самок и одного, сверкавшего металлическим отливом перьев, самца. Они садились большей частью на отдельные акации так, что самец оказывался на макушке дерева, а самки – внизу. После нескольких звуков, как бы пробы голоса, самец начинал петь, а самки молча слушали его. Когда он кончал, они в один голос повторяли за ним хором последние переливы его песни. Сделав небольшой перерыв, он опять начинал и останавливался, они опять повторяли, и вся стайка вдруг вспархивала и легким, колышущимся полетом перелетала на другую, ближайшую акацию. Там концерт из солиста и хора раздавался опять в полуденной тишине. Дети не могли наслушаться этого пения. Нель уловила мотив концерта и своим тоненьким голоском подпевала вместе с хором самок последние ноты: «тюи, тюи, тюи, тюилинг – тинг! тинг!!»

XL

Четыре дня спустя Стась остановился на продолжительный отдых на возвышенности, напоминавшей немного гору Линде, но только поменьше размерами. В тот же вечер Саба напал на большого павиана в тот самый момент, когда тот играл обрывками змея, – уже второго из тех, которых дети выпустили перед тем, как тронулись к океану. Пользуясь остановкой, Стась и Нель решили продолжать клеить новых змеев, но пускать их только тогда, когда сильный муссон будет дуть с запада на восток. Стась рассчитывал, что если хоть один из них попадет в руки европейцам или арабам, то, несомненно, обратит на себя особенное внимание и заставит выслать для их спасения специальную экспедицию. Для большей верности он, наряду с английскими и французскими словами, приписывал и арабские, что ему было нетрудно, так как арабский язык он знал превосходно.

Вскоре после того, как они покинули последнюю стоянку, Кали заявил, что в цепи гор, которая виднеется на востоке, он узнает некоторые вершины, окружающие Большую Черную Воду, то есть Бассо Нарок. Когда Стась услышал это, у него спала с сердца огромная тяжесть и в душе у него родилась новая надежда. Как-никак они были уже почти у порога страны ва-химов.

Как пойдет путь дальше, трудно было, конечно, предсказать. Во всяком случае, мальчик мог надеяться, что он не будет ни труднее, ни длиннее всего их ужасного путешествия с берегов Нила, которое как-никак он выдержал благодаря своей исключительной отваге и находчивости, сохранив Нель от гибели. Он не сомневался, что благодаря Кали люди племени ва-хима примут их с полным гостеприимством и окажут им всякую помощь. К тому же он успел хорошо познакомиться с неграми, знал, как следует с ними поступать, и был почти уверен, что даже без Кали он мог бы с ними как-нибудь сладить.

– Знаешь, – сказал он Нель, – мы прошли уже больше чем полпути от Фашоды, а на той половине, что нам еще осталась, мы, может быть, встретим даже очень диких негров, но не встретим больше дервишей.

– Я больше предпочитаю негров, – ответила девочка.

– Да, пока они считают тебя божком. Меня похитили из Файюма вместе с девочкой, которую звали Нель, а назад я привезу какое-то Мзиму. Я скажу папе и мистеру Роулайсону, чтоб тебя никогда не называли иначе.

У Нель засветились глазенки, и она начала смеяться.

– Может быть, мы увидим в Момбасе папочек?

– Может быть. Если бы не эта война на берегах Бассо Нарока, мы бы там были скорее. И надо же было Фумбе впутаться в эту историю!

Он подозвал к себе Кали и спросил у него:

– Что же будет? Как же мы пройдем через страну самбуру?

– Самбуру убежать перед Великим Господином, перед Кингом и перед Кали.

– И перед тобой?

– И перед Кали, потому что у Кали есть ружье, которое греметь и убивать.

Стась задумался над тем, какую роль придется ему взять на себя в борьбе между племенами ва-хима и самбуру, и решил повести дело, конечно, так, чтобы война не помешала движению каравана вперед. Он понимал, что их появление будет совершенно новым событием, которое сразу обеспечит Фумбе превосходство. Нужно будет только как следует использовать ожидаемую победу.

В деревушках Стась получал новые сведения о войне. Они были подробнее, но мало благоприятны для Фумбы. Маленькие путешественники узнали, что он ведет оборонительную войну и что самбуру под предводительством своего царька, по имени Мамба, заняли уже значительную часть области ва-хима и отняли множество коров. Рассказывали, что война кипит, главным образом, на южной окраине Большой Воды, где на высокой и широкой скале расположена большая «бома»[43] Фумбы.

Сведения эти очень опечалили Кали. Он стал просить Стася, чтоб они поскорее перешли через гору, отделявшую их от областей, охваченных пожаром войны, уверяя, что сумеет найти дорогу, по которой проведет не только лошадей, но и Кинга. Он находился уже в стране, которую знал хорошо, и с полной уверенностью различал знакомые с детства вершины.

Переход через гору оказался, однако, нелегким. Если бы не содействие задобренных подарками жителей последней деревушки, пришлось бы искать для Кинга другого пути. Но местные жители знали еще лучше, чем Кали, все ущелья, расположенные по эту сторону горы, и после двух дней трудного путешествия, в течение которого ночью приходилось страдать от сильного холода, проводники благополучно вывели, наконец, караван на горный перевал, а с перевала – в долину, расположенную уже в стране ва-хима.

Стась остановился утром биваком в этой окруженной зарослями и никем не населенной долине. Кали попросил, чтоб ему разрешили отправиться верхом на разведку по направлению к отцовской «боме», расположенной на расстоянии одного дня пути, и уехал в ту же ночь. Стась и Нель ждали его с большим беспокойством до утра и думали уже, что он погиб или попал в руки врагов, как вдруг он явился на измученной и покрытой пеной лошади, сам тоже измученный и такой печальный, что на него было жалко смотреть.

Он сразу бросился к ногам Стася и стал молить его о спасении.

– О Великий Господин! – говорил он. – Самбуру победить воинов Фумбы, убить их много и разогнать тех, кого не убить, а Фумбу осадить в большой боме, на горе Боко. У Фумбы и его воинов нечего кушать в боме, и они погибнут, если Великий Господин не убить Мамбу и всех самбуру вместе с Мамбой.

Не переставая молить, он обнимал колени Стася. Мальчик нахмурил брови и глубоко задумался над тем, что ему следует делать, заботясь, как всегда и везде, прежде всего о Нель.

– Где находятся, – спросил он наконец, – те воины Фумбы, которых разогнали самбуру?

– Кали нашел их, и они сейчас сюда прийти.

– Сколько их?

Молодой негр несколько раз сжал и разжал пальцы обеих рук и ног, но, по-видимому, не мог точно обозначить числа по той простой причине, что не умел считать больше чем до десяти, и всякое большое число представлялось ему только как «венги», то есть множество.

– Так вот, если они придут сюда, прими над ними начальство и пойдешь на помощь отцу, – сказал Стась.

– Они бояться самбуру и не пойти с Кали, а с Великим Господином пойти и убить «венги, венги» самбуру.

Стась опять задумался.

– Нет, – сказал он наконец, – я не могу ни взять мисс на войну, ни оставить ее одну. Я ни за что на свете этого не сделаю.

В ответ на это Кали встал и, сложив руки, стал повторять:

– Луэла! Луэла! Луэла!

– Что такое Луэла? – спросил Стась.

– Большая бома для женщин ва-химов и самбуру, – ответил молодой негр.

И он стал рассказывать удивительные вещи. Фумба и Мамба, заявил он, с давних пор ведут между собой постоянные войны. Они вечно уничтожали друг у друга плантации и похищали скот. Но на южном берегу озера находилась местность, называемая Луэла, куда даже во время самых ожесточенных войн женщины обоих племен сходились торговать с полной безопасностью. Место это считалось священным. Война велась только между мужчинами, и никакие поражения или победы не влияли на судьбу женщин, которые в Луэле, за глиняной оградой, окружавшей большую базарную площадь, находили вполне безопасный приют. Многие спасались туда во время неурядиц вместе с детьми и скарбом. Другие приходили из отдаленных деревень и приносили копченое мясо, бобы, просо, маниоку и разные другие припасы. Воины не имели права сражаться вблизи Луэлы на расстоянии менее петушиного крика. Никто из них не имел права переступить через глиняный вал, которым была окружена площадь; они могли останавливаться только перед валом, и тогда женщины передавали им на длинных бамбуковых палках припасы.

Обычай этот был освящен глубокой древностью, и не было случая, чтобы та или другая сторона когда-нибудь нарушила его. Победители всегда старались отрезать побежденным путь к Луэле и не давать им возможности приблизиться к священному месту на расстояние, с которого можно было расслышать крик петуха.

– О Великий Господин! – молвил Кали, снова обнимая колени Стася. – Великий Господин отвезти мисс в Луэлу, а сам взять Кинга, взять Кали, взять ружья, взять огненных змей и разбить злых самбуру.

Стась поверил рассказу молодого негра, так как и раньше ему случалось слышать, что во многих местностях Африки война не касается женщин. Существование этого обычая на берегах Бассо Нарока очень обрадовало Стася, так как он мог быть уверен, что Нель не угрожает от войны никакая опасность. Он решил немедленно отправляться с девочкой к Луэле, тем более что до окончания войны все равно нельзя было думать о продолжении путешествия, для которого нужна была помощь не только ва-химов, но и самбуру.

Привыкнув к быстрым решениям, он знал уже, как ему поступить. Освободить Фамбу, разбить самбуру, но не допускать жестокой мести со стороны ва-химов, а потом заставить обе стороны заключить мир и жить в дружбе; это казалось ему безусловно необходимым и наиболее полезным не только для него, но и для самих негров.

«Так должно быть – и так будет!» – решил он про себя. А пока, чтоб утешить Кали, которого ему было жаль, он заявил ему, что не отказывает ему в помощи.

– Как далеко отсюда до Луэлы? – спросил он.

– Полдня пути.

– Так слушай же: мы отвезем туда немедля мисс, а потом я поеду на Кинге и прогоню самбуру от бомы твоего отца. Ты поедешь со мной и будешь тоже сражаться с ними.

– Кали будет убивать их из ружья!

И, перейдя сразу от отчаяния к радости, негр начал прыгать, смеяться и благодарить Стася с таким жаром, точно победа была уже одержана. Но дальнейшие излияния его благодарности и веселья были прерваны появлением воинов, которых он собрал во время своих разведок и которым велел явиться перед лицом белого господина. Их было человек триста. Они были вооружены щитами из кожи гиппопотамов, дротиками, луками и ножами. Головы у них разукрашены перьями, гривами павианов и листьями папоротника. При виде слона, покорного человеку, при виде белых лиц, Саба и лошадей их охватил такой же страх и изумление, как негров тех деревень, через которые проходил караван раньше. Но Кали их заранее предупредил, что они увидят «доброе Мзиму» и «могучего господина», который убивает львов, который убил вобо, которого боится слон, который ломает скалы, пускает огненных змей, и так далее... И потому, вместо того чтоб убежать, чернокожие стояли длинной шеренгой, в безмолвном изумлении, сверкая белками своих глаз, не зная, опуститься ли на колени, пасть ли ниц, и в то же время полные веры, что если эти необычайные существа помогут им, то победы самбуру немедленно прекратятся. Стась проехался вдоль шеренги на слоне, точь-в-точь как главнокомандующий, делающий смотр своему войску, и, приказав Кали повторить им свое обещание освободить Фумбу, отдал приказ отправляться к Луэле.

Кали поехал с несколькими воинами вперед, чтоб объявить собравшимся в Луэле женщинам обоих племен, что их ожидает несказанное и небывалое счастье увидеть «доброе Мзиму», которое приедет на слоне. Все это было настолько необычайно, что даже те женщины из племени ва-хима, которые узнали в Кали пропавшего без вести наследника престола, подумали, что молодой царевич шутит над ними, и удивлялись только, что у него хватает охоты шутить в столь тяжкие для всего племени и для Фумбы времена. Но когда через несколько часов они увидели приближавшегося к валу огромного слона, а на нем белый паланкин, они пришли в безумный восторг и приняли «доброе Мзиму» такими криками и таким воем, что Стась в первую минуту счел эти звуки за взрыв ненависти, тем более что необычайное безобразие этих негрятюнок делало их похожими на ведьм.

А между тем это были лишь проявления глубокого преклонения. Когда палатку Нель поставили в углу базарной площади под тенью двух густых деревьев, женщины ва-хима вместе с женщинами самбуру разукрасили ее гирляндами и венками из цветов, а потом нанесли столько разных припасов, что их хватило бы на целый месяц не только для самого божества, но и для всей его свиты. В порыве восторга женщины били земные поклоны даже Меа, которая, разодетая в розовый ситец, с несколькими нитками голубых бус, казалась им тоже, как прислужница Мзиму, существом выше обыкновенных негрятюнок.

Насибу, как ребенок, был впущен за вал и немедленно поспешил воспользоваться дарами, принесенными Нель, с таким усердием, что через час живот его напоминал военный африканский барабан.

XLI

Стась же, отдохнув немного под валами Луэлы, тронулся с Кали, во главе трехсот воинов, еще до заката солнца, к боме Фумбы. Ему хотелось напасть на самбуру ночью в расчете на то, что в темноте огненные змеи произведут большее впечатление. Путь от Луэлы к горе Боко, на которой защищался Фумба, отнял, считая с остановками, девять часов, так что у подножия крепости они очутились лишь около трех часов ночи. Стась велел воинам остановиться, и, приказав им хранить глубокое молчание, сам стал внимательно осматривать местность. Вершина горы, где спрятались защитники, была темна, у самбуру же горело много огней. Свет их озарял отвесные стены скалы и огромные деревья, росшие у ее подножия. Уже издали слышен был глухой стон тамтамов, крики и песни воинов, которые не скупались на помбе, желая вспынуть предстоявшую окончательную победу. Стась, во главе своего отряда, подвинулся еще немного вперед, так что от крайних огней его отделяло уже не больше ста шагов. Неприятельской стражи нигде не было видно, а безлунная ночь не дала дикарям возможности увидеть Кинга, который был к тому же закрыт кустами и деревьями. Сидя верхом на его шее, Стась потихоньку отдал последние приказания и дал знак Кали зажечь одну из приготовленных ракет. Багровая лента с визгом и шипением взвилась высоко под темный свод неба и с треском рассыпалась целым букетом красных, голубых и золотых звезд. Все голоса смолкли, и наступила минута глухой тишины. Через несколько секунд с адским визгом взвились еще две огненных змей, но на этот раз они были направлены горизонтально прямо на лагерь самбуру, и в то же самое время раздался рев Кинга и крик трехсот ва-химов, которые бросились с неудержимой быстротой вперед со своими ассегаями[44], дубинками и ножами. Но уже сразу, при виде огненных змей, самбуру были охвачены паникой. То, что произошло, совершенно выходило из пределов их понимания. Они знали только, что на них напали какие-то страшные существа и что им угрожает ужасная и неизбежная гибель.

Большая часть их разбежалась еще прежде, чем копья и дубинки ва-химов успели их настичь. Сто с лишним воинов, которых удалось собрать вокруг себя Мамбе, оказывали ожесточенное сопротивление. Но когда при блеске выстрелов они увидели огромное животное, а на нем одетого в белое человека и когда слуха их коснулся гром ружья, из которого без остановки стрелял Кали, – и они пали духом.

Фумба на горе, увидев первую ракету, разлетевшуюся в высоту, тоже упал со страху на землю и несколько минут пролежал точно мертвый. Но, придя в себя, он понял по отчаянному вою противников одно, а именно: что какие-то духи истребляют внизу самбуру. У него мелькнула мысль, что если он не пойдет этим духам на помощь, то гнев их может обратиться и на него. А так как истребление самбуру было для него спасением, то, собрав всех своих воинов, он выполз через боковой потайной выход из бомы и перерезал путь большей части убежавших. Тамтамы самбуру перестали греметь. Никто не просил пощады, потому что негры не знают ее. Опасаясь, чтоб не убить в темноте и смятении своих, Кали перестал наконец стрелять и, схватив меч Гебра, кинулся с ним в самую гущу врагов. Самбуру могли бежать с гор к своим границам по одному только широкому ущелью. Но это ущелье заградил со своими воинами Фумба, и из всего войска уцелели только те, кто, бросившись на землю, позволял брать себя живьем, хотя они знали, что их ждет страшная неволя или, может быть, даже немедленная смерть от руки победителей. Мамба защищался героически, пока удар дубинки не свалил его замертво. Сын его, юный Фару, попался в руки Фумбе, который приказал связать его как будущую благодарственную жертву духам, пришедшим ему на помощь.

Стась не погнался страшного Кинга в бой, а позволил ему только рычать, что еще больше пугало неприятелей. Сам он не выстрелил тоже ни разу из своего штуцера в самбуру, так как, во-первых, обещал маленькой Нель, покидая Луэлу, что никого не убьет, а во-вторых, действительно не имел ни малейшего желания убивать людей, которые ни ему, ни Нель не сделали ничего плохого. С него было достаточно, что он обеспечил ва-хима победу и освободил осажденного в большой боме Фумбу. И, когда вскоре Кали прибежал с известием о полной победе, он приказал ему прекратить сражение, продолжавшееся еще в зарослях и между скал, по воле ненасытного старого Фумбы.

Но не успел Кали прекратить сражение, как наступило утро. Солнце, как всегда под тропиками, быстро выкатилось из-за гор и залило ярким светом поле битвы. Немного спустя, когда бой наконец прекратился и лишь радостный вой ва-хима смущал утреннюю тишину, опять явился Кали, но с таким грустным и угнетенным лицом, что издали можно было догадаться, что его постигло какое-то несчастье.

И действительно, приблизившись к Стасю, он начал бить себя кулаками по голове с жалобным криком:

– О Великий Господин! Фумба куфа! Фумба куфа![45]

– Убит?! – повторил Стась.

Кали рассказал, что случилось; из его слов оказалось, что причиной такого конца было упорство самого Фумбы, который уже после конца сражения хотел добить еще двух самбуру и от одного из них получил смертельный удар копьем.

Это известие в одно мгновение распространилось между ва-хима, и все они сбежались и окружили Кали. Немного позже шесть воинов принесли на кольях старого царька, который не был убит, а лишь тяжело ранен и перед смертью хотел еще

увидеть могучего, восседающего на слоне господина, истинного победителя самбуру.

Неописуемое изумление боролось в его глазах с тьмою, которую сгущала в них смерть, и бледные, растянутые тяжелыми «пелеле» губы его тихо шептали:

– Йанцыг! Йанцыг!

Но вскоре голова его откинулась назад, уста широко раскрылись, и он скончался.

Кали, искренне любивший отца, бросился с плачем ему на грудь. Одни воины начали бить себя кулаками по голове, другие провозглашать Кали царем и кричать «йанцыг!» в честь него. Некоторые падали ниц перед юным повелителем. Против него не поднялось ни одного голоса, так как царствование принадлежало Кали не только по праву, как старшему сыну Фумбы, но и как победителю.

Между тем в лачугах колдунов, в боме на вершине горы стали раздаваться дикие рычания «злого Мзиму», точь-в-точь такие же, какие Стась слышал в первой негритянской деревушке, но на этот раз не против него, а против пленников, смерти которых они требовали за убийство Фумбы. Затрещали бубны, воины построились в длинную колонну по три человека в ряд и начали вокруг Стася, Кали и трупа вождя военную пляску.

– Оа, оа, йах, йах! – повторяли все в один голос. Головы раскачивались однообразно то вправо, то влево, белки глаз блестели, а острия пик сверкали в утреннем солнце.

Кали встал и, повернувшись к Стасю, проговорил:

– Великий Господин, привезти в бому мисс и поселиться в хижине Фумбы. Кали быть царем ва-хима, а Великий Господин – царем Кали.

Стась кивнул головой в знак согласия, но остался еще там несколько часов, так как и ему и Кингу нужно было отдохнуть.

Уехал он оттуда лишь под вечер. За время его отсутствия тела павших самбуру были убраны и брошены в соседнюю глубокую пропасть, над которой тотчас же слетелись стаи коршунов. Колдуны сделали приготовления к похоронам Фумбы, а Кали принял в свои руки власть как единственный повелитель жизни и смерти всех подданных.

– Знаешь ты, кто такой Кали? – спросил Стась у девочки на обратном пути из Луэлы. – Кали теперь царь всех ва-хима.

Нель очень обрадовало это известие. Внезапная перемена, благодаря которой недавний невольник жестокого Гебра, а потом послушный слуга Стася стал царем, показалась ей чем-то необыкновенным и вместе с тем чрезвычайно забавным...

Замечание Линде, что негры, как дети, не способны помнить, что было вчера, по отношению к Кали оказалось несправедливым. Как только Стась и Нель очутились у подножия горы Боко, молодой властелин радостно выбежал им навстречу, приветствуя их с обычными знаками покорности и радости, и повторил слова, которые сказал раньше:

– Кали быть царем ва-хима, а Великий Господин – царем Кали.

И он окружил их обоих почти божескими почестями, особенно же преклонялся он на глазах всего народа перед Нель, зная по опыту, что Великий Господин заботится о маленькой мисс больше, чем о самом себе.

Он торжественно повел их на вершину горы в царскую бому, отдал им дом Фумбы, похожий на большой, разделенный на несколько клеток сарай. Женщинам из племени ва-хима, которые пришли вместе с ними из Луэлы и не могли наглядеться на «доброе Мзиму», он приказал поставить в первой клетке кадки с медом и кислым молоком, а когда узнал, что утомленная дорогой мисс уснула, приказал всем жителям соблюдать строжайшую тишину. Но он решил почтить их еще более торжественно, и, когда Стась, отдохнув немного, вышел на крыльцо, он подошел к нему с поклоном и промолвил:

– Завтра Кали приказать похоронить Фумбу и казнить для Фумбы и для Кали столько невольников, сколько у них обоих пальцев на руках. А для мисс и для Великого Господина Кали приказал казнить Фару, сына Мамбы, и «венги, венги» других самбуру, которых взяли в плен ва-хима.

Стась нахмурил брови и, посмотрев своими стальными глазами в глаза Кали, проговорил в ответ:

– Я запрещаю тебе это делать.

– Господин, – возразил неуверенным голосом молодой негр, – ва-хима всегда казнить невольников. Старый царь умереть – казнить; молодой царь вступить – казнить. Если бы Кали не приказать казнить, ва-хима думать бы, что Кали не царь.

Стась продолжал грозно смотреть на него.

– Что же? – спросил он. – Значит, ты ничему не научился, живя столько времени с нами? Ты не научился, что нельзя зря убивать людей?

– О Великий Господин, да...

– Так слушай же! У ва-хима темные мозги, но твой мозг должен быть светлый. Раз ты стал их царем, ты должен просветить их и научить добру. Они – как шакалы и гиены: сделай из них людей. Скажи им, что пленников нельзя казнить. Белые не убивают невольников, а ты хочешь быть к ним хуже, чем был для тебя Гебр! Стыдись, Кали. Измени старые, гадкие обычаи ва-хима на хорошие, и за это все благословят тебя, а мисс не скажет, что Кали дикий, глупый и злой негр.

Страшный рев в лачугах колдунов заглушил его слова. Стась махнул рукой и продолжал:

– Я слышу! Это ваше «злое Мзиму» хочет крови и голов пленников. Но ты ведь знаешь, что это значит, – и тебя это не испугает. И вот я скажу тебе: тамтамы вышвырни на середину бомы, чтоб все ва-хима увидели и поняли, как их обманывают эти плуты. Да еще скажи твоим глупым ва-хима то, что ты говорил людям М'Руа: что там, где пребывает «доброе Мзиму», кровь человеческая не должна быть пролита.

Юному царьку понравились, по-видимому, слова Стася. Он посмотрел на него смелее и проговорил:

– Кали избить, ах, как избить колдунов! Выбросить тамтамы и сказать ва-хима, что

там, где «доброе Мзиму», нельзя никого убить. А что же Кали сделать с Фару и с самбуру, которые убили Фумбу?

У Стася весь план действий был уже готов в уме. Он ждал только вопроса и тотчас же ответил на него:

– Твой отец погиб и его отец погиб, – голова за голову. Теперь ты заключи с молодым Фару вечный мир, и с этих пор ва-хима и самбуру станут жить в согласии и будут спокойно возделывать маниоку и охотиться. Ты расскажешь Фару обо всем, что ты узнал, живя с нами, и Фару научится любить тебя как брата.

– У Кали теперь светлый мозг, – ответил молодой негр.

На этом окончилась беседа. Немного спустя раздались опять дикие крики, но уже не «злого Мзиму», а обоих колдунов, которых Кали колотил, как мог. Воины, все еще окружавшие внизу тесным кольцом Кинга, прибежали во весь дух наверх, чтобы посмотреть, что там происходит, и вскоре убедились и собственными глазами, и из признаний колдунов, что «злое Мзиму», перед которым они трепетали до сих пор, было лишь выдолбленной колодой, обтянутой обезьяньей шкурой.

А юный Фару, когда ему объявили, что ему не только не разможат головы в честь «доброе Мзиму» и Великого Господина, но что Кали съест кусок его, а он – кусок Кали, не хотел верить ушам, а когда узнал, кому он обязан жизнью, то лег лицом на землю перед входом в дом Фумбы и лежал до тех пор, пока Нель не вышла к нему и не велела ему встать. Тогда он обнял своими черными руками ее маленькую ножку и поставил ее себе на голову в знак того, что хочет всю жизнь оставаться ее невольником.

Все ва-хима были очень удивлены поведением юного царя, но присутствие неведомых гостей, которых они считали самыми могучими в мире колдунами, не позволило никому противиться ему. Старики были не рады новым обычаям, а оба колдуна, поняв, что хорошие времена кончились для них навсегда, затаили в душе жестокую злобу к царю и пришельцам.

Тем временем Фумбу торжественно похоронили у подножия скалы под бомой. На его могиле негры поставили несколько сосудов с помбе и с копченым мясом, «чтобы он не мучил и не пугал по ночам».

Тело Мамбы, после того как между Кали и Фару было заключено братство крови, было отдано самбуру.

XLII

Путешественникам предстояло опять углубиться в неведомые края, где им угрожали всякие опасности, и мальчику хотелось оберечь себя от них лучше, чем он имел возможность это делать до сих пор. С этой целью он обучил стрельбе из ремингтонов сорок молодых ва-хима, которые должны были составить главную вооруженную силу и как бы гвардию Нель. Больше стрелков у него не могло быть, так как Кинг донес на себе только двадцать пять ружей, а лошади всего пятнадцать. Остальную армию должны были составить сто ва-хима и сто самбуру, вооруженных копьями и луками, которые обещал доставить Фару. С ними не страшны были никакие трудности путешествия по огромной и чрезвычайно дикой стране, населенной разными племенами самбуру. Стась не без гордости думал о том, что, убежав на пути из Фашоды с одной только Нель и с двумя неграми, без всяких средств, он, пожалуй, дойдет до берегов океана во главе двухсот вооруженных

людей со слонем и лошадьми. Он представлял себе, что скажут на это англичане, которые так высоко ценят смелость и находчивость, но больше всего его интересовало, что скажет его отец и мистер Роулайсон. Мысль об этом услаждала все его труды и невзгоды.

Но все-таки он не был вполне спокоен за свою судьбу и за Нель. Хорошо! Он, наверно, легко пройдет владения ва-хима и самбуру. Но что будет дальше? Какие племена еще попадутся ему на пути? Указания Линде были слишком неопределенны. Стася очень мучило, что он не знал, собственно, где он находится, так как эта часть Африки изображалась на картах, по которым он учился географии, в виде белого поля. Кроме того, он совершенно не знал, что это за озеро Бассо Нарок и как оно велико. Он находился на южном его берегу, где ширина его была равна приблизительно двадцати километрам. Но как далеко тянулось это озеро на север, не могли сказать ему ни ва-хима, ни самбуру. Кали, знавший кое-как язык кисвахили, на все вопросы отвечал только: «бали, бали!» – что значит: далеко, далеко! Но это было все, что Стась мог от него узнать.

Так как на севере горы, заслонявшие горизонт, казались очень близкими, то он предполагал, что это какое-нибудь не очень большое горное озерко, каких много встречается в Африке. Несколько лет спустя обнаружилось, как сильно он ошибся. Но в тот момент ему не важно было точно знать размеры Бассо Нарока, а интересовало лишь то, не берет ли от него начало какая-нибудь река, впадающая потом в океан. Самбуру, подданные Фару, утверждали, что на восток от их страны лежит какая-то большая безводная пустыня, которой никому еще не удалось перейти. Стась, знавший негров по рассказам путешественников, по невзгодам Линде и отчасти по собственному опыту, понимал, что когда начнутся опасности и трудности пути, многие из его людей убегут назад домой и при нем, может быть, не останется ни одного. В таком случае он очутился бы среди дебрей и пустынь только с Нель, Меа и маленьким Насибу. Но, кроме того, он понимал, что недостаток воды с первых же дней заставил бы караван рассеяться, и поэтому так настойчиво расспрашивал о реке. Идя по ее течению, можно бы действительно избежать всех ужасов, на которые обречены путешественники в безводных местностях.

Но самбуру не могли сказать ничего определенного, а сам он не мог заниматься продолжительными исследованиями восточного берега озера, так как другие занятия удерживали его в Боко. Он рассчитывал, что из змеев, которых он пускал с горы Линде и по пути из негритянских деревушек, наверно, ни один не перелетел через горную цепь, окружающую Бассо Нарок. Поэтому необходимо было клеить и пускать новых в расчете, что только их ветер сможет наконец отнести далеко через роковую пустыню, может быть, до океана. За этим делом ему приходилось наблюдать самому, так как Нель умела превосходно клеить змеев, а Кали научился пускать их, но ни тот ни другая не могли написать на них всего того, что нужно было. А Стась считал это делом очень важным, которое нельзя было сделать «как-нибудь».

Это дело отняло у него столько времени, что караван лишь недели через три был готов тронуться в путь. Накануне дня, когда предполагено было на рассвете выступить, юный царь ва-хима явился к Стасю и с глубоким поклоном заявил ему:

– Кали пойти с господином и с мисс до той воды, по которой плавают большие пироги белых людей.

Стася тронуло это выражение преданности, но он полагал, что не имеет права брать с собою мальчика в такое далекое путешествие, в возвращении из которого тот не мог быть уверен.

– Почему ты хочешь идти с нами? – спросил он.

– Кали любит Великого Господина и мисс.

Стась положил руку на его курчавую голову.

– Я знаю, Кали, что ты славный и хороший мальчик, но что будет с твоим царством и кто будет править вместо тебя народом ва-хима?

– М'Тана, брат матери Кали.

Стась знал, что между неграми происходит обыкновенно такая же борьба за власть и что царствование привлекает их так же, как и белых. С минуту подумав, он сказал:

– Нет, Кали. Я не могу взять тебя с собой. Ты должен остаться с ва-хима, чтоб сделать из них хороших и добрых людей.

– Кали вернуться к ним.

– У М'Тана много сыновей. Что же будет, если он захочет сам быть царем и оставить царство своим сыновьям, а твоих подданных подговорит, чтобы они тебя изгнали?

– М'Тана добрый. Он этого не сделает.

– А если сделает?

– Тогда Кали пойти опять к Большой Воде, к Великому Господину и мисс.

– Нас уже там не будет.

– Тогда Кали сесть над водой и плакать с тоски.

При этих словах он положил руки на голову, а немного спустя прошептал:

– Кали очень-очень любит Великого Господина и мисс, очень-очень!

И две крупные слезы заблестели на его глазах.

Стась колебался, как ему поступить. Ему было жаль Кали, но он не мог согласиться сразу на его просьбу. Он понимал, что, не говоря уже об опасностях обратного пути, если М'Тана или колдуны возмутят негров, мальчику будет угрожать не только изгнание, но и смерть.

– Для тебя лучше остаться, – сказал он ему, – гораздо лучше!

Но прежде, чем он окончил эти слова, вошла Нель. Через тонкую циновку, разделявшую клетушки, она ясно слышала весь разговор и, увидав слезы в глазах Кали, стала пальчиками утирать их на его ресницах, а потом обратилась к Стасю.

– Кали пойдет с нами, – проговорила она решительным тоном.

– Ого! – ответил, немного задетый, Стась. – Это зависит не от тебя.

– Кали пойдет с нами! – повторила она.

– Или не пойдет.

Нель вдруг топнула ножкой.

– Я хочу!

И горько заплакала.

Стась посмотрел на нее с недоумением, не понимая, что случилось с ней, всегда доброй и мягкой. Но, видя, что она закрыла оба глаза кулачками и горько всхлипывает, лоя ротиком воздух, как птичка, он быстро сказал:

– Кали пойдет с нами! Пойдет! Чего ты плачешь? Ну, какая ты! Пойдет! Вот пристала! Пойдет, слышишь!

На том дело и кончилось. Стасю до самого вечера было стыдно за свою слабость перед «добрым Мзиму», а «доброе Мзиму», поставив на своем, стало опять тихим, кротким и послушным, как всегда.

XLIII

Караван тронулся на следующий день, на рассвете. Молодой негр был весел, маленькая повелительница по-прежнему кротка и послушна, а Стась полон энергии и надежды. С ними шли сто самбуру и сто ва-хима, – в числе последних сорок, вооруженных ремингтонами, из которых они умели уже кое-как стрелять. Белый предводитель, обучавший их этому искусству в течение трех недель, знал, правда, что в случае опасной встречи они наделают больше шума, чем действительного вреда противнику, но считался с тем, что в столкновениях с дикарями шум играет не меньшую роль, чем пули, и был очень рад своей гвардии. Были взяты большие запасы маниоки, лепешек, напеченных из больших жирных муравьев, тщательно высушенных и размолотых, и много копченого мяса. Вместе с караваном отправилось несколько женщин, несших разные вещи для Нель и мехи из антилопых шкур для воды. Стась с высоты спины Кинга наблюдал за порядком, отдавал приказания, – пожалуй, не столько потому, что они были нужны, сколько потому, что ему очень льстила роль вождя, – и с гордостью обозревал свою маленькую армию.

Караван растянулся длинной вереницей. Стась, сидя на спине Кинга, решил ехать в конце каравана, чтобы все было у него перед глазами.

Когда люди, один за другим, проходили мимо него, он не без удивления заметил, что оба колдуна, М'Куние и М'Пуа, те самые, которые были так основательно избиты дубинкой Кали, тоже примкнули к каравану и со своими узлами на головах отправлялись вместе с остальными в путь.

Он остановил их и спросил:

– Кто велел вам идти?

– Царь, – ответили оба со смиренным поклоном.

Но под покровом смирения глаза их сверкали так дико, а на лицах отражалась такая злоба, что Стась в первую минуту хотел сразу прогнать их, и если не сделал

этого, то только потому, что не хотел ронять авторитет Кали.

Но он тотчас же подозвал последнего к себе.

– Это ты, – спросил он, – велел колдунам идти с нами?

– Кали велел, потому что Кали умный.

– Хотелось бы мне знать, почему твой ум не оставил их дома?

– Потому, что если бы М'Куние и М'Пуа остаться, они бы подстрекать ва-хима, чтоб ва-хима убить Кали, когда он вернется, а если они идти с нами, Кали смотреть за ними и следить.

Стась подумал минуту и ответил:

– Может быть, ты и прав. Но наблюдай за ними денно и ночью, потому что недоброе что-то у них в глазах.

– У Кали есть бамбуковая дубинка, – ответил молодой негр.

Караван тронулся. Стась в последнюю минуту отдал приказ, чтоб вооруженная ремингтонами гвардия замыкала шествие, так как это были люди, которых он сам высмотрел, отобрал и в которых был больше всего уверен. В течение довольно продолжительного обучения стрельбе они успели привязаться к своему молодому вождю и вместе с тем, как наиболее приближенные к его высокой особе, считали себя выше остальных. Теперь они должны были наблюдать за всем караваном и ловить тех, у кого явилось бы желание удрать. Можно было легко предвидеть, что, когда начнутся трудности и опасности, охотников бежать найдется немало.

В первый день все шло как нельзя лучше. Негры с ношей на головах, вооруженные каждый копьем и несколькими дротиками, растянулись длинной лентой по степи. Сначала шли вдоль южного берега озера по равнине, но так как озеро было окружено со всех сторон высокими горами, то, когда свернули на восток, пришлось карабкаться в гору. Старики самбуру, знавшие эти места, говорили, что каравану придется переходить через высокие горные перевалы, которые они называли Куллак и Инро. После этого они вступят в страну Эбене, расположенную на юг от Борани. Стась понимал, что нельзя идти прямо на восток, так как помнил, что Момбаса лежит на несколько градусов за экватором, а следовательно – значительно южнее этого неизвестного озера. Но, имея в своем распоряжении несколько компасов, оставшихся после Линде, он не боялся пойти по неверному пути.

Первый ночлег им пришлось провести на лесистой вершине горы. Как только стемнело, было зажжено несколько десятков костров; негры жарили сушеное мясо и ели лепешки из корней маниоки, вынимая их пальцами из посуды. Утолив голод и жажду, они заговорили между собой о том, куда ведет их Бвана Кубва и что они получают от него за это. Некоторые пели, сидя на корточках и разгребая огонь. В общем, все галдели так долго и так громко, что Стасю пришлось в конце концов приказать им смолкнуть, чтоб Нель могла заснуть.

XLIV

Через десять дней пути караван перешел, наконец, горный перевал и вступил в страну, совершенно не похожую на прежнюю. Перед ним была широкая равнина, кое-где только покрытая невысокими холмистыми складками, а по большей части

совершенно ровная. Растительность совершенно переменялась. Не было огромных деревьев, одиноко или по несколько вместе возвышавшихся над волнуемой поверхностью высокой травы. Кое-где торчали только на значительном расстоянии друг от друга акации, источающие каучук, со стволами кораллового цвета или зонтикообразные, но с редкой и дающей мало тени листвой. Между холмами термитов то тут, то там тянулись кверху молочаи с ветвями, напоминавшими разветвления подсвечников. Под самым небом парили ястребы, а ниже перепархивали с акации на акацию птицы из породы ворон, с черными и белыми перьями. Трава уже пожелтела и выколосилась, точно зрелая рожь. Однако эта сухая степь доставляла, по-видимому, обильную пищу большому количеству животных, так как путешественники встречали по несколько раз в день довольно большие стада антилоп гну и особенно зебр. Жара на открытой, лишенной деревьев равнине стала невыносимой. Небо было без облаков, дни знойные, а ночи приносили мало отдыха. Путешествие становилось с каждым днем все труднее. В деревнях, попадавшихся на пути каравану, необычайно дикое население встречало его со страхом и по большей части недружелюбно. И если бы не значительное число вооруженных «пагази» и не присутствие белых, Кинга и Саба, путешественникам угрожала бы немалая опасность.

Стасю удалось узнать через Кали, что дальше совсем нет деревьев и что страна там совершенно безводна. Трудно было этому поверить, потому что многочисленные стада, попадавшиеся им навстречу, должны же были где-нибудь утолять свою жажду. Тем не менее рассказы о пустыне, в которой нет ни рек, ни даже луж, напугали негров, и среди них началось дезертирство. Первыми показали пример М'Куние и М'Пуа. К счастью, их побег был вовремя замечен, и конная погоня настигла их недалеко от лагеря. Когда их привели обратно, Кали своей бамбуковой дубинкой показал им всю неуместность их поступка. Стась, собрав всех «пагази», обратился к ним с речью, которую молодой негр переводил на местный язык. Воспользовавшись тем, что во время предыдущей стоянки львы всю ночь рычали вокруг лагеря, Стась старался убедить своих людей, что кто убежит, тот, без сомнения, станет их добычей, а если даже они будут ночевать на акациях, то там их найдут еще более страшные вобо. Затем он говорил, что там, где живут антилопы, должна быть и вода, а если в дальнейшем и попадутся пространства, лишенные воды, то ее можно будет набрать на два, на три дня в мехи, сшитые из шкур антилоп. Негры, слушая его слова, повторяли поминутно один другому: «О мать, как это верно!» Но все-таки в следующую ночь сбежало пять самбуру и двое ва-хима, а потом после каждой ночи тоже кого-нибудь недосчитывались.

Страна, однако, становилась чем дальше, тем все суше, а солнце немилосердно жгло степь. Не было видно даже акаций. Стада антилоп продолжали появляться, но в значительно меньшем количестве. Осел и лошади находили еще довольно корма, так как под высокой высохшей травой скрывалась во многих местах более низкая, зеленая еще и свежая. Кинг, однако, хотя и не был разборчив, похудел. Когда на пути встречалась акация, он ломал ее своей головой и тщательно объедал листья и сучья, даже прошлогодние. Каравану, правда, попадалась еще каждый день вода, но часто плохая, так что ее приходилось фильтровать, или соленая, совсем негодная для питья. Потом случилось и так, что посланные Стасем вперед люди возвращались под предводительством Кали, не найдя ни лужи, ни какого-нибудь ручья, спрятавшегося где-нибудь в расселине, и Кали с огорченным видом сообщал: «Мади апана»[46].

Стась понял, что это последнее большое путешествие будет нисколько не легче предыдущих, и начал беспокоиться о Нель, так как и с ней произошла перемена. Личико ее вместо того, чтобы загорать на солнце и ветре, становилось с каждым днем бледнее, а глаза теряли свой обычный блеск. Посреди сухой равнины,

свободной от комаров, ей, правда, не угрожала лихорадка, но видно было, что невыносимая жара истощает силы девочки. Стась с жалостью и со страхом смотрел на ее маленькие ручки, которые стали белы как бумага, и горько упрекал себя за то, что, потратив слишком много времени на приготовление и на обучение негров стрельбе, заставил ее путешествовать в такое знойное время года.

Так, среди этих опасений, проходил день за днем. Солнце высасывало влагу и жизнь из земли все жаднее и беспощаднее. Трава сбилась и ссохлась настолько, что рассыпалась трухой под ногами антилоп, так что немногочисленные стада, пробегая по степи, поднимали огромные клубы пыли. И все же путешественникам удалось еще раз набрести на речонку, которую они узнали издали по длинным рядам деревьев, росших вдоль ее берегов. Негры вперегонки туда помчались и, добежав до воды, легли все грудью на землю, наклонили головы и стали пить с такой жадностью, что перестали только тогда, когда крокодил схватил одного из них за руку. Остальные бросились спасать товарища и в одну минуту вытащили отвратительного гада, который, однако, не хотел выпустить руки человека, хотя негры старались открыть ему пасть пиками и ножами. Дело разрешил только Кинг, который поставил на крокодила ногу и раздавил его с такой легкостью, точно это был старый, гнилой гриб.

Когда люди утолили наконец жажду, Стась велел устроить в мелкой воде круглую загородку из высоких бамбуковых палок с одним только входом с берега, чтоб Нель могла безопасно выкупаться. И то еще, на всякий случай, он поставил у входа Кинга. Это значительно освежило девочку, а отдых после купания вернул ей отчасти силы.

К большой радости всего каравана и Нель, «Бвана Кубва» решил остаться два дня у этой воды. Услышав об этом, все пришли в веселое настроение и сразу забыли пережитые невзгоды. Выспавшись и подкрепившись, некоторые негры стали бродить между деревьями по берегу, ища пальм, на которых растут дикие финики и так называемые слезы Иова, из которых делаются ожерелья. Некоторые из них вернулись в лагерь перед заходом солнца, неся какие-то квадратные белые предметы, в которых Стась узнал своих же собственных змеев.

На одном из этих змеев был номер седьмой. Это свидетельствовало о том, что он был пущен еще с горы Линде, откуда дети пустили их несколько десятков. Стася эта находка очень обрадовала и придала ему бодрости.

– Я и не думал, – заявил он Нель, – что наши змеи могли залететь так далеко. Я был уверен, что они застрянут на вершинах Карамойо, и пускал их только так, на всякий случай. Ну а теперь я вижу, что ветер может понести их, куда захочет. А те, что мы послали с гор, окружающих Бассо Нарок, теперь, с пути, долетят, пожалуй, до самого океана.

– Наверное, долетят, – ответила Нель.

– Хорошо бы! – вздохнул мальчик, думая об опасностях и трудностях дальнейшего пути.

Караван тронулся с берегов речонки на третий день, набрав в кожаные мехи большие запасы воды. Еще до наступления вечера путники вступили в выжженную солнцем страну, где не росли акации, а земля в некоторых местах была гладка, как ток, на котором молотят хлеб. Кое-где только попадались пассифлоры со стволами, сидящими глубоко в земле и похожими на огромные дыни, аршина два в диаметре. Из этих

огромных шаров выростали тонкие, как бечевки, лианы, которые покрывали огромные пространства, образуя такую непроходимую чащу, что даже мышь с трудом могла бы через нее пробраться. Но, несмотря на красивый зеленый цвет этих растений, напоминающих европейский остролист, ни Кинг, ни лошади не могли питаться ими вследствие множества острых колючек. Только осел пощипывал их, да и то с осторожностью.

Но иногда на протяжении нескольких миль они не видели ничего, кроме низкой шершавой травы и невысоких растений, похожих на иммортели, которые рассыпались даже от легкого прикосновения. После первого ночлега весь следующий день небо дышало живым пламенем. Воздух трепетал, как в Ливийской пустыне. На небе не было ни одного облачка. Земля была так залита светом, что все казалось белым. И ни один звук, даже жужжание насекомых, не нарушал этой мертвой, пронизанной зловещим сверканием тишины.

Люди обливались потом. Время от времени они складывали в одну большую кучу свои узлы с сушеным мясом и щиты, чтобы найти под ними хоть немного тени. Стась отдал приказ экономить воду, но негры, как дети, не привыкли думать о завтрашнем дне. Пришлось приставить стражу к тем, которые несли запасные мехи, и выдавать воду каждому отдельно. Кали занимался этим делом очень добросовестно, но это отнимало очень много времени и задерживало движение, отдаляя возможность найти какой-нибудь новый водопой. При этом самбуру жаловались, что больше воды достается ва-хима, а ва-хима упрекали в том же самбуру; последние стали угрожать, что вернутся домой, но Стась объявил им, что Фару их жестоко накажет, а сам велел своим стрелкам никого не пускать.

Второй ночлег пришлось провести среди совершенно голой равнины. Бомы, или, как в Судане называют, зеробы не строили, потому что не было материала. Стражу составляли Кинг и Саба. Ее было вполне достаточно, но слон, получавший воды в десять раз меньше, чем ему было нужно, трубил, требуя ее, до самого восхода солнца, а Саба, высунув язык, обращал глаза на Стася и Нель с немою просьбой дать ему хоть одну каплю. Девочка хотела, чтобы Стась дал ему хоть немного из гуттаперчевой фляжки, которую он получил от Линде и носил на бечевке через плечо. Но он хранил эти остатки для ребенка на черный день и отказал. На четвертый день, к вечеру, осталось уже только пять небольших мехов с водой, то есть на каждого приходилось едва по полрюмки. Так как ночи прохладнее дней и жажда тогда не так мучит, как под палящими лучами дневного солнца и так как люди получили еще утром по небольшому количеству воды, то Стась велел сохранить эти мешки на следующий день. Негры роптали на это распоряжение, но их страх перед Стасем был еще слишком велик, и они не решились наброситься на этот последний запас, тем более что при нем стояла стража из двух вооруженных ремингтонами человек, которые должны были сменяться каждый час.

Ва-хима и самбуру обманывали свою жажду, вырывая из земли жалкую траву и жуя ее корешки, но в них не было почти ни капли влаги, потому что неумолимое солнце выжало ее даже из глубины земли.

Сон хотя и не утолял жажду, но позволял, по крайней мере, забыть о ней, и когда наступала ночь, утомленные и изнуренные дневным путешествием люди падали, как мертвые, где кто стоял, и засыпали глубоким сном. Стась тоже заснул, но душа его была слишком полна забот и тревог, чтоб он мог спать спокойно и долго. Несколько часов спустя он проснулся и начал размышлять о том, что будет дальше и откуда взять воду для Нель и для всего каравана. Положение было тяжелое, пожалуй, даже ужасное, но смелый мальчик не предавался отчаянию. Он стал перебирать в памяти

все события, начиная от похищения их из Файюма до последней минуты: первое длинное путешествие через Сахару, ураган в пустыне, попытку бегства, Хартум, Махди, Фашоду, освобождение из рук Гебра, дальнейший путь после смерти Линде до озера Бассо Нарока и до того места, где им сейчас приходилось ночевать.

«Сколько мы перенесли и выстрадали, – думал он про себя. – Столько раз мне казалось, что уже все пропало и что я ничего больше не могу сделать, и все-таки каждый раз я находил выход. Неужели возможно, чтобы после такого длинного пути и стольких страшных опасностей мы погибли в этом последнем переходе? Сейчас еще есть немного воды, а эта страна ведь не Сахара...»

Его надежду поддерживало главным образом то, что на юго-востоке он заметил через подзорную трубу в течение дня какие-то туманные очертания как бы гор. До них оставалось, может быть, несколько сот миль, может быть, даже больше. Но если бы им удалось до них добраться, – они были бы спасены, потому что горы редко бывают безводны. Но сколько потребуется для этого времени, он не мог рассчитать, потому что это зависело от высоты гор. Высокие вершины в таком прозрачном воздухе, как африканский, видны на громадном расстоянии. Необходимо было найти воду раньше. Иначе грозила гибель.

– Необходимо, необходимо найти во что бы то ни стало! – повторял он про себя.

Хрипящее дыхание слона, который, как мог, выдыхал зной из легких, поминутно прерывало размышления мальчика. Но через некоторое время ему показалось, будто он слышит какой-то звук, похожий на стон, доносившийся с другого конца лагеря, где лежали покрытые на ночь травой мехи с водой. Стон повторился несколько раз. Желая узнать, что там случилось, Стась встал и направился к небольшому возвышению, находившемуся шагах в пятидесяти от палатки. Ночь была так ясна, что он издали уже увидел два темных тела, лежавших рядом, и два блестящих при лунном свете дула ремингтонов.

«Негры всегда остаются неграми, – подумал он. – Они должны были беречь эту воду, которая теперь для нас дороже всего на свете, а взяли да развалились и храпят, точно у себя дома. Да, дубинке Кали будет завтра много работы».

Подумав это, он подошел и толкнул ногой одного из караульчиков, но тотчас же отскочил с ужасом.

Негр, который, казалось, спал, на самом деле лежал убитый, а рядом с ним другой – тоже.

Два меха с водой исчезли, а три остальных лежали среди раскиданной травы надрезанные и опустевшие.

Стась вдруг почувствовал, что волосы становятся у него дыбом.

XLV

На крик его первым прибежал Кали, за ним два стрелка, которые должны были сменить прежнюю стражу, а немного спустя все ва-хима и самбуру собрались, визжа и крича, на месте совершенного преступления. Поднялось смятение: отовсюду слышались крики ужаса и негодования. Все думали не столько об убитых, сколько о последних остатках воды, впитавшейся уже в накаленный песок. Некоторые негры бросились на землю и, хватая горстями песок, высасывали из него остатки влаги. Другие кричали, что это злые духи убили караульных и разрезали мешки. Но Стась и

Кали знали, что думать обо всем этом. Действительно, М'Куние и М'Пуа не было в числе завывавших среди степи негров. В том, что случилось, надо было видеть больше чем убийство двух караульщиков и кражу воды. Распоротые и оставшиеся на месте мешки свидетельствовали о том, что это было дело мести и вместе с тем смертный приговор всему каравану. Жрецы «злого Мзиму» отомстили доброму. Колдуны отомстили молодому царю, который раскрыл их обман и не позволил больше глумиться над невежеством ва-хима. Смерть, как ястреб над стаей голубей, простерла теперь свои крылья над всем караваном.

Стась вспомнил, когда было уже поздно, что, озабоченный другими делами, он забыл отдать приказ, чтоб колдунов связали, как приказывал это делать каждый вечер после их первого бегства. Кроме того, было очевидно, что оба стрелка, сторожившие воду, по свойственной неграм небрежности легли и заснули. Это облегчило злодеям их дело и дало возможность безнаказанно убежать. Прежде чем смятение сколько-нибудь успокоилось и люди пришли в себя от ужаса, прошло много времени. Но злодеи, должно быть, были еще недалеко, так как земля под распоротыми мехами была влажна, а кровь убитых еще не успела совсем запечься. Стась отдал приказ погнаться за беглецами не только для того, чтоб наказать их, но и затем, чтоб отнять у них два последних меха с водой. Кали сел верхом и, взяв с собой десятка два стрелков, пустился в погоню. Стась хотел было тоже в первую минуту принять в ней участие, но у него мелькнула мысль, что, ввиду возбуждения и раздражения негров, нельзя оставлять Нель с ними одну. Он остался и велел только Кали взять с собой Саба.

Остался он, опасаясь просто-напросто бунта, особенно со стороны самбуру. Но он ошибался в своих опасениях. Негры вообще возбуждаются легко и иногда из-за совершенно пустого повода; но когда над ними разразится большое несчастье, а особенно когда смерть протянет над ними свою неумолимую руку, они покорно отдаются ей все. В такие минуты ни страх, ни муки наступающей смерти не могут спасти их от оцепенения. Так было и теперь. И ва-хима, и самбуру, когда прошел первый порыв возбуждения и когда мысль, что они должны умереть, окончательно стала им ясна, безмолвно легли на землю в ожидании смерти. Опасаться приходилось не бунта, а скорее того, что они не захотят встать утром и тронуться в дальнейший путь. Когда Стась увидел это, ему стало жаль их.

Кали вернулся до рассвета и первым делом положил у ног Стася два изодранных меха, в которых не осталось ни одной капли воды.

– Великий Господин, – проговорил он, – мади апана!

Стась провел рукой по вспотевшему лбу и спросил:

– А М'Куние и М'Пуа?

– М'Куние и М'Пуа умереть, – ответил Кали.

– Ты велел их убить?

– Их убить лев или вобо.

И он стал рассказывать, что произошло. Трупы обоих злодеев были найдены довольно далеко от лагеря, там, где они встретили свою смерть. Оба лежали рядом, и Кали высказал предположение, что когда они увидели вобо или льва при лунном свете, то пали перед ним ниц и стали молить, чтоб он даровал им жизнь. Но страшный зверь

умертвил их обоих и, утолив голод, почуял воду и изодрал мехи.

– Они наказаны, – промолвил Стась. – Теперь ва-хима убедятся, что «злое Мзиму» никого не может спасти.

– Они наказаны, – повторил Кали, – но мы без воды.

– Далеко впереди я видел на востоке горы. Там должна быть вода.

– Кали тоже их видеть, но до них много, много дней...

Наступила длительная минута молчания.

После бессонной, шумной и беспокойной ночи солнце выкатилось на горизонте быстро и неожиданно, как выкатывается всегда под тропиками, и сразу наступил яркий день. На траве не было ни капли росы. На небе – ни одного облачка. Стась приказал стрелкам собрать всех людей и обратился к ним с короткой речью. Он заявил им, что возвращаться назад к реке нет возможности, так как они знают, что их отделяют от нее пять дней и пять ночей пути. Но никто не знает, нет ли воды в противоположной стороне. Может быть, даже где-нибудь совсем близко находится какой-нибудь источник или речка или просто хотя бы какая-нибудь лужица. Правда, нигде не видно деревьев, но часто бывает, что на открытых равнинах, где ветры уносят семена, деревья не растут даже у воды. Вчера они видели несколько крупных антилоп и несколько страусов, бежавших на восток. Это служит признаком, что там должен быть какой-нибудь водопой, а потому, кто не глуп и у кого в груди сердце не зайца, а льва или буйвола, тот предпочтет идти вперед, хотя бы страдая от жажды и зноя, чем лежать тут и ждать к себе коршунов или гиен.

С этими словами он указал рукой вверх, где несколько коршунов действительно описывали уже свои зловещие круги над караваном. После речи Стася ва-хима, которым Кали приказал встать, поднялись все, ибо, привыкнув к грозной власти своих царей, они не осмелились ей противиться. Но из самбуру, царь которых Фару остался на берегу озера, многие не хотели вставать, говоря про себя: «Зачем нам идти навстречу смерти, когда она сама придет к нам?» Таким образом, караван тронулся вперед почти в половинном составе и почти сразу обреченный на муки. В течение двадцати четырех часов ни у кого не было во рту ни капли воды или чего-нибудь жидкого. Даже в более холодном климате это было бы невыносимой мукой. Что же говорить о раскаленной африканской печи, где даже у тех, кто пьет много, вода так быстро превращается в пот, что они могут почти тотчас же стирать ее руками с кожи. Легко было предвидеть, что много людей погибнет в пути от истощения и солнечного удара.

Стась, как мог, защищал Нель от солнца и не позволял ей ни на одну минуту высовываться из паланкина, крышу которого он покрыл еще куском белого ситца, чтоб сделать ее двойной. Из остатков воды, которая была у него еще в гуттаперчевой фляжке, он сварил ей крепкого чая и подал остуженным, без сахара, потому что последний увеличивает жажду. Девочка со слезами упрашивала его, чтоб он тоже выпил. Он приложил фляжку, в которой осталось всего несколько ложек воды, к губам и, шевеля кадыком, сделал вид, будто пьет. Когда он почувствовал на губах влагу, ему показалось, что в груди и в желудке у него огонь и что если он не погасит его, то умрет на месте. Перед глазами у него стали кружиться красные пятна, а в челюстях появилась такая страшная боль, точно кто-нибудь втыкал в них тысячи булавок. Рука дрожала у него так, что он чуть не разлил этих несколько капель. Но только две или три из них он слизал с губ языком; все

остальное он оставил для Нель.

Прошел еще день мучений и тяжелого труда, после которого, к счастью, наступила ночь прохладнее предыдущей. Но на следующий день, уже с утра, зной стоял невыносимый. В воздухе не было ни малейшего дуновения ветерка. Солнце, как злой дух, живым огнем палило иссохшую землю. Края горизонта побелели. Кругом, сколько мог охватить глаз, не видно было нигде даже кустика молочая, а лишь одна сожженная пустая равнина, покрытая кучками почерневшей травы и вереска. Порой где-нибудь, очень далеко, слышались чуть внятные раскаты грома, но при безоблачном небе они предвещали не грозу, а жару.

В полдень, когда зной достиг своего апогея, пришлось остановиться. Караван расположился в глухом молчании. Оказалось, что в пути погибла одна лошадь и несколько «пагази». Во время отдыха никто не подумал о еде. У всех глаза впали, губы потрескались, и на них запеклась кровь. Нель дышала прерывисто, как птичка; Стась отдал ей гуттаперчевую фляжку и, крикнув: «я пил, пил!», убежал на другой конец лагеря. Он боялся, что если останется, то отнимет у нее эту воду или потребует, чтоб она с ним поделилась. И это был, пожалуй, самый геройский его поступок за все время путешествия. Но сам он стал испытывать ужасные мучения. Перед глазами у него не переставали летать красные круги. В челюстях он чувствовал такую сильную боль, что с трудом закрывал и открывал их. Горло у него пересохло и горело, как в огне, во рту не было ни капли слюны, язык лежал точно деревянный. А ведь для него и для каравана это было только начало страданий.

Раскаты грома, предвещавшие зной, не переставали раздаваться на краях горизонта. Часу в четвертом, когда солнце начинает склоняться к западу, Стась поднял на ноги караван и двинулся с ним на восток. За ним следовало теперь всего лишь семьдесят человек, но из них то один, то другой ложился на землю рядом со своей ношей для того, чтобы уж больше не встать. Жара уменьшилась на несколько градусов, но все-таки была еще ужасна. В совершенно неподвижном воздухе стоял как бы чад. Людям нечем было дышать, животные тоже начали невыносимо страдать. После часа пути пала еще одна лошадь. Саба плелся, широко разинув глотку; с его свесившегося и почерневшего языка не спадала ни одна капля пены. Кинг, привыкший к сухим африканским степям, страдал, по-видимому, меньше, но начинал злиться. Его маленькие глазки сверкали каким-то странным огоньком. Стасю, а особенно Нель, которая время от времени заговаривала с ним, он еще отвечал своим бульканьем, но когда Кали неосторожно прошел мимо него, он грозно кашлянул и так взмахнул хоботом, что, наверное, убил бы его, если бы тот вовремя не отскочил в сторону.

У Кали глаза налились кровью, жилы на шее были вздуты, а губы потрескались, как и у остальных негров. К концу пятого часа он подошел к Стасю и глухим голосом, с трудом выходящим у него из гортани, проговорил:

– Великий Господин, у Кали нет сил идти дальше. Пусть уже тут настанет ночь.

Стась преодолел боль в челюстях и ответил с усилием:

– Хорошо. Остановимся. Ночь принесет облегчение.

– Она принесет смерть, – прошептал молодой негр.

Люди сбросили с головы поклажу. Сгустившаяся кровь в их жилах горела и жгла, как огонь. Они не сразу легли на землю. Сердце и пульс в висках, в руках и в ногах

стучали у них так, точно должны были тотчас разорваться все сосуды. Кожа на теле, ссыхаясь и съеживаясь, стала зудеть; в костях чувствовалось какое-то непривычное, странное, неприятное ощущение, в гортани и внутренностях – огонь. Некоторые беспокойно слонялись между узлами, другие маячили силуэтами на фоне красных лучей заходящего солнца, бродя среди сухой травы и как будто что-то разыскивая. Это длилось до тех пор, пока силы их совсем не истощились. Тогда они, один за другим, падали на землю, но лежали в судорогах. Кали сел на корточки возле Стася и Нель, широко раскрыл рот, чтоб свободней дышать, и стал повторять молящим голосом:

– Бвана Кубва, воды!

Стась смотрел на него стеклянным взглядом и молчал.

– Бвана Кубва, воды!

А потом минуту спустя прохрипел:

– Кали умирать...

Вдруг Меа, которая, неизвестно почему, легче всех переносила жажду и страдала меньше остальных, подошла, села возле него и, обняв рукой его шею, проговорила тихим, мелодическим голосом:

– Меа хочет умереть вместе с Кали...

Наступило длительное молчание.

Солнце между тем зашло, и ночь покрыла окрестность. Небо стало темно-синим. В южной части его засверкал Южный Крест. Над равниной замерцали мириады звезд. Месяц выплыл из-под земли и стал насыщать своим светом тьму. На западе разлился бледной зарей свет зодиака. Воздух превратился в одно сплошное море света и огней. Вся окрестность была залита им. Паланкин, который забыли снять со спины Кинга, и палатки сверкали так, как сверкают в ясной ночи дома, выбеленные известкой. Мир погружался в тишину; землю окутывал сон.

И тут же, рядом с тишиной и этим спокойствием природы, люди в лагере извивались в муках и ждали смерти. На серебристом фоне лунного света резко вырисовывалась огромная, черная фигура слона. Лучи месяца озаряли, кроме палаток, белые платья Стася и Нель и темные, скорчившиеся в конвульсиях тела негров и раскиданные в беспорядке узлы в чаще вереска. Перед детьми, опершись на передние лапы, сидел Саба и, подняв голову к лунному диску, жалобно и жутко завывал.

В душе Стася мелькали лишь обрывки мыслей, превратившиеся в одно глухое и полное отчаяния сознание, что на этот раз нет уже никакого исхода, что все те невообразимые усилия, все страдания, все подвиги смелости и воли, которые он совершил в течение всего этого страшного путешествия от Мединета до Хартума, от Хартума до Фашоды и от Фашоды до неизвестного ему озера, оказались ненужными, и что приближается неумолимый предел всякой борьбы и жизни. И это показалось ему тем более страшным, что предел этот являлся как раз на последнем этапе, в конце которого лежал океан. О горе! Неужели он не доведет маленькой Нель до берега, не отвезет ее на пароходе в Порт-Саид, не отдаст ее мистеру Роулайсону, сам не упадет в объятия отца и не услышит из его уст, что он действовал как смелый юноша и как честный рыцарь? Конец, конец! Через несколько дней солнце осветит

лишь мертвые тела, а потом высушит их, как те мумии, что спят вечным сном в Египте, в музеях.

От мук и внутреннего жара у мальчика стало мутиться в голове. Пред глазами его стали возникать предсмертные видения, ухо слышало то, чего не было в действительности. Он ясно слышал голоса суданцев и бедуинов, их крики «Йалла! Йалла!», которыми они подгоняли мчащихся верблюдов. Он видел Идриса и Гебра. Махди улыбался ему своими толстыми губами и спрашивал: «Хочешь ли испить из источника истины?..» Потом лев смотрел на него со скалы. Потом Линде давал ему баночку с хинином и говорил: «Спешу, спеши, а то малютка умрет!» А потом он видел уже только бледное, милое личико и две маленькие протягивавшиеся к нему ручонки.

Вдруг он вздрогнул, и сознание вернулось к нему на минуту: он услышал над самым ухом тихий, похожий на стон шепот Нель:

– Стась... воды!

И она, как прежде Кали, только от него ждала спасения. Но он отдал ей двенадцать часов тому назад последние капли и теперь вскопился и воскликнул голосом, в котором дрожал взрыв страдания, отчаяния и укора:

– Нель! Я притворялся только, что пил! У меня уже три дня не было ничего во рту!

И, схватившись руками за голову, он убежал, чтоб не видеть ее мучений. Он бежал без оглядки по степи, пока силы совершенно не оставили его и он не упал на одну из куч сухой травы и вереска. Он был без оружия. Лев, леопард или даже большая гиена нашли бы в нем легкую добычу. Но прибежал только Саба и, обнюхав его, опять начал выть, точно призывая теперь к нему на помощь.

Но никто не спешил на помощь. Только сверху спокойно и равнодушно глядела луна. Мальчик долго лежал, точно мертвый. Его привело немного в себя лишь дуновение прохладного ветерка, который повеял неожиданно с востока. Стась сел, а немного спустя попытался было встать, чтобы вернуться к Нель.

Прохладный ветерок подул во второй раз, Саба перестал выть и, повернувшись к востоку, начал вздрагивать ноздрями. Вдруг он залаял раз, другой коротким прерывистым басом и пустился вперед. Некоторое время его не было слышно, но вскоре вдали опять раздался его лай. Стась встал и, шатаясь на одеревенелых ногах, стал смотреть ему вслед. Продолжительное путешествие, долговременное пребывание в степи, необходимость держать все время в напряжении все чувства и постоянные опасности приучили мальчика обращать чуткое внимание на все, что происходит вокруг него; и, несмотря на муки, которые он испытывал, несмотря на туман в голове, он инстинктивно, по привычке, стал наблюдать за поведением собаки. Прошло немного времени. Саба опять вернулся к нему, но как-то странно взволнованный и возбужденный. Он несколько раз поднял глаза на Стасю, обежал вокруг него, опять скрылся в вереске, чутко нюхая землю и лая, еще раз вернулся и, наконец, схватив мальчика за платье, стал тащить его в сторону, противоположную лагерю.

Стась совсем пришел в себя.

«Что это? – подумал он. – Собака или сошла с ума от жажды, или почуяла воду. Но нет!.. Если бы вода была близко, она побежала бы пить, и у нее была бы мокрая

морда. Если вода далеко, она бы не почуяла ее... У воды ведь нет запаха... К антилопе она бы не тащила меня, потому что с вечера не хотела есть. К какому-нибудь хищнику – тоже нет...»

И вдруг сердце начало стучать у него в груди еще сильнее.

«А может быть, ветер донес до него запах людей?.. Может быть... Где-нибудь вдалеке есть какая-нибудь негритянская деревушка?.. Может быть, какой-нибудь из змеев долетел до...»

Луч надежды вернул ему силы, и он пустился бежать к лагерю, несмотря на сопротивление собаки, которая не переставала преграждать ему дорогу.

В лагере он увидел прежде всего белую фигурку Нель. До слуха его донесся ее слабенький голосок. Немного спустя он споткнулся о лежавшего на земле Кали. Но он ни на что не обращал внимания. Добежав до тюка, где находились ракеты, он разорвал его, достал одну из них, дрожащими руками привязал ее к бамбуковой палке, которую воткнул в землю, зажег огонь и поднес его к свешивавшемуся внизу фитильку.

Через мгновение красная змея, шипя и треща, взвилась вверх. Стась схватился обеими руками за бамбуковый шест, чтоб не упасть, и вперил глаза вдаль. Пульс в руках и в висках стучал у него точно молот. Прошла минута, другая, третья, четвертая. Ничего, ничего! Руки у мальчика опустились, голова склонилась к земле, и страшная печаль наполнила его измученную грудь.

– Напрасно! Напрасно! – прошептал он. – Пойду сяду рядом с Нель, и умрем вместе.

Вдруг, далеко-далеко, на серебристом фоне лунной ночи, огненная лента взвилась кверху и рассыпалась золотыми звездами, которые падали медленно, точно крупные слезы, на землю.

– Спасение!!! – закричал Стась.

И вот все эти за минуту перед тем наполовину мертвые, люди пустились бежать вперегонки, перескакивая через кучи вереска и травы. После первой ракеты показалась вторая и третья. Потом ветер донес эхо как бы рокота, в котором легко было угадать отголоски далеких выстрелов. Стась приказал стрелять из всех ремингтонов, и с этой минуты ружейный разговор больше не смолкал и начинал становиться все явственнее и явственнее. Мальчик, сидя верхом на лошади, к которой тоже точно чудом вернулись силы, и держа перед собой Нель, мчался через равнину к спасительным отголоскам. Рядом бежал Саба, а позади гудел огромный Кинг.

Между обоими лагерями было расстояние в несколько километров. Но так как с обеих сторон быстро приближались друг к другу, то весь путь отнял немного времени. Вскоре ружейные выстрелы можно было не только слышать, но и видеть. Еще одна ракета взлетела в воздух не далее чем в нескольких сотнях шагах. Потом засверкало множество огней. Небольшая неровность почвы закрыла их на минуту. Но когда Стась объехал ее, он очутился почти лицом к лицу с шеренгой негров, державших в руке зажженные факелы.

Во главе шеренги шли два европейца в английских шлемах и с ружьями в руках.

Стась с первого взгляда узнал в них капитана Глена и доктора Клэри.

XLVI

Отряд капитана Глена и доктора Клэри вовсе не имел целью искать Стася и Нель. Это была богато снаряженная правительственная экспедиция, отправленная для исследования северо-восточной части огромной горы Килиманджаро и еще малоизвестных пространств, расположенных к северу от нее. И капитан и доктор знали, правда, о похищении детей из Мединет-эль-Файюма, так как сообщения об этом появились в свое время в английских и арабских газетах, но они думали, что дети или умерли, или томятся в плену у Махди, из которого не удалось спастись еще ни одному европейцу. Клэри, сестра которого была замужем за Роулайсоном из Бомбея и который был восхищен малюткой Нель во время путешествия в Каир, был страшно огорчен ее исчезновением. Но и славного, смелого мальчика они оба с Гленом тоже очень жалели. Несколько раз они посылали телеграммы из Момбасы к мистеру Роулайсону с запросом, не найдены ли дети. И лишь последняя телеграмма с неблагоприятным ответом, пришедшая еще задолго до отправления экспедиции, заставила их окончательно потерять всякую надежду.

У них никак не могла явиться мысль, чтобы дети, увезенные в плен в далекий Хартум, могли очутиться в этих краях. Однако они нередко вели разговоры об этом по вечерам после дневных трудов, так как доктор никак не мог забыть прелестную малютку.

Экспедиция между тем подвигалась все дальше и дальше. Пробыв довольно долго на восточном склоне Килиманджаро, исследовав верховье рек Сабаки и Таны и горы Кения, капитан и доктор повернули на север и, после переправы через болота Гуссо-Нийро, очутились среди широкой, безлюдной равнины, заселенной лишь неисчислимыми стадами антилоп. После с лишком трехмесячного путешествия надо было дать людям отдохнуть подольше. Капитан Глен, открыв небольшое озеро со здоровой, коричневатого цвета водой, приказал разбить палатки на его берегу и объявил, что экспедиция пробудет там десять дней.

Во время стоянки белые занимались охотой и приведением в порядок своих географических и научных заметок, а негры предавались всегда приятной для них лени. И вот однажды доктор Клэри, встав утром и подойдя к берегу, увидел несколько занзибарцев из каравана, которые, задрав головы кверху, смотрели на макушку высокого дерева и не переставали повторять:

– Ндеге? Акуна! Ндеге?[47]

Доктор был близорук; он послал в палатку за полевым биноклем и взглянул через него на предмет, на который показывали негры. Необычайное удивление отразилось на его лице.

– Позовите сюда капитана, – сказал он.

Но прежде чем негры успели добежать до палатки капитана, тот сам вышел из нее, собираясь на охоту за антилопами.

– Посмотри, Глен! – крикнул ему доктор, указывая рукой вверх.

Капитан, в свою очередь, поднял кверху голову, приложил руку к глазам и удивился не меньше, чем доктор.

– Змей! – воскликнул он.

– Да. Но ведь негры не пускают змеев. Откуда же он сюда попал?

– Наверно, где-нибудь поблизости находится поселение белых. Может быть, какая-нибудь миссия?..

– Третий день ветер дует с запада, из стран совершенно неведомых и, вероятно, так же не заселенных, как и эта степь. К тому же разве ты не знаешь, что здесь нет ни поселений, ни миссий?

– Это действительно любопытно...

– Надо снять этого змея.

– Непременно. Может быть, мы узнаем, откуда он взялся.

Капитан отдал приказ. Дерево имело в высоту несколько десятков метров. Но негры быстро вскарабкались на верхушку, осторожно сняли зацепившегося змея и отдали его в руки доктору, который, взглянув на него, проговорил:

– На нем какие-то надписи... Посмотрим...

И, прищурив глаза, он стал читать. Вдруг он изменился в лице, и руки у него задрожали.

– Глен, – проговорил он, – на, возьми, прочти и уверь меня, что со мной не солнечный удар и что я еще в своем уме!

Капитан взял бамбуковую раму, к которой был прикреплен бумажный лист, и прочел следующее:

«Нелли Роулайсон и Станислав Тарковский, высланные из Хартума в Фашоду, а из Фашоды дальше, на восток от Нила, вырвались из рук дервишей. После многих месяцев пути достигли озера, расположенного на юг от Абиссинии. Идут к океану. Просят поскорее оказать им помощь».

Сбоку на листе было еще приписано более мелким почерком:

«Этот змей, пятьдесят четвертый по счету, пущен с гор, окружающих неизвестное в географии озеро. Кто найдет его, пусть даст знать в Управление каналов в Порт-Саиде или капитану Глену в Момбасе. Станислав Тарковский».

Когда капитан окончил читать, оба друга молча переглянулись между собой.

– Что это значит? – спросил наконец доктор Клэри.

– Я не верю своим глазам, – ответил капитан.

– Но это не обман зрения?

- Нет.
- Ясно написано: «Нелли Роулайсон и Станислав Тарковский».
- Яснее не может быть...
- И, может быть, они где-нибудь здесь, в этих краях?
- Если они еще живы, можно тогда поверить и этому.
- Какое счастье! Какое счастье! – с жаром воскликнул доктор.
- Но где их искать?
- Больше ничего не написано на змее?
- Есть еще несколько слов, но это место разорвано ветками. Трудно прочесть.

Капитан и доктор оба наклонили головы над листом и, после долгих попыток, наконец прочли по складам:

- «Период дождей давно миновал».
- Что это должно означать?
- Что мальчик потерял счет времени.
- И этими словами он хочет приблизительно обозначить время, когда был выпущен змей. Пожалуй, ты прав. Значит, этот змей выпущен не слишком давно.
- Если так, то возможно, что они не очень далеко.

Капитан и доктор обменялись еще несколькими лихорадочными и отрывистыми фразами, после чего оба начали опять рассматривать документ и отдельно раздумывать над каждым его словом. Все это казалось, однако, настолько невероятным, что если бы это происходило не в стране, где совершенно не было европейцев, с лишком в шестистах километров от ближайшего побережья, то доктор и капитан предположили бы, что это – неуместная шутка каких-нибудь европейских детей, прочитавших в газетах описание похищения. Но все-таки трудно было не верить глазам: змей был у них в руках, а полустертая надпись ясно чернела перед ними.

Но и помимо этого, многого они никак не могли понять. Откуда дети взяли бумагу для змеев? Если бы они получили ее от какого-нибудь каравана, то они примкнули бы к нему и не звали бы на помощь. Почему мальчик не пытался убежать вместе с маленькой спутницей в Абиссинию? Почему дервиши отправили их на восток от Нила в неведомые края? Как удалось им вырваться из-под стражи? Куда они скрылись? Каким чудом они за столько месяцев пути не умерли с голоду, не стали добычей диких зверей? Каким образом их не убили дикари? На все эти вопросы не было никакого ответа.

- Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! – повторял доктор Клэри. – Это положительно какое-то чудо!

– Безусловно! – ответил капитан.

А немного спустя он прибавил:

– Ну и мальчик, однако! Ведь это все его дело!

– И не оставил малютки. Молодец!

– Стэнли, даже Стэнли не прожил бы в этих условиях и трех дней!

– А они, как видишь, живы.

– Да, но они просят помощи. Конец стоянке! В путь немедленно!

Так и было решено. Караван тотчас же снялся с места. По пути оба друга продолжали изучать документ, пытались найти в нем указания, в каком направлении спешить на помощь. Но указаний не было. Капитан вел караван зигзагами в расчете напасть на какой-нибудь след, на остатки костра или на дерево с какими-нибудь насечками на коре. Так подвигались они вперед в течение нескольких дней. К несчастью, им пришлось выйти потом на равнину, совершенно лишенную деревьев и покрытую лишь высоким вереском да кустами иссохшей травы. Обоих друзей стала охватывать тревога. Как легко было разойтись среди такого необозримого пространства даже с целым караваном, а что же говорить о двоих детях, которые, как они представляли себе, ползли где-нибудь там, как два маленьких червячка, среди вереска, покрывавшего их с головой. Прошел еще день. Не помогли ни жестянки с записками внутри, которые они оставляли на кочках, ни огни ночью. Капитан и доктор начали по временам терять надежду, удастся ли им отыскать детей, а главное, найдут ли они их живыми?

Тем не менее они не прекращали своих поисков. Разведочные отряды, которые Глен отправлял направо и налево, сообщили, наконец, что дальше начинается совершенно безводная пустыня, и когда случайно удалось открыть в одной расселине воду, пришлось остановиться у нее, чтоб запастись питьем для дальнейшего пути.

Расселина оказалась довольно узкой щелью, глубиной метров в пятнадцать или двадцать. На дне ее был теплый ключ, насыщенный углекислым газом и бурлящий, как кипяток. Остуженная вода оказалась вкусной и здоровой. Источник бил настолько обильно, что триста человек каравана не исчерпали его. Напротив, чем больше черпали, тем выше он бил и заполнял расселину.

– Когда-нибудь, пожалуй, – заявил доктор Клэри, – здесь будет курорт, а пока вода недоступна для животных вследствие глубины расселины.

– Могут ли дети набрести на подобный источник? – спросил капитан.

– Не знаю. Может быть, там, где они находятся, таких источников больше; но если нет, тогда без воды они должны умереть.

Наступила ночь. Развели скудные огни, но бомы не строили, потому что не было из чего. После ужина доктор и капитан уселись на складных стульях и, закурив трубки, продолжали беседу о том, что их единственно теперь занимало.

– Никаких следов, – проговорил Клэри.

– У меня была мысль, – ответил Глен, – послать десять человек из нашего каравана на берег океана с телеграммой, что есть сведения о детях. Но я рад, что не сделал этого; люди, наверно, погибли бы в пути, а если бы даже дошли, то зачем напрасно будить надежду.

– И сизнова растравлять раны...

Доктор снял с головы белый шлем и вытер вспотевший лоб.

– Послушай, – проговорил он, – а если бы мы вернулись назад к озеру, велели нарубить деревьев и стали жечь по ночам большой костер? Может быть, дети увидали бы...

– Если бы они были близко, мы нашли бы их и так, а если они далеко, то неровности почвы все равно заслонят огонь. Эта степь кажется ровной только на вид, – на самом же деле она вся в складках; а притом, если бы мы шли назад, мы потеряли бы последнюю возможность найти хотя бы их следы.

– Скажи откровенно: у тебя нет никакой надежды?

– Дорогой мой, мы – взрослые, сильные и неробкие мужчины, но подумай, что было бы с нами, если бы мы очутились здесь только вдвоем, хотя бы даже с оружием, но без припасов и без людей...

– Да, к сожалению, это так. Я представляю себе, как двое детей бредут в такую ночь через пустыню.

– Голод, жажда, дикие звери...

– А все-таки мальчик пишет, что они шли так много месяцев.

– Да, и во всем этом есть что-то такое, что для моего, по крайней мере, ума остается непостижимым.

В течение нескольких минут в тишине был слышен только треск сухого табака в трубках. Доктор загляделся в бледную глубину ночи. Немного погодя он промолвил вполголоса:

– Уже поздно, но мне все же не хочется спать... Подумать только, что они, если живы, блуждают где-то там при лунном свете, среди этого сухого вереска... одни... бедные дети!.. Я дал бы отсечь себе руку, если бы...

Он не закончил... Капитан Глен вскочил как обожженный.

– Ракета вдали! – закричал он. – Ракета!

– Ракета! – повторил доктор.

– Какой-нибудь караван вблизи.

– Может быть, он нашел детей!

– Может быть. Скорей к нему!

– Вперед!

Распоряжения капитана в одно мгновение облетели весь лагерь. Занзибарцы повскакали на ноги. Немедленно были зажжены факелы, в ответ на далекий сигнал Глен приказал выпустить, одну за другой, несколько ракет, а затем с короткими промежутками давать ружейные залпы. Не прошло и четверти часа, как караван двинулся уже вперед.

Издали послышались в ответ выстрелы. Не оставалось больше никакого сомнения, что это какой-нибудь европейский караван призывает неизвестно почему на помощь.

Капитан и доктор мчались вперегонки, сгорая то надеждой, то тревогой. Найдут они детей или не найдут? Доктор думал про себя, что если не найдут, то дальше им придется искать разве только их трупы среди этого ужасного вереска.

Спустя полчаса одна из неровностей почвы, о которых упоминал один из англичан, закрыла все перед глазами капитана и доктора. Но они были уже так близко, что ясно слышали топот конских копыт...

Еще несколько минут – и на гребне возвышения показался всадник, державший перед собой большой белый предмет.

– Факелы выше! – скомандовал Глен.

В ту же минуту всадник остановил коня в кругу огней.

– Воды! Воды!

– Дети! – воскликнул доктор Клэри.

– Воды! – повторил Стась.

И он почти бросил Нель на руки капитану, а сам спрыгнул с седла.

Но тут же он зашатался и упал как мертвый на землю.

XLVII

Радость в лагере капитана Глена и доктора Клэри не имела границ. Но любопытству обоих англичан пришлось выдержать тяжелое испытание. Если раньше они никак не могли представить себе, чтоб дети могли одни пройти необозримые степи, пустыни и дебри, отделявшие эти края от Нила и Фашоды, то теперь они уж совсем никак не могли понять, каким образом «маленький поляк», как они называли Стася, не только свершил это, но явился перед ними как предводитель целого каравана, вооруженного европейскими ружьями, со слоном, несущим на спине паланкин, с лошадьми, палатками и с довольно большими запасами провизии. При виде всего этого капитан все время разводил руками и повторял: «Клэри, я много видел, но такого мальчика еще никогда не видал». А добрый доктор повторял с не меньшим удивлением: «И малютку вырвал из плена, и ее тоже спас!» И с этими словами бежал в десятый раз в палатку посмотреть, хорошо ли спят дети.

А дети между тем, напившись и наевшись, переодетые во все чистое, легли спать и спали как убитые весь следующий день. Люди их каравана – тоже. Капитан Глен пробовал расспросить Кали о подробностях путешествия и о подвигах Стася, но молодой негр, открыв один глаз, ответил только: «Великий Господин все может» – и

опять заснул. Пришлось в конце концов отложить все расспросы до следующего дня.

Тем временем оба друга стали совещаться об обратном пути в Момбасу. Они и так зашли дальше и исследовали больше местностей, чем им было поручено, и потому решили вернуться немедленно. Капитана, правда, очень манило неизвестное в географии озеро; но, принимая во внимание здоровье детей и желая передать их как можно скорее убитым горем родителям, он отказался, конечно, от этой мысли. Доктор, однако, заявлял, что необходимо будет отдохнуть на прохладных вершинах гор Кения или Килиманджаро. И только оттуда они решили отправить известие обоим отцам и предложить им поскорее приехать в Момбасу.

Отдохнув как следует и покупавшись в теплых источниках, караван на третий день отправился в обратный путь. В этот же день юные путешественники простились с Кали. Стась убедил Нель, что везти его с собой дальше, до самого океана или даже до Египта, было бы с их стороны эгоизмом. Он объяснил ей, что в Египте и даже в Англии Кали будет не больше чем слугой; а между тем если он примет власть над своим народом, то, как царь, он распространит и укрепит просвещение, смягчит дикие нравы ва-хима и сделает их не только цивилизованными, но и хорошими людьми. Приблизительно то же самое он повторил и Кали.

Тем не менее при расставании было пролито много слез, которых не стыдился и Стась, потому что и он, и Нель пережили вместе с Кали так много тяжелых и хороших минут и не только научились оба ценить его сердце и душу, но и искренно полюбили его. Молодой негр долго лежал у ног своего «Бвана Кубвы» и «доброе Мзиму». Он дважды возвращался, чтоб еще раз посмотреть на них, но в конце концов минута разлуки настала, и оба каравана тронулись в противоположные стороны.

Только в пути начались рассказы о приключениях обоих маленьких путешественников. Стась, когда-то склонный к хвастливости, теперь нисколько не хвастал. Он просто-напросто совершил слишком много, слишком много пережил, слишком развился, чтоб не понимать, что слова не должны быть больше дел. Да, впрочем, самих дел и подвигов было достаточно, если даже рассказывать о них с величайшей скромностью. Каждый день, во время знойных «белых часов» и по вечерам во время привалов, перед глазами капитана Глена и доктора Клэри проходили картины всех событий, которые пришлось пережить детям. Они видели и похищение из Мединет-эль-Файюма, и ужасный путь на верблюдах через пустыню, и Хартум, и Омдурман, напоминавшие ад на земле, и грозного Махди.

– Махди уже умер! – заметил капитан Глен.

– Махди умер? – изумленно повторил Стась.

– Да, – ответил доктор. – Его задушил собственный жир: другими словами, он умер от ожирения сердца. Царство после него принял Абдуллаги.

Наступило продолжительное молчание.

– Да, – проговорил Стась, – когда он отправлял нас на гибель в Фашоду, он не думал, что смерть раньше коснется его...

А минуту спустя он прибавил:

– Но Абдуллаги еще более жесток, чем Махди.

– Потому-то и начались уже мятежи и междоусобия, – ответил капитан, – и вся постройка, которую воздвиг Махди, должна рано или поздно рухнуть.

Потом Стась рассказывал еще о переправе в Фашоду, о смерти старой Дины, о путешествии из Фашоды в безлюдные страны и о поисках Смаина; затем о том, как он убил льва, а потом Гебра, Хамиса и двух бедуинов. Капитан и доктор слушали его с непрерывно возрастающим интересом. А Стась продолжал свое повествование о приручении Кинга, о поселении в «Кракове», о лихорадке Нель, о встрече с Линде и о змеях, которых они пускали с гор Карамойо. Доктор, который с каждым днем все больше и больше привязывался к малютке Нель, так глубоко переживал все, что ей угрожало, что ему приходилось время от времени подкрепляться несколькими глотками брэнди; наконец, он схватил девочку на руки и долго не хотел ее выпускать, словно боясь, чтобы какой-нибудь новый хищник не стал угрожать ее жизни.

А то, что и он и капитан думали о Стасе, доказывали еще две депеши, которые они отправили две недели спустя, по прибытии к подножию Килиманджаро, с нарочными на имя заместителя капитана в Момбасе с просьбой переслать их дальше, отцам обоих детей. Первая из них, составленная осторожно, для того, чтобы не произвести слишком ошеломляющего впечатления и отправленная в Порт-Саид, заключала в себе следующие слова:

«Благодаря мальчику благоприятные известия о детях. Приезжайте в Момбасу».

Во второй, с адресом «Аден», было уже совершенно ясно сказано:

«Дети с нами, здоровы, мальчик – герой!»

На прохладной возвышенности у подножия Килиманджаро они провели дней пятнадцать, так как доктор Клэри непременно требовал этого для здоровья Нель и даже для здоровья Стася. Дети с изумлением осматривали эту высокую гору, на которой можно наблюдать все климаты земли. Две ее вершины, Кибо и Кима-Вензе, днем были большей частью окутаны густым туманом. Но когда в ясные вечера туман вдруг рассеивался и от лучей вечерней зари вечные снега на Кима-Вензе пылали розовым сиянием, в то время как весь мир был уже погружен во мрак, – гора казалась лучезарной.

Для Стася миновали дни забот, тревог и напряженных трудов. Впереди оставался еще месяц пути до Момбасы, и дорога вела через красивый, но нездоровый лес Тавета. Но насколько легче было путешествовать теперь с многолюдным, обильно снабженным всем необходимым караваном по знакомой уже дороге, чем прежде блуждать по неведомым дебрям с одними Кали и Меа! К тому же заведовал и распоряжался путешествием теперь капитан Глен. Стась отдыхал и охотился.

Заботиться о Нель он, однако, не перестал и по-прежнему пользовался у нее таким безграничным доверием, что когда Клэри спросил у нее, не будет ли она бояться бурь на Красном море, девочка подняла на него свои прелестные и спокойные глазенки и ответила: «Стась с ними справится». Капитан Глен уверял, что лучшего свидетельства о том, чем был Стась для малютки, и большей похвалы ему никто не сумел бы высказать.

Несмотря на то что первая телеграмма, отправленная Тарковскому в Порт-Саид, была составлена очень осторожно, она все же произвела такое потрясающее впечатление, что радость чуть не убила отца Нель. Но и сам Тарковский, хотя и был человеком исключительного закала, в первую минуту по получении телеграммы едва был в силах овладеть своим волнением. Он все боялся, чтобы это известие не оказалось обманом воображения, болезненным призраком, порожденным тоской и страданием. Ведь они положили столько трудов, чтобы узнать, по крайней мере, что дети живы! Мистер Роулайсон отправлял в Судан целые караваны. Тарковский, переодетый арабом, с большой опасностью для жизни добрался до самого Хартума, – и все оказалось бесполезным. Люди, которые могли сообщить какие-нибудь сведения, умерли от оспы, от голода или погибли во время резни, и дети точно канули в воду! В конце концов оба отца потеряли всякую надежду и жили только воспоминаниями, глубоко убежденные, что их ничего уже не ждет в жизни...

И вдруг на них свалилась радость, почти непосильная для их измученных горем и тоской душ. Но к ней примешивались недоверие и изумление. Ни тот ни другой никак не могли понять, каким образом известие о детях пришло с этой стороны Африки, из Момбасы. Тарковский предположил, что, может быть, их выкупил или похитил какой-нибудь арабский караван, который с восточного берега проник в поисках слоновой кости в глубь страны и добрался до самого Нила. Слова телеграммы «благодаря мальчику» они объясняли себе так, что Стась уведомил письмом капитана и доктора, где они оба находятся с Нель. Но многое все-таки оставалось непонятным. Одно только Тарковский понимал ясно: это то, что известие не только благоприятно, но даже вполне благоприятно, потому что иначе капитан и доктор не решились бы пробуждать в них надежды, а главное, не заставляли бы их ехать в Момбасу.

Приготовления к путешествию продолжались недолго, и на второй день по получении телеграммы оба инженера, вместе с воспитательницей Нель, очутились на палубе большого парохода, который шел в Индию и по пути заходил в Аден, Момбасу и Занзибар. В Адене их ждала вторая телеграмма, гласившая: «Дети с нами, здоровы, мальчик – герой!» Прочтя ее, мистер Роулайсон чуть не сошел с ума от радости и, сжимая руки Тарковскому, не переставал повторять: «Видишь, это он ее спас! Ему я должен быть благодарен за ее жизнь». А Тарковский, не желая выказывать излишнюю слабость, ответил только сквозь зубы: «Да! Хорошо вел себя мой мальчуган». Но, оставшись один в каюте, он разрыдался от счастья...

Наконец наступил момент, когда дети очутились в объятиях родителей. Мистер Роулайсон схватил на руки свое маленькое вернувшееся сокровище, а Тарковский долго держал героя-сына на своей груди. Горе их прошло, как проходят ветры и грозы в пустыне. Жизнь снова наполнилась счастьем и светом, а тоска прежней разлуки лишь усилила и углубила радость. Дети удивлялись только, что головы папочек совсем побелели во время разлуки.

Они возвращались в Суэц на прекрасном французском пароходе, на котором ехало много путешественников с островов Соединения и Маврикия, с Мадагаскара и из Занзибара. Когда распространился слух о том, что на пароходе едут дети, бежавшие из плена дервишей, Стась стал предметом всеобщего любопытства, изумления и восторга. Но счастливая семья предпочитала запирается в большой каюте, которую уступил им капитан, и проводить там более прохладные часы за рассказами. Участие в них принимала и Нель, щебеча, как птичка, и начиная каждое предложение с «и...»,

что вызывало у всех улыбку. Усевшись на колени у отца и поднимая на него свои прелестные глазки, она начинала: «И... папочка! И... нас украли! И... везли на верблюдах! И... Гебр меня ударил! И... Стась за меня заступился! И... мы приехали в Хартум! И... там люди умирали с голоду! И... Стась работал, чтоб достать для меня финики! И... мы были у Махди! И... Стась не хотел принять его веру! И... Махди отослал нас в Фашоду! И... потом Стась убил льва и всех! И... мы жили в большом дереве, которое называется Краков! И... Кинг был с нами! И... у меня была лихорадка! И... Стась меня вылечил! И... победил самбуру! И... и был со мною всегда очень добр, папочка!..»

Так же рассказывала она о Кали, о Меа, о Кинге, о горе Линде, о змеях и о последнем путешествии до самой встречи с караваном капитана и доктора. Мистер Роулайсон, слушая этот щебет, с трудом удерживал слезы и поминутно прижимал лишь к сердцу свою девочку, а Тарковский не был в состоянии владеть собой от гордости и счастья, потому что даже из этих детских рассказов ясно было видно, что, если бы не самоотверженность и энергия мальчика, малютка погибла бы не раз, а тысячу раз.

Стась рассказывал обо всем подробнее и точнее.

Эпилог

Мистер Роулайсон тотчас же по возвращении в Порт-Саид уехал вместе с Нель в Англию, где поселился навсегда. Стася отец отдал в школу в Александрии, где меньше знали о его приключениях и подвигах. Дети переписывались почти ежедневно, но обстоятельства как-то сложились так, что они не видели друг друга целых десять лет. Окончив школу в Египте, мальчик поступил в политехникум в Цюрихе и, получив диплом, занялся работами по прорытию туннелей в Швейцарии.

И лишь лет через десять, когда Тарковский подал в отставку, они вдвоем посетили своих друзей в Англии. Мистер Роулайсон пригласил их к себе в дом на все лето. Нель было уже восемнадцать лет; она выросла прелестной, как цветок, девушкой, в которую нельзя было не влюбиться.

Когда Стась решил посвататься, мистер Роулайсон положил ему обе руки на плечи и, глядя ему прямо в глаза, проговорил с отеческой добротой и нежностью:

– Стась, скажи сам, есть ли на свете человек, которому я мог бы с большим доверием отдать это мое милое, бесконечно любимое сокровище?

Молодые Тарковские оставались до самой смерти Роу-лайсона в Англии, а год спустя отправились в продолжительное путешествие. Дав себе однажды слово посетить те места, где они провели свои самые ранние годы, а потом скитались еще детьми, они отправились прежде всего в Египет. Царство Махди и Абдуллаги давно уже пало. Его «сменила», как говорил капитан Глен, Англия. Из Каира в Хартум провели железную дорогу. Судды, то есть нильские разливы, очистили настолько, что молодая пара могла доехать на удобном пароходе не только до Фашоды, но вплоть до большого озера Виктория-Нианца. Из города Флуранса, расположенного на берегу этого озера, они отправились по железной дороге в Момбасу. Капитан Глен и доктор Клэри успели уже перевестись за это время в Наталь, но в Момбасе, под заботливым попечением местных английских властей, жил еще Кинг. Колосс сразу узнал своих прежних друзей и, завидев Нель, стал так трубить от радости, что соседние деревья тряслись, точно от ветра. Узнал он и старика Саба, который пережил почти вдвое обычный собачий возраст и, хотя уже наполовину слепой, всюду сопровождал Стася и

Нель.

Стась узнал на месте, что Кали благополучно здоровствует и управляет всей страной на юг от озера Рудольфа, просвещая местные дикие племена и смягчая, по возможности, их грубые нравы.

После этого последнего путешествия молодые Тарковские вернулись в Европу и вместе с престарелым отцом Стася поселились навсегда в Польше.

Примечания

1

Полицейские.

2

Слово Махди значит «искупитель мира». По мусульманскому устному преданию, перед концом мира должен появиться из рода самого Магомета человек, который воцарится над мусульманскими государствами, назовется Махди, поддержит мусульманство и «даст победу правде». Суданский дервиш Мохаммед-Ахмед, родившийся в Донголе в 1843 г., объявил себя Махди в августе 1881 г., объединил вокруг себя местные племена, возмущенные насилиями европейцев над их свободой, и поднял против них восстание, которое продолжалось несколько лет.

3

Мехендис – инженер.

4

Важнейший мусульманский праздник.

5

Лев.

6

Верховая лошадь.

7

Овцы.

8

Молодой господин.

9

Пророк!

10

Поезд.

11

Верховые быстроногие верблюды.

12

Англичан.

13

Молчи!

14

Великий Бог!

15

Водопад.

16

Большой оазис на запад от Нила.

17

Нет! Нет!

18

То есть египтян.

19

Девочки.

20

Аллах! Какая большая собака!

21

Дьявол.

22

Европеец.

23

Мальчик.

24

Ветер, тоже юго-западный, но дующий только весной.

25

Зверек, несколько меньше нашей лисицы; арабы называют его фенек.

26

Автор слышал вблизи Адена гром, который продолжался без перерыва более получаса.

27

Пароходы.

28

Так назывались братья и близкие родственники Махди.

29

Ласкательное слово: ягненок, душка.

30

Большая труба из слоновового клыка.

31

Просо.

32

После падения власти дервишей сообщение было установлено вновь.

33

Эмин-паша, по происхождению немецкий еврей, был, после занятия египетским правительством страны, лежащей около Альберт-Нианцы, губернатором Экваториальной Африки и жил чаще всего в Ваделаи. Махдисты несколько раз нападали на него.

34

Великий господин!

35

Весеннее дождливое время.

36

Змею.

37

Пиво, выделяемое из растения сорго.

38

В последнее время убедились, что эту болезнь причиняют людям укусы той самой мухи цеце, которая убивает быков и лошадей. Но укус ее вызывает сонную болезнь только в некоторых местностях. Во время восстания махдистов причина ее еще не была известна.

39

Африканские кабаны имеют широкую, тупую голову, загнутые клыки и довольно длинный хвост, который они, озлобившись, задирают кверху.

40

Гориллы живут в лесах Западной Африки, но Ливингстон встречал их и в Восточной. Они часто похищают детей. Горилла в Восточной Африке бывает не так жестока и мстительна, как в Западной: когда ее ранят, она не убивает охотника, а довольствуется тем, что откусывает ему пальцы.

41

Можжевельники в Абиссинии и в горах Карамойо достигают иногда десяти метров высоты.

42

Местности эти во время Махди еще не были исследованы.

43

То же самое, что в Судане – зериба. Большая бома может быть также крепостью или укрепленным лагерем.

44

Негритянские копья с остриями на обоих концах.

45

Убит!

46

Нет воды.

47 Птица? Нет! Птица?